
Амартия Сен
Развитие как свобода

фонд

либеральная

миссия

новое

издательство

Amartya Sen
Development as Freedom

Alfred A. Knopf

New York

Перевод с английского	Елена Полецкая
Научный редактор	Рустем Нуреев
Редактор	Елена Мохова, Наталия Нуреева
Дизайн серии	Анатолий Гусев
This translation published by arrangement with Alfred A. Knopf, a division of Random House, Inc.	

Сен А.

С31 Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева
М.: Новое издательство, 2004. — 432 с. — («Библиотека Фонда „Либеральная миссия“»).

ISBN 5-98379-009-9

Один из самых ярких современных экономистов, лауреат Нобелевской премии 1998 года, Амартия Сен внес выдающийся вклад в теоретическое осмысление феномена развития и вернул дискуссиям по экономическим проблемам философское и этическое измерение. Самая известная книга Сена, «Развитие как свобода», посвящена влиянию социальных и политических институтов на уровень жизни человека и адресована всем, кто интересуется взаимосвязью экономических и социальных процессов в современном мире.

БК 87.6

ISBN 5-98379-009-9

© 1999 by Amartya Sen
© Фонд «Либеральная миссия», 2004
© Новое издательство, 2004

<i>Евгений Ясин. Свобода как развитие</i>	7
---	---

Развитие как свобода

Предисловие	15
Введение. Развитие как свобода	21
Глава 1. С позиций свободы	30
Глава 2. Цели и средства развития	52
Глава 3. Свобода и основы справедливости	72
Глава 4. Бедность как отсутствие возможностей	107
Глава 5. Рынки, государство и социальные возможности	132
Глава 6. Значение демократии	189
Глава 7. Голод и другие кризисы	183
Глава 8. Активность женщин и перемены в обществе	213
Глава 9. Население, продовольствие и свобода	228
Глава 10. Культура и права человека	251
Глава 11. Общественный выбор и индивидуальное поведение	274
Глава 12. Индивидуальная свобода как общественный долг	309
Общее заключение	325
Примечания	327

Приложения

<i>Рустем Нуреев. Экономика развития: вклад Амартии Сена</i>	405
Указатель имен	424

Свобода как развитие

Книга нобелевского лауреата по экономике Амартии Сена, предлагаемая вниманию российского читателя, называется «Развитие как свобода». В заглавии вводной статьи я не случайно поменял эти слова местами. Тем самым я хочу особо подчеркнуть, что для России свобода является главным ресурсом развития в XXI веке. Именно для нас. Именно поэтому Фонд «Либеральная миссия» выбрал предлагаемую книгу в качестве одной из первых для своей библиотеки. В ней мы предполагаем публиковать работы выдающихся мыслителей, разрабатывающих и пропагандирующих идеи свободы и других либеральных ценностей. Первой в нашей библиотеке вышла знаменитая работа Фридриха фон Хайека «Контрреволюция науки». Очень рекомендую прочесть и ее.

Но сейчас об Амартии Сене. Это замечательный индийский ученый, сочетающий в себе высочайший уровень профессионализма, признанный во всем мире, и особо тонкое понимание восточной, конкретней — южноазиатской культуры. Это важно для нас по двум причинам. Во-первых, потому, что проповеди свободы, исходящие от западных авторитетов, сталкиваются у нас с известным недоверием: дескать, вольно им рассуждать о свободе, они богатые, у них исторически сложились такие институты, которые способствуют тому, что идеи свободы, демократии, прав человека впитываются с молоком матери. У нас же все иначе, мы можем им завидовать, но такими, как они, все равно не станем.

Амартия Сен не такой, как мы, но он не западный человек, а даже более нас восточный.

Во-вторых, наверное, по этой причине обоснование ценности свободы у него тесно связано с гуманизмом, с требованием принять во внимание интересы бедных и слабых. Я думаю, это очень естественно для индийского интеллектуала. Хотя в России свобода считается ценностью богатых, тогда как бедным достаточно быть сытым. Честно сказать, я отчасти тоже согласен с таким мнением, не как с нормой, но как с констатацией факта. Поэтому гуманизм Сена для меня скорее сближает его с левыми либералами или социалистами

на Западе, убеждения которых я уважаю, но не разделяю. Тем не менее я уверен в том, что в России пришло время не только свободы и демократии, но также гуманизма и социальной солидарности. Без них, при том чудовищном разрыве между бедностью и богатством, между всевластием и бесправием, которые можно наблюдать у нас, нельзя рассчитывать на то, что свобода и демократия станут общим достоянием. У Амартии Сена эти ценности органично слиты, и это важно для нас.

Считается, что в России не ценят свободу и другие гражданские права. Я думаю, что это неверно. Во всяком случае, нужны уточнения. В исследованиях российских социологов различают ценности свободы и вольности (Н.И. Лапин). Свобода предполагает широкий спектр возможностей и открытость выбора, которые сопряжены с внутренним пониманием ответственности и необходимости учитывать интересы сограждан. При таком понимании свободы, реализованном в общественной практике, исчезает нужда в многочисленных видах государственного принуждения, снижаются транзакционные издержки, люди могут пользоваться преимуществами взаимного доверия. Это достижение цивилизации, высокого уровня культуры в широком смысле. Ей обычно сопутствует и процветание.

Для России пока еще характерна вольность, понимаемая как вседозволенность, подпитываемая, наверное, и нашими просторами. Неуважение к правам других, стремление занять положение, которое позволило бы доминировать над другими, — это, на мой взгляд, пережиток феодального иерархического сознания. Вольность на деле — это культ сильного, это пренебрежение к закону и героизация нарушения общепринятых правил. Отсюда общая любовь к блатным песням, к бандитскому фольклору. Да и бандитов у нас не просто боятся, их в известном смысле почитают, усваивая порой их нравы и лексикон.

Вольность — это, разумеется, реакция на гнет государства, на отсутствие правопорядка и несправедливость суда. Но надо понимать, что обратная сторона вольности — произвол, слово того же корня. Сильный тот, кто захватывает власть. Он считает себя вправе использовать власть в своих, а не общих интересах. Он с этой целью устанавливает или меняет законы и находит способы их исполнения. А если не находит и оказывается слабым, то его сменяют другие, более сильные, и все переделывают по-своему. Отсюда восприятие государства как чуждого людям органа насилия, отсюда правовой нигилизм и недоверие к суду.

Конечно, захватившие власть стремятся ее легитимизировать. Они заинтересованы в установлении порядка, в обеспечении стабильности и в формировании институтов, ее поддерживающих. Но, как правило, это не демократический правопорядок, учитывающий интересы подвластных, а авторитарный, освящающий права лидеров либо их происхождением, либо божественным промыслом, либо занимаемыми постами на вершине социальной иерархии, либо как-то еще. Но если властные полномочия не признаны народом, не им вручены, то мы и имеем дело с тем или иным вариантом феодальной иерархии. А она для поддержания власти нуждается в сильных бюрократии и полиции.

Другой вариант социальной организации — свобода с социальной ответственностью граждан и демократия как совокупность процедур установления и поддержания правопорядка, опирающаяся на свободных граждан.

Вольность и произвол — это историческая институциональная ловушка, порочный круг, который нам нужно разорвать. От этого зависят благосостояние людей и процветание страны.

Я не считаю возможным сказать, что у нас нет свободы и демократии. Они уже есть.

По крайней мере, у нас с 1993 года есть Конституция, которая при всех своих недостатках обеспечивала определенную стабильность в том смысле, что ее нормы никто не решался открыто нарушать. У нас есть иные формальные институты государства, хотя они порой оказываются просто прикрытием, за которыми сохраняются прежние неформальные институты. Значительная доля граждан, по меньшей мере 40–45%, по крайней мере на словах (по опросам) разделяет либеральные ценности и демократические нормы. Согласно исследованиям Н.И. Лапина, не более 25% позитивно оценивают власть и вольность как ценности, остальные дают им скорее отрицательные оценки¹.

Разумеется, мнения и реальное поведение — вещи разные. В последнем традиции произвола и вольности сказываются намного сильнее. И все же, я думаю, для современной России характерна смесь, в которой будущее уживается с прошлым, переплетается с ним.

Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: Аналитический доклад // Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М., 2003. С. 56, 62.

Для нашего развития сегодня на первый план выходит задача утверждения свободы и демократии, вытеснения вольности и произвола.

Очень распространена в общественном сознании убежденность в необходимости сохранять национальные традиции и культурную самобытность. Отлично! Но давайте все же разберемся, все ли необходимо сохранять. Может быть, стоит отделить мух от котлет. Зачем нам традиция произвола? Зачем нам власть бюрократии? Да, все согласятся: лучше избавиться. Но при этом надо понимать, что они — эманация лени и страха каждого, нежелания отстаивать свои достоинство и права, недостатка социальной ответственности. Ищите причины прежде всего в себе.

В заключение приведу пример из своей собственности социальной практики. Я — домовладелец и член дачного кооператива, который теперь называется у нас «некоммерческим партнерством». Три года назад мы избрали председателя. Теперь все им недовольны, упрекают в плохом выполнении функций, произволе и недобросовестном использовании общественных средств. Собрания членов партнерства организуются нерегулярно, нет полной отчетности и т.д. Председатель на эти упреки отвечает: «А когда я объявляю собрание, сколько человек приходит? Хорошо, если треть. Аккуратно ли все платят взносы? Нет, не платят. Я зачастую вынужден покрывать долги из средств моей фирмы. А если я кого-то из вас прошу выполнить какие-либо общественные дела, многие ли соглашались? Спасибо Ивану Ивановичу, он помог однажды с телефонами. И еще Петру Петровичу — по другому поводу. Но это все! Ревизионная комиссия собралась проверить всю документацию впервые за три года. Чего же вы хотите?»

Я про себя подумал: при таких порядках надо быть ангелом, чтобы безупречно выполнять обязанности, не допускать произвола и не залезать время от времени в общественный карман. А раз уж влез, то всячески препятствовать контролю и стараться сохранить пост. Подозреваю, что то же самое подумали многие.

А ведь наше партнерство — типичная клеточка российского общества: вольность и произвол, лень и недостаток социальной ответственности. Чего же мы хотим? Я предложил: давайте введем строгий демократический порядок: ходим на собрания, исполняем их решения, контролируем избранное руководство. Посмотрим, что выйдет. И ведь уже не раз собирались. Если не мы, то другие, в кооперативах, жилищных кондоминиумах и иных местах, где должны вроде бы пробиваться ростки гражданского общества. Да

и в парламенте, в политических партиях, в органах местного самоуправления.

Не надо предаваться ни пессимизму, ни оптимизму. Мы не одиноки. Везде те же проблемы. В Риме, например, в замечательном районе Трастевере я был в доме — памятнике XV века, принадлежащем кондоминиуму, где не убираются лестницы и не работают лифты, если не заплатит муниципалитет. Тем более подобные примеры можно найти в Египте, Индии, Бразилии и иных странах. Просто разный уровень культуры, прежде всего культуры свободы, который дает импульс развитию. Надо его повышать, тогда будем жить лучше. Об этом и пишет Амартия Сен.

Хочу предупредить, это не легкое чтение. Перед вами профессиональная работа. Вы можете даже пропускать места, которые кажутся вам сложными. Об этом предупреждает и автор. Вообще «Либеральная миссия» старается издавать книги популярные, доступные для массового читателя. В этот раз мы сделали исключение. Уж больно хороша и полезна эта книга. Прочитайте ее, не пожалеете.

Евгений Ясин,

президент Фонда «Либеральная миссия»

Предисловие

Мы живем в мире беспрецедентного изобилия, еще век или два назад ничего подобного и представить себе было нельзя. Однако существенные перемены произошли не только в экономике. В XX веке демократическое, выборное управление превратилось в наиболее распространенную модель политической организации общества. Понятия прав человека и политической свободы легли в основу современной риторики. Люди живут в среднем значительно дольше, чем прежде. Связи между различными регионами земного шара стали намного теснее, причем эти связи прослеживаются не только в торговле, бизнесе и коммуникациях, но и в сфере идеалов и убеждений.

Но в то же время мы живем в мире суровых лишений, нищеты и угнетения. В прошедшем веке возникло немало новых проблем, при том что сохранились старые, а именно: беспросветная бедность, невозможность удовлетворить насущные потребности, недоедание и вспышки массового голода, нарушение элементарных политических свобод и основных прав человека, повсеместная недооценка интересов женщин и женских общественных организаций, продолжающееся загрязнение окружающей среды и возросшая опасность экономической и социальной нестабильности. Многие из этих явлений (в той или иной форме) характерны как для богатых, так и для бедных стран.

Преодоление указанных проблем является основной целью процесса развития. Но прежде нам необходимо понять, какую роль различные виды прав и свобод играют в преодолении социального неблагополучия — этому вопросу и посвящена наша книга. В борьбе с лишениями индивидуальная деятельность играет наиважнейшую роль. С другой стороны, свобода активно заниматься какой-либо деятельностью, предоставленная отдельной личности, неизбежно обусловлена и ограничена доступными нам социальными, политическими и экономическими возможностями. Таким образом, между индивидуальной деятельностью и общественным устройством существуют тесные отношения дополнительности. В этой книге мы

задались целью уяснить главенствующую роль индивидуальной свободы, а также понять, какова степень ее зависимости от процессов, протекающих в обществе. Поставленные задачи требуют от нас рассматривать индивидуальную свободу сквозь призму общественного долга. Именно такой подход лег в основу этой книги.

В нашем исследовании расширение свободы рассматривается одновременно как основная цель и как главное средство развития. Развитие означает преодоление тех различных видов несвободы, которые оставляют людей со скудным выбором и скудными возможностями для осуществления их разумной деятельности. Устранение такого рода несвободы, как утверждает в этой книге, является *основополагающим* фактором развития. Однако для более полного понимания связи между развитием и свободой необходимо выйти за рамки исходной (хотя и важнейшей для нас) предпосылки. Признавая свободу личности преобладающей целью развития, нельзя не отметить, что эта свобода в немалой степени укрепляется действенностью той или иной разновидности свободы в продвижении других прав и свобод. Связи между различными типами прав и свобод носят скорее эмпирический и каузальный, нежели определяющий и структурный характер. Например, имеется немало доказательств тому, что экономическая и политическая свобода скорее способствуют взаимному расцвету, нежели противостоят друг другу (как иногда считается). Точно так же возможность пользоваться социальными благами (в сфере образования, здравоохранения), которая порой достигается посредством общественных акций, усиливает индивидуальные возможности экономического и политического участия в жизни общества и, кроме того, способствует развитию инициативы, направленной на преодоление лишений. Если исходным пунктом нашего исследования является определение свободы как главной цели развития, то задача последующего анализа заключается в выявлении эмпирических связей, доказывающих последовательность и убедительность нашего подхода к свободе как ведущему фактору процесса развития.

В этой работе мы настаиваем на необходимости комплексного анализа экономической, политической и общественной деятельности, в том числе на исследовании функций различных институтов и разнообразных аспектов их взаимодействия. Наш анализ сосредоточен, в частности, на роли и взаимном влиянии следующих ключевых инструментальных свобод: *политические свободы, экономические и социальные возможности, гарантии прозрачности*

и социальная защита. Социальное устройство общества (объединяющее такие институты, как государство, рынок, правовая система, политические партии, средства массовой информации, общественные объединения, общественные дискуссии и прочее) исследуется с точки зрения его роли в расширении и гарантировании основных индивидуальных свобод, при этом личность рассматривается скорее как активный движитель перемен, нежели как пассивный потребитель распределяемых благ.

В основу этой книги легли пять лекций, прочитанных автором осенью 1996 года в качестве члена президентского совета Всемирного банка, а также лекция, прочитанная в ноябре 1997 года и посвященная общим принципам и выводам, сделанным в ходе данного исследования. Я благодарен руководителям Всемирного банка за предоставленную возможность вынести мои суждения на их строгий суд и особенно рад упомянуть, что приглашение исходило от президента банка Джеймса Вулфенсона, чью проницательность, профессионализм и человечность я высоко ценю. Я был счастлив работать с ним бок о бок в попечительском совете Института программных исследований в Принстоне и позже во Всемирном банке, где я с интересом наблюдал за конструктивными изменениями в работе этого учреждения, проводимыми Вулфенсоном.

Всемирный банк не всегда пользовался моей безоговорочной поддержкой. Благодеяния нередко могут обратиться в свою прямую противоположность, и, будучи профессиональным экономистом, я, случалось, полагал, что банк мог бы добиться гораздо лучших результатов. Мои сомнения и критические размышления освещены в печати, потому у меня нет необходимости каяться здесь в скептицизме. Но в связи с имеющимися разногласиями мне было особенно важно изложить именно перед служащими банка мой взгляд на развитие и на общественную политику.

Однако эта книга предназначена не только работникам Всемирного банка и тем, кто сотрудничает с ним или с другими международными организациями. Разработчики политических стратегий и планов национальных правительств – также не единственный ее адресат. Шесть лекций автора были расширены до двенадцати глав с целью придать им большую ясность, а также затем, чтобы сделать книгу более доступной для неспециалистов. Я пытался рассуждать как можно более неформально и ссылался на специальную литературу (дабы удовлетворить все вкусы) лишь в примечаниях. Я также прокомментировал недавние события в экономике, случившиеся уже

после 1996 года, когда были прочитаны лекции, например азиатский экономический кризис (подтвердивший, кстати, некоторые из худших опасений, высказанных в моих лекциях).

Поскольку я придаю столь большое значение общественным дискуссиям как двигателю социальных перемен и экономического прогресса (что явствует из текста), то моя работа в основном предназначена для гласного обсуждения и критического анализа. Всю свою жизнь я избегал давать советы властям. Так уж получилось, что я никогда не консультировал ни одно правительство, внося свои предложения и критические замечания – какова бы ни была их ценность – публично. А поскольку мне посчастливилось жить в трех демократических странах (Индии, Великобритании и США) с достаточно свободными СМИ, у меня никогда не возникало причин жаловаться на недостаток возможностей познакомить общество с моей работой. Если мои аргументы вызовут какой-либо интерес и послужат основой для публичного обсуждения основополагающих вопросов, затронутых в этой книге, я буду с полным основанием считать себя вознагражденным.

В проведении совместного с Энгусом Дитоном исследования, положенного в основу этой книги, меня поддерживал Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. Эта работа стала продолжением той, что я ранее делал для Международного института экономического развития в Хельсинки, руководимого в то время Лалом Йааварденой. Она также тесно связана с моей деятельностью в качестве консультанта издания «Human Development Reports», выпускаемого в рамках Программы развития ООН, которую в ту пору возглавлял пакистанец Махбаб уль Хак. (Махбаб был моим близким другом еще со студенческих времен, и его внезапная смерть в 1998 году стала для меня ударом, от которого я до сих пор не оправился.) Гарвардский университет, где я преподавал до начала 1998 года, многие годы создавал мне условия для исследовательской работы. Я также пользовался гостеприимством и научной базой Гарвардского института международного развития, Гарвардского центра по изучению роста населения и развития и Центра истории и экономики King's college Кембриджского университета.

Мне необыкновенно повезло с сотрудниками. В течение многих лет я работал вместе с замечательным ученым Жаном Дрезом и опубликовал в соавторстве с ним несколько книг, повлиявших на

содержание данной работы (сотрудничество с Жаном особенно приятно тем, что он, выполняя львиную долю работы, предпочитал, чтобы лавры большей частью доставались мне). Я также не преминул воспользоваться благодатной возможностью поработать вместе с Судхиром Анандом над проблемами, тесно связанными с темами этой книги. Кроме того, у меня завязались весьма плодотворные профессиональные отношения с Энгусом Дитоном, Мегхнадом Дезаи, Джеймсом Фостером и Сиддиком Османи. А сотрудничество с Мартой Нуссбаум в 1987–1989 годах имело огромное значение для разработки концепций потенциальных возможностей и качества жизни, широко используемых в данной работе.

Участвуя в издании «Human Development Reports», я плодотворно сотрудничал, кроме Махбаба уль Хака, с Сакико Фукуда-Парр, Селимом Яханом, Мегхнадом Дезаи и Полом Стритеном, а позднее с Ричардом Джолли, сменившим Махбаба. К числу других сотрудников, советчиков и критиков, на чью помощь я опирался, относятся Тони Аткинсон (идеи которого я часто развивал), Каушик Басю, Алок Бхаргава, Дэвид Блум, Энн Кейс, Линкольн Чен, Марта Чен, Стэнли Фишер, Карен Гроун, С. Гухан, Стефан Клазен, А.К. Шива Кумар, Роберт Нозик, Кристина Паксон, Бен Полак, Джеффри Сакс, Тим (Томас) Сканлон, Джо Стиглиц, Котаро Сузумура и Йонгиль Ю. Ценные замечания, касающиеся основных принципов данного исследования, сделали, просмотрев различные версии рукописи, Судхир Ананд, Амийа Багчи, Пранаб Бардхан, Ашим Дасгупта, Энгус Дитон, Питер Димок, Жан Дрез, Джеймс Фостер, Сиддик Османи, Ингрид Робейнс и Адель Симмонс.

В течение длительного периода я получал эффективную исследовательскую помощь от Аруна Абрахама и Ингрид Робейнс, а позднее от Танни Мукхопадхьяй. Анна Мари Сведрофски оказала неоценимую помощь в моей работе, договариваясь от моего имени с различными институтами по вопросу использования их научной базы.

Как уже говорилось, лекции, ставшие основой этой книги, были прочитаны по приглашению Джеймса Вулфенсона, президента Всемирного банка, и я многое извлек из дискуссий с этим человеком. Чтение лекций курировали Джеймс Вулфенсон, Кайо Кохвезер, Измаил Серагельдин, Каллисто Мадаво и Свен Сандстром. Каждый из них внес свои замечания по интересующим меня проблемам. Вопросы, заданные после лекций, и соображения, высказанные в последующей дискуссии, стали хорошим стимулом для моей даль-

нейшей работы. Я также воспользовался возможностью обменяться мнениями с персоналом банка; эту возможность со свойственной ему безупречной деловитостью организовал для меня Тарик Хуссейн, руководивший проведением лекций.

И, наконец, я неизменно получал ценные советы от моей жены, Эммы Ротшильд, читавшей по мере написания различные варианты глав, которые порою были весьма несхожи между собой. Поскольку в этой книге уделено немало места воззрениям Адама Смита, исследование самой Эммы о Смите стало для меня источником вдохновения. Тесные отношения с Адамом Смитом я завязал еще до знакомства с Эммой (что видно из моих ранних работ). Под влиянием жены я привязался к этому экономисту еще крепче, и это оказалось весьма полезным для данного исследования.

Введение

Развитие как свобода

Развитие мы понимаем (аргументации этой точки зрения и посвящена наша книга) как процесс расширения реальных прав и свобод, которыми пользуются члены общества. Смещение фокуса в сторону свободы и прав человека контрастирует с более узким толкованием развития, например, отождествлением этого процесса с ростом валового национального продукта, с ростом доходов населения, индустриализацией и техническим прогрессом либо социальной модернизацией. Рост ВВП или доходов населения, разумеется, способен послужить очень важным *средством* расширения прав человека. Однако степень свободы в обществе определяется также и другими, не менее важными, факторами: социальным и экономическим устройством общества (например, уровнем образования и здравоохранения), наличием политических и гражданских прав (например, права на свободное участие в общественных дискуссиях и расследованиях). Индустриализация, технический прогресс либо социальная модернизация равно могут значительно способствовать расширению прав человека, однако на степень свободы влияют и иные факторы. Если свобода — это то, что наступает вместе с развитием, представляется весьма разумным сосредоточить наше внимание на развитии как на всеобъемлющем предмете, оставив в стороне частные либо специфические способы достижения гражданских свобод. Взгляд на развитие как на расширение основных прав человека подчеркивает важность развития как такового, а не тех выборочных средств, которым, *inter alia*, принадлежит существенная роль в этом процессе.

Развитие требует устранения главных источников несвободы: нищеты и тирании, скудости экономических возможностей и постоянных социальных лишений, убожества структур, обслуживающих население, а также нетерпимости либо чрезмерной активности репрессивных учреждений. Несмотря на невиданный и повсеместный рост благосостояния, мировое сообщество на современном этапе отказывает в элементарных правах огромному числу —

если не сказать, большинству — людей. Иногда отсутствие основных гражданских свобод является прямым следствием экономической нищеты. Нищета отнимает у людей право не голодать и получать достаточное питание, отсекает доступ к медицинскому обслуживанию, необходимой одежде и жилью, к чистой воде и прочим санитарным условиям. В других случаях несвобода тесно связана с неразвитостью социальных учреждений и слабой социальной защитой населения — например, с отсутствием эпидемиологических программ, развитых систем здравоохранения и образования, эффективных структур, поддерживающих мир и порядок в регионе. Кроме того, иногда несвобода порождается авторитарными режимами, лишаящими своих поданных политических и гражданских прав, либо становится следствием ограничений, накладываемых властями, на право каждого принимать участие в социальной, политической и экономической жизни общества.

Эффективность и взаимосвязи

Свобода занимает главенствующее положение в процессе развития по двум причинам.

1) *Ценность свободы*: достижения прогресса оцениваются в первую очередь по состоянию прав человека в обществе — насколько эти права расширились и окрепли.

2) *Эффективность свободы*: уровень развития непосредственно зависит от свободной деятельности членов общества.

О первой причине, побудившей нас сосредоточить внимание на свободе, т.е. о ее ценности — сказано достаточно. Что касается второй причины — эффективности, то тут нам придется обратить внимание на соответствующие эмпирические связи; в частности, на взаимно обогащающие влияния различных прав и свобод друг на друга. Именно благодаря таким взаимосвязям, о которых мы и будем говорить в нашей книге, свободная и плодотворная человеческая деятельность становится основным двигателем развития. Ибо свободная деятельность является не только «составной частью» развития, она также увеличивает степень свободы в других родах деятельности. Оба аспекта отражены в нашем подходе «развитие как свобода» и объединены эмпирическими связями, которые все-сторонне исследованы в данной работе.

Связь между индивидуальной свободой и уровнем социального развития далеко не исчерпывается принципом дополнительности, сколь бы важным последнее обстоятельство ни являлось. То,

чего люди способны достичь, зависит от экономических возможностей, политических свобод, развитости общественных движений и условий для получения медицинской помощи, базового образования, а также от социальной поддержки и стимулирования их деятельности. С другой стороны, развитие институциональных структур, обеспечивающих перечисленные возможности, зависит от наличия гражданских свобод, позволяющих беспрепятственно участвовать в общественных выборах и публичных дискуссиях, что в свою очередь способствует развитию этих возможностей. Взаимосвязи такого рода также рассматриваются в нашей книге.

Политическая свобода и качество жизни: некоторые пояснения

Особенности нашего взгляда на свободу как на главную цель развития можно проиллюстрировать простыми примерами. Хотя в полной мере глубина и широта этого подхода станет ясна лишь после более детального анализа (попытка которого сделана в последующих главах), радикальную суть подхода «развитие как свобода» легко продемонстрировать на некоторых элементарных примерах.

Во-первых, в контексте более узкого понимания развития как роста ВВП или индустриализации часто звучит вопрос: способствуют ли развитию определенные политические и социальные свободы, такие как право на политическую деятельность и оппозицию или право на получение базового образования? С более объемной точки зрения на развитие как на свободу такая постановка вопроса обнаруживает непонимание весьма важного аспекта: основные права человека (т.е. право на политическую деятельность, получение базового образования и медицинской помощи) являются *неотъемлемыми компонентами* развития. Нет нужды заново доказывать взаимосвязь развития и гражданских свобод, приводя в пример опосредованный вклад, который вносят эти свободы в рост ВВП и экономическую индустриализацию. Очевидно, что свобода и права человека *способны* эффективно влиять на экономический прогресс в целом, и эта взаимосвязь будет подробно рассмотрена в нашей книге. Но хотя эта каузальная связь действительно весьма значительна, права и свободы играют в процессе развития непосредственную роль, важность которой не нуждается в доказательствах с помощью цифр роста ВВП.

Второй пример касается несоответствия между доходом на душу населения (даже после корректировки цен) и правом личности

жить долго и жить хорошо. Если говорить о доле ВВП на душу населения, то граждане Габона, Южной Африки, Намибии или Бразилии могут оказаться богаче, чем граждане Шри-Ланки, Китая или штата Керала в Индии, но у последних продолжительность жизни намного выше, чем у первых.

Еще один пример того же рода: известно, что афроамериканцы в Соединенных Штатах относительно бедны по сравнению с белыми американцами, но они много богаче жителей «третьего мира». Почему же тогда *все поголовно* афроамериканцы имеют меньше шансов достичь зрелого возраста, чем представители многих сообществ «третьего мира», таких как Китай, Шри-Ланка или некоторые районы Индии (с различными структурами здравоохранения, образования и общественных отношений)? Если наш анализ развития годится и для богатых стран, а не только для бедных (а мы утверждаем, что именно так оно и есть), то изучение межгрупповых контрастов в более богатых странах может стать важным подспорьем в понимании развития и отсталости.

Трансакции, рынок и экономическая несвобода

Наш третий пример связан с ролью рынка как составной части процесса развития. Свойство рыночного механизма существенно усиливать экономический рост и способствовать в целом экономическому прогрессу получило широкое — и справедливое — признание в современных исследованиях, посвященных проблемам развития. Но было бы ошибкой считать рыночный механизм исключительно продуктом процесса развития. Как отмечал Адам Смит, свобода обмена и совершения сделок сама по себе является неотъемлемой частью основных свобод, столь ценимых людьми.

Принципиально *антирыночная* позиция — нечто столь же абсурдное, как запрет на какие-либо беседы между людьми (даже если некоторые беседы откровенно непристойны и причиняют вред другим людям, а то и самим беседующим). Свобода обмениваться словами, товарами или дарами не нуждается в защите и оправдании той пользы, которую она способна принести; она — часть жизни общества и способ его членов взаимодействовать друг с другом (если этой свободой можно беспрепятственно пользоваться). Значение рыночного механизма для роста экономики, разумеется, огромно, но для общества куда важнее прежде всего осознать непосредственную ценность свободы взаимообмена — словами, товарами или дарами.

Известно, что запрет на свободное участие на рынке труда становится одним из способов удержания людей в крепостной зависимости, и борьба с такой несвободой важна для современных стран «третьего мира» по тем же причинам, по которым разразилась Гражданская война в Америке. Сама по себе свобода выхода на рынок обеспечивает весомый вклад в развитие, при этом не столь важно, способствует рыночный механизм экономическому росту и индустриализации общества или нет. Похвала капитализму из уст Карла Маркса (в целом не самого большого поклонника капитализма) и характеристика, данная им (в «Капитале») Гражданской войне в Америке как «величайшему событию в современной истории», напрямую связаны с необходимостью свободного заключения трудовых соглашений, противопоставляемого рабству и насильственному недопущению на рынок труда. Как будет показано в этой книге, во многих современных развивающихся странах среди ключевых задач развития значителен освобождение труда от явного и скрытого крепостничества, перекрывающего доступ на открытый рынок труда. Подобным же образом барьеры для выхода на рынок товаров часто являются одним из лишений, от которых страдают мелкие земледельцы и производители в обществах с традиционным укладом и свойственными этому укладу ограничениями. Свобода участвовать в экономическом взаимообмене имеет базовое значение для жизни общества.

Подчеркивая важность свободного обмена, которой часто пренебрегают, мы ни в коей мере не отрицаем необходимости всестороннего анализа рыночного механизма с точки зрения его значения и пользы, включая роль рынка в экономическом росте и достижении, при определенных обстоятельствах, экономической справедливости. С другой стороны, следует разобраться, почему погрязшие в лишениях группы в обществе, ориентированном на рынок, остаются отлученными от рыночных благ, а также рассмотреть мнения, в том числе критические, касающиеся образа жизни и ценностей, связанных с культурой рынка. В подходе к развитию как к свободе необходимо учесть и должным образом осмыслить аргументы, поступающие со всех сторон. Трудно представить, чтобы плодотворный процесс развития обошелся без широкого использования рынка, но это не значит, что мы должны автоматически исключить из нашего анализа такие факторы, как социальная поддержка, государственное регулирование или управление, способные, скорее, улучшить жизнь людей, чем ухудшить. Наш подход

позволяет шире взглянуть на рынок как явление и охватить большее число его сторон, чем если бы мы лишь защищали рынок либо исключительно подвергали нападкам.

Перечень примеров я позволю себе закончить воспоминанием из моего детства. Однажды днем (в ту пору мне было лет десять) я играл в саду у нашего дома в Дакке (ныне столице Бангладеш), когда в калитку вбежал человек. Он был весь в крови и жалобно стонал – его ударили ножом в спину. То было время общинных беспорядков (индусы и мусульмане убивали друг друга), предшествовавших получению независимости и отделению Пакистана от Индии. Раненый по имени Кадер Мия был мусульманским поденщиком и работал в соседнем доме за мизерную плату в нашем преимущественно индусском районе; нож в него всадил кто-то из местной уличной шпаны. Пока я отпаивал его водой, громко призывая взрослых на помощь, и потом, когда мой отец повез Кадера Мию в больницу, он рассказал нам, что жена отговаривала его идти во враждебный район в столь беспокойное время. Но Кадеру Мию пришлось выйти из дома, чтобы хоть чуть-чуть подзаработать, потому что его семье было нечего есть. Штрафом за это нарушение экономической несвободы стала смерть, наступившая позже в больнице.

Это событие потрясло меня. Оно заставило задуматься о тяжком бремени узко понимаемой идентичности, в том числе идентичности, жестко привязанной к сообществам и группам (мы еще вернемся к этой проблеме). Но в первую очередь это событие указывает на факт экономической несвободы в виде крайней нищеты, которая превращает людей в беспомощных жертв тех, кто покушается на иные виды свободы. У Кадера Мии не возникла бы необходимость отправиться во враждебный район в те ужасные дни, если бы его семья могла прожить без его крошечного дохода. Экономическая несвобода способна порождать социальную и политическую несвободу, так же как социальная и политическая несвобода способна выпестовать несвободу экономическую.

Организации и ценности

Можно привести немало примеров, иллюстрирующих радикальные особенности понимания развития как интегрированного процесса расширения основных и взаимосвязанных между собой свобод. Именно такой подход представлен, исследован и использован в нашей книге с целью изучения процесса развития с позиций,

охватывающих экономические, социальные и политические аспекты. Столь широкий подход позволяет также оценить жизненно важную роль различных институтов в процессе развития, в том числе рынка и организаций, с ним связанных, национальных правительств и органов местного управления, политических партий и прочих гражданских объединений, системы образования и условий для ведения открытого диалога и дебатов (включая роль СМИ и других средств коммуникации).

Наш подход позволяет также уяснить роль социальных ценностей и преобладающих нравственных устоев, влияющих на содержание прав и свобод, которыми пользуются люди и которыми они не без основания дорожат. Общеизвестные нормы нередко оказывают влияние на такие социальные параметры, как гендерное равенство, методы воспитания детей, численность семьи и рождаемость, отношение к окружающей среде и прочие явления и процессы. Преобладающие ценности и состояние общественной нравственности имеют прямое отношение к наличию или отсутствию коррупции и к степени доверия, присутствующей в экономических, общественных и политических отношениях. Свободой пользуются с целью приобретения ценностей, но на содержание этих ценностей влияют публичные дискуссии и социальные контакты, которые, в свою очередь, зависят от осуществления права свободного участия в общественной жизни. Каждая из этих взаимосвязей заслуживает самого пристального внимания.

Свобода экономических транзакций обычно становится мощным двигателем экономического роста — этот факт признан практически повсеместно, хотя до сих пор кое-кто рвется его опровергнуть. Однако важно не только отдать должное рынку, но и оценить роль прочих экономических, социальных и политических свобод в улучшении материальных и прочих условий, в которых живут люди. В ходе нашего анализа мы не сможем пройти мимо даже столь запутанных вопросов, как, например, пресловутая проблема перенаселенности. На протяжении веков о роли свободы в существенном снижении рождаемости высказывались противоречивые точки зрения. Если великий французский рационалист XVIII века Кондорсе полагал, что с «прогрессом разума» рождаемость снизится, поскольку рост общественной безопасности, повышение уровня образования и предоставление большей свободы принимать взвешенные решения ограничат рост населения, то его современник Томас Роберт Мальтус занимал кардинально

отличные позиции в этом вопросе. Мальтус утверждал, что «у нас нет оснований полагать, будто что-либо, кроме трудностей в обеспечении жизненных нужд, способно отвратить большинство людей от раннего брака либо лишить их возможности растить здоровое и многочисленное потомство». Сравнительные достоинства этих двух позиций, основанных соответственно на осознанной свободе и экономическом принуждении, будут подробно рассмотрены в этой книге (по моему мнению, доказательства в пользу точки зрения Кондорсе явно перевешивают). Однако следует подчеркнуть, что непримиримость этих двух позиций является одним из многих источников жарких дебатов, которые ведут сторонники и противники свободы в развитии общества на протяжении многих столетий. Этот спор не кончается до сих пор, обретая различные формы.

Институты и инструментальные свободы

В нашей книге мы эмпирическим путем исследуем пять различных типов свободы, именуемых нами «инструментальными». Это (1) *политические свободы*, (2) *экономические возможности*, (3) *социальные возможности*, (4) *гарантии прозрачности* и (5) *социальная защита*. Каждая из этих пяти разновидностей прав и свобод умножает потенциальные возможности отдельной личности. Свободы могут также дополнять друг друга. Политика, направленная в целом на расширение человеческих возможностей и основных свобод, обычно осуществляется путем развития этих различных, но взаимосвязанных инструментальных свобод. В последующих главах мы подробнее остановимся на каждом из пяти типов, а также на связанных с ними институтах и их взаимовлиянии. Кроме того, мы рассмотрим роль этих свобод в усилении свободы в целом — свободы каждого жить так, как он считает нужным. С точки зрения «развития как свободы» инструментальные свободы связаны как друг с другом, так и с конечной целью расширения свободы личности в целом.

Анализируя развитие, мы должны обратить внимание не только на цели и стремления, в достижении которых инструментальные свободы играют важную роль, но и на эмпирические связи, *пронизывающие* эти различные виды свободы, усиливая тем самым их совокупное значение. Заметим, что выявление этих связей более всего необходимо для понимания инструментальной роли свободы.

В заключение

Права и свободы являются не только основной целью развития, но и его основным средством. Уяснив фундаментальное положение о ценности свободы, мы также должны разобраться в особых эмпирических связях, существующих между различными формами свободы. Политические свободы (в виде свободы слова и выбора) способствуют обеспечению экономической безопасности. Социальные возможности (в виде права на образование и медицинскую помощь) облегчают участие в экономической жизни. Экономические условия (в виде возможности участвовать в торговле и производстве) обычно способствуют как личному материальному благополучию, так и накоплению общественных ресурсов для «подпитки» социальных возможностей. Свободы различных видов способны усиливать друг друга.

Эти эмпирические связи придают новый смысл приоритетным ценностям. Если воспользоваться средневековыми понятиями «объект воздействия» и «деятель», то наше сосредоточенное на свободе понимание экономики и процесса развития в значительной степени ориентировано на «деятеля». При адекватных социальных условиях индивидуумы способны эффективно строить свою жизнь и помогать друг другу. И не стоит считать их в первую очередь пассивными потребителями благ, поставляемых хитроумными программами развития. У нас имеются достаточно веские основания, чтобы признать позитивную роль свободной и плодотворной деятельности и даже конструктивной нетерпимости.

Глава 1

С позиций свободы

Нет ничего необычного в том, что супруги обсуждают между собой, как бы заработать побольше денег, однако беседа на эту тему, состоявшаяся приблизительно в VIII веке до н. э., представляет для нас в некотором смысле особый интерес. Согласно санскритскому тексту «Брихадараньяка упанишада», женщина по имени Матрейя и ее муж Яджнявалкья не ограничиваются перечислением способов разбогатеть, а ставят вопрос шире: *возможно ли с помощью богатства осуществить любое желание?*¹ Матрейе любопытно знать, сможет ли она достичь бессмертия в случае, если «все земные блага» окажутся в ее полном распоряжении. «Нет, — отвечает Яджнявалкья, — ты будешь жить, как все богатые люди. Не надейся стать бессмертной через богатство». На что Матрейя отвечает: «Тогда зачем мне все это, если я не обрету бессмертия?»

Риторический вопрос Матрейи веками цитируется в индийской религиозной философии с целью напомнить как о природе трудностей, с которыми сталкивается человек, так и о бренности материального мира. Я настроен чересчур скептически в отношении иных миров, чтобы горевать вместе с Матрейей, но в беседе этой семейной пары затронута проблема, имеющая прямое отношение к экономике и к пониманию сущности развития. Эта проблема касается взаимосвязи между доходами и личными достижениями, между средствами и возможностями, между экономическим благополучием и нашей способностью жить так, как мы хотим. Следует отметить, что связь между богатством и личными достижениями может усиливаться или ослабевать, и, кроме того, она чрезвычайно подвержена влиянию привходящих обстоятельств. Вопрос не в том, чтобы жить вечно, как того желала бедная Матрейя, но в том, чтобы жить действительно долго (а не погибать в расцвете сил) и жить хорошо (а не в нищете и угнетении) — этих двух вещей желают почти все люди. «Разрыв» между двумя подходами (т.е. между стремлением исключительно к богатству и более широким взглядом на человеческую жизнь) является основной проблемой

в концептуализации развития общества. Как заметил Аристотель в самом начале «Никомаховой этики» (показательно резонирующей с беседой Матрейи и Яджнявалкьи, происходившей за три тысячи миль от Древней Греции), «богатство — это, конечно, не иско-мое благо, ибо оно полезно, т.е. существует ради чего-то другого»².

Поскольку у нас имеются причины стремиться к увеличению нашего материального благополучия, мы обязаны спросить себя: каковы, собственно, эти причины, как они действуют, с чем сопряжены и что, собственно, мы можем делать с нашим прирастающим богатством? На самом деле, причины умножать доходы или материальные блага вполне обоснованны. И не потому, что доход и богатство желанны сами по себе, а потому, что они, как правило, являются чудесным и универсальным средством обрести большую свободу — свободу жить, с нашей, вполне здравой, точки зрения, «хорошо».

Полезность богатства состоит в том, что оно позволяет нам обрести насущные права и свободы. Но эта зависимость не является ни исключительной (ибо не только материальные блага оказывают значительное влияние на нашу жизнь), ни однородной (ибо стимулы, создаваемые богатством, варьируются в зависимости от иных влияний). Важно уяснить ключевую роль материального благополучия в создании условий и качества жизни, а также понять сущность этой взаимосвязи и то, каким влияниям она подвержена. Адекватная концепция развития не должна ограничиваться лишь накоплением материальных благ, ростом валового национального дохода и прочими показателями, связанными с доходами. Не упуская из виду значение экономического роста, мы обязаны взглянуть на проблему много шире.

Если мы хотим глубже понять процесс развития, нам потребуется хорошенько изучить его цели и средства. Было бы упущением с нашей стороны принять за основной предмет исследования исключительно достижение максимальных доходов или богатства, которое, как отмечал Аристотель, «существует ради чего-то другого». По той же причине невозможно рассматривать экономический рост как самоцель. Развитие необходимо изучать в более тесной связи с общим улучшением нашей жизни и расширением свобод, которыми мы пользуемся. Расширение свобод (не зря столь высоко ценимых нами) не только обогащает нашу жизнь и раскрепощает нас самих, но также повышает нашу социальную значимость: мы получаем возможность полнее выражать нашу волю и взаимодействовать —

в том числе, оказывая влияние — с миром, в котором живем. В главе 3 эта точка зрения будет рассмотрена глубже и обстоятельнее, ей будет также дана сравнительная оценка относительно других точек зрения, представленных в книге³.

Формы несвободы

Немало людей во всем мире страдают от различного рода несвободы. В некоторых регионах до сих пор случаются вспышки массового голода, отнимающего у миллионов людей право на жизнь. А в тех странах, где научились не допускать голод, уделом многих хрупких человеческих существ может стать недоедание. Кроме того, значительное число людей почти не получают медицинской помощи, не имеют доступа к чистой воде и живут в антисанитарных условиях; в результате эти люди тратят жизнь на борьбу с болезнями, которых можно было бы избежать, и ранняя смерть в их среде — обычное явление. В более богатых странах также есть неимущие слои населения, лишенные основных прав на здравоохранение, профессиональное образование и хорошо оплачиваемую работу, экономическую и социальную безопасность. Даже в очень богатых странах продолжительность жизни определенных групп населения иногда не дотягивает до показателей в странах так называемого «третьего мира» с менее развитой экономикой. Далее, неравенство между мужчинами и женщинами ухудшает — а иногда и преждевременно обрывает — жизнь миллионов женщин и ограничивает различными способами основные права и свободы женщин.

Другая разновидность несвободы, бытующая в разных странах, — систематическое нарушение политической свободы и элементарных человеческих прав. Иногда мы слышим заявления о том, что ущемление прав человека стимулирует экономический рост и потому «благоприятно» для ускоренного развития экономики. Некоторые даже оправдывают жесткие политические режимы, лишаящие население основных гражданских и политических прав, утверждая, что такие режимы якобы обладают преимуществами, способствующими развитию экономики. Этот тезис (часто называемый «тезисом Ли» по имени бывшего премьер-министра Сингапура Ли Кван Ю) иногда подкрепляют довольно примитивными эмпирическими доказательствами. На самом же деле более глубокие сравнительные межрегиональные исследования не подтверждают этот тезис, обнаруживая скудость фактов, доказывающих способность авторитарного правления стимулировать экономический

рост. Более того, эмпирические данные наводят на мысль о том, что экономический рост скорее возможен в мягком экономическом климате, нежели в жесткой политической системе. Этот вопрос будет рассмотрен подробнее в главе 6.

У экономического развития имеются и иные измерения, например экономическая безопасность. Зачастую экономическая нестабильность связана с недостатком демократических прав и свобод. В самом деле, действующая демократия и наличие развитых политических прав способны предотвратить голод и прочие экономические катастрофы. Голод (и другие экономические катастрофы) редко затрагивает авторитарных правителей лично, оттого им недостает стимула для своевременного принятия превентивных мер. Напротив, у демократических правительств, стоящих перед необходимостью победить на выборах и подвергающихся публичной критике, имеются сильные стимулы для принятия мер по предотвращению голода и других подобных бедствий. Неудивительно, что мировая история не знает примеров голода, случившихся при действующей демократии, — будь то в экономически богатом регионе (как современная Западная Европа и Северная Америка) или в относительно бедном (как в независимой Индии, Ботсване или Зимбабве). Голод обычно поражает колониальные территории, возглавляемые иностранными правителями (как это было в Британской Индии или в Ирландии во времена зависимости страны от чужеземных английских правителей), либо страны с однопартийной системой (например, Украина в 1930-х годах, Китай в 1958–1961 годах и Камбоджа в 1970-х годах), либо страны с военной диктатурой (например, Эфиопия, Сомали и некоторые страны в районе Сахеля в недавнем прошлом). На тот момент, когда эта рукопись сдается в печать, в «голодной лиге» явно лидируют две страны — Северная Корея и Судан, и обе представляют собой яркий пример диктаторского правления. Если предотвращение голода ярко и веско свидетельствует о преимуществах системы стимулов, то преимущества демократического плюрализма в целом сказываются практически во всех областях жизни.

Но — что самое главное — политическая свобода и гражданские права важны сами по себе и не требуют доказательств своей экономической полезности. Даже когда люди, лишённые политической свободы или гражданских прав, живут в условиях адекватной экономической безопасности (и, случается, пользуются благоприятными экономическими условиями), им тем не менее отказано в важнейших свободах: жить своим умом и участвовать в принятии

ключевых решений, касающихся общественных дел. Эти лишения ограничивают социальную и политическую жизнь и должны считаться репрессивными, даже если они не приводят к иного рода бедам (вроде экономических катастроф). Поскольку политические и гражданские права являются определяющими компонентами человеческой свободы, их нарушение приносит вред само по себе. Исследуя роль гражданских прав в развитии, мы обязаны обратить внимание как на основополагающее, так и на инструментальное значение гражданских прав и политических свобод. Эти вопросы также рассматриваются в главе 6.

Процессы и возможности

Из вышеизложенного ясно, что понимание свободы, представленное здесь, охватывает как *процессы*, предполагающие свободу действий и принятие решений, так и действительные *возможности*, доступные людям в определенных личных и социальных условиях. Несвобода может возникнуть либо в результате неадекватных процессов (например, нарушения прав избирателей или иных политических и гражданских прав), либо из-за отсутствия возможностей для достижения людьми минимума того, к чему они стремятся (в том числе из-за отсутствия элементарной возможности избежать преждевременной смерти или предупредить различные заболевания и голод).

Два взгляда на свободу — как на *процесс* и как на *возможность* — существенно контрастируют друг с другом, и этот контраст проявляется на различных уровнях. В других работах я уже высказывался о преимуществах и недостатках (равно как и о взаимосвязи) этих двух точек зрения⁴. Здесь не место для обсуждения сложных и тонких вопросов, касающихся различий между процессуальным и возможностным аспектами свободы. Однако очень важно подчеркнуть необходимость понимания свободы в более широком плане. Нельзя сосредотачиваться лишь на способах и методах развития (как иногда поступают так называемые либертарианцы, нисколько не беспокоясь о неимущих, которых, бывает, систематически лишают возможностей для удовлетворения насущных нужд) или, напротив, на необходимых и достаточных возможностях (как иногда поступают так называемые консеквенциалисты, нисколько не беспокоясь о природе процессов, порождающих возможности, или о свободе выбора, доступной людям). И процессы, и возможности важны сами по себе, и оба эти аспекта существенны для понимания развития как свободы.

Два значения свободы

Анализ развития общества, представленный в данной книге, исходит из того, что свободы и права личности — это фундамент, на котором строится все остальное. Поэтому наше внимание направлено на развитие «умения» человека жить той жизнью, которую он ценит и имеет основания ценить. Потенциальные возможности человека могут быть расширены с помощью социальной политики, а также и посредством эффективного участия общества в разработке новых направлений этой политики. *Двусторонность связей* между интересующими нас явлениями — суть представленного здесь анализа.

Две причины обуславливают ключевое значение индивидуальной свободы в концепции развития; эти причины связаны соответственно с категориями *ценности* и *эффективности*⁵. Первая причина заложена в основу нашего нормативного подхода, признающего базовые индивидуальные свободы решающим фактором. Следовательно, успех сообщества оценивается, в первую очередь, с точки зрения наличия базовых свобод, которыми пользуются члены этого сообщества. Такая ценностная позиция отличается от информационной позиции, свойственной более традиционным нормативным подходам, фокусирующим внимание на иных переменных, таких как полезность, процессуальная свобода или реальный доход.

Обладание большей свободой поступать так, как считаешь нужным, является, во-первых, непосредственно значимым для человеческой свободы вообще и, во-вторых, такое обладание важно для развития личных возможностей, ведущих к получению ценных результатов⁶. И то и другое крайне важно в вопросе оценки степени свободы членов сообщества, а значит, и для определения уровня развития общества. Что побудило нас принять такую нормативную направленность (и, в частности, побудило рассматривать общественную справедливость с точки зрения индивидуальных свобод и их соотношения со свободой общества) — более подробно изложено в главе 3.

Вторая причина, заставившая нас признать базовые свободы ключевым фактором развития, состоит в том, что свобода не только является мерилем успеха или провала, но и, прежде всего, определяет уровень индивидуальной инициативы и эффективности общества. Расширение свободы усиливает способность людей помочь самим себе, а также повлиять на окружающий мир, и эти две

составляющие являются главными в процессе развития. Осталось уяснить (с риском несколько упростить вопрос), что мы подразумеваем, когда говорим о личности как о деятеле или, иначе, «агенте».

Использование этого термина требует некоторых разъяснений. В экономической литературе и теории игр слово «агент» иногда используется для определения человека, который действует от чьего-либо имени (возможно, по велению «патрона») и достижения которого оцениваются относительно чьих-либо целей (целей «патрона»). Я же использую термин «агент» в его старом — и «возвышенном» — смысле, обозначая им человека, который своими действиями способствует переменам и о достижениях которого судят исходя из его собственных стремлений и ценностей; при этом внешние критерии для оценки этих достижений не столь важны. Что нас интересует, так это деятельность индивида как члена общества и участника экономических, социальных и политических акций (начиная с его присутствия на рынке до вовлеченности, прямой или опосредованной, в индивидуальную либо совместную деятельность в политической и прочих сферах).

Вопрос личного участия затрагивает многие стороны общественной политики, начиная с экономических стратегий, когда, например, политические боссы, поддавшись неискоренимому соблазну, начинают мелочно регламентировать экономику, доводя ее до «разлинованного» состояния (с целью «идеального обслуживания» предположительно инертного населения), и кончая фундаментальными аспектами, например попытками вывести действующее правительство из-под демократического надзора и критики (нарушая тем самым политические и гражданские права на участие в общественной жизни)⁷.

Оценочные системы:

доходы и потенциальные возможности

Что касается оценочной стороны, то благодаря фактической базе, на которую мы опираемся, наш подход приобретает черты, отличные от более традиционных практик и методов анализа экономической стратегии, таких как «экономическая» направленность на первичность дохода и благосостояния (а не на характеристику условий жизни и основных свобод), «утилитаристская» сосредоточенность на разумном удовлетворении (а не на творческом недовольстве и конструктивном неприятии), «либертарианская» озабоченность исключительно процедурами, обеспечивающими свободу у

(при намеренном пренебрежении последствиями, к которым могут привести эти процедуры), и так далее. В полном объеме фактическая база, связанная с основными правами и свободами, которые люди считают необходимыми, обсуждается в главе 3.

Нельзя отрицать, что «скудость» индивидуальных возможностей бывает тесно связана с недостаточным доходом, и эта связь двояка: (1) низкий доход часто становится главной причиной неграмотности и плохого здоровья, а также голода и недоедания, и, наоборот, (2) повышение уровня образования и укрепление здоровья способствуют получению более высоких доходов. Эту взаимосвязь следует хорошенько уяснить. Но на базовые возможности индивидуума и эффективные свободы, которыми он пользуется, влияют не только доходы, и потому стоит изучить природу и глубину этих взаимовлияний. Именно потому, что между скудным доходом и скудными возможностями часто существуют корреляционные связи, очень важно не дать себя ими загипнотизировать, вообразив, будто изучение первого предоставит нам достаточную информацию о последних. Эти связи не так уж крепки, а отклонения зачастую более важны со стратегической точки зрения, чем локальная согласованность двух переменных. Если мы переместим фокус нашего внимания с узкой проблемы низких доходов на более разностороннюю проблему отсутствия возможностей, мы сможем с помощью нашей информационной базы (включающей такие статистические данные, в которых кривая доходов становится непригодной в качестве референтной опоры стратегического анализа) лучше понять природу бедности и свободы. Доходы и богатство — сколь бы много от них ни зависело — должны быть интегрированы в более широкое понимание успеха и лишений.

Бедность и неравенство

Анализ информационной базы, созданной для исследования бедности и неравенства, представлен в главе 4. Имеются веские основания рассматривать бедность скорее как отсутствие базовых возможностей, чем наличие низкого дохода. Отсутствие элементарных возможностей приводит к ранней смертности, серьезному недоеданию (особенно это верно в отношении детей), постоянным болезням, массовой неграмотности и прочим бедам. Например, такой ужасный феномен, как «исчезнувшие женщины» (результат необычайно высокой по возрастной смертности женщин в некоторых сообществах, в частности в Южной Азии, Западной Азии,

Северной Африке и Китае), следует анализировать с демографических, медицинских и социальных позиций, а не с точки зрения низких доходов, которые порою говорят нам чересчур мало о гендерном неравенстве⁸.

Смещение фокуса необходимо для того, чтобы выработать другую — и более объективную — точку зрения на бедность не только в *развивающихся*, но также и в более *преуспевающих* странах. Наличие массовой безработицы в Европе (от 10 до 12% в большинстве крупных европейских стран) порождает лишения, которые не очень хорошо отражены в статистике о распределении доходов. Эти лишения часто замалчивают на том основании, что европейская система социальной защиты (включая страхование от безработицы) стремится восполнить безработным потерю в доходах. Но безработица — это не только недостаток доходов, который может быть компенсирован поступлениями от государства (за счет фискальной нагрузки на бюджет, что само по себе становится тяжким бременем для общества); безработица порождает далеко идущие последствия, губительные для индивидуальной свободы, инициативы и профессиональных навыков. Одним из многочисленных последствий безработицы является «социальная отверженность» некоторых групп, а также утрата самоуважения, уверенности в себе, потеря психического и физического здоровья. Право, трудно отделаться от ощущения грандиозной нелепости, глядя на попытки современных европейцев создать в обществе умонастроения, ориентированные на лозунг «помоги себе сам», без разработки адекватных мер по сокращению массовой безработицы, недопустимо высокий уровень которой делает такую самопомощь крайне затруднительной.

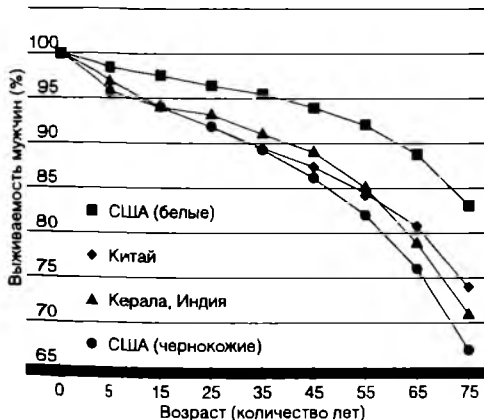
Доход и смертность

Рассмотрим повнимательнее зависимость между смертностью и доходом (именно в этой связи Матрейя продемонстрировала чрезмерные амбиции). Примечательно, что степень обездоленности некоторых групп в очень богатых странах сравнима со степенью обездоленности в так называемом «третьем мире». Например, в США афроамериканцы как группа населения имеют не больше шансов — на самом деле даже меньше — достичь пожилого возраста, чем люди, родившиеся в чрезвычайно бедных в экономическом отношении Китае и штате Керала в Индии (а также в Шри-Ланке, Коста-Рике и на Ямайке)⁹.

Это обстоятельство отображено на рисунках 1.1 и 1.2. Даже при том, что душевой доход у афроамериканцев США значительно ниже, чем у белого населения, доходы афроамериканцев во много раз выше, чем у жителей Китая или штата Керала (с учетом ценовой корректировки стоимости жизни). В этом контексте сравнение перспектив выживаемости у афроамериканцев с перспективами гораздо более бедных китайцев или индийцев в штате Керала представляет особый интерес. Афроамериканцы по сравнению с китайцами или индийцами имеют лучшие показатели выживаемости в ранних возрастных группах (особенно это касается младенческой смертности), но затем картина меняется. Оказывается, что мужчины в Китае и Керале значительно обгоняют афроамериканцев по выживаемости в старших возрастных группах.

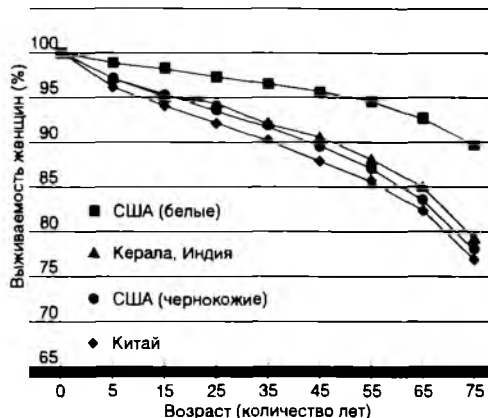
Даже афроамериканские женщины в старших возрастных группах имеют тот же уровень выживаемости, что и более бедные китайки, но значительно более низкий уровень по сравнению с еще более бедными индианками в Керале. Очевидно, дело не в том, что чернокожие американцы страдают от *относительных* лишений — если сравнить доход на душу чернокожего населения с доходами

Рисунок 1. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
В ВЫЖИВАЕМОСТИ МУЖЧИН

Источники: United States, 1991–1993: U.S. Department of Health and Human Services, Health United States 1995 (Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1996); Kerala, 1991: Government of India, Sample Registration System: Fertility and Mortality Indicators 1991 (New Delhi: Office of the Registrar General, 1991); China, 1992: World Health Organization, World Health Statistics Annual 1994 (Geneva: World Health Organization, 1994).

Рисунок 1.2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
В ВЫЖИВАЕМОСТИ ЖЕНЩИН

Источники: United States, 1991–1993: U.S. Department of Health and Human Services, Health United States 1995 (Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics, 1996); Kerala, 1991: Government of India, Sample Registration System: Fertility and Mortality Indicators 1991 (New Delhi: Office of the Registrar General, 1991); China, 1992: World Health Organization, World Health Statistics Annual 1994 (Geneva: World Health Organization, 1994).

белых американцев; они *абсолютно* более обездолены, чем обладающие низким доходом индийцы в Керале (как мужчины, так и женщины) и китайцы (мужчины) — если говорить о возможности дожить до зрелого и старшего возраста. Эти контрасты (т.е. контрасты между уровнем жизни, определяемым душевым доходом, и уровнем жизни, определяемым способностью дожить до преклонного возраста) во многом обусловлены социальным устройством и отношениями внутри сообщества, в том числе доступностью медицинской помощи, развитостью систем здравоохранения и школьного образования, соблюдением закона и порядка, распространением насилия и прочее¹⁰.

Следует также отметить, что внутри афроамериканского сообщества в США расхождения в выживаемости еще значительнее. Чернокожее мужское население в некоторых городах США (таких, как Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сент-Луис или Вашингтон), уступает в выживаемости в более ранних возрастах не только мужчинам из Китая и штата Керала¹¹, но и населению во многих странах «третьего мира». Например, мужчины в Бангладеш имеют больше шансов преодолеть сорокалетний рубеж, чем американские мужчины

в Гарлеме, одном из районов процветающего Нью-Йорка¹². И это вопреки тому обстоятельству, что афроамериканцы в США во много раз богаче, чем люди из соответствующих групп в «третьем мире».

Свобода, потенциальные возможности и качество жизни

Выше мы коснулись самой элементарной разновидности свободы — свободы выживать, избежав преждевременной смерти. Эта разновидность свободы, очевидно, очень важна, но существует немало других и не менее важных разновидностей. В самом деле, диапазон соответствующих свобод может быть весьма широк. Бытует мнение, что при исследовании развития с позиций свободы «расширение» числа свобод затрудняет выработку «рабочего» подхода. Мне такой пессимизм представляется иадуманным, однако я отложу обсуждение этой проблемы до главы 3, в которой фундаментальные оценочные подходы будут рассмотрены всесторонне.

Тем не менее следует отметить, что подход, в котором центральное положение занимает свобода, по природе своей родственен житейской озабоченности «качеством жизни». Когда речь заходит о качестве жизни, нас в первую очередь интересует то, как протекает человеческая жизнь (и, вероятно, какой выбор предоставлен отдельной личности), а уж затем ресурсы и доходы, которыми эта личность располагает¹³. Фокусирование внимания на качестве жизни и на базовых свободах, а не только на доходах и материальном благополучии, может показаться отклонением от установок традиционной экономики, и в каком-то смысле так оно и есть (особенно по сравнению с некоторыми более «чистыми» исследованиями доходов населения, бытующими в современной экономической литературе). Однако в действительности этот более широкий подход вполне согласуется с направлениями профессионального анализа, существовавшего в экономике с момента ее возникновения как науки. Подтверждение тому — аристотелевы взаимосвязи («процветание» и «способность», о которых более всего пекся Аристотель, имеют прямое отношение к качеству жизни и базовым свободам, как было показано Мартой Нуссбаум)¹⁴. В нашем подходе также прослеживаются явные параллели с работой Адама Смита о «потребностях» и условиях жизни¹⁵.

В самом деле, одной из основных причин возникновения экономической науки стала необходимость изучения тех возможностей, которыми располагают люди для того, чтобы хорошо жить, а также каузальных влияний, которым эти возможности подвержены.

Помимо классической работы Аристотеля, то же направление мысли мы встречаем в работах, описывающих состояние национальных экономик и их преуспевание. Первым подобную работу написал Уильям Петти в XVII веке; его примеру последовали Грегори Кинг, Франсуа Кенэ, Антуан-Лоран Лавуазье, Жозеф-Луи Лагранж и другие. Хотя эти первопроходцы экономического анализа разработали основы современной концепции дохода как инструмента, они никогда не ограничивались исключительно этой концепцией. Они также понимали значение дохода как такового и его зависимость от обстоятельств¹⁶.

Например, Уильям Петти, впервые попытавшийся использовать метод расчета по доходам и расходам для оценки национального дохода (современные методы оценки базируются на этих ранних разработках), открыто ратовал за «общую безопасность» и «личное счастье каждого человека». Петти заявлял, что целью своей работы он полагает изучение условий жизни людей. Ему удалось ввести в научный анализ изрядную «дозу» современной ему политики («дабы показать, что подданные короля пребывают в не столь плачевном положении, как некоторые недовольные лица желали бы представить»). Другие исследователи занимались влиянием потребления на различные виды человеческой деятельности. Например, великий математик Жозеф-Луи Лагранж новаторски конвертировал товары потребления в их функциональные характеристики: урожай пшеницы и прочих зерновых он перевел в их питательный эквивалент, произведенное мясо — в эквивалентные единицы говядины, а произведенные напитки — в винные единицы (не надо забывать, что Лагранж был французом)¹⁷. Фокусируя внимание не только на товарах потребления, но и на их результативных функциях, мы возвращаемся к наследию, оставленному нам первыми профессиональными экономистами.

Рынки и свобода

Роль рыночного механизма — еще одна тема, требующая обращения к наследию прошлого. Связь между рыночным механизмом и свободой — и, соответственно, экономическим развитием — может быть выражена по меньшей мере двумя способами, которые следует четко различать. Первый способ: отсутствие возможностей для заключения сделок, вызванное произволом властей, само по себе нередко становится источником несвободы. В таких ситуациях людям запрещается делать то, на что они — при условии отсутствия серьезных причин, повлекших запрет, — как представляется, имеют

неотъемлемое право. Данное утверждение оставляет за скобками вопрос об эффективности рыночного механизма, а также всесторонний анализ последствий принятия рыночной системы либо отказа от нее; оно лишь указывает на важность товарообмена и заключения сделок, осуществляемых без специального разрешения и препятствий.

Этот аргумент в пользу рынка не следует путать со вторым аргументом, пользующимся ныне большой популярностью: рынок работает на увеличение доходов, благосостояния и экономических возможностей, предоставляемых людям. Препятствия, произвольно чинимые рыночному механизму, часто влекут за собой ущемление свободы, которое становится следствием процессов, возникающих при отсутствии рынка. Утрата экономических возможностей и благоприятных перспектив, предлагаемых рынком и заложенных в его структуре, может привести к значительным жизненным лишениям.

Эти два аргумента в пользу рыночного механизма, равно существенные для развития базовых свобод, нельзя смешивать. В современной литературе по экономике внимание почти полностью сосредоточено на последнем аргументе, базирующемся на эффективности производства и благоприятных результатах, обусловленных использованием рыночных механизмов¹⁸. И действительно, этому аргументу не откажешь в убедительности; к тому же он подкреплен множеством эмпирических данных, доказывающих способность рыночной системы ускорить экономический рост и улучшить условия жизни. Политика, направленная на ограничение рыночных возможностей, зачастую приводит к свертыванию гражданских свобод, в то время как рыночная система их порождает — главным образом, за счет всеобщего экономического процветания. При этом не отрицается, что рынки бывают непродуктивными (на что указывал сам Адам Смит, особенно настаивая на необходимости контроля над финансовым рынком)¹⁹. В некоторых случаях для государственного регулирования имеются серьезные причины. Но в целом положительный эффект рыночной системы признается в наше время куда охотнее, чем даже несколько десятилетий тому назад.

Однако эти свидетельства в пользу рынка отличны от положения, настаивающего на праве людей совершать сделки и товарообмен. Даже если такое право провозглашается нерушимым и полностью независимым от последствий его применения, мы полагаем, что лишение людей права на экономическое взаимодействие

друг с другом чревато социальными потерями. Случается, что последствия торговых сделок приносят вред другим людям, и тогда ограничение *prima facie* чересчур вольного установления, позволяющего людям заключать сделки по их собственному усмотрению, представляется разумным. И тем не менее при введении ограничений можно говорить о потерях (даже если альтернативные потери, возникшие при опосредованном воздействии этих сделок на других людей, перевешивают).

В экономике как научной дисциплине появилась тенденция фокусировать внимание не на ценности человеческих свобод, а на полезности, доходе и благосостоянии. Это сужение фокуса ведет к тому, что роль рыночного механизма не получает должного признания, даже несмотря на то, что экономистов-практиков ни в коем случае нельзя обвинить в недостаточном восхвалении рынка. Проблема, однако, не в громкости похвал, а в том, за что они воздаются.

Возьмем, к примеру, следующее широко известное в экономике положение: конкуренция, порождаемая рыночным механизмом, способна обеспечить такой уровень эффективности, какого централизованная система, очевидно, достичь не в силах, и причина тому в экономном использовании информации (каждый человек, действующий на рынке, не обязан знать слишком много), а также в совместимости стимулов (осмотрительные действия каждого отлично сочетаются с такими же действиями других людей). Попробуем, вразрез с общепринятым мнением, представить себе следующую ситуацию: полностью централизованная система достигает того же экономического результата, что и рынок, причем все решения, касающиеся производства и распределения, принимаются одним лицом — диктатором. Будет ли подобное достижение таким же благом?

Нетрудно догадаться, что в таком сценарии имеются кое-какие пробелы, а именно: из него выпала свобода действовать по собственному усмотрению и решать, где работать, что производить, что потреблять и т. д. Даже если в обоих сценариях (основанных соответственно на свободном выборе и подчинении воле диктатора) люди производят одинаковые блага одинаковым способом, получают одинаковый доход и покупают одинаковые товары, у них, однако, могут найтись вполне здравые причины предпочесть свободный выбор приказу. Существует различие между «кульминационным результатом» (т.е. конечным результатом без учета процесса его достижения, в том числе того, как использовались права и свободы) и «всесторонним результатом» (с учетом процесса достижения

кульминационного результата) — различие, смысл которого я попытался проанализировать в другой работе²⁰. И достоинство рыночной системы заключается не только в ее способности порождать впечатляющие кульминационные результаты.

Смещение фокуса в прорыночной экономической теории от свободы к полезности произошло за счет пренебрежения главной ценностью — самой свободой. Джон Хикс, один из ведущих экономистов нашего времени, более ориентированный на полезность, чем на свободу, рассуждая на интересующую нас тему, выразил суть проблемы с похвальной ясностью:

Либеральные принципы — они же принципы невмешательства — классической (смитовской и рикардовской) экономики не были прежде всего экономическими принципами; их лишь использовали в экономике, полагая, однако, что природа этих принципов куда более универсальна. Утверждение о том, что экономическая свобода способствует экономической эффективности, являлось не более чем аргументом в споре... Меня же интересует следующее: вправе ли мы забывать — напроць, как многие из нас, — другую сторону этого аргумента²¹.

Эта проблема может показаться несколько эзотеричной в общем контексте исследований экономического развития, приоритетами которых являются рост доходов, наполнение потребительской корзины и прочие кульминационные результаты. Однако эзотерикой тут и не пахнет. Один из самых значительных сдвигов в экономическом развитии многих сообществ связан с переходом от крепостного производства и подневольного труда, характерных для многих традиционных сельскохозяйственных производств, к системе свободного трудового соглашения и беспрепятственного перемещения рабочей силы. Это сдвиг идеально вписывается в понимание развития как свободы, а не в оценочную систему, ориентированную исключительно на кульминационные результаты.

Примером тому служат дебаты, разгоревшиеся вокруг сущности рабского труда на юге США накануне отмены рабства. В классическом исследовании Роберта Фогеля и Стэнли Энгермана («Время испытаний: экономика американского негритянского рабства») мы находим любопытные сведения об относительно высоком «денежном довольствии» рабов. (Противоречивость некоторых

положений, рассмотренных в книге Фогеля и Энгермана, по существу не оспаривает ценность нашей находки.) Потребительская корзина рабов выигрывала в сравнении — чего и следовало ожидать — с доходами наемных сельскохозяйственных рабочих. Продолжительность жизни рабов была, по меркам того времени, не слишком низкой — «почти одинаковой с продолжительностью жизни в таких передовых странах, как Франция и Голландия», и »много выше, чем продолжительность жизни наемных городских промышленных рабочих как в США, так и в Европе»²². И все же рабы убегали, и у нас есть все основания полагать, что система рабства не слишком хорошо обслуживала их интересы. Более того, попытки, предпринятые после отмены рабства, вернуть рабов к прежней работе, заставить их трудиться как рабов (особенно в составе бригады), но за более высокую плату, не увенчались успехом.

«После освобождения рабов многие плантаторы попытались восстановить рабочие бригады, но уже на основе найма. Однако такие попытки большей частью провалились, несмотря на то, что плата, предложенная свободным работникам, превосходила доход, который они имели, будучи рабами, более чем на 100%. Даже за счет столь высокого вознаграждения плантаторы не смогли сохранить бригадную систему после того, как были лишены права применять силу»²³.

Важность свободы при найме рабочей силы и в самом процессе работы является ключевым фактором для понимания тех ценностей, которыми руководствовались американские рабы²⁴.

На самом деле похвала Карла Маркса капитализму как разрушителю докапиталистических трудовых отношений отлично проясняет существо проблемы; исходя из тех же соображений, Маркс назвал Гражданскую войну в Америке «величайшим мировым событием современности»²⁵. В самом деле, вопрос о рыночной свободе является центральным при анализе крепостного труда (распространенного во многих развивающихся странах) и перехода к системе свободных трудовых соглашений. Кстати, это один из тех случаев, когда марксистский анализ имеет сходные черты с либертарианской установкой исключительно на свободу, противопоставляемую полезности.

Например, в своем капитальном исследовании, посвященном переходу в Индии от крепостного труда к наемному, В.К. Рамачандран подчеркивает эмпирическую важность этой проблемы для современного аграрного производства на юге Индии:

Маркс делает различие между (используя термин Джона Элстера) *формальной свободой* рабочего при капитализме и *реальной несвободой* рабочих в докапиталистических системах: «Свобода рабочего менять работодателя предоставляет ему ту степень свободы, которой он не обладал при более ранних способах производства». Изучение развития наемного труда в сельском хозяйстве важно и с иной точки зрения. Расширение права рабочих продавать свой труд увеличивает свободу рабочих в принципе, что, в свою очередь, становится важным показателем благополучия общества²⁶.

Трудовое закрепощение вкупе с сопутствующими ему задолженностями является наиболее тяжелой формой несвободы во многих докапиталистических сельскохозяйственных производствах²⁷. Понимание развития как свободы позволяет заняться этим вопросом вплотную, при этом мы вовсе не собираемся доказывать способность рынка труда повысить, кроме всего прочего, производительность сельского хозяйства. Вопрос о производительности значителен сам по себе, однако его не следует смешивать с проблемой свободного трудового соглашения и найма.

Дебаты вокруг постыдного явления — детского труда — также имеют отношение к вопросу свободы выбора. Грубейшие нарушения норм детского труда заложены в существующем порядке вещей: в неимущих семьях дети (вместо того чтобы быть свободными и, желательно, ходить в школу) находятся на положении рабов, их вынуждают трудиться, а их труд эксплуатируется²⁸. Потому вопрос о свободе является неотъемлемой частью анализа этого болезненного явления.

Ценности и оценочный процесс

Вернемся к *ценностям*. Диверсифицировав свободы, мы тем самым обрели возможность недвусмысленно оценить относительный вес каждой из свобод в достижении социального прогресса и индивидуального благополучия. Оценочность, разумеется, имеет место во всех подходах (включая утилитаризм, либертарианство и прочие подходы, рассматриваемые в главе 3), даже если об этом не заявлено напрямую. Те, кто предпочитают механически вывести рейтинг, не вдаваясь в объяснения, какая оценочная система была использована и почему, относятся с недовольством к подходу, основанному на

свободе и требующему детального обсуждения оценочных принципов. Подобные жалобы звучат часто. Но, я настаиваю, недвусмысленность и детальность являются важным качеством самого оценочного процесса, тем более что такой процесс должен протекать открыто и с учетом критических замечаний общественности. В самом деле, один из сильнейших аргументов в пользу политической свободы заключается именно в предоставлении гражданам возможности обсуждать ценности и участвовать в их отборе при выработке приоритетов (об этом мы подробно говорим в главах 6–11).

Индивидуальная свобода — это прежде всего социальный продукт; существует двусторонняя связь между (1) социальным устройством, способствующим расширению индивидуальной свободы, и (2) использованием индивидуальной свободы не только для того, чтобы улучшить жизнь отдельной личности, но и для того, чтобы сделать социальное устройство более удобным и эффективным. Кроме того, индивидуальное понимание справедливости и порядка, оказывающее влияние на то, как именно личность пользуется своими правами и свободами, зависит от социальных связей — в частности, от согласованного формирования общественных установок — и совместного анализа проблем и их решения. В разработке стратегии и содержания общественной политики необходимо учитывать эти взаимосвязи.

Традиции, культура и демократия

Голос общества также является важным фактором в некоторых фундаментальных вопросах, от решения которых зависит эффективность теории развития. Например, высказывается мнение, что экономическое развитие в западном понимании может быть вредным для нации, поскольку оно ведет к уничтожению традиций и культурного наследия²⁹. От заявлений такого рода зачастую отмахиваются на том основании, что лучше быть богатым и счастливым, чем обездоленным приверженцем традиций. Как лозунг такая фраза, возможно, звучит убедительно, но она вряд ли годится в качестве адекватного ответа на критику. И уж тем более такой лозунг не отражает серьезности оценочной проблемы, поставленной скептиками, критически относящимися к развитию.

Еще более серьезную проблему представляет происхождение власти и легитимность. В принятии решения о том, что предпочесть, если окажется, что некоторые традиции невозможно поддерживать в условиях экономических и социальных перемен, необходимых по

иным причинам, — неизбежно присутствует проблема оценки. Она сопутствует выбору, который люди должны сознательно сделать. Этот выбор ни предопределен (как полагают многие апологиеты развития), ни является прерогативой элиты — «хранителей традиций» (как считают многие скептики в отношении развития). Если возникает необходимость пожертвовать традиционным образом жизни ради того, чтобы выбраться из суровой нищеты и увеличить мизерную продолжительность жизни (и то и другое характерно для традиционных обществ на протяжении тысячелетий), людям, которых это непосредственно касается, должна быть предоставлена возможность участия в принятии решений. В этом случае реальный конфликт происходит между (1) базовой ценностью — правом людей свободно решать, каким традициям они желают, а каким не желают следовать; и (2) настоятельным требованием следовать установленным традициям (во что бы то ни стало) либо, в качестве альтернативы, подчиниться решению религиозных или светских властей, насаждающих традиции реальные или воображаемые.

Убедительность первой установки заключается в фундаментальной важности человеческой свободы, и следование ей существенно влияет на понимание того, что можно и чего нельзя делать во имя традиции. Подход к развитию как к свободе опирается именно на эту установку.

Действительно, с позиций свободы, право всех и каждого участвовать в принятии решения, какие традиции соблюдать, а какие отбрасывать, не может нарушаться национальными или местными «хранителями» традиций — будь то аятолла (либо иные религиозные власти), политики (либо правящие диктаторы) или «эксперты» по культуре (отечественные или иностранные). Любой реальный конфликт между охраняемыми традициями и преимуществами модернизации требует демократического решения, а не одностороннего отказа от модернизации в пользу традиции, исходящего от правительства, религиозных властей либо антропологов — поклонников древностей. Этот вопрос не только нельзя решать келейно, он должен быть открыто поставлен перед всем обществом, дабы каждый мог принять участие в его решении. Попытка задуть демократическую свободу на том основании, что среди традиционных ценностей (религиозного фундаментализма, политических обычаев, так называемых азиатских ценностей и прочих) таковая отсутствует, попросту не учитывает вопрос о легитимности

власти и потребности заинтересованных лиц участвовать в принятии решения о том, что им необходимо и что они готовы принять.

Эта базовая установка распространяется на многие сферы общественной жизни; кроме того, она способна продуцировать мощные последствия. Приверженность традиции не дает оснований для подавления свободы СМИ или нарушения прав граждан общаться друг с другом. Даже если принять несколько сомнительное мнение об авторитарности Конфуция как исторически достоверное (критика этой интерпретации предпринята в главе 10), оно никому не дает оснований действовать с авторитарных позиций посредством цензуры и политических ограничений, ибо легитимность следования принципам, провозглашенным в VI веке до н. э., должна быть подтверждена теми, кто живет сейчас.

Кроме того, поскольку участие в общественной жизни требует знаний и наличия начального образования, недопущение в школы какой-либо группы населения — скажем, девочек — является вопиющим нарушением основных положений демократической свободы. Верно, демократические свободы нередко нарушаются (пример жесткого их подавления нам продемонстрировало недавно руководство Талибана в Афганистане), но при подходе, ориентированном на свободу, нельзя избежать рассмотрения элементарных потребностей человека, связанных с этими свободами. Понимание развития как свободы охватывает не только конечные цели развития, но также процессы и процедуры, обладающие своей собственной ценностью.

В заключение

Взгляд на развитие с позиций основных гражданских прав и свобод позволяет нам значительно расширить наше понимание процесса развития, а также путей и способов его достижения. Поэтому оценочный аспект нашего подхода требует изучения необходимых условий развития с точки зрения устранения различных видов несвободы, от которой страдают все члены общества. В этом смысле процесс развития существенно не отличается от исторического процесса преодоления несвободы. Хотя этот исторический процесс имеет прямое отношение к экономическому росту и накоплению материальных и человеческих ресурсов, его значение и размах выходят далеко за пределы этих двух переменных.

Наш подход к оценке развития не предполагает наличия некоего единого и точного «критерия», с которым любой опыт

развития должно непременно сравнивать и соответственно корректировать. Учитывая неоднородность отдельных компонентов свободы, а также необходимость принимать во внимание разнообразие прав и свобод, которыми пользуются различные люди, столкновения противоположных точек зрения неизбежны. Наша концепция «развитие как свобода» разрабатывалась не столько затем, чтобы вынудить все государства — или всех авторов альтернативных сценариев развития — «установить полный порядок», сколько с целью указать на важные аспекты процесса развития, каждый из которых заслуживает внимания. Даже после всестороннего изучения этих аспектов иные, отличные от нашего, оценочные подходы, несомненно, никуда не исчезнут, однако их наличие не умаляет поставленной нами задачи.

Но что действительно опасно для нашей работы, так это пренебрежение — нередко свойственное исследованиям, посвященным развитию, — насущными проблемами, правами и свободами рядовых участников процесса развития вследствие недостатка интереса к самой свободе. Мы стремимся к широкому и адекватному взгляду на развитие с целью детально изучить и оценить то, что действительно имеет значение, и, в частности, преодолеть замалчивание ключевых вопросов. Наверное, было бы приятно думать, что наше исследование важнейших переменных автоматически приведет разных людей к одинаковым выводам в отношении ценности альтернативных сценариев развития. Однако наш подход не требует подобного единодушия. На самом деле дебаты по подобным вопросам, порождающие иногда серьезные политические споры, являются разновидностью участия общества в принятии решений, т.е. элементом, присущим развитию. Позже мы вернемся к важной проблеме активности общества и личности при демократии как составной части процесса развития.

Глава 2

Цели и средства развития

Позвольте начать с отличий, существующих между двумя точками зрения на процесс развития; обе эти точки зрения присутствуют как в профессиональном экономическом анализе, так и в общественных дискуссиях и дебатах¹. Согласно первому мнению, развитие — «жестокый» процесс, в котором «кровь и пот» льются рекой, в таком мире мудрость должна быть суровой. В частности, суровая мудрость требует сознательного пренебрежения различными вопросами, озабоченность которыми считается «глупостью» (даже если оппоненты часто слишком вежливы, чтобы употреблять именно это слово). В зависимости от того, какую позицию занимает автор, перечень соблазнов, которым необходимо *противостоять*, может выглядеть следующим образом: структуры социальной защиты для самых бедных; социальные услуги, оказываемые населению в целом; отклонение от жестких институциональных принципов при столкновении с возникшими трудностями; а также благосклонное — «человеческое преждевременное» — отношение к гражданским и политическим правам и «благам» демократии. Всем этим, утверждают сторонники «жестокости» подхода к развитию, можно будет заняться позже, когда процесс развития принесет достаточные плоды; здесь же и сейчас требуются исключительно «жесткость и дисциплина». Теории, разделяющие эту точку зрения, разнятся лишь списком проявлений «мягкотелости» в политике, которых особенно следует избегать: от финансовых льгот до политических послаблений, от крупных социальных расходов до щедрых пособий неимущим.

«Жестокость» подход контрастирует с альтернативным взглядом, полагающим развитие по сути «дружественным» процессом. В зависимости от версий этого второго подхода благоприятность процесса развития подтверждается такими явлениями, как взаимовыгодный обмен (о котором столь красноречиво говорил Адам Смит), наличие структур социальной защиты, наличие политических свобод, социальное развитие, — либо комбинацией этих явлений, направленных на поддержку населения.

Наш подход более сочетается со вторым, нежели с первым из вышеупомянутых мнений и заключается в основном в попытке взглянуть на развитие как на процесс расширения реальных человеческих свобод. С такой точки зрения расширение свобод видится равно как (1) *основной целью*, так и (2) *основным средством развития*. Цель и средство мы называем соответственно «основополагающей» и «инструментальной» ролями свободы в процессе развития. Основополагающая роль свободы соотносится со значением фундаментальных прав и свобод в общем улучшении жизни людей. Базовые свободы включают в себя насущные потенциальные возможности — например, возможность избежать таких лишений, как голод, недоедание, гибель от излечимых болезней, преждевременная смертность; а также свободы, ассоциируемые с грамотностью, ростом населения, правом на участие в политической жизни, отсутствием цензуры и так далее. Свобода определяет содержание развития через экспансию этих и других базовых свобод. Таким образом, развитие, с нашей точки зрения, является процессом расширения человеческих свобод, без которого невозможно достоверно оценить уровень развития.

Позвольте сослаться на пример, который мы уже коротко обсуждали во Введении (и который имеет прямое отношение к вопросу, нередко затрагиваемому в литературе, посвященной развитию), чтобы проиллюстрировать, как признание «основополагающей» роли свободы влияет на анализ развития. Приверженцы более узкого взгляда на развитие (скажем, с позиций увеличения ВВП, экономического роста или индустриализации) часто задаются вопросом, благоприятствует ли развитию свобода политической деятельности и возникновение оппозиционных мнений относительно экономических процессов? В свете фундаментального взгляда на развитие как на свободу этот вопрос представляется неверно сформулированным, потому что такая формулировка обнаруживает непонимание важнейшего положения: политическая деятельность и оппозиция являются существенной частью развития как такового. Даже очень богатый человек, которому препятствуют свободно высказываться или участвовать в общественных дебатах и принимаемых решениях, оказывается *лишенным* некоего ценного им блага. Процесс развития, когда о нем судят по увеличению числа свобод человека, призван, кроме всего прочего, устранять такого рода лишения. Если даже этот богатый человек не заинтересован непосредственно в праве на высказывание и участие в общественной

жизни, отсутствие таких прав, тем не менее, является ущемлением свободы, ибо лишает человека выбора. Развитие, рассматриваемое как расширение свободы, не может обходить стороной такие виды лишений. Роль основных политических свобод или гражданских прав (согласно адекватному пониманию развития) вовсе не обязательно подтверждается опосредованным положительным влиянием прав и свобод на *другие* составляющие процесса развития (например, рост ВВП или успехи в индустриализации). Базовые свободы обогащают сам процесс развития.

Такая фундаментальная установка отличается от «инструментального» взгляда на свободу, предполагающего, что свободы и права способны, *кроме всего прочего*, эффективно способствовать экономическому прогрессу. Инструментальные связи бесспорно важны (и мы коснемся их в главах 5 и 6), но значение инструментальной роли политической свободы как *средства* развития ни в коем случае не умаляет важность свободы как цели развития.

Сущность общечеловеческой свободы как преобладающего направления развития следует отличать от *инструментальной* эффективности свобод различных видов в достижении общечеловеческой свободы. Поскольку предыдущая глава была в основном посвящена наиважнейшему значению свободы как цели, в этой главе мы рассмотрим эффективность свободы как *средства*. Инструментальная роль свободы проявляется в том, как различные виды прав, возможностей и полномочий способствуют расширению общечеловеческой свободы, а тем самым и процессу развития. Дело не только в очевидной связи: расширение свободы любого вида неминуемо способствует развитию, поскольку само развитие рассматривается как процесс расширения общечеловеческой свободы в целом. Инструментальная роль свободы подразумевает много больше этой основополагающей взаимосвязи. Эффективность свободы как инструмента определяет следующее обстоятельство: различные виды свободы пересекаются друг с другом, и свобода одного вида способна во многом помочь достижению свободы других видов. Таким образом, две роли свободы пронизаны эмпирическими связями, соотносящими свободу одного вида со свободой других видов.

Инструментальные свободы

Нам еще представится случай — в эмпирической части нашего исследования — обсудить те многочисленные инструментальные свободы, которые способствуют, прямо или косвенно, достижению

«полной» свободы для реализации желаемого образа жизни. Разнообразие нашего инструментария довольно обширно. Однако для удобства мы выделим пять видов свободы, особенно важных с инструментальной точки зрения. Список далеко не исчерпывающий, но он поможет нам сосредоточиться на некоторых частных стратегических вопросах, требующих особого внимания.

Рассмотрим следующие виды инструментальной свободы: (1) *политические свободы*, (2) *экономические возможности*, (3) *социальные возможности*, (4) *гарантии прозрачности* и (5) *социальная защита*. Эти инструментальные виды свободы обычно усиливают способность отдельной личности жить более свободно, но они также способны дополнять друг друга. Если для направлений и целей, выделенных в анализе развития, инструментальные свободы приобретают серьезное значение, то такой анализ не должен упускать из виду эмпирические связи, *объединяющие* различные виды свободы и усиливающие их совместное значение. Без этих связей нам не удастся в полной мере понять инструментальную роль свободы. Утверждение о том, что свобода является не только основной целью развития, но и его основным средством, базируется, в частности, на таких связях.

Позвольте кратко остановиться на каждой из этих инструментальных свобод. *Политические свободы* в широком понимании (включая так называемые гражданские права) определяют возможности, которыми пользуются люди, решая, кто должен управлять сообществом и на каких принципах; кроме того, они предоставляют условия для общественного надзора и критики властей, политических высказываний и наличия неподцензурной прессы, создают возможности для беспрепятственного выбора между различными политическими партиями и так далее. К политическим свободам мы также относим политические права, ассоциируемые с демократией в самом широком смысле (включая наличие условий для политического диалога, оппозиции и критики, а также избирательное право и выборность законодателей и исполнителей).

Экономические возможности касаются полномочий, которыми пользуются индивидуумы при утилизации экономических ресурсов с целью потребления, производства или обмена. Экономические права отдельной личности зависят от использования ресурсов, которыми эта личность владеет или к которым имеет доступ, а также от условий обмена, таких как существующие цены и функционирование рынков. Увеличение доходов и богатства страны

в процессе экономического развития отражается в соответствующем расширении экономических прав населения. Следует отметить, что в отношениях между национальным доходом и богатством, с одной стороны, и экономическими правами отдельной личности (или семьи) — с другой, в дополнение к накопительному аспекту, важную роль играет распределительный аспект. Многое зависит от того, каким образом распределяются полученные дополнительные доходы.

Наличие и доступ к финансам зачастую оказывают ключевое влияние на то, какими экономическими полномочиями располагают экономические агенты. Это положение применимо ко всем экономическим агентам, начиная с крупных предприятий (на которых работают тысячи людей) и заканчивая крошечным бизнесом, функционирующим за счет минимального кредита. Отказ в кредите, например, может отрицательно сказаться на экономических полномочиях, опиравшихся на такой кредит.

Под *социальными возможностями* мы понимаем создаваемые обществом системы образования, здравоохранения и прочие, влияющие на базовую свободу личности «жить лучше». Социальные возможности важны не только для человека лично (например, для того, чтобы оставаться здоровым, получать своевременную медицинскую помощь и избегать преждевременной смерти), но и для более эффективного участия отдельной личности в экономической и политической жизни. Например, неграмотность становится серьезным барьером для экономической деятельности, когда требуется выполнять специальные технологические требования или соблюдать строгий контроль над качеством (как это заведено во все более глобализирующейся торговле). А неумение прочесть газету или обратиться с письменной речью к другим участникам политической жизни может затруднить политическую деятельность.

Обратимся к четвертой категории. В социальных контактах поведение индивидуумов основано на некоем допущении того, что им предложат и что они сумеют получить. В этом смысле общество функционирует, исходя из предполагаемого наличия доверия. *Гарантии прозрачности* обеспечивают необходимую открытость в соответствии с ожиданиями общества, т.е. свободу членов общества сотрудничать друг с другом в условиях гарантированной ясности и открытости. Серьезное злоупотребление доверием, уменьшающее открытость общества, может отрицательно сказаться на жизни многих людей — как непосредственно заинтересованных,

так и третьих лиц. Таким образом, гарантии прозрачности (включая право на изобличение) являются важной категорией инструментальной свободы. Инструментальная роль таких гарантий в предотвращении коррупции, финансовой безответственности и теневых сделок очевидна.

И, наконец, как бы гладко ни функционировала экономическая система, внутри нее всегда найдутся весьма уязвимые люди, терпящие лишения в результате радикальных перемен, отрицательно повлиявших на их жизнь. *Социальная защита* необходима для создания системы социального обеспечения, не позволяющей пострадавшему населению оказаться в полной нищете, а то и умереть с голоду или погибнуть. Социальная защита включает в себя постоянно действующие институциональные меры, такие как выплата пособия по безработице, материальная помощь нуждающимся, не говоря уж о таких первоочередных мерах, как помощь голодающим или создание рабочих мест в кризисных ситуациях с целью помочь заработать тем, кто лишился средств к существованию.

Взаимосвязи и комплементарность

Инструментальные свободы напрямую расширяют потенциальные возможности людей, более того, они также дополняют друг друга и, следовательно, способны друг друга усиливать. Эти взаимосвязи особенно важно учитывать при разработке стратегии развития.

Возможность совершать экономические сделки обычно становится мощным фактором экономического роста, и этот факт получил широкое признание. Однако многие другие взаимные влияния остаются недооцененными, поэтому необходимо их более глубокое изучение в рамках стратегического анализа. Экономический рост не только способствует увеличению личных доходов — он также предоставляет государству возможность финансировать социальное страхование и усиливает влияние общества на происходящие процессы. Таким образом, о роли экономического роста можно судить как по увеличению доходов населения, так и по расширению социального обслуживания (в том числе и структур социальной защиты), достигнутому благодаря экономическому росту³.

В то же время социальные возможности, созданные благодаря структурам всеобщего образования и здравоохранения и развитию свободной и активной прессы, могут способствовать не только экономическому росту, но и значительному снижению смертности. В свою очередь, снижение смертности нередко вызывает сокращение

рождаемости, т.е. развитие базового образования (особенно грамотности и начального школьного обучения среди девочек) начинает влиять на рождаемость.

Ярчайший пример стимулирования экономического роста с помощью социальных возможностей, прежде всего базового образования, нам предоставила, конечно, Япония. Нередко забывают, что даже в середине XIX века, в начале реформаторской эпохи Мэйдзи, когда индустриализация в Японии еще и не начиналась, а в Европе она шла полным ходом уже несколько десятилетий, уровень грамотности среди японцев был выше, чем среди европейцев. Японскому экономическому развитию во многом помогло развитие человеческих ресурсов на базе создаваемых социальных возможностей. Так называемое «восточноазиатское чудо», распространяющееся и на другие страны Восточной Азии, в значительной степени основано на сходных каузальных связях⁴.

Наше понимание развития идет вразрез с мнением (в немалой степени подрывая это мнение), доминирующим во многих политических кругах и состоящим в том, что «развитие человека» (как часто называют процесс совершенствования системы образования, здравоохранения и прочих условий человеческой жизни) является роскошью, которую могут позволить себе лишь богатые страны. Возможно, самым важным результатом успеха, достигнутого экономикой стран Восточной Азии, начиная с Японии, стало решительное развенчание этого живучего предрассудка. Восточноазиатские страны сравнительно рано взялись за улучшение системы образования, а немногим позже и здравоохранения, и во многих случаях *прежде*, чем было покончено со всеобщей бедностью. А что посеешь, то и пожнешь. В самом деле, как отмечал Хиромитцу Иси, приоритетное развитие человеческих ресурсов характерно именно для ранней стадии японского экономического развития в начале эпохи Мэйдзи (1868–1911); т.е. оно не предшествовало накоплению материальных ресурсов и экономическому процветанию Японии⁵.

Различные аспекты китайско-индийского контраста

Главенствующая роль индивидуальных свобод в процессе развития побуждает нас тщательно изучать формирующие их факторы. Самого пристального внимания заслуживают социальные влияния, включая действия государства, определяющие содержание и степень этих свобод. Социальные структуры способны сыграть решающую роль в сохранении и расширении свободы личности. На

индивидуальные свободы влияют, с одной стороны, социальные гарантии защиты основных прав, толерантность и возможность совершать обмен и сделки. С другой стороны, права и свободы зависят от мощи общественной поддержки, направленной на обеспечение тех условий (например, наличия здравоохранения или начального обучения), которые являются ключевыми для формирования и использования человеческих ресурсов. Эти факторы, создающие индивидуальные свободы, в равной степени существенны.

В данном контексте любопытно сравнить Индию с Китаем. С некоторых пор правительства обеих стран (Китая с 1979 года, Индии с 1991 года) предпринимают попытки сделать свою экономику более открытой, активной на международном уровне и рыночно ориентированной. Хотя усилия Индии постепенно приносят кое-какие плоды, ничем, что соответствовало бы внушительным результатам, которых добился Китай, Индия похвастаться не может. Это различие между двумя странами во многом определяется тем, что Китай оказался намного впереди Индии в смысле социальной подготовленности к тому, чтобы воспользоваться возможностями рыночной экономики⁶. Хотя правительство дореформенного Китая было настроено глубоко скептически по отношению к рынку, оно не проявляло скептицизма по отношению к базовому образованию и развитой системе здравоохранения. Когда в 1979 году Китай обратился к проведению рыночных реформ, страна уже располагала людьми с высоким уровнем грамотности, особенно среди молодежи, и качественным школьным образованием, охватывавшим практически все население. В этом отношении ситуация в Китае напоминает ситуацию в Южной Корее и на Тайване, где образование, полученное населением, также сыграло главную роль в использовании экономических возможностей, предоставляемых рыночной системой. И, напротив, когда Индия в 1991 году взялась за рыночные реформы, половина ее взрослого населения была неграмотной, и уровень грамотности в стране до сих пор не претерпел радикальных изменений.

Кроме того, китайцы намного здоровее индийцев, поскольку дореформенный режим считал своим долгом развивать общественное здравоохранение и медицинское просвещение. Любопытно, что социальные возможности, создаваемые отнюдь не в расчете на рыночно ориентированный экономический рост, были динамично использованы, когда страна перешла к рынку. Социальная отсталость Индии с ее элитарной направленностью на высшее образование, повсеместным безразличием к школьному образованию и слаборазвитой

системой здравоохранения отрицательно сказалась на готовности страны к широкомасштабной экономической экспансии. Контраст между Индией и Китаем имеет, разумеется, немало иных аспектов (включая различия в политической организации общества и серьезные различия в социальных возможностях *внутри* Индии, таких как получение базового образования и медицинской помощи); ими мы займемся позже. Однако значение радикальной разницы в уровне социальной подготовленности Индии и Китая к интенсивному рыночно ориентированному развитию достойно упоминания даже на этой, предварительной, стадии нашего анализа.

Тем не менее следует отметить, что кое в чем Китай серьезно отстает от Индии по причине неразвитости демократических свобод. Это отставание особенно очевидно во время социальных кризисов и стихийных бедствий, когда от экономической политики требуется гибкость, а от общества — активный отклик. Возможно, наиболее заметно этот контраст проявился в самом факте массового голода, вспыхнувшего в дореформенном Китае (когда тридцать миллионов человек погибли в результате провала политики «Большого скачка» в 1958–1961 годах), в то время как в Индии голода не случалось с принятия ею независимости в 1947 году. Когда все идет гладко, в защитных механизмах демократии вроде бы и нет нужды, но от беды никто не застрахован (что подтвердили недавние экономические события в Юго-Восточной Азии). К более подробному рассмотрению этого вопроса мы вернемся позже.

Инструментальные свободы связаны меж собой самыми различными способами. Роль и специфическое влияние свобод друг на друга являются важным фактором процесса развития. В последующих главах мы рассмотрим эти взаимосвязи и определим степень их важности. Но прежде, дабы понять, как эти взаимосвязи действуют, коснемся различных факторов, влияющих на долголетие и продолжительность жизни — на две эти возможности, ценимые практически всеми без исключения.

Социальные явления, обусловленные экономическим ростом

Свобода выживать может серьезно зависеть от социального устройства, и эта зависимость обусловлена влиянием различных инструментальных взаимосвязей. Бытует мнение, что выживаемость нельзя рассматривать в отрыве от экономического роста (в виде увеличения дохода на душу населения), поскольку между

душевым доходом и продолжительностью жизни существует тесная связь. Утверждают даже, что не стоит обращать внимание на некоторые расхождения между возрастанием доходов и шансами выжить, поскольку в целом статистическая зависимость между этими факторами практически очевидна. Для межрегиональных статистических зависимостей, рассматриваемых изолированно, это утверждение действительно верно, однако необходимо более тщательно изучить эту статистическую взаимосвязь с целью убедиться в том, что роль социальных мероприятий (рассматриваемых независимо от изобилия, вызванного ростом доходов) действительно незначительна.

В этом контексте представляет особый интерес статистический анализ, проведенный недавно Судхиром Анандом и Мартином Равальоном⁷. Методом межрегиональных сравнений они обнаружили, что в принципе продолжительность жизни не имеет существенной положительной корреляции с ВВП на душу населения, и проявляется эта зависимость лишь тогда, когда рост ВВП влияет на (1) доходы бедных слоев населения и (2) общественные расходы, в частности на здравоохранение. В самом деле, если включить эти две переменные в статистическое исследование (с добавлением ВВП на душу населения в качестве дополнительной каузальной зависимости), картина почти не меняется. Более того, если в качестве основных переменных оставить только доходы бедных и общественные расходы на здравоохранение, то зависимость между ВВП на душу населения и продолжительностью жизни вообще сходит на нет (как показано в исследовании Ананда-Равальона).

Важно подчеркнуть, что этот результат, даже если он подкреплен другими эмпирическими исследованиями, вовсе не означает, что продолжительность жизни не увеличивается с ростом ВВП на душу населения; данный результат указывает на то, за счет чего происходит увеличение — за счет расходов на здравоохранение и искоренение бедности. Главный вывод состоит в том, что влияние экономического роста во многом зависит от того, как используются «плоды» экономического роста. И это помогает понять, почему некоторым странам — например, Южной Корее и Тайваню — удалось в сжатые сроки увеличить продолжительность жизни посредством экономического роста.

Экономические достижения стран Восточной Азии в последние годы подвергаются довольно пристрастной критике, а иногда и сомнениям; причина тому — в корнях и масштабах

так называемого «азиатского экономического кризиса». Этот действительно серьезный кризис выявил недочеты в экономическом развитии восточно-азиатских стран, прежде — ошибочно — считавшемся успешным. Позже мы вернемся к рассмотрению специфических проблем и недочетов, породивших азиатский экономический кризис (в частности, в главах 6 и 7). Тем не менее нельзя не заметить огромных экономических достижений стран Юго-Восточной Азии, изменивших быт и продолжительность жизни людей, населяющих эти страны. Проблемы (давно назревавшие), с которыми столкнулась Юго-Восточная Азия (в том числе потребность в политических свободах и беспрепятственной политической деятельности, а также в социальной защите), требуют особого внимания, но они не должны заслонять значительные достижения этих стран в других областях.

По ряду исторических причин, включая повышенное внимание к начальному образованию и базовому здравоохранению и проведенную заранее эффективную земельную реформу, в странах Юго-Восточной Азии легче было обеспечить участие широких слоев населения в экономической жизни, нежели скажем, в Бразилии, Индии или Пакистане, где создание социальных возможностей протекало куда медленнее и где в результате эта замедленность стала препятствием экономическому развитию⁸. Расширение социальных возможностей обеспечило высокий уровень занятости в условиях развивающейся экономики, а также создание благоприятных условий для снижения смертности и увеличения продолжительности жизни. Контраст с другими странами, переживающими высокий экономический рост, — например, с Бразилией, — очевиден: ВВП на душу населения сравним с таковым в странах Юго-Восточной Азии. Однако историческое наследие абсолютно иное: значительное социальное неравенство, безработица и неразвитая система здравоохранения, — и продолжительность жизни в этих странах с высоким экономическим ростом увеличивается медленнее, чем в странах Юго-Восточной Азии.

В результате мы получили два любопытных — и взаимосвязанных — контраста:

(1) в странах с *высоким экономическим ростом* контраст наблюдается между:

1.1) теми, кто *добился* больших успехов в увеличении продолжительности и качества жизни (например, Южная Корея и Тайвань), и

- 1.2) теми, кто не добился значимых показателей в этих областях (например, Бразилия);
- (2) в странах, добившихся значительного повышения продолжительности и качества жизни, контраст наблюдается между:
 - 2.1) теми, кто добился успехов в экономическом росте (например, Южная Корея и Тайвань), и
 - 2.2) теми, кто не добился больших успехов в экономическом росте (например, Шри-Ланка, дореформенный Китай, штат Керала в Индии).

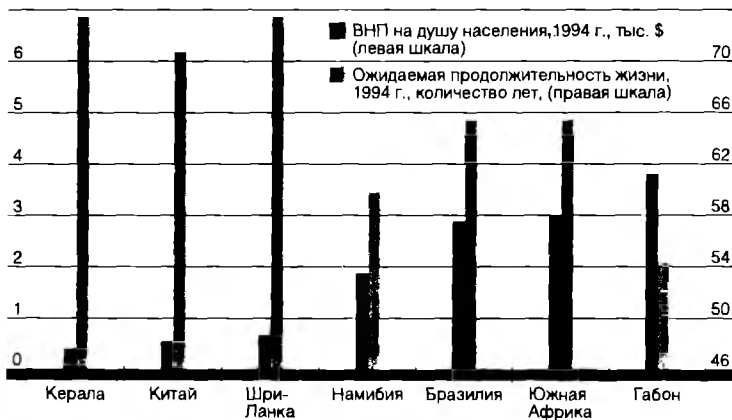
Первый контраст (скажем, между Южной Кореей и Бразилией) мы уже прокомментировали, но и второй контраст также заслуживает внимания в плане разработки экономической стратегии. В книге «Голод и роль государства» мы с Жаном Дрезом выделили две разновидности ускоренного снижения смертности и назвали их так: «обусловленные экономическим ростом» и «дотационные»⁹. В первом случае снижение смертности осуществляется за счет экономического роста, и успех этого процесса зависит от того, насколько велика база и размах экономического роста (сильная ориентация на занятость имеет при этом немалое значение), а также от того, используются ли плоды экономического процветания для расширения значимых социальных структур, в том числе здравоохранения, системы образования и социального обеспечения. В отличие от механизма, обусловленного экономическим ростом, дотационный процесс функционирует не за счет экономического роста, а посредством разветвленной программы государственной поддержки здравоохранения, системы образования и других необходимых социальных структур. Этот процесс мы наблюдаем в таких экономических сообществах, как Шри-Ланка, дореформенный Китай, Коста-Рика или штат Керала, которым удалось в сжатые сроки снизить уровень смертности и повысить продолжительность жизни без существенных успехов в экономическом развитии.

Государственное обеспечение, низкий доход и относительные издержки

Для осуществления дотационного процесса не надо дожидаться, пока реальный доход ВВП на душу населения радикально возрастет, — этот процесс происходит за счет приоритетного обеспечения населения социальными услугами (в частности, медицинской помощью и базовым образованием), что позволяет снизить смертность

и повысить качество жизни. Примеры этой взаимосвязи даны на рисунке 2.1, на котором представлены доход ВВП на душу населения и продолжительность жизни в шести странах (Китае, Шри-Ланке, Намибии, Бразилии, Южной Африке и Габоне) и одном обширном индийском штате Керала с населением в тридцать миллионов человек¹⁰. Несмотря на весьма низкие доходы, продолжительность жизни населения Кералы, Китая и Шри-Ланки выше, чем у населения более богатых стран — Бразилии, Южной Африки и Намибии, не говоря уж о Габоне. Причем обратная зависимость переменных проявляется особенно явно внутри двух групп, объединяющих (1) штат Керала, Шри-Ланку и Китай и (2) Бразилию, Южную Африку, Намибию и Габон. Поскольку разница в продолжительности жизни зависит от разнообразия социальных возможностей, играющих центральную роль в развитии (включая эпидемиологическую стратегию, здравоохранение, систему образования и так далее), точка зрения, полагающая рост доходов единственным условием роста продолжительности жизни, нуждается в серьезных поправках, если мы хотим глубже понять процесс развития¹¹. Вышеназванные контрасты подчеркивают важность социальной политики и роль дотационного процесса¹².

Рисунок 2.1 ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ (в долларах США) И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ, 1994

Источники: Country data, 1994, World Bank, World Development Report 1996; Kerala data, Life expectancy, 1989–1993, Sample Registration System cited in Government of India (1997), Department of Education, Women in India: A Statistical Profile; Domestic product per capita, 1992–1993, Government of India (1997), Ministry of Finance, Economic Survey 1996–1997

Однако финансирование дотационных процессов бедными странами не может не вызывать удивления, ибо для совершенствования социальных структур, включая здравоохранение и систему образования, нужны средства. В самом деле, нехватка ресурсов часто становится убедительным аргументом в принятии решения *по-временить* с социальными вложениями до тех пор, пока страна не разбогатеет. Где же (так звучит известный риторический вопрос) бедным странам взять средства для «поддержания» этих структур? Хороший вопрос, и на него есть хороший ответ, который содержится в экономической теории относительных издержек. Жизнеспособность дотационного процесса обусловлена тем обстоятельством, что в бедных странах обеспечение социальными услугами (например, медицинской помощью и базовым образованием) отличается *интенсивными затратами труда*, и, следовательно, эти услуги относительно недороги. У бедной страны, возможно, *меньше* денег на здравоохранение и образование, но ей также необходимо *меньше* денег для обеспечения населения услугами, которые в более богатых странах стоят дороже. Относительные цены и издержки являются важным параметром в определении того, что страна может себе позволить. В условиях соответствующей социальной направленности особенно важна необходимость учета вариабельности относительных издержек в сфере здравоохранения и образования¹³.

Очевидно, что механизм снижения смертности, обусловленный экономическим ростом, имеет преимущества перед дотационной альтернативой и его содержание в целом шире, поскольку существуют иные лишения — *кроме* преждевременной смертности, высокого уровня заболеваемости или неграмотности, — напрямую связанные с низким доходом (например, отсутствие необходимой одежды или жилья). Ясно, что наличие высокого дохода вкупе с высокой продолжительностью жизни (и прочими стандартными показателями качества жизни) лучше, чем наличие только последнего показателя. И это необходимо подчеркнуть, ибо существует опасность, что статистика продолжительности жизни и прочих подобных базовых показателей качества жизни окажет «чересчур убедительное» воздействие на ответственных лиц.

Например, то обстоятельство, что индийский штат Керала достиг впечатляющей продолжительности жизни, низкой рождаемости, высокого уровня грамотности и так далее, несмотря на низкий доход на душу населения, действительно является достижением, достойным похвал и преподающим урок остальным. И все же

остается вопрос: почему штат Керала не смог, опираясь на свои успехи в развитии человека, повысить заодно и уровень доходов на душу населения, дабы сделать свой успех более полным? Вряд ли Керала — это та «модель», которой надо следовать, как утверждают некоторые. Невзирая на необычайные успехи в повышении продолжительности и качества жизни, ситуация в Керале требует критического разбора экономической стратегии штата в отношении стимулов и инвестиций (и «экономических механизмов» в целом)¹⁴. Понятно, что дотационный метод приводит к успеху быстрее, чем процесс, обусловленный экономическим ростом, когда экономическое благосостояние и качество жизни растут одновременно.

Тем не менее успех дотационного метода говорит о том, что стране не нужно ждать, пока она станет богаче (в течение, возможно, долгого периода экономического роста), и лишь затем приступить к ускоренному развитию базового образования и здравоохранения. Качество жизни можно значительно повысить вопреки низким доходам, но благодаря адекватной программе социального обеспечения. Тот факт, что образование и здравоохранение способствуют усилению экономического роста, становится дополнительным аргументом в пользу особого внимания к этим социальным структурам в бедных странах, и не надо дожидаться, чтобы эти страны «сначала разбогатели»¹⁵. Дотационный метод является рецептом для быстрого достижения высокой продолжительности жизни и потому обладает большой стратегической важностью, но это не означает, что не надо двигаться дальше, к иным достижениям — экономическому росту и повышению качества жизни в его полном стандартном объеме.

Снижение смертности в Великобритании в XX веке

Нам представляется, что было бы весьма поучительно заново рассмотреть график снижения смертности и увеличения продолжительности жизни в развитых индустриальных странах. Роль государственного здравоохранения и обеспечения населения питанием, значение социальных структур в целом в снижении смертности в Европе и Соединенных Штатах за последние пять столетий были подробно проанализированы Робертом Фогелем, Сэмюелем Престоном и другими¹⁶. Кривая роста продолжительности жизни в XX веке представляет особый интерес с учетом того, что на рубеже XIX и XX столетий даже в Британии — в то время ведущей капиталистической стране с рыночной экономикой — ожидаемая продолжительность жизни была ниже, чем средняя продолжительность

жизни в низкодоходных странах в наше время. Однако на протяжении XX века продолжительность жизни в Британии быстро росла, отчасти благодаря социальным программам, и график этого роста довольно любопытен.

На протяжении десятилетий расширение программ социальной поддержки — обеспечение продовольствием, медицинской помощью и так далее — протекало в Британии с неодинаковой скоростью. В XX веке было два периода значительного усиления социальных стратегий, и оба эти периода приходятся на две мировые войны. В обоих случаях военная ситуация приводила к более широкому распределению средств выживания, в том числе это касается обеспечения медицинской помощью и ограниченного снабжения продовольствием (посредством карточной системы и дотаций на питание). Как показано в исследовании Джея Уинтера¹⁷, во время Первой мировой войны общественное мнение Британии начало склоняться к тому, что «надо делиться», и государственная политика была направлена на осуществление такого дележа. Во время Второй мировой войны структуры социальной поддержки также были значительно усилены, в немалой степени благодаря психологическому настрою воинственных британцев делиться благами; и в результате предпринятые радикальные меры по раздаче продовольствия и обеспечению медицинской помощью получили одобрение общества и оказались достаточно эффективными¹⁸. Именно в период двух войн в Британии зародилось государственное здравоохранение.

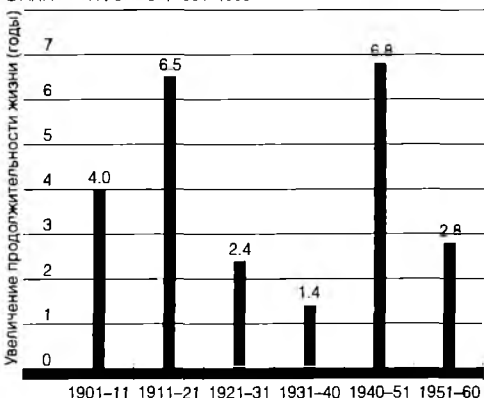
Привели ли эти меры к реальным изменениям в состоянии здоровья и выживаемости британцев? Произошло ли на самом деле резкое снижение смертности в эти периоды благодаря расширению политики социальной поддержки? Да, в самом деле, детальные исследования о питании британцев во время Второй мировой войны подтвердили: даже несмотря на то что количество продовольствия на душу населения значительно снизилось, случаи недоедания также резко *сократились*, а случаи крайней степени недоедания почти не встречались¹⁹. Уровень смертности также резко снизился (за вычетом, разумеется, военных потерь). То же явление наблюдалось и во время Первой мировой войны²⁰.

Знаменательно, что при сравнении данных за отдельные десятилетия, основанных на подекадном подсчете численности населения, выясняется, что рост продолжительности жизни в две «военные декады» стремительно и с большим отрывом опережал

таковой в прочие десятилетия (как видно из рисунка 2.2, отображающего рост продолжительности жизни в течение каждого из первых шести десятилетий XX века)²¹. Если в прочие декады продолжительность жизни возрастала довольно умеренно (прирост составлял от одного до четырех лет), то во время двух военных десятилетий произошел резкий скачок — прирост составил семь лет.

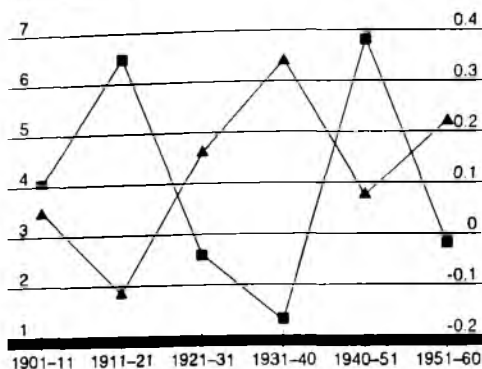
Однако мы обязаны поинтересоваться: не имеет ли резкое увеличение продолжительности жизни в военные десятилетия альтернативной причины, кроющейся в ускоренном экономическом росте? Ответ, очевидно, будет негативным. На самом деле декады быстрого повышения продолжительности жизни приходятся на период медленного роста национального продукта на душу населения, как показано на рисунке 2.3. Конечно, можно предположить наличие запоздалого — с отставанием в десятилетие — воздействия роста ВВП на продолжительность жизни, но, хотя рисунок 2.3 и не противоречит этой гипотезе, более тщательное изучение данного вопроса, включающего анализ вероятных каузальных процессов, не позволяет сделать такие выводы. Куда более приемлемое объяснение резкому повышению продолжительности жизни в Британии мы обнаружим в изменении уровня общественного распределения в военные декады и значительно усилившейся благосклонности общественного мнения в пользу социальных услуг (включая обеспечение

Рисунок 2.2. УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ
В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ, 1901–1960

Источники Preston S., Keyfitz N., Schoen R. Causes of Death: Life Tables for National Population. New York: Seminar Press, 1972.

Рисунок 2.3. РОСТ ВВП (Великобритания)
И ПОДЕКАДНОЕ ОЖИДАЕМОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ
(Англия, Уэльс). 1901–1960

- Повышение продолжительности жизни по декадам, Англия, Уэльс (левая шкала)
- ▲ Прирост ВВП на душу населения в Великобритании по декадам, 1901 – 1960 гг. (правая шкала, %)

Источники: *Madison A. Phases of Capitalist Development. New York: Oxford University Press, 1982;*
Preston S. et al Causes of Death. New York: Seminar Press, 1972.

продовольствием и медицинской помощью). Исследования состояния здоровья и прочих условий жизни британцев в военное время проливают свет на эти контрасты и их связь с общественным мнением и социальными структурами²².

Демократия и политические стимулы

Можно привести немало примеров взаимодействия прав и свобод. Позвольте коротко остановиться еще на одной взаимосвязи: между политической свободой и гражданскими правами, с одной стороны, и свободой избегать экономических катастроф — с другой. Простейшее доказательство этой связи мы усматриваем в том факте, которого я касался ранее (в главе 1 и косвенным образом в обсуждении китайско-индийского контраста в данной главе): при демократии не бывает голода. Действительно, в демократической стране, какой бы бедной она ни была, никогда не случалось массового голода²³. Объясняется это тем, что голод чрезвычайно легко предотвратить, если правительство прилагает к тому усилия, а у правительства в условиях многопартийности, демократических выборов

и свободных СМИ имеются сильные политические стимулы для предотвращения голода. Очевидно, что политическая свобода в виде демократического устройства защищает экономическую свободу (прежде всего право не голодать в особо крайних формах) и свободу выживать (а не умирать от голода).

О демократии, способной обеспечить безопасность, обычно не вспоминают, когда стране сопутствует удача, когда она не сталкивается с какими-либо серьезными бедствиями и все идет гладко. Но за фасадом здорового государства таятся опасности, порождаемые экономическими переменами и прочими обстоятельствами, в том числе не исправленными вовремя политическими ошибками. При более подробном рассмотрении взаимосвязи политических и экономических свобод (в главах 6 и 7) мы обязательно обратимся к политическим аспектам недавнего «азиатского экономического кризиса».

В заключение

Анализ, представленный в этой главе, развивает нашу основную идею о том, что расширение общечеловеческой свободы является как главной целью, так и главным средством развития. Задачей нашего исследования является определение ценности актуальных свобод, которыми пользуются люди. Индивидуальные потенциальные возможности ключевым образом зависят — кроме всего прочего — от экономического, социального и политического устройства. При создании соответствующих институциональных структур нельзя не учитывать инструментальную роль различных типов свободы, значение которой выходит за рамки фундаментальной важности общей индивидуальной свободы.

Инструментальное воздействие свободы неоднородно и обусловлено наличием различных, но взаимосвязанных компонентов, таких как экономические возможности, политическая свобода, социальные возможности, гарантии прозрачности и социальная защита. Эти инструментальные права и возможности часто пересекаются, и связи между ними могут развиваться в различных направлениях. Процесс развития самым радикальным образом зависит от этих взаимосвязей. В соответствии с множественностью этих взаимозависимых свобод необходимо развивать разнообразные институты, в том числе демократические структуры, юридические механизмы, рыночные структуры, системы образования и здравоохранения, средства массовой информации и прочие средства

коммуникации и так далее. Эти институты могут включать в себя как частные организации, так и государственные службы, а также смешанные структуры, например неправительственные организации и кооперативные объединения.

Цели и средства развития ставят свободу во главу угла. В этой перспективе каждый человек видится — при наличии возможностей — активным вершителем своей судьбы, а не пассивным потребителем тех благ, что образовались в результате хитроумных программ развития. Государство и общество играют большую роль в укреплении и сохранении человеческих возможностей. И эта роль заключается скорее в поддержке человеческой деятельности, а не в распределении готовых благ. Потому трактовка целей и средств развития с позиций свободы заслуживает самого пристального внимания.

Глава 3

Свобода и основы справедливости

Позвольте начать с притчи. Аннапурна пожелала, чтобы расчистили ее запущенный сад, а трое безработных поденщиков — Дину, Бишанну и Роджини — очень хотели получить эту работу. Аннапурна может нанять любого из них, но только одного, ибо между тремя людьми эту работу разделить нельзя. Аннапурна заплатит одинаково любому из претендентов, однако, будучи человеком рассудительным, она задумывается, кого из троих выбрать.

Аннапурна узнает, что, хотя все трое бедны, Дину — самый бедный, и все согласны с этим фактом. Нанять Дину: «Что может быть важнее, — спрашивает она себя, — чем помощь беднякам?»

Но она также узнает, что Бишанну обеднел недавно и психологически сильно подавлен этим. А Дину и Роджини, напротив, давно бедны и свыклись со своим положением. Все согласны, что Бишанну — самый несчастный из троих и потому обрадуется работе больше остальных. Аннапурна склоняется к мысли отдать работу ему: «Разве сделать человека счастливым — не самое главное?»

Однако Аннапурне говорят, что Роджини страдает хронической болезнью, которую она переносит стоически, однако с помощью заработка она избавится от ужасного недуга. Никто не отрицает, что Роджини не столь бедна, как двое других (хотя она тоже бедна), и что она не самая несчастная из них, ибо, несмотря на болезнь, держится довольно бодро, поскольку привыкла к жизненным лишениям (родившаяся в бедной семье и соответственно воспитанная, она смирилась с общепринятым мнением, будто молодой женщине, такой как Роджини, не к лицу жаловаться или лелеять большие амбиции). Тем не менее Аннапурна не исключает Роджини из числа претендентов: «Если я дам ей работу, — рассуждает она, — ее жизнь сильно улучшится и она выздоровеет».

Аннапурна в растерянности: как же ей поступить. Она понимает, что, будь ей известно только о крайней бедности Дину (и больше ни о чем), она наверняка предпочла бы нанять его. А знай она только о том (и больше ни о чем), что Бишанну несчастнее других

и потому работа принесет ему наибольшую радость, она бы с полным основанием наняла Бишанну. И, конечно, ей понятно, что, располагая она лишь тем фактом (и никакими иными фактами), что недуг Роджини можно излечить с помощью денег, которые она зарабатывает, у Аннапурны была бы простая и ясная причина взять на работу Роджини. Но Аннапурне известны все три релевантных факта, поэтому ей приходится выбирать из трех аргументов, каждый из которых не лишен убедительности.

Этот простой пример содержит несколько интересных практических проблем, но я бы хотел подчеркнуть следующее: различие в принципах отбора зависит от того, какая информация будет сочтена наиболее значимой. При выборе из трех различных фактов возникает необходимость принять решение, какой информации придать наибольший вес. Таким образом, в нашей притче принципы отбора можно рассматривать относительно их «информационной базы». Эгалитаристская ситуация с нищим Дину фокусирует внимание на лишенной доходов бедности; классический утилитаристский случай Бишанну измеряется исключительно удовольствием и счастьем; в ситуации с Роджини, касающейся качества жизни, упор делается на уровне жизни, которым каждый из трех претендентов мог бы обладать. Первые два подхода наиболее часто встречаются и обсуждаются в литературе по экономике и этике. Я попытаюсь представить аргументы в пользу третьего. Но на данном этапе мои намерения куда скромнее: я намерен лишь проиллюстрировать важность критического отношения к информационной базе конкурирующих подходов.

Далее мы обсудим (1) роль информационной базы в вынесении оценочных суждений в целом и (2) частные вопросы адекватности информационных баз, на которых основываются распространенные теории социальной этики и справедливости, а именно: утилитаризм, либертарианство и роулзианская теория справедливости. Хотя у этих трех основных течений политической философии есть чему поучиться в смысле решения информационной проблемы, мы, однако, утверждаем, что информационные базы, использованные соответственно утилитаризмом, либертарианством и роулзианской теорией, имеют серьезные недочеты, если исходить из фундаментальной важности базовых индивидуальных свобод. Такой диагноз послужил одной из мотивировок к разработке альтернативного подхода к оценке развития, ориентированного непосредственно на свободу, понимаемую как наличие индивидуальных возможностей делать то, что человек полагает ценным.

В дальнейшем основное место в нашей книге займет именно эта последняя, конструктивная часть анализа. Если читатель не слишком заинтересован в критике других подходов (и в сведениях об относительных преимуществах и проблемах утилитаризма, либертарианства и роулзианской справедливости), не будет большого вреда, если он пропустит дискуссию и перейдет прямо к последней части главы.

Учтенная и неучтенная информация

Любой оценочный подход в достаточно большой степени характеризуется его информационной базой: какую информацию сочли необходимой и — что не менее важно — какую информацию «исключили» при непосредственном вынесении оценочных суждений¹. Информационные *исключения* являются важной частью оценочного подхода. Исключенной информации не позволено оказывать какое-либо прямое влияние на оценочное суждение, но, хотя это обычно происходит неявным образом, она может серьезно повлиять на содержание теории.

Например, почти все утилитаристские принципы базируются исключительно на пользе. Несмотря на то что в методологии любой теории информация о стимулах способна сыграть немаловажную роль, информация о пользе рассматривается как единственно подходящая основа для оценки положения дел или для суждения о действиях и правилах. В классическом утилитаризме — в частности, в изложении Иеремии Бентама — польза определяется через удовольствие, счастье или удовлетворение, и потому все крутится вокруг этих явлений сознания². В рамках утилитаризма такие потенциально важные вещи, как индивидуальная свобода, осуществление или нарушение действующих прав, различные аспекты качества жизни, не отраженные напрямую в статистике удовольствий, не оказывают непосредственного влияния на нормативную оценку. На величину пользы эти категории воздействуют лишь *опосредованно* (т.е. лишь постольку, поскольку способны повлиять на ментальное удовлетворение, удовольствие или счастье). Более того, теоретики утилитаризма в большинстве случаев не проявляют какого-либо интереса — либо восприимчивости — к реальному *распределению* пользы, ибо фокусируют внимание лишь на совокупной пользе для общества в целом. Такая установка обуславливает весьма ограниченную информационную базу, а стойкое безразличие к вышеназванным проблемам существенно сужает этическую сторону утилитаризма³.

В современных формах утилитаризма содержание «пользы» часто понимается иначе: не как удовольствие, удовлетворение или счастье, а как осуществление желания либо некая репрезентация поведения человека в условиях выбора⁴. Мы еще вернемся к этим различиям внутри утилитаризма, однако нетрудно заметить, что изменения в определении пользы не преодолели равнодушия к свободам и правам человека, характерного для этой теории в целом.

Обратимся к либертарианству. В противоположность утилитаристской теории это течение не интересуется ни счастьем, ни осуществлением желаний и строит свою информационную базу исключительно на свободах и правах различных видов. Нам даже нет нужды приводить точные формулы, которыми пользуются сторонники утилитаризма и либертарианства для определения справедливости, чтобы понять: из-за контрастного содержания информационных баз понимание справедливости внутри этих течений совсем не одинаковое, а зачастую и несовместимое.

Действительно, суть любой теории справедливости можно достаточно полно «ухватить», обратившись к ее информационной базе: какая информация была использована — или не использована — в качестве необходимой⁵. Например, классический утилитаризм пытается руководствоваться информацией об относительном счастье и удовольствии различных людей (рассматриваемых в сравнении), в то время как либертарианство требует соответствия определенным правилам, обеспечивающим свободу и порядок, и оценивает ситуацию, основываясь на информации о таком соответствии. Две теории движутся в различных направлениях, и в немалой степени причиной тому служит отбор информации с точки зрения ее значимости в формировании суждений о справедливости или приемлемости различных социальных сценариев. В создании нормативных теорий вообще и теорий справедливости в частности информационная база является решающим фактором, а бывает, и становится ключевым пунктом в дебатах по поводу практических шагов в экономике (как мы увидим позже).

На следующих страницах мы рассмотрим информационные базы некоторых наиболее известных подходов к теории справедливости, начиная с утилитаризма. Многие достоинства и недостатки каждого подхода можно выявить, исследуя полноту и пределы его информационной базы. Обсуждая проблемы, с которыми сталкиваются различные теории, обычно используемые в оценочном процессе и стратегическом планировании, мы вкратце наметим

альтернативный подход к справедливости. Этот подход базируется на информации об индивидуальных свободах (а не о пользе), но ему присуще также внимание к последствиям, что, отметим, является значительным достижением утилитаризма. Такой подход к справедливости с учетом вероятных последствий мы проанализируем в этой и следующей главах.

Польза как информационная база

Информационную основу стандартного утилитаризма составляет совокупная польза, определяемая в реальной ситуации. В классической, бентамовской, версии утилитаризма «польза» индивида измеряется в определенной степени его удовольствием или счастьем. Основная идея заключается в том, что необходимо учитывать благосостояние каждого человека и, в частности, рассматривать это благосостояние прежде всего как ментальную характеристику, т.е. обретенное удовольствие или счастье. Разумеется, невозможно добиться точности, проводя межличностные сравнения счастья, а стандартные научные методы для такого сравнения малопригодны⁶. Тем не менее многие из нас не считают абсурдным (или «бессмысленным») полагать некоторых людей менее счастливыми или сильнее страдающими, чем другие.

На протяжении столетия с лишним утилитаризм являлся доминирующей этической теорией и, *inter alia*, наиболее влиятельной теорией справедливости. В традиционной экономике благосостояния и государственной политике этот подход в той модернизированной форме, которую ему придал Иеремия Бентам, долгое время занимал главенствующее положение. Утилитаризм исповедовали такие экономисты, как Джон Стюарт Милль, Уильям Стэнли Джевонс, Генри Сиджвик, Фрэнсис Эджуорт, Альфред Маршалл и А.С. Пигу⁷.

В утилитаристской оценочной системе четко прослеживаются три составляющие. Первая составляющая — «консеквенциализм», не самое благозвучное слово, которое означает, что о любом выборе (действий, правил, институтов и прочего) судят по его последствиям, т.е. по порождаемым результатам. Внимание к последствиям противостоит, в частности, тенденции, наблюдаемой в некоторых нормативных теориях, полагать некие принципы верными *независимо* от результата их применения. На самом деле консеквенциализм требует даже большего, чем просто озабоченности последствиями, поскольку внутри этого подхода последствия —

и ничто иное — считаются наиболее важным фактором. Об ограничениях, налагаемых консеквенциализмом, мы поговорим позже, пока же заметим, что эти ограничения частично порождены содержанием перечня последствий, т.е. тем, что в него включено, а что нет (например, при отборе неких действий или процессов в качестве «последствий» другого действия).

Второй составляющей утилитаризма является «вэлферизм», или экономика благосостояния. Это направление ограничивается суждением о полезности того или иного положения дел (при этом не интересуясь напрямую такими вещами, как осуществление или нарушение прав, обязанностей и прочего). Сочетание вэлферизма с консеквенциализмом порождает особое требование, а именно: судить о любом выборе по той пользе, которую он приносит. Например, о любом поступке судят по последствиям, к которым он привел (с позиций консеквенциализма), а о последствиях судят по той пользе, которую они принесли (с позиций вэлферизма).

Третья составляющая — «суммарная оценка», согласно которой польза, полученная отдельными индивидуумами, просто суммируется с целью определения совокупного достояния, при этом неважно, каким образом эта сумма распределена среди индивидуумов (т.е. выявляется максимальное значение суммарной пользы, невзирая на степень неравенства в ее распределении). Все три составляющие образуют классическую утилитаристскую формулу: о любом выборе судят по общей совокупной пользе, порожденной этим выбором⁶.

В утилитаристском подходе *несправедливость* означает совокупные убытки в пользе по сравнению с тем, что могло бы быть достигнуто. Несправедливое общество, с этой точки зрения, — такое общество, в котором люди в массе значительно менее счастливы, чем должны были бы быть. Современные формы утилитаризма отказались от преобладающей важности счастья и удовольствия. В одной из версий польза определяется как осуществление желания, и, следовательно, значимостью обладает сила осуществляемого желания, а не интенсивность образовавшегося счастья.

Поскольку и счастье, и желание плохо поддаются измерению, в современном экономическом анализе польза зачастую определяется как некое числовое выражение реального выбора индивидуума. Здесь нет нужды останавливаться на технических проблемах такой репрезентации. Базовая формула такова: если человек выберет *x*, отказавшись от альтернативного *y*, то тогда и только

тогда он получит больше пользы от x , чем от y . При составлении «шкалы» полезности нужно следовать этому правилу среди прочих других, и в таком контексте высказывание о том, что человек получит большую пользу от x , чем от y , по смыслу существенно не отличается от высказывания о том, что при выборе между x и y человек выберет x^9 .

Достоинства утилитаристского подхода

Оценочная процедура, базирующаяся на выборе, обладает как некоторыми достоинствами, так и недостатками. Главный недостаток утилитаристских вычислений состоит в том, что они не обеспечивают непосредственно какого-либо межличностного сравнения, ибо рассматривают выбор каждого индивида отдельно. Невозможность согласовать суммарную оценку с требованиями межличностного сравнения, очевидно, указывает на некоторую неадекватность утилитаристской теории. Фактически оценка полезности, основанная на выборе, используется в основном в теориях, обращенных исключительно к вэлферизму и консеквенциализму. То есть подход, основанный на пользе, не является чисто утилитаристским.

Хотя достоинства утилитаристского подхода не бесспорны, некоторые его положения более чем убедительны, а именно:

1) оценивая социальные институты, необходимо учитывать *результаты* функционирования этих институтов (озабоченность последствиями весьма похвальна, даже если сугубое следование принципам консеквенциализма представляется крайностью);

2) при вынесении суждений о социальных институтах и их результативности необходимо учитывать *благосостояние* людей (интерес к благосостоянию людей очевидно привлекателен, даже если мы не согласны с тем, каким способом это благосостояние оценивают, например, путем умозрительной оценки полезности).

Для того чтобы проиллюстрировать важность результатов, рассмотрим следующее обстоятельство: многие социальные институты хвалят по причине привлекательности присущих им черт, при этом результативные последствия их функционирования не принимаются во внимание. Возьмем, к примеру, права на собственность. Некоторые полагают их непременным условием индивидуальной независимости и требуют, чтобы никакие ограничения на обладание, наследование и пользование собственностью не налагались, иногда даже отрицается необходимость налогообложения

собственности или доходов. Другие — сторонники противоположных политических воззрений — возмущены идеей неравного владения собственностью (одни имеют очень много, а другие очень мало) и требуют отмены частной собственности вообще.

Действительно, в зависимости от различных воззрений частную собственность можно считать и привлекательной идеей, и отталкивающей. Консеквенциализм предполагает, что мы должны исходить не только из свойств, присущих институту частной собственности, но изучить также последствия обладания — или необладания — правами собственности. На самом деле наиболее убедительно частную собственность защищают те, кто выделяет положительные последствия функционирования этого института. Подчеркивается, что, судя по результатам, частная собственность зарекомендовала себя в качестве мощного двигателя экономической экспансии и процветания. С другой стороны, опять же судя по результатам, имеется немало доказательств тому, что ничем не стесненное пользование частной собственностью — без ограничений и налогов — способствует укоренению бедности и затрудняет оказание социальной поддержки тем, чье отставание в благосостоянии вызвано причинами, от них не зависящими (в том числе инвалидностью, возрастом, болезнями, экономическими или социальными бедствиями), а кроме того, наносит вред окружающей среде и тормозит развитие социальной инфраструктуры¹⁰.

Таким образом, ни одна пуристическая точка зрения не выдерживает анализа с позиций главенства результата, предполагающего, что об институтах собственности необходимо судить, хотя бы частично, по последствиям их функционирования. Это положение более чем совместимо с духом утилитаризма, даже несмотря на то что убежденные утилитаристы настаивают на весьма специфическом способе оценки последствий и их значимости. Требование судить о стратегиях и институтах по результатам их функционирования является чрезвычайно важным и разумным, и заслуга в выдвижении этого требования принадлежит главным образом утилитаристской этике.

Кроме того, утилитаристы при оценке результатов нередко используют аргументы, учитывающие уровень благосостояния человека, в отличие от каких-либо абстрактных и умозрительных экономических и политических характеристик. Фокусирование внимания на последствиях и благосостоянии имеет, на наш взгляд,

положительные стороны, и, таким образом, наша поддержка — хотя и частичная — утилитаристского подхода к справедливости основана непосредственно на его информационной базе.

Ограниченность утилитаристской перспективы

Недочеты утилитаристского подхода также берут начало в его информационной базе. В самом деле, в утилитаристской концепции справедливости нетрудно обнаружить недостатки¹¹. Упомянем лишь некоторые из них, отметив, что все они присущи теории утилитаризма в целом.

1) *Безразличие к распределению*: утилитаристские вычисления игнорируют неравенство в распределении счастья (лишь общая сумма имеет значение, и при этом неважно, сколь неравно она распределена). Хотя мы и заинтересованы во всеобщем счастье, однако предпочтительно иметь дело не только с «совокупными» величинами, но и со степенью неравномерности счастья.

2) *Пренебрежение правами, свободами и другими категориями, не связанными с пользой*. Утилитаризм не придает какого-либо самостоятельного значения правам и свободам (последние ценятся лишь опосредованно и только в той степени, в какой они влияют на пользу). Принимать во внимание счастье достаточно разумно, но это не означает, что мы согласимся быть счастливыми рабами или блаженными подданными феодала.

3) *Адаптация и изменение сознания*. Позиции утилитаризма в отношении индивидуального благосостояния нельзя назвать слишком устойчивыми, ибо их легко можно поколебать вопросом об изменениях в сознании и адаптивном поведении.

Первые два критических пункта более очевидны, чем третий, и потому я останавлиюсь лишь на третьем: проблеме ментальной адаптации и ее влияния на утилитаристские выкладки. Сосредоточенность исключительно на ментальных характеристиках (таких как удовольствие, счастье или желание) оборачивается недостатком при межличностных сравнениях благосостояния и обездоленности. Наши желания и умение получать удовольствие приспособляются к обстоятельствам, особенно в тяжелых ситуациях, когда необходимо сделать жизнь сносной. Скажем так: утилитаристские вычисления пользы бывают глубоко несправедливы к тем, кто испытывает лишения постоянно. Например, к тем, кто стоит на низшей социальной ступени в сословном обществе; угнетаемому меньшинству в не толерантных сообществах; издольщикам, рискующим

из года в год в условиях вечной нестабильности; рабочим, ежедневно работающим сверх меры на предприятиях с потогонной системой; домохозяйкам, безнадежно приниженным в ригидных культурах, опирающихся на неравноправие женщин. Неимущие склонны мириться со своими лишениями хотя бы из необходимости как-то выжить, и в результате им зачастую не хватает мужества требовать радикальных перемен, вместо этого они приспособливают свои желания и надежды к тому, что покорно считают приемлемым¹². Очевидно, что система измерения удовольствия или желания слишком растяжима, чтобы стать твердым ориентиром в вопросе о лишениях и обездоленности.

Однако важно не только указывать на тот факт, что на шкале пользы обездоленность постоянно терпящих лишения зачастую выглядит смазанной и невыразительной, но и ратовать за создание условий, в которых люди располагали бы реальными возможностями судить о том, как они хотят жить. Социальные и экономические факторы, такие как начальное образование, элементарное медицинское обслуживание и обеспечение занятостью, важны не только сами по себе, но и благодаря той роли, которую они способны сыграть в предоставлении людям возможности контактировать с обществом решительно и свободно. Такие проблемы требуют более широкой информационной базы, сфокусированной, в частности, на возможности людей жить согласно их личному разумному выбору.

Джон Роулз и приоритет свободы

Обратимся теперь к наиболее влиятельной — и во многих отношениях наиболее значительной — современной теории справедливости, авторство которой принадлежит Джону Роулзу¹³. У этой теории много составляющих, но я начну с особой, названной автором «приоритетом свободы». Формулировка, данная этому приоритету самим Роулзом, носит довольно умеренный характер, но приобретает исключительно резкую форму в современной либертарианской теории, наделяющей (например, в изящно бескомпромиссной конструкции Роберта Нозика) широко понимаемые права — от личных свобод до частной собственности — почти полным политическим превосходством над достижением общественных целей (включая борьбу с лишениями и нищетой)¹⁴. Эти права становятся чем-то вроде «боковых ограничителей», выход за пределы которых попросту не предусматривается. Процедуры, разработанные с целью гарантировать такие права независимо от последствий,

к которым приведет их осуществление, лежат в совсем иной плоскости (как заявляют либертарианисты), нежели все то, что мы можем считать привлекательным (польза, благосостояние, равенство результатов или возможностей и прочее). Следовательно, либертарианские формулировки ставят вопрос не о *сравнительной важности* прав личности, а об их *абсолютном превосходстве*.

Согласно менее амбициозным определениям «приоритета свободы», которые мы находим в либеральных теориях (и у самого Джона Роулза, что весьма примечательно), права, получившие превосходство над прочими, не столь многочисленны и в основном охватывают различные виды личной свободы, включая некоторые основные политические и гражданские права¹⁶. Однако приоритет, которым наделен этот ограниченный набор прав, считается абсолютным, и, хотя таких прав меньше, чем в либертарианской теории, здесь также недопустимо идти на какой-либо компромисс даже под давлением экономических потребностей.

С иных, не менее сильных позиций, например с позиций экономических потребностей, полный приоритет прав и свобод выглядит не столь безоговорочным. Почему статус насущных экономических потребностей, осуществление которых становится порою вопросом жизни и смерти, должен быть ниже статуса личных свобод? Этот весомый вопрос прозвучал довольно давно, и поставил его Герберт Гарт (в своей знаменитой статье, появившейся в 1973 году). В книге «Политический либерализм», написанной позже, Джон Роулз признал убедительность аргумента Гарта и попытался адаптировать его в рамках своей теории справедливости¹⁸.

Если мы хотим сделать «приоритет свободы» привлекательным даже для чрезвычайно бедных стран, его содержание, по нашему мнению, должно быть существенным образом пересмотрено. Это, однако, не означает, что мы исключаем свободу из списка приоритетов, но ее превосходство не должно приводить к пренебрежению экономическими нуждами. На самом деле существует различие между (1) строгим требованием Роулза наделить свободу в конфликтной ситуации *высочайшим рангом* и (2) той процедурой, при которой в *особых случаях* между личной свободой и преимуществами других видов проводится разделительная черта. Второе, более общее, требование состоит в необходимости оценивать свободы иначе, чем индивидуальные преимущества другого рода.

Нас беспокоит не полное превосходство свободы; проблема в другом: следует ли наделять личную свободу той же степенью

важности (*не большей*), что и другие виды личных преимуществ — доход, пользу и прочее. В частности, встает вопрос, адекватно ли значение прав и свобод, предоставляемых обществом индивидууму, тому весу, которым наделят их индивидуум, оценивая свои преимущества *в целом*. Согласно требованию главенства свободы (включая основные политические свободы и гражданские права), ценность свободы не сводима лишь к некоему преимуществу — вроде прибавки к доходу, — которое личность извлекает из этой свободы.

Во избежание недопонимания поясним, что противоречие заключается *не* в том, как граждане оценивают — с полным на то основанием — свободы и права в своих *политических* суждениях. Свободы всегда защищают, что свидетельствует об их наивысшей и общепринятой политической важности. Противоречие кроется, скорее, в том, насколько обретение больших прав и свобод увеличивает *личные* преимущества индивидуума, являющиеся *частью* его общечеловеческой свободы. Мы полагаем, что политическое значение прав может намного превосходить уровень личных преимуществ, образовавшихся в результате обладания этими правами. Кроме того, в этом вопросе затронуты интересы других (поскольку свободы различных людей переплетаются между собой), покушение же на свободу других людей является проступком, который мы с полным основанием отвергаем как нечто плохое по сути. Таким образом, личные свободы асимметричны другим источникам индивидуальных преимуществ, например доходам, которые ценятся в основном по степени увеличения личных преимуществ каждого. Защита свобод и основных политических прав должна получить ту степень процедурной приоритетности, которая следует из вышеупомянутой асимметрии.

Эта проблема особенно важна в контексте фундаментальной роли свободы и политических и гражданских прав в создании возможностей для общественных выступлений и беспрепятственных дискуссий при согласовании норм и социальных ценностей. Более подробно мы рассмотрим этот сложный вопрос в главах 6 и 10.

Роберт Нозик и либертарианство

Возвратимся теперь к абсолютному приоритету прав, включая права собственности, в более строгой версии, бытующей в либертарианской теории. Например, в подходе Нозика (изложенном в книге «Анархия, государство и утопия») «полномочия», обретаемые людьми посредством осуществления своих прав, не должны оспариваться

в связи с полученными результатами — какими бы неприглядными они ни были. Исключение Нозик делает лишь для так называемых «этических катастроф», но это исключение не очень хорошо интегрируется в теорию Нозика в целом, и, кроме того, оно ничем не подкреплено (оставаясь в значительной степени *ad hoc*). Бескомпромиссный приоритет прав и свобод в либертарианстве выглядит весьма проблематичным, когда использование этих прав приводит к серьезным бедствиям. Например, к нарушению базовой свободы индивидуумов достигать того, что они небезосновательно наделяют огромной ценностью: избежание преждевременной смерти, хорошее питание и здоровье, умение читать, писать и считать и прочее. Важность этих свобод нельзя игнорировать на основании «приоритета свободы».

Как показано в моей книге «Бедность и голод», массовый голод зачастую возникает вовсе не в результате нарушения чьих-либо либертарианских прав (включая права собственности)¹⁷. Неимущие, в основном безработные и обедневшие люди, зачастую голодают именно потому, что их «права» — сколь бы легитимными они ни были — не предоставляют им достаточного пропитания. Вероятно, голод и есть пример «этической катастрофы», о которой говорит Нозик, однако любая подобная катастрофа — от массового голода до регулярного недоедания и временного голодания — может быть вполне совместима с ситуацией, в которой ничьи либертарианские права не нарушаются. Точно так же лишения различных видов (например, недостаточная медицинская помощь в лечении несмертельных заболеваний) могут сосуществовать с полным удовлетворением всех либертарианских прав (включая право на владение собственностью).

Предлагаемая Нозиком теория политического приоритета прав, не зависящего от последствий, в значительной степени безразлична к базовым свободам, которых человек добивается или не добивается. Вряд ли мы согласимся принять процедуры и правила, *невзирая* на последствия их применения, сколь бы печальными или абсолютно неприемлемыми для человеческой жизни они ни были. И напротив, консеквенциализм как подход придает немалую важность осуществлению или нарушению индивидуальных прав (и даже порою относится к последним с особой благосклонностью), но не игнорирует при этом иные соображения, включая актуальное воздействие использование прав на базовые свободы, которыми человек в реальности располагает¹⁸. Принципиальное игнорирование

последствий, включая их влияние на насущные человеческие свободы, вряд ли можно считать адекватной базой для создания стройной оценочной системы.

В результате информационная база либертарианской теории чересчур ограничена. Она не только игнорирует категории, считающиеся весьма важными в рамках утилитаризма и экономики благосостояния, но и пренебрегает элементарнейшими свободами, которыми мы небезосновательно дорожим и которых требуем. Даже если придать свободе особый статус, вряд ли мы поверим в ее абсолютный и незыблемый приоритет, на котором настаивают либертарианские теории. В поисках определения справедливости мы нуждаемся в более широкой информационной базе.

Польза, реальный доход и межличностные сравнения

В традиционной утилитаристской этике «польза» определяется просто — как счастье или удовольствие, а иногда как осуществление желаний. Представлением о пользе как о ментальной величине (счастья или желания) оперировали не только основоположники философии утилитаризма, например Иеремия Бентам, но и утилитаристские экономисты, такие как Фрэнсис Эджуорт, Альфред Маршалл, А.С. Пигу и Деннис Робертсон. Ранее уже говорилось, что ментальные величины подвержены искажениям, обусловленным психологической адаптацией к постоянным лишениям. Собственно, субъективизм и умозрительность измерений счастья или желаний и являются основными недостатками утилитаристской теории. Можно ли избавить утилитаризм от подобной ограниченности?

Современная теория выбора, оперирующая понятием «пользы», отказалась от идентификации пользы с удовольствием или осуществленным желанием, заменив его простым числовым выражением личного выбора. Следует отметить, что эта замена не была вызвана стремлением решить проблему ментальной адаптации, но стала реакцией на критические замечания Лайонела Роббинса и других методологических позитивистов, утверждавших, что межличностные сравнения сознания различных людей «бессмысленны» с научной точки зрения. Роббинс утверждал, что «не существует способов для проведения подобных сравнений». В подтверждение своих слов он даже процитировал У.С. Джевонса, гуру утилитаризма, впервые высказавшего сомнения по этому поводу: «Сознание одного человека непостижимо для сознания другого, и никакой общий знаменатель чувств невозможен»¹⁰. Как только

экономисты убедили себя в том, что в межличностных сравнениях пользы и впрямь содержится некая методологическая неправильность, утилитаристская традиция начала допускать различные компромиссы. Один из таких компромиссов, который ныне широко в ходу, заключается в том, чтобы рассматривать пользу всего лишь как репрезентацию личных предпочтений. Как мы уже говорили, в этой версии утилитаристской теории высказывание о том, что человек получает больше пользы от x , чем от y , существенно не отличается от высказывания, что этот человек отдает предпочтение x перед y .

Преимущество такого подхода состоит в том, что он не требует сложных сравнений ментальных состояний различных людей (удовольствия или желания), но тем самым такой подход *напрочь* перекрывает доступ к непосредственным межличностным сравнениям пользы (пользы как индивидуально градуированных предпочтений личности). В реальности человек не может стать кем-то другим, однако межличностные сравнения пользы, основанные на результатах выбора, не способны учесть разнородности совершаемого выбора²⁰.

Если предпочтения различных людей различны (и выражены, скажем, в различных требованиях), очевидно, что межличностные сравнения невозможны. Но что если мы *разделяем* одни и те же предпочтения и делаем одинаковый выбор в схожих обстоятельствах? Вероятно, это был бы совершенно особый случай (ведь, как заметил Гораций, «пристрастий на свете столько же, сколько людей»), тем не менее любопытно узнать, возможны ли межличностные сравнения при этом особом допущении. Действительно, в экономике благосостояния часто допускается общность предпочтений и одинаковость поведения в условиях выбора, что, в свою очередь, используется для оправдания другого допущения: функция пользы у всех людей одинакова. В результате мы получаем условность межличностного сравнения полезности в двойной степени. Легитимно ли такое двойное допущение для интерпретации пользы с помощью числового выражения предпочтений?

Ответ, к сожалению, отрицательный. Ясно, что из допущения одинаковости функции пользы вытекает одинаковость предпочтений и поведения в условиях выбора, но то же самое вытекает и из других допущений. Например, если один человек получает ровно *половину* (или треть, сотую или миллионную часть) пользы от каждого набора товаров, столько же, сколько и другой человек, то

поведение обоих при выборе и их функции спроса будут идентичны, однако очевидно — и это явствует из условий задачи, — что уровень пользы, полученной от каждой единицы набора, будет неодинаков. Для поведения в условиях выбора нельзя вывести одну-единственную формулу, ибо такое поведение всегда обусловлено широким разнообразием функций пользы²¹. Совпадение же поведения в условиях выбора не обязательно указывает на общность понимания пользы²².

И это не просто «досадная шероховатость» теории: такая шероховатость самым кардинальным образом сказывается на практике. Например, даже если человек — угнетенный, нетрудоспособный или больной — обладает точно такой же функцией спроса на группу товаров, что и другой человек, но только трудоспособный и пребывающий в добром физическом и психическом здравии, то было бы абсурдно утверждать, что первый получит ту же пользу (или благосостояние, или качество жизни) от этих товаров, что и второй. Ясно, что бедняк, страдающий от желудочных паразитов, предпочтет два килограмма риса одному, точно так же, как и другой человек, столь же бедный, но здоровый. Однако из этого еще не следует, что оба могли бы одинаково прекрасно обойтись, скажем, одним килограммом риса. Таким образом, допущение одинаковости поведения в условиях выбора и функции спроса (не слишком реалистичное в любом случае) не дает никаких оснований ожидать одинаковой функции пользы. Межличностные сравнения и интерпретация поведения в условиях выбора — вещи достаточно разные, но обе они возможны лишь в рамках определенной концептуальной установки.

Вышеуказанные трудности зачастую игнорируются при так называемых *сравнениях пользы*, базирующихся на поведении в условиях выбора, на практике, однако, такого рода сравнения ограничиваются в лучшем случае «реальным доходом» — или *товарным базисом* пользы. Впрочем, реальные доходы тоже нелегко поддаются сравнению, если различные люди обладают различными функциями спроса, что в результате сужает рациональную ценность сравнений товарного базиса пользы, не говоря уж о разновидностях самой пользы. Мы не можем трактовать сравнение реальных доходов как сравнение обретенной пользы по причине серьезной ограниченности этого метода, вызванной частично полной произвольностью (даже если функции спроса различных людей одинаковы) допущения одинаковости уровня пользы, получаемого от некоторого

набора товаров различными людьми, и частично — трудностями индексации товарного базиса пользы (когда функции спроса отличны друг от друга)²³.

На практическом уровне самая большая проблема в трактовке благосостояния относительно реального дохода, вероятно, связана с человеческим разнообразием. Разница в возрасте, поле, особых талантах, недугах, болезненности и прочего приводит к тому, что два разных человека обладают абсолютно различными возможностями в смысле качества жизни, даже когда они обладают совершенно одинаковым набором товаров. Человеческая неоднородность является одним из препятствий, ограничивающих использование сравнений реальных доходов при оценке индивидуальных преимуществ. Эти и прочие трудности мы рассмотрим в следующем разделе при обсуждении альтернативного подхода к межличностным сравнениям преимуществ.

Благосостояние: различия и неоднородность

Материальной базой нашего благосостояния являются доходы и товары. Но то, какую пользу каждый из нас извлекает из данного набора товаров или, в более широком смысле, из определенного уровня доходов, зависит от многочисленных случайных обстоятельств, как личных, так и социальных²⁴. Не составляет труда выделить по крайней мере пять источников, обуславливающих различия между преимуществами, которые мы извлекаем из наших реальных доходов, т.е. различную степень свободы, которую мы «извлекаем» из нашего благосостояния.

1) *Человеческая неоднородность*. Люди обладают разнообразными физическими характеристиками, связанными с трудоспособностью, болезнями, возрастом или полом, что порождает разнообразие в их потребностях. Например, больному человеку требуется больший доход, чтобы бороться с болезнью, — доход, в котором человек, не страдающий такой болезнью, не нуждается; даже получая медицинскую помощь, больной человек не всегда обладает таким же качеством жизни, каким при данном уровне доходов обладает другой человек. Инвалиду необходимо протезирование, пожилому — помощь и поддержка, беременной женщине — усиленное питание и так далее. Компенсация «недостаточности» доходов может быть различной, и, более того, некоторые виды «недостаточности» невозможно полностью «скорректировать» посредством перераспределения доходов.

2) *Неоднородность окружающей среды.* Различия в окружающей среде — например, в климатических условиях (разброс температур, уровень осадков, затопляемость и так далее) — сказываются на том, что человек может извлечь из определенного уровня доходов. В более холодном климате потребность в обогреве и теплой одежде становится для неимущих проблемой, о которой столь же неимущие люди в более теплых краях не ведают. Наличие в регионе инфекционных заболеваний (от малярии и холеры до СПИДа) меняет качество жизни его населения. То же самое верно в отношении загрязнения окружающей среды и иных неблагоприятных экологических факторов.

3) *Различия в социальном климате.* Конверсия личных доходов и ресурсов в качество жизни зависит также от социальных условий, в том числе от системы образования, уровня преступности и насилия в данном районе проживания. Частота эпидемий и степень загрязнения окружающей среды определяется не только экологической ситуацией, но и социальной. Кроме социальных структур, важную роль играет характер взаимоотношений в обществе; этой роли особое внимание уделено в современных исследованиях «общественного капитала»²⁵.

4) *Расхождения в установках.* Поведенческие модели, определяющие уровень материальных запросов, могут быть различными в разных сообществах в зависимости от условностей и обычаев. Например, *относительная* бедность внутри богатого сообщества может стать препятствием к обладанию некоторыми элементарными «функциями» (например, участие в жизни сообщества), при том что такая «бедность» обычно намного превышает тот уровень доходов, которого членам более бедного сообщества вполне достаточно, чтобы функционировать легко и успешно. Например, для того, чтобы «не позориться перед людьми» в относительно богатом сообществе, требуется придерживаться более высоких стандартов в одежде и прочих видимых признаках потребления, чем в бедном сообществе (об этом говорил еще Адам Смит более двух столетий назад²⁶). Та же подвижность в оценке параметров благосостояния приложима и к личным ресурсам, необходимым для самоуважения. Подобные расхождения внутри сообщества являются скорее не межиндивидуальными, но межсоциальными. Однако обе стороны проблемы зачастую тесно переплетены.

5) *Распределение внутри семьи.* Доход, зарабатываемый одним или несколькими членами семьи, делится на всех. Его получают

и те, кто зарабатывает, и те, кто не зарабатывает. Семья, таким образом, является базовой единицей для изучения дохода с точки зрения его пользы. Благополучие и свобода индивидов в семье зависят от того, каким образом распределение семейного дохода согласуется с интересами и целями каждого члена семьи. Следовательно, внутрисемейное распределение дохода является ключевой параметрической переменной, связывающей индивидуальные достижения и возможности с общим уровнем семейного благополучия. От правил распределения, которым следуют в семье (учитывая пол, возраст или насущные потребности), во многом зависят успехи и неудачи отдельных членов семьи²⁷.

Причины, обуславливающие многообразие связей между доходом и благополучием, превращают богатство — в смысле высокого реального дохода — в ненадежный индикатор благополучия и качества жизни. Позже мы вернемся к этому многообразию и его значению (в частности, в главе 4), но прежде зададимся вопросом: какова же альтернатива? И попробуем на него ответить.

Доходы, ресурсы и свобода

В литературе на данную тему давно укоренилось понимание бедности как всего лишь дефицита дохода. Нельзя назвать эту точку зрения глупой, поскольку доход — в его совокупности — оказывает огромное влияние на то, что мы можем и чего не можем делать. Неадекватность дохода часто становится главной причиной разного рода лишений — в том числе, недоедания и голода, — которые мы привыкли ассоциировать с бедностью. У нас есть все основания *начать* изучение феномена бедности с анализа информации — доступной нам на данный момент — о распределении доходов, особенно низких реальных доходов²⁸.

Однако имеется столь же веская причина не *ограничиваться* в таковом исследовании рассмотрением доходов. Классический анализ «первичных благ» Джона Роулза предоставляет нам более широкий взгляд на ресурсы, в которых нуждаются люди, независимо от их конечных целей; частью этих ресурсов наравне с другими универсальными средствами является доход. Первичные блага — это универсальные средства, помогающие каждому человеку добиваться своих целей, в их число входят «права, свобода и благоприятные возможности, доходы и богатство, социальные основы самоуважения»²⁹. Сосредоточенность на первичных благах в теории Роулза связана с его пониманием индивидуальных преимуществ как

возможностей личности преследовать свои цели. Роулз определяет эти цели как стремление претворить в жизнь индивидуальную «концепцию блага», которая у каждого человека своя. Если индивидуум, невзирая на обладание таким же набором первичных благ, каким обладает и другой человек (или даже большим), в конечном счете менее счастлив (например, потому, что у него дорогие пристрастия), значит, о несправедливости в этом пространстве полезности не может быть и речи. Человек, утверждает Роулз, должен нести ответственность за свой выбор³⁰.

Однако расширение информационного фокуса от доходов до первичных благ не предоставляет нам адекватного метода для объяснения всех расхождений во взаимосвязях между доходами и ресурсами, с одной стороны, и благосостоянием и свободой, с другой. В самом деле, первичные блага являются в значительной степени разновидностями универсальных ресурсов, а использование этих ресурсов с целью обретения способности производить ценности зависит практически от того же перечня факторов, который мы рассматривали в предыдущем разделе в контексте зависимости благосостояния от дохода: человеческая неоднородность, неоднородность окружающей среды, различия в социальном климате, разнообразие установок и распределение внутри семьи³¹. Здоровье человека и возможность быть здоровым могут, например, зависеть от немалого количества переменных³².

Для исследователя альтернативой средствам достижения хороших условий жизни могут служить *реальные условия жизни*, которых людям удастся достичь (или в более широком аспекте, *свобода*, способствующая достижению тех реальных условий жизни, которые человек имеет все основания ценить). Современные экономисты, начиная с А.С. Пигу, не раз делали попытки сосредоточиться непосредственно на «уровне жизни» и элементарных составляющих этого понятия, а также на удовлетворении основных потребностей³³. Начиная с 1990 года под руководством Махбаба уль Хака (выдающегося пакистанского экономиста, внезапно скончавшегося в 1998 году) в рамках программы развития ООН публиковались ежегодные отчеты по «развитию человека», систематически освещавшие реальную жизнь людей, особенно неимущих³⁴.

Интерес к реальной жизни людей — не новость в экономике (мы упоминали об этом в главе 1). Действительно, описание Аристотелем человеческой добродетели (как показала Марта Нуссбаум) связано с необходимостью «первым делом определить функции

человека», а потом уже переходить к исследованию «жизни в смысле деятельности» как фундаменту нормативного анализа³⁵. Интерес к условиям жизни отчетливо прослеживается (как было сказано ранее) и в сочинениях об успехах национальной экономики, созданных первыми экономистами-аналитиками, такими как Уильям Петти, Грегори Кинг, Франсуа Кенэ, Антуан-Лоран Лавуазье и Жозеф-Луи Лагранж.

Этим направлением немало занимался и Адам Смит. Как упоминалось ранее, Смит интересовался такой потенциальной функцией, как «возможность не стыдиться перед людьми» (а не только реальным доходом или количеством товаров, которыми владеет индивидуум)³⁶. Согласно смитовскому анализу, то, что в обществе считается «необходимым», следует определять как потребность в создании некоторого минимального уровня необходимых свобод, например возможности появляться на людях не стыдясь или принимать участие в жизни сообщества. Об этой проблеме Адам Смит писал так:

Под предметами необходимости я разумею не только предметы, которые безусловно насущны для поддержания жизни, но и такие, обходиться без которых в силу обычаев страны считается неприличным для почтенных людей даже низшего класса. Полотняная рубашка, например, отнюдь не является, строго говоря, предметом необходимости. Греки и римляне, надо думать, жили с большим удобством, хотя и не имели белья; но в наше время даже денщик постыдится показаться на людях без полотняной рубашки. Отсутствие оной будет сочтено свидетельством той унижительной степени бедности, в которую, как предполагается, никто не может впасть иначе, чем в результате чрезвычайного предосудительного поведения. Точно так же обычай сделал кожаную обувь предметом жизненной необходимости в Англии. Самый бедный, но достойный человек независимо от пола постыдится появиться на людях без нее³⁷.

Подобным образом в современной Америке или Западной Европе отдельной семье нелегко принимать участие в жизни сообщества, если она не обладает некоторыми специфическими предметами потребления (например, телефоном, телевизором или автомобилем), предметами, не являющимися жизненно важной необходимостью

в более бедном обществе. Фокус же нашего анализа направлен скорее на свободы, «генерируемые» товарами, нежели на товары, рассматриваемые вне связи с чем бы то ни было.

Благосостояние, свобода и потенциальные возможности

Мы уже делали попытки доказать, что многие оценочные процессы должны протекать не в «пространстве» полезности (как утверждается в экономике благосостояния) или первичных благ (как того требует Роулз), а в рамках базовых свобод (они же потенциальные возможности), поскольку именно они способствуют выбору образа жизни по собственному разумению³⁸. Если взять за предмет исследования реальные возможности, благодаря которым личность способна преследовать свои цели (как без обиняков рекомендует ей Роулз), то нам придется учитывать не только первичные блага, которыми каждый человек владеет, но также и соответствующие личностные характеристики, управляющие процессом *конверсии* первичных благ в способность личности достигать своей цели. Например, инвалид может обладать большей корзиной первичных благ, но меньшими шансами вести нормальную жизнь (либо добиваться своих целей), чем физически здоровый человек, обладающей меньшей потребительской корзиной. Точно так же пожилой либо склонный к различным заболеваниям человек обладает меньшими преимуществами в житейском смысле, хотя и обладает большим набором первичных благ³⁹.

Концепция «функций», имеющая очевидное родство с аристотелевой философией, охватывает различные действия или состояния, ценные с точки зрения той или иной личности⁴⁰. Эти высокоценимые функции варьируются от элементарных, таких как хорошо питаться или вылечиться от поддающегося лечению заболевания⁴¹, до очень сложных видов деятельности либо состояний личности, например возможности принимать участие в жизни общества или испытывать самоуважение.

«Потенциальные возможности» личности отсылают нас к альтернативному набору функций, доступных этой личности. Таким образом, потенциальная возможность — это вид особой свободы, свободы обретать альтернативный набор функций (или, проще говоря, свободы обретать желаемый образ жизни). Например, зажиточный человек во время поста, вероятно, «функционирует» в отношении еды и питания точно так же, как и неимущий человек,

вынужденный голодать, но «набор потенциальных возможностей» у этих двоих далеко не одинаков (первый *может* в принципе вкусно поесть и питаться так, как второй позволить себе не может).

Вопрос о том, какие именно функции следует включать в перечень важных достижений и соответствующих необходимых возможностей, может вызвать горячие споры⁴². Такая ценностная проблема неизбежна при оценочном исследовании наподобие проводимого нами, и одним из главных достоинств нашего подхода является то, что мы обсуждаем эти спорные вопросы открыто, а не уклоняемся от них как от чего-то само собой разумеющегося.

Здесь не место для подробного описания технических приемов, используемых для репрезентации и анализа функций человека и его потенциальных возможностей. Величина или степень каждой функции, которой обладает отдельная личность, может быть представлена численным выражением, и тогда личное реальное достижение рассматривается как *функциональный вектор*. «Набор потенциальных возможностей» состоит из альтернативных функциональных векторов, предоставленных человеку на выбор⁴³. Если комбинация функций индивида отражает его реальные *достижения*, то набор потенциальных возможностей означает *свободу* достигать альтернативные личные функции, из которых человек имеет возможность выбирать⁴⁴.

Оценочный фокус такого «возможностного подхода» может быть направлен либо на *реализованные* функции (на то, что человек реально способен делать), либо на *ряд потенциальных альтернатив*, доступных индивидууму (т.е. на реальные возможности). Эти две категории предоставляют различную информацию: первая — о реальных поступках, а вторая — о том, что человек действительно свободен делать. В экономической литературе использовались обе версии возможностного подхода, иногда в сочетании⁴⁵.

Согласно традиции, прочно укоренившейся в экономике, истинная ценность набора возможностей заключается в их наилучшем применении и (при условии максимально направленного поведения и отсутствия сомнений) *реальной* пользе как результате этого применения. Следовательно, практическая ценность любой возможности зависит от ценности одного из ее производных элементов (а именно — потенциально наилучшего выбора или реального выбора)⁴⁶. В таком случае изучение *выбранного функционального вектора* совпадает по содержанию с изучением *набора потенциальных возможностей*, поскольку в целом о последнем мы судим по первому.

Свободе, отраженной в наборе потенциальных возможностей, можно найти и иное применение, ибо ценность набора не обязательно идентифицируется с ценностью его наилучшего — или произвольно выбранного — элемента. Нам ничто не мешает надеть определенной значимостью и неиспользованные возможности. Такое направление исследования, когда *процесс*, порождающий результат, важен сам по себе, представляется вполне естественным⁴⁷. Действительно, «процесс совершения выбора» можно считать ценной функцией, и понятно, что обретение x при отсутствии альтернативы неравнозначно выбору x при наличии весомой альтернативы⁴⁸. Соблюдение поста не то же самое, что вынужденное голодание. Потенциальная возможность потреблять пищу делает пост тем, что он есть на самом деле, а именно — выбором в пользу голодания, когда в принципе можно нормально питаться.

Значимость, ценность и социальный выбор

Индивидуальные функции легче поддаются межличностному сравнению, чем польза (или счастье, удовольствие и желания). Кроме того, многие релевантные функции — обычно не ментального плана — можно рассматривать отдельно от их умозрительной оценки (вне категории «ментальной адаптации»). Вариативность способов конверсии средств в цели (или свободу достигать эти цели) уже отражена в широте тех стремлений и свобод, которые фигурируют в перечне целей. В этом и заключается преимущество использования категории потенциальных возможностей в оценочном процессе.

Межличностные сравнения преимуществ также требуют в *принципе* «обобщения» его неоднородных компонентов. Исследование же потенциальных возможностей неизбежно плюралистично. Во-первых, функции индивида различаются по степени важности. Во-вторых, нередко возникает вопрос: чему придать большую значимость — фундаментальной свободе (как набору потенциальных возможностей) или реальному достижению (выбранному функциональному вектору). Наконец, поскольку никто не утверждает, что возможностный подход позволяет оперировать в оценочном процессе всеми релевантными параметрами (наделять, например, значимостью правила и процедуры, а не только свободы и результаты), необходимо решить, сколь большую значимость следует придать потенциальным возможностям по сравнению с прочими важными категориями⁴⁹.

Не мешает ли плюрализм адекватному применению возможностного подхода для оценочных целей? Ни в коем случае. Требование оценки только одной гомогенной величины приводит к катастрофическому сужению оценочного процесса. Мы не ставим в заслугу классическому утилитаризму то, что он оценивает исключительно удовольствие, не интересуясь непосредственно свободой, правами, творческим потенциалом или реальными условиями жизни. Настаивать на техническом удобстве использования только одной гомогенной «удобной величины» означает отказывать человеку в способности развиваться. Это все равно, что, пытаясь облегчить жизнь повару, ограничиться одним конкретным любимым блюдом (например, копченой семгой или жареным картофелем) либо каким-нибудь одним качеством, которому мы придаем максимальное значение (например, соленостью еды).

Неоднородность факторов, влияющих на индивидуальные преимущества, является неременной чертой реального оценочного процесса. Если мы произвольно закроем глаза на эту проблему и станем просто-напросто исходить из допущения существования одного фактора (например, «дохода» или «пользы»), относительно которого можно судить о совокупном преимуществе любого человека и проводить межличностные сравнения (при этом разнообразие потребностей, личные обстоятельства и прочее просто не учитываются), то такой подход будет означать не решение проблемы, а уклонение от ее решения. Отдельные предпочтения обладают некоторой очевидной привлекательностью при изучении потребностей отдельной личности, но (как говорилось ранее) сами по себе они практически не годятся для межличностных сравнений — главным моменте любого социального оценочного процесса. Даже если принять предпочтения отдельной личности за высший критерий благосостояния, даже если все иное, отличное от благосостояния (например, свобода), игнорируется и даже если — вообразим столь особый случай — все люди обладают *одинаковой* функцией спроса или картой предпочтений, то и в такой ситуации сравнение рыночной стоимости потребительских корзин (либо их относительное позиционирование на общем графике предпочтений) почти ничего не даст нам в смысле межличностных сравнений.

Оценочные методы, использующие большое число категорий, открыто признают их значительную неоднородность. Например, роулзианский анализ полагает первичные блага существенно диверсифицированными (включая «права, свободы и возможности,

доход и богатство, а также социальную базу для самоуважения»); Роулз рассматривает их сквозь призму совокупного «индекса» владения первичными благами⁵⁰. Хотя и в роулзианском методе, и в методе, использующем функции индивидуума, оценочный процесс в виде суждений происходит в пространстве, наделенном изменчивостью, первый метод информационно беднее по причинам, упомянутым ранее: вследствие параметрических расхождений между ресурсами и первичными благами и возможностями достичь высокого качества жизни.

Впрочем, мы не ждем от оценочного процесса «всего или ничего». Иногда неполнота выводов обусловлена непосредственно спецификой фокусного пространства. Обозначая некоторые функции индивида как существенные, мы определяем исследуемое пространство, в рамках которого с помощью метода иерархичности добиваемся «частичного упорядочивания». Если индивид i обладает большим числом наиболее важных функций, чем индивид j , или по крайней мере большинством таких функций, то функциональный вектор i ценится явно выше, чем вектор j . Такое частичное ранжирование можно расширить за счет определения вероятной значимости других функций. Разумеется, единый перечень значимостей, разработанный специально для оценочного процесса, стал бы достаточным условием для создания полной классификации, но обычно в этом нет необходимости. При наличии согласованного «интервала» значимостей (т.е. договоренности о том, что значение функции выбирается из определенного интервала либо направление отбора не обговаривается) мы получим частичную классификацию, базирующуюся на пересечении позиций. Эта частичная классификация будет постоянно расширяться по мере все большего сужения интервала. И в процессе сужения интервала — но прежде, чем значимости станут несравнимыми, — частичная классификация становится полной⁵¹.

Очевидно, что при любом оценочном процессе такого рода ключевой проблемой становится метод отбора значимых показателей, или значимостей. Этот вопрос может быть решен только посредством обоснованных оценочных суждений. Для отдельного человека, выносящего суждение, отбор значимостей потребует конкретных размышлений, а не межличностных договоренностей (или консенсуса). Однако при «согласовании» интервала для оценки социального процесса (например, при социальном исследовании бедности) возникает необходимость во взвешенном «консенсусе»

относительно значимостей или, по крайней мере, интервала значимостей, т.е. осуществление «социального выбора» требует общественной дискуссии и демократического соглашения и признания⁵². Эта специальная проблема напрямую связана с использованием функционального пространства индивидов.

В вопросе отбора значимостей стоит коснуться любопытного противостояния между «технократией» и «демократией». Процедура отбора, основанная на демократичном поиске договоренностей или консенсуса, порою бывает чрезвычайно бестолковой, и многие технократы, раздосадованные такой бестолковостью, мечтают о чудесной формуле, с помощью которой можно было бы просто находить точную и «правильную» величину значимости. Однако никакой волшебной формулы, разумеется, не существует, ибо вопрос о значимостях предполагает вынесение оценочного суждения, а не создание безличностной технологии.

Тем не менее ничто не мешает нам предложить свою собственную формулу для проведения обобщений. Однако в процессе отбора, являющемся прежде всего общественным, статус этой формулы должен быть подтвержден другими лицами. Впрочем, тоска по «абсолютно корректной» формуле, которую нельзя было бы оспорить, по-видимому, неизбывна. Хороший тому пример — энергичная критика Т.Н. Сринивазаном возможностного подхода (частично использованного в сборнике «Развитие человека» Комиссии по экономическому развитию при ООН). Т.Н. Сринивазана беспокоит «переменное значение различных потенциальных возможностей», и он предлагает отказаться от этого подхода в пользу преимуществ «реального дохода, обеспечивающего метрическое измерение значимости товаров — их меновой ценности»⁵³. Насколько убедительна такая критика? Ясно, что рыночную стоимость можно измерять, но что это нам дает?

Как уже говорилось, «числовое измерение» меновой ценности не приведет нас к межличностным сравнениям уровней полезности, ибо такие сравнения нельзя проводить на основании поведения в условиях выбора. В этот вопрос изрядную путаницу внесла ошибочная трактовка традиционного понятия пользы (свойственная в определенном контексте теории потребления) как простого числового выражения данного индивидуального выбора. Числовое выражение удобно для определения пользы при анализе потребительского поведения каждого человека в отдельности, но создать на его основе какую-либо процедуру для реальных межличностных

сравнений невозможно. Попытка Пола Самуэльсона доказать, что «при описании обмена нет необходимости проводить межличностные сравнения пользы»⁶⁴, является другой стороной той же медали: из «метрического измерения меновой ценности» мы ничего не узнаем о межличностном сравнении пользы.

Как было отмечено ранее, трудность межличностных сравнений существует, даже если функция спроса у всех одинакова. Она увеличивается, когда индивидуальные функции различны, в этом случае даже сравнение товарного базиса пользы становится проблематичным. Ничто в методологии анализа, включая теорию предпочтений, не позволяет усмотреть межличностные сравнения пользы или благосостояния в наблюдаемом выборе товаров и, следовательно, в сравнении реальных доходов.

Действительно, при наличии межличностного разнообразия в возрасте, поле, врожденных талантах, физических недостатках, болезнях и размере личного имущества выбор товаров немного расскажет нам о том, какую жизнь ведет тот или иной человек. Таким образом, реальный доход является довольно тусклым показателем ценностных компонентов благосостояния и качества жизни. Необходимость оценочного суждения принципиально неизбежна при сравнении индивидуального благосостояния и качества жизни. Более того, когда для этой цели используются реальные доходы, долг всякого, кто высоко ценит роль гласности в обществе, указать на то, что при таком сравнении оценочное суждение необходимо и что значимости, использованные достаточно произвольно, должны быть подвергнуты общественной оценке. Когда возникает обманчивое впечатление, что «измерительный параметр» для оценки пользы потребительского набора относительно рыночной цены *незыблем*, это является скорее недостатком, чем достоинством оценочной методики. Если информированное общественное мнение играет ключевую роль в социальном оценочном процессе (а мы полагаем, что так оно и есть), неявные ценности следует делать более явными, а не прятать их от глаз общественности под тем сомнительным предлогом, что они являются неотъемлемой составляющей «готового» измерительного параметра, которое общество может напрямую использовать без лишних хлопот.

Поскольку в экономической среде весьма распространено «пристрастие» к оценочным процессам, базирующимся на рыночной цене, необходимо подчеркнуть, что все переменные, кроме личного имущества (в том числе столь важные, как смертность,

заболеваемость, образование, индивидуальные свободы и существующие права), получают — неявно — нулевую значимость в оценках, основанных исключительно на реальных доходах. Эти показатели могут обрести лишь *опосредованную* значимость, но только в том случае, когда они увеличивают реальные доходы и размер личного имущества. Подмена сравнения уровня благосостояния сравнением реальных доходов дорого обходится обществу.

Таким образом, с методологической точки зрения, мы должны настаивать на наделении различных компонентов качества жизни (или благосостояния) обоснованно оцененными величинами значимости, чтобы затем представить выбранные значимости для открытой общественной дискуссии и критического разбора. При любом выборе критериев для оценочного процесса мы сталкиваемся не только с суждениями, получившими всеобщее одобрение, но и с такими, по которым полное согласие недостижимо. Это неизбежно в исследованиях общественного выбора подобного рода⁵⁵. Проблема, собственно, заключается в том, сумеем ли мы использовать для оценочных целей получившие наибольшую общественную поддержку критерии, а не приблизительные показатели, нередко рекомендуемые «по техническим причинам», как например, измерение реальных доходов. Для оценочной базы социальной политики эта проблема крайне важна.

Информационная база потенциальных возможностей: альтернативное применение

Категория потенциальных возможностей может быть использована различными способами. Вопрос о том, какую практическую *стратегию* следует избрать для оценки социальной политики, необходимо отличать от *фундаментальной* проблемы поиска наилучшего способа оценки индивидуальных возможностей и проведения межличностных сравнений. На фундаментальном уровне возможностный подход обладает некоторыми очевидными достоинствами (по причинам, обсуждавшимся ранее) по сравнению с абсолютизацией таких инструментальных переменных, как доход. Это, однако, не означает, что на *практике* самым плодотворным направлением является всегда и исключительно измерение возможностей.

Некоторые потенциальные возможности измерить труднее, другие легче, и попытки выразить их в числовом виде порою скрывают больше, чем выявляют. Зачастую уровень доходов — при необходимости корректировке разницы цен и разнообразия индивидуальных

и групповых обстоятельств — может сыграть эффективную роль в качестве старта для практического оценочного процесса. Использование любых доступных данных для проведения оценочного процесса и стратегического анализа продиктовано прагматическими соображениями и вполне совместимо с возможным подходом.

Фундаментальная проблема может быть переведена в практическую плоскость тремя альтернативными способами⁵⁶.

1) *Прямой метод*. С помощью этого универсального метода любые мнения о преимуществах личности подвергаются непосредственному рассмотрению путем изучения и сравнения векторов функций и возможностей индивида. Во многих отношениях это самый непосредственный и полноценный способ ввести компоненты потенциальных возможностей в оценочный процесс. Прямой метод может приобретать различные формы, а именно:

- 1.1) «общее сравнение» — ранжирование всех векторов относительно друг друга в рамках бедности или неравенства (или в рамках любого другого предмета исследования);
- 1.2) «частичное ранжирование» — позиционирование некоторых векторов относительно других, не требующее полного оценочного ранжирования;
- 1.3) «выборочное сравнение возможностей» — сравнение какой-либо возможности, выбранной в качестве фокуса исследования, при этом полнота оценочного ранжирования не предусматривается.

Очевидно, что «общее сравнение» — наиболее амбициозный вариант из трех, причем нередко чересчур амбициозный. Остановившись на этом варианте, мы можем достичь многого, но только если не будем стремиться к полному и законченному ранжированию абсолютно всех альтернатив. Примером «выборочного сравнения возможностей» является концентрация внимания на отдельных возможностях, таких как занятость, продолжительность жизни, грамотность или питание.

Разумеется, от проведения ряда выборочных сравнений возможностей нетрудно перейти к совокупному ранжированию этих возможностей. И тогда ключевую роль начинает играть конкретная величина значимостей, которая и заполняет брешь между «выборочными сравнениями возможностей» и «частичным ранжированием» (или даже «общим сравнением»)⁵⁷. Однако важно подчеркнуть, что, несмотря на неполноту охвата в результате выборочного

сравнения возможностей, такие сравнения сами по себе могут быть весьма полезными для оценочных исследований. Примеры мы приведем в следующей главе.

2) *Метод дополнительности*. Второй метод не отличается радикальностью и состоит в преобладающем использовании традиционных процедур межличностных сравнений в пространстве доходов, но дополняет их компонентами потенциальных возможностей (часто довольно неформальными способами). На практике некоторое расширение информационной базы может быть достигнуто именно таким путем. Дополнительность может фокусироваться либо на прямых сравнениях самих функций индивида, либо на инструментальных переменных, отличных от дохода, предположительно влияющих на содержание возможностей. Такие факторы, как доступность и развитость здравоохранения, очевидный гендерный уклон в назначении семейных пособий, повсеместное распространение и высокий уровень безработицы, способны предоставить информацию, дополняющую ту, что была получена традиционными измерениями в пространстве доходов. Такое расширение может обогатить общее понимание проблем неравенства и бедности, дополняя сведения, полученные посредством измерения неравенства доходов и определения уровня бедности по доходам. По существу, это означает использование «выборочного сравнения возможностей» как дополнительного средства⁵⁸.

3) *Опосредованный метод*. Третий подход более амбициозен, чем предыдущий, но все же он остается сфокусированным на привычном пространстве доходов, соответствующим образом *преобразованных*. Информация об образующих факторах возможностей, *отличных от дохода*, может быть использована для вычисления «преобразованного дохода». Например, оценка уровня семейного дохода может быть снижена за счет неграмотности или приближена к более высокому уровню за счет образования и т. д. с тем, чтобы добиться эквивалентности этих уровней в смысле достижения возможностей. Этот метод имеет прямое отношение к «шкале эквивалентности», которой посвящено немало исследований. Он также связан с анализом моделей семейных расходов, выявляющим непрямые каузальные влияния, которые не всегда очевидны (например, наличие или отсутствие разнovidностей половой иерархии в рамках семьи)⁵⁹.

Преимущество данного метода обусловлено тем обстоятельством, что доход является семейным концептом, и это зачастую позволяет измерить его более строго (чем, скажем, обобщенные

«индексы» возможностей). В итоге результаты получаются более четкими и легче поддаются интерпретации. В этом случае выбор падает на «измерительный параметр» дохода по той же причине, по какой А.Б. Аткинсон предпочел пространство дохода для измерения последствий неравенства в доходах (в его вычислениях «равномерно распределяемого эквивалентного дохода»), а не пространство пользы, первоначально предложенное Хью Далтоном⁵⁰. Далтон рассматривал неравенство как потери в пользе по причине расхождения в доходах, а сдвиг, о котором говорит Аткинсон, позволял судить о потерях по причине неравенства относительно «эквивалентного дохода».

Проблема «измерения» достаточно серьезна, и у опосредованного метода действительно имеются некоторые преимущества. Однако необходимо уяснить, что он отнюдь не «проще» прямого метода. Во-первых, при изучении величин эквивалентного дохода мы должны учитывать, как доход влияет на релевантные возможности, поскольку частота конверсий дохода в возможности неизбежно паразитирует на мотивации, лежащей в основе производимой оценки возможностей. Кроме того, в опосредованном методе, как и в прямом, мы всегда имеем дело с взаимобменом между различными возможностями (и их значимостями), ибо любое частное изменение влияет на общее суждение. В этом смысле опосредованный метод существенно не отличается от прямого: в обоих случаях необходимо предварительно обсудить, какие способы измерения в пространстве эквивалентного дохода будут использованы.

Во-вторых, очень важно отличать доход как *единицу измерения*, с помощью которой определяется степень неравенства, от дохода как *средства* уменьшения неравенства. Даже если мы можем провести удовлетворительное измерение неравенства возможностей относительно эквивалентности доходов, из этого еще не следует, что перераспределение доходов является наилучшим способом противодействия наблюдаемому неравенству. Стратегический вопрос о компенсации или возмещении убытков затрагивает немало других проблем (эффективность методов борьбы с неравенством возможностей, эффективность воздействия стимулов и прочее), и наглядные разрывы в доходах нельзя толковать в том смысле, что социальные пособия станут наиболее эффективным лекарством от неравенства. Разумеется, в наших силах избежать ошибочного толкования эквивалентного дохода, однако простота и ясность дохода как показателя таят в себе большой соблазн, которому следует сознательно сопротивляться.

В-третьих, даже несмотря на то что пространство доходов легче поддается измерению и обладает большей четкостью, полученные величины могут быть весьма обманчивы по отношению к соответствующим ценностям. Рассмотрим, к примеру, такую ситуацию: когда уровень доходов снижается и человек начинает голодать, в какой-то момент шансы этого человека на выживание могут резко упасть. Допустим, «расстояния» в пространстве доходов между двумя альтернативными ценностями оказались довольно небольшими (измеренные исключительно относительно дохода), но если последствием такого сдвига станет радикальная перемена в шансах на выживание, тогда влияние этой незначительной перемены в доходах может оказаться очень большим в пространстве фундаментально важных показателей (в данном случае — возможности выжить). Поэтому неверно считать такую «разницу» в доходах действительно «незначительной», опираясь исключительно на ее числовое выражение. В действительности, поскольку доход обладает лишь инструментальным значением, мы не можем знать, насколько существенны разрывы в доходах, без исследования *последствий*, которые образовались в результате таких разрывов и важность которых превышает все прочее. Когда битва проиграна оттого, что не нашлось гвоздя (как это случилось в конце цепочки каузальных связей, описанных в старинном стишке), гвоздь приобретает *огромное* значение, невзирая на его бесполезность в пространстве доходов и расходов.

Каждому из рассматриваемых методов присущи свои достоинства, которые могут варьироваться в зависимости от задач исследования, доступности информации и степени насущности принимаемых решений. Поскольку потенциальные возможности иногда интерпретируются в путающе точных терминах (например, при обобщенных сравнениях в прямом методе), важно подчеркнуть разносторонность нашего подхода. Основополагающее признание важности возможностей вполне сочетается со стратегическим разнообразием оценочного процесса, включая, в духе прагматического мышления, и практические компромиссы.

В заключение

По преданию, Евклид сказал Птолемию: «В геометрии не бывает легких путей». Вряд ли легкий путь существует и при оценке экономических или политических стратегий. Слишком много разнообразных проблем требуют нашего внимания, и оценка должна прово-

диться с учетом этих проблем. Споры об альтернативных подходах к оценочному процессу зачастую сводятся к вопросу о приоритетах, когда принимается решение, что взять за нормативную основу.

Мы утверждаем, что в различных теориях этики, экономики благосостояния и политической философии приоритеты — нередко устанавливаемые достаточно произвольно — можно выявить и проанализировать посредством идентифицирования информации, на основе которой выносились оценочные суждения. Эта глава в основном посвящена тому, как работают «информационные базы» и как различные этические и оценочные системы используют различные информационные базы.

От общей постановки вопроса мы перешли к анализу отдельных оценочных теорий, в частности утилитаризма, либертарианства и роулзианской теории справедливости. В подтверждение мнения о том, что в оценочном процессе не бывает легких путей, выяснилось, что у каждой из этих хорошо известных стратегий есть свои достоинства, но также и существенные недостатки.

В конструктивной части данной главы мы изучили причины, согласно которым необходимо фокусировать внимание непосредственно на фундаментальных свободах личности, и определили общие положения подхода, сконцентрированного на способности людей действовать — и свободе жить — по своему разумному усмотрению. Этот подход уже обсуждался в печати как мною⁶¹, так и другими авторами, и его преимущества и недостатки в принципе ясны. Очевидно, что данный подход не только самым непосредственным образом подчеркивает важность свободы, но также уделяет существенное внимание соответствующим мотивациям, лежащим в основе других теорий. В частности, базирующийся на свободе подход отмечает, *inter alia*, заинтересованность утилитаризма в благосостоянии человека, озабоченность либертарианства процессом выбора и свободой действий и сосредоточенность роулзианской теории на индивидуальной свободе и ресурсах, необходимых для усиления фундаментальных свобод. В этом смысле широта и «восприимчивость» возможностного подхода увеличивают его объемность, что позволяет оценить множество важных проблем, некоторые из которых так или иначе игнорируются в альтернативных подходах. Объемность нашего метода обусловлена тем, что о свободе индивидуума мы судим по исчерпывающим данным, полученным в ходе исследования результатов и процессов, которые человек небезосновательно ценит и к которым стремится⁶².

Мы также коснулись различных способов применения подхода, ориентированного на свободу, отметив при этом, что от любого исследования не стоит ждать «всего или ничего». Во многих практических вопросах применение открыто ориентированного на свободу подхода может быть относительно ограниченным. И все же даже в таких случаях использование основных положений и информационной направленности нашего подхода вполне оправданно, если не отвергать попутно иных процедур, которые могут быть разумно утилизированы в рамках определенной проблемы. Основываясь на выводах, сделанных в этой главе, мы попытаемся в дальнейшем пролить свет на слаборазвитость (широко рассматриваемую как форму несвободы) и развитие (рассматриваемое как процесс устранения несвободы и расширения фундаментальных свобод различных видов, которыми люди небезосновательно дорожат). В принципе наш подход допускает гибкое применение в зависимости от контекста и имеющейся информации. Именно сочетание фундаментального анализа и прагматической направленности значительно расширяет рамки возможностного подхода.

Глава 4

Бедность как отсутствие возможностей

В предыдущей главе говорилось о существовании серьезных причин для того, чтобы при оценке индивидуальных преимуществ (в рамках анализа социальной справедливости) исходить из потенциальных возможностей, т.е. из тех фундаментальных свобод, которыми человек может пользоваться, чтобы вести такую жизнь, какую он небезосновательно ценит. В такой перспективе бедность следует рассматривать скорее как отсутствие базовых возможностей, а не просто как наличие низкого дохода, являющегося стандартным критерием для определения бедности¹. Метод оценки бедности относительно потенциальных возможностей вовсе не отрицает вполне здоровой точки зрения, согласно которой низкий доход — основная причина бедности, поскольку недостаточный доход зачастую становится главной причиной недостатка возможностей.

Верно, что неадекватный доход предполагает нищенское существование. Если мы согласны с этим положением, то зачем нам понадобилось анализировать бедность относительно возможностей (в противовес стандартному пониманию бедности, базирующемуся на доходе)? Основания для «возможностного» подхода к бедности, по нашему мнению, таковы.

1) Вполне разумно попытаться идентифицировать бедность относительно недостатка возможностей; в нашем методе мы концентрируем внимание на лишениях, являющихся *сущностно важными* (в отличие от низкого дохода, обладающего лишь *инструментальным* значением).

2) Недостаток возможностей — а следовательно, и реальная бедность — зависит *не только* от низкого дохода (доход — не единственный фактор, генерирующий возможности).

3) Инструментальная зависимость между низким доходом и низким уровнем возможностей *не одинакова* в различных сообществах и даже в различных семьях и у различных индивидуумов (влияние дохода на уровень возможностей зависит от условий и обстоятельств)².

Третий пункт особенно важен при анализе и оценке политических действий, направленных на нивелирование неравенства или бедности. Разнообразным причинам, порождающим вариативность взаимосвязи между доходом и возможностями в зависимости от обстоятельств, посвящено немало исследований (и эти причины обсуждались нами ранее, в главе 3), но будет полезно оговорить их особо в контексте практической разработки стратегий.

Во-первых, на связь между доходом и возможностями серьезным образом влияет возраст индивидуума (например, специфические нужды пожилых и молодых людей), пол и социальные роли (например, особая ответственность, налагаемая материнством, а также традиционный семейный уклад), место жительства (например, угроза наводнения или засухи либо опасность проживания по причине распространения насилия в некоторых городских районах), эпидемиологическая ситуация (например, эндемичные заболевания в регионе) и другие факторы, которые человеку не подвластны, а если и подвластны, то в весьма ограниченной степени³. В обнаруживаемых контрастах между группами населения, классифицированными по возрасту, полу, месту жительства и так далее, эти параметрические различия играют особенно важную роль.

Во-вторых, две разновидности лишений — (1) низкий доход и (2) неблагоприятная ситуация для конвертации дохода в функции человека — иногда «состыкуются»⁴. Физические факторы, такие как возраст, инвалидность или болезнь, снижают способность индивидуума хорошо заработать⁵. Но эти же недостатки затрудняют конвертацию дохода в возможности, поскольку пожилему, менее трудоспособному или страдающему серьезными заболеваниями человеку требуется больший доход (для оплаты помощников, протезирования, лечения), чтобы достичь одинакового уровня функционирования с молодыми и здоровыми (даже когда такого уровня достичь нетрудно)⁶. Следовательно, «реальная бедность» (с точки зрения недостатка возможностей) оказывается значительно более суровой, чем она представляется в пространстве дохода. Данное соображение можно использовать как решающий фактор при разработке общественной политики, направленной на помощь пожилым людям и другим группам населения, испытывающим «конвертационные» трудности в придачу к низким доходам.

В-третьих, распределение дохода внутри семьи привносит новые сложности в понимание бедности, определяемой по доходам. Если семейный доход используется диспропорционально в интересах

некоторых членов семьи и в ущерб другим (например, при систематическом «предпочтении мужчин» в семейном распределении ресурсов), то уровень обездоленности дискриминируемых членов семьи (женщин в нашем примере) не всегда адекватно отражен в цифрах семейного дохода. Эта проблема является существенной во многих отношениях; предпочтения по признаку пола существенно влияют на распределение семейных ресурсов во многих странах Азии и Северной Африки. Обделенность женщин легче увидеть, взглянув на их положение с точки зрения нехватки возможностей (более высокий уровень смертности, заболеваемости, недоедания; неполучение медицинской помощи и прочее), чем с точки зрения дохода⁷.

Понятно, что «семейный» вопрос не является ключевым для понимания причин неравенства и бедности в Европе и Северной Америке, однако утвердившееся мнение — часто воспринимаемое как нечто само собой разумеющееся — о несущественности проблемы гендерного неравенства для западных стран в некоторой степени обманчиво. Например, в Италии соотношение между «неучтенным» женским трудом и учтенным, включенным в стандартные государственные отчеты, одно из самых высоких в мире⁸. Перерасход усилий и времени и сопутствующее ему увеличение несвободы не может не стать серьезным фактором при анализе бедности даже в Европе и Северной Америке. Неучтенный труд — одна из причин, по которым при разработке действенной общественной стратегии в большинстве стран мира необходимо учитывать различие внутрисемейных статусов.

В-четвертых, *относительное* лишение, выраженное через доход, способно превратиться в *абсолютное* с точки зрения *возможностей*. Относительно бедный человек в богатой стране порою испытывает изрядный недостаток в возможностях, даже если абсолютный доход этого человека является высоким по мировым стандартам. В богатой стране требуется больший доход, чтобы приобрести достаточно товаров, позволяющих достичь *адекватной социальной функции*. Это положение представляется одним из важнейших для социологического понимания феномена бедности. Впервые оно было сформулировано Адамом Смитом в «Богатстве народов» (1776) и впоследствии исследовано У.Г. Рансиманом, Питером Таунсендом и другими⁹.

В частности, были отмечены трудности, с которыми сталкиваются некоторые группы населения при попытке «принять участие в жизни сообщества», и эти трудности могут оказаться весьма

значимыми для анализа «социальной отверженности». Потребность принять участие в жизни сообщества бывает сопряжена с необходимостью приобретения современной техники (телевизоров, видеомагнитофонов, автомобилей и так далее) в той стране, где подобные технические средства более или менее повсеместно распространены (в отличие от менее богатых стран), и такая необходимость ложится бременем на относительно бедного человека, живущего в богатой стране, даже когда доходы этого человека много выше доходов населения в менее процветающих странах¹⁰. В самом деле, парадоксальный феномен недоедания в богатых странах — даже в США, — очевидно, как-то связан с необходимостью тратить на эти состоятельные приобретения¹¹.

Возможностный подход, применяемый при исследовании феномена бедности, расширяет понимание природы и причин бедности посредством перемещения фокуса нашего внимания со *средств* (и, в частности, со средства, которому обычно уделяется исключительное внимание, т.е. дохода) на *цели*, которые человек небезосновательно преследует, и, соответственно, на *свободы*, позволяющие достичь этих целей. Несколько примеров, приведенных здесь, иллюстрируют это отличие возможностного подхода от прочих, отличие, возникшее благодаря расширению информационной базы. Лишения в нашем методе анализируются с более широких позиций, что точнее соответствует информационным требованиям, предъявляемым к анализу социальной справедливости. Отсюда можно сделать вывод о действенности метода анализа бедности относительно возможностей.

Бедность в плане доходов и бедность в плане возможностей

Хотя бедность, понимаемую как неадекватность возможностей, необходимо концептуально отличать от бедности, понимаемой как низкий доход, эти два определения бедности не могут не быть взаимосвязаны, ибо доход — весьма важное средство для осуществления возможностей. А поскольку расширение возможностей обычно усиливает производительность труда и способность индивидуума иметь более высокий доход, разумно ожидать, что не только повышение заработка увеличивает возможности, но и расширение возможностей способствует большим заработкам.

Вторая зависимость может оказаться особенно важной в отношении устранения бедности в плане доходов. Дело не только

в том, что, скажем, совершенствование базового образования и здравоохранения напрямую повышает качество жизни. Эти факторы также повышают способность человека зарабатывать и покончить с бедностью в плане доходов. Чем шире охват населения начальным образованием и медицинской помощью, тем выше шансы даже для чрезвычайно бедных одолеть нужду.

Важность этой взаимосвязи стала главным пунктом нашего исследования экономических реформ в Индии, проведенного совместно с Жаном Дрезом¹². Во многих отношениях реформы предоставили населению Индии экономические возможности, прежде подавлявшиеся чрезмерным госконтролем и ограничениями, налагаемыми так называемым «правом власти»¹³. Однако способность воспользоваться вновь открывшимися возможностями в немалой степени зависит от социальной подготовленности тех или иных слоев индийского общества. Реформы в Индии не только запоздали, но они были бы намного продуктивнее при наличии социальных условий, облегчающих использование экономических возможностей всеми слоями населения. Действительно, многие азиатские страны — прежде всего Япония, затем Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, а позднее реформированный Китай, Таиланд и другие государства Восточной и Юго-Восточной Азии — добились немалых успехов, предоставляя населению экономические возможности на адекватном социальном фоне, который обеспечили: высокий уровень грамотности и базового образования, достаточно развитое здравоохранение, завершенная земельная реформа и прочее. Урок открытости экономики и важности торговли Индия усвоила много быстрее, чем прочие веяния, исходящие с Востока — «страны рассвета»¹⁴.

Известно, что в отношении развития человеческого потенциала ситуация в Индии весьма неоднородна; в некоторых регионах (особенно в штате Керала) с образованием, здравоохранением и земельной реформой дела обстоят лучше, чем в других (особенно в Бихаре, Уттар-Прадеше, Раджастанхоне и Мадхья-Прадеше). Недостатки приобретают различные формы в различных штатах. Считается, что Керала страдает от антирыночной политики, проводившейся до недавнего времени, и глубокого недоверия к рыночной экономической экспансии, освобожденной от ограничений госконтроля. Поэтому в достижении экономического роста человеческие ресурсы штата до сих пор использовались недостаточно, и потребовалась создание дополнительной стратегии, которую сейчас пытаются внедрить. С другой стороны, некоторые северные штаты страдают от низкого

уровня социального развития, причем степень государственного контроля над рыночными возможностями в этих штатах неодинакова. Для того чтобы бороться с этими неоднородными недостатками, необходимо усвоить важность принципа дополнительности.

Однако нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на скромные успехи в экономическом росте, Керала, очевидно, быстрее прочих индийских штатов искореняет бедность в плане доходов¹⁵. Если в некоторых штатах доходы повысились благодаря высокому экономическому росту (Пенджаб — самый яркий тому пример), то своим успехам в искоренении нищеты штат Керала в основном обязан расширению сети начального образования, здравоохранения и справедливого распределению земельных угодий.

Поскольку взаимосвязи между бедностью в плане доходов и бедностью в плане возможностей имеют большое значение, важно не упускать из виду то фундаментальное обстоятельство, что нацеленность исключительно на снижение бедности в плане доходов не может стать единственным содержанием политики, направленной против нищеты. Существует опасность понимания бедности в узких рамках скудости доходов и соответствующего оправдания вложений в образование, здравоохранение и прочее на том основании, что эти структуры служат хорошим средством для повышения доходов. В данном случае путают цели и средства. Базовые положения нашего метода побуждают нас по причинам, изложенным выше, рассматривать бедность и лишения в перспективе той жизни, которой действительно живут люди, и свобод, которыми они пользуются. Расширение человеческих возможностей четко укладывается в эти основные положения. Из практики явствует, что такое расширение сопряжено, кроме всего прочего, с увеличением производительности труда и способности зарабатывать. Эта взаимосвязь устанавливает важную опосредованную зависимость, благодаря которой улучшение возможностей способно как прямо, так и косвенно обогатить человеческую жизнь и уменьшить лишения. Инструментальные взаимосвязи, сколь бы важными они ни были, не могут подменить собой потребность в фундаментальном понимании сути и характерных черт бедности.

Неравенство в чем?

Трактовка неравенства в экономическом и социальном оценочном исследовании чревата многими трудностями. Некоторые различия в благосостоянии очень нелегко выявить, если пользоваться исключительно понятием «справедливости».

Озабоченность Адама Смита интересами бедных (а также возмущение тенденцией пренебрегать этими интересами) подвигла его занять позицию «беспристрастного наблюдателя» — позицию, позволившую многое понять о сути равноправия в рамках социальных оценок¹⁶. Точно так же идея Джона Роулза о «справедливости как равноправии» — в смысле предполагаемого выбора в гипотетическом «исходном положении», когда человек еще не знает, кем он станет, — создает предпосылки для глубокого понимания проблем равенства и придает «принципам справедливости» Роулза ярко выраженную направленность против неравенства¹⁷. Далее, в глазах общества очевидные признаки неравенства в социальном устройстве нелегко поддаются разумному оправданию (например, Томас Сканлон выдвинул и широко использовал в этическом оценочном анализе следующий критерий: аргумент в пользу какого-либо неравенства должен быть таким, чтобы оппозиционная сторона «не нашла оснований его отклонить»)¹⁸. Понятно, что явное неравенство социально непривлекательно, а неравенство в важнейших правах является, по мнению некоторых, настоящим варварством. Более того, ощущение неравенства способно «подточить» общественное согласие, а некоторые типы неравенства даже затрудняют эффективную деятельность.

И тем не менее попытки искоренить неравенство приводят во многих случаях к значительным, а иногда и к абсолютным потерям. Степень тяжести конфликтов подобного рода определяется обстоятельствами. Поэтому при разработке моделей справедливости — с привлечением моделей «беспристрастного наблюдателя», «исходного положения» или «отсутствия оснований для отказа» — следует учитывать вышеизложенные соображения.

Неудивительно, что противоречие между совокупностью и распределением доходов привлекло внимание многих профессиональных экономистов. Вопрос действительно очень важный¹⁹. Немало формул было предложено для оценки социальных достижений с учетом одновременно совокупного дохода и его распределения. Хорошим примером в этом смысле является концепция А.Б. Аткинсона о «равно распределяемом эквивалентном доходе», согласно которой ценность совокупного дохода редуцируется в соответствии со степенью неравенства при распределении дохода, при этом компромисс между совокупностью и распределением достигается с помощью выбора параметра, отражающего этическое суждение исследователя²⁰.

Однако существует и другой тип противоречий, имеющий отношение к выбору «пространства» либо выбору основной переменной — в зависимости от того, какой вид неравенства подлежит изучению; эта разновидность противоречий имеет отношение к теме предыдущей главы. Неравенство в доходах нередко значительно отличается от неравенства в различных «пространствах» (т.е. при выборе различных необходимых переменных), таких как благосостояние, свобода и разнообразные аспекты качества жизни (в том числе здоровье и долголетие). Более того, даже совокупные достижения оцениваются по-разному в зависимости от пространства, в котором производится сложение (или «суммирование») — например, классификация сообществ по среднему доходу может отличаться от классификации по среднему уровню здоровья населения.

Противоречие между методами, основанными соответственно на доходах и возможностях, напрямую связано с пространством, в котором исследуются неравенство и эффективность личности. Например, индивидуум с высоким доходом, но лишенный возможности участвовать в политической жизни, не является «бедным» в общепринятом смысле, но он явно беден в плане насущных свобод. Человек более богатый, чем многие другие, но страдающий различными заболеваниями, требующими дорогостоящего лечения, очевидно терпит лишения в некой важной области, даже если в обычной статистике распределения доходов его не классифицируют как бедняка. Некто, лишенный возможности найти работу, но получающий выплаты от государства в качестве «пособия по безработице», выглядит гораздо менее обездоленным в пространстве доходов, чем в пространстве ценной (и высоко ценимой) возможности состояться в профессии. Поскольку проблема безработицы чрезвычайно существенна для некоторых регионов (включая современную Европу), мы полагаем необходимым прояснить контраст, существующий между методами, основанными соответственно на доходе и возможностях, на примере проблемы безработицы в контексте исследования неравенства.

Безработица и отсутствие возможностей

Оценки неравенства в пространстве доходов бывают совершенно отличными от оценок неравенства в том, что касается фундаментальных свобод, и это обстоятельство мы проиллюстрируем на примерах, обладающих некоторым практическим значением.

На европейском материале вышеупомянутый контраст приобретает особую важность по причине широкого распространения безработицы в современной Европе²¹. Потери в доходе, связанные с безработицей, могут в некоторой степени компенсироваться материальной поддержкой (в том числе пособием по безработице), как оно обычно и происходит в Западной Европе. Если бы безработица исчерпывалась потерей в доходах, то последствия безработицы для тех, кого она постигла, можно было бы практически устранить посредством материальной поддержки (хотя, конечно, проблемы социальных затрат, фискального бремени и эффективности стимулов при такой компенсации остаются). Если же безработица оказывает иное, и немаловажное, влияние на жизнь индивидуумов, порождая лишения других видов, то смягчение положения безработного посредством материальной поддержки будет ограниченным. Имеется немало доказательств существования серьезных последствий безработицы, кроме потери в доходах, а именно: психологический ущерб, утрата мотивации к труду, навыков и уверенности в себе, повышенная заболеваемость (и даже смертность), ухудшение отношений в семье и с близкими людьми, ощущение оторванности от жизни сообщества, обострение расовой напряженности и усиление гендерной асимметрии²².

В условиях масштабной безработицы в странах современной Европы анализ, сосредоточенный исключительно на неравенстве доходов, способен привести к особенно обманчивым результатам. В самом деле, можно утверждать, что при нынешнем массовом уровне безработицы в Европе проблема неравенства стоит не менее остро, чем проблема распределения доходов. Если сфокусировать внимание исключительно на неравенстве доходов, то создается впечатление, что Западная Европа обогнала США по этой разновидности обуздания неравенства, избежав всплеска в неравенстве доходов, наблюдаемого в Соединенных Штатах. В пространстве доходов Европа действительно выглядит куда лучше США в отношении как уровня, так и тенденций неравенства, что следует из подробного отчета Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), составленного на базе исследований, проведенных А.Б. Аткинсоном, Ли Рейнуотером и Тимоти Смидингом²³. Не только стандартные параметры неравенства доходов в США выше, чем в целом на европейской стороне Атлантики, но и само неравенство в доходах в США, в отличие от большинства стран Западной Европы, резко обострилось.

Но если отвлечься от доходов и обратиться к безработице, картина радикально меняется. В большинстве регионов Западной Европы безработица резко возросла, тогда как в США подобной тенденции не наблюдается. Например, в период с 1965 по 1973 год уровень безработицы в США составил 4,5%, в то время как в Италии — 5,8%, во Франции — 2,3%, а в Западной Германии менее 1%. В настоящее время во всех трех странах — Италии, Франции и Германии — уровень безработицы взлетел до 10–12%, в то время как в США он остался прежним — 4–5%. Если безработица ухудшает жизнь, то это необходимо как-то учитывать при анализе экономического неравенства. Сравнения по неравенству *доходов* дают Европе повод для самодовольства, но подобная гордыня окажется глубоко несостоятельной, если рассматривать неравенство в более широком аспекте²⁴.

Контраст между Западной Европой и Соединенными Штатами затрагивает еще один любопытный — и в некотором смысле более общий — вопрос. В рамках американской общественной этики разрешено не поддерживать неимущих и нуждающихся, что типичный западный европеец, выросший в государстве социальных пособий, находит трудным для понимания. Однако с точки зрения той же самой американской общественной этики уровень безработицы, выраженный в двузначных цифрах, абсолютно неприемлем. Европа продолжает относиться к безработице — и ее росту — с поразительным самообладанием. В основе данного контраста между США и Западной Европой лежит различие в отношении к общественной и индивидуальной ответственности, и этим вопросом мы сейчас и займемся.

Здравоохранение и смертность:

американская и европейская социальная политика

В последнее время немало внимания уделяется неравенству между различными расовыми группами в США. Например, в пространстве доходов афроамериканцы значительно беднее белых американцев. Этот факт зачастую трактуется как пример *относительной* нищеты афроамериканцев внутри нации, причем сравнения с более бедными людьми в других странах не проводятся. В действительности же по сравнению с населением стран «третьего мира» афроамериканцы оказываются во много раз богаче в плане доходов даже после корректировки разницы в ценах. В такой перспективе лишения черных американцев в международном масштабе выглядят не слишком впечатляющими.

Но является ли доход наиболее подходящим пространством для подобных сравнений? А как насчет возможности дожить до зрелого возраста, избежав преждевременной смерти? Как уже говорилось в главе 1, по этому критерию афроамериканцы решительно отстают от значительно более бедного населения Китая, индийского штата Керала (см. рис. 1.1, с. 39), а также Шри-Ланки, Коста-Рики, Ямайки и многих других бедных государств. Бытует мнение, что чрезвычайно высокий уровень смертности среди афроамериканцев характерен исключительно для мужчин, и то не для всех, а только для молодых, по причине распространенности насилия. Случаи насильственной смерти действительно многочисленны среди чернокожих молодых людей, но этим ситуация не исчерпывается. Как показано на рисунке 1.2 (с. 40), чернокожие женщины также намного отстают по этому параметру не только от белых женщин в США, но и от индианок в штате Керала, не дотягивая даже до уровня смертности среди китайянок. Из рисунка 1.1 также явствует, что американские чернокожие *мужчины* уступают китайцам и индийцам во всех возрастных категориях, а не только в молодом возрасте, когда насильственная смерть наиболее вероятна. Следовательно, исключительно насилием такое положение дел не объяснить.

В самом деле, если взять зрелые возрастные категории (скажем, между 35 и 54 годами), то мы увидим, что уровень смертности чернокожих мужчин и женщин в США намного превышает таковой среди белых мужчин и белых женщин. И это различие не стирается в процессе корректировки разницы в доходах. В одном из весьма скрупулезных медицинских исследований, проведенном на материале 1980-х годов, показано, что различие в уровне смертности между черными и белыми женщинами остается заметно высоким даже после корректировки разницы в доходах. На рисунке 4.1 представлено соотношение уровней смертности среди черных и белых по стране в целом (данные выборочного исследования)²⁸. Если смертность, согласно этому исследованию, среди черных мужчин в 1,8 раза выше смертности среди белых, то черные женщины умирают почти в три раза чаще белых женщин. А после корректировки разницы в семейном доходе уровень смертности среди чернокожих мужчин превышает уровень смертности белых в 1,2 раза, в то время как уровень смертности чернокожих женщин в 2,2 раза выше, чем у белых. Таким образом, мы видим, что даже с учетом уровней доходов чернокожие женщины в современных США умирают молодыми намного чаще, чем белые.

Рисунок 4.1. СООТНОШЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТОВ СМЕРТНОСТИ
ЧЕРНОКОЖИХ И БЕЛЫХ (в возрасте от 35 до 54)

Источники: Owen M. W., Teutsch S. M., Williamson D. F., Marks J. S. The Effects of Known Risk Factors on the Excess Mortality of Black Adults in the United States // Journal of the American Medical Association, 1990. Vol. 263. № 6.

Включение в информационную базу не только доходов, но и базовых возможностей, расширяет наше понимание неравенства и бедности самым радикальным образом. В плане потенциальных возможностей получить работу и преимуществ, связанных с состоянием занятости, европейская ситуация выглядит довольно уныло. Но если переключиться на возможность выживания, то нашему взору предстанет яркая картина неравенства в Америке. В основе этих различий и связанных с ними стратегических приоритетов, очевидно, лежит глубокий контраст в отношении к социальной и индивидуальной ответственности по разные стороны Атлантики. В списке американских официальных приоритетов обеспечение элементарной медицинской помощью всего населения стоит на одном из последних мест: в результате много миллионов человек (точнее, более 40 миллионов) в США не охвачено никаким медицинским обслуживанием или страхованием. Хотя значительная часть незастрахованного населения, вероятно, сознательно не прибегла к медицинскому страхованию, основной контингент незастрахованных лишен возможности получить страховку в связи со своим экономическим положением либо по причине плохого состояния здоровья, поскольку частные страховые компании иногда отказывают в заключении договора тяжело больным людям. В Европе, где право на

медицинскую помощь является базовым для любого гражданина (независимо от его имущественного положения и состояния здоровья), подобную ситуацию определенно сочтут политически нетерпимой. Ограниченность государственной поддержки больных и бедных в США слишком жесткая, чтобы стать приемлемой в Европе, и наоборот, государственная забота о здравоохранении и образовании, которая в развитых европейских странах считается сама собой разумеющейся, не годится для США.

С другой стороны, двузначные показатели уровня безработицы, с которыми мирится современная Европа, спровоцировали бы (как уже говорилось ранее) политический взрыв в Америке, поскольку столь высокие цифры показались бы насмешкой над способностью людей позаботиться о себе. Мы уверены, что любому американскому правительству грозит беда, если уровень безработицы повысится вдвое, и благодаря существованию такой угрозы безработица в США удерживается на более низком уровне, чем в современной Италии, Франции или Германии. Ясно, что социальные приоритеты — или их отсутствие — фундаментально различны в Европе и Америке, и эти различия имеют прямое отношение к оценке неравенства относительно недостатка тех или иных базовых возможностей.

Бедность и лишения в Индии и странах Африки южнее Сахары

В настоящее время чрезвычайная бедность наблюдается в двух регионах мира: Южной Азии и африканских странах, расположенных южнее Сахары. В этих регионах доход на душу населения один из самых низких в мире, но из данного обстоятельства мы не почерпнем ни адекватного объяснения сути и характера лишений в этих странах, ни представления о степени бедности. Если же рассматривать бедность как отсутствие элементарных возможностей, то на основе информации о разнообразных аспектах жизни в этих странах мы сможем получить более внятную картину²⁶. Нижеследующий краткий анализ базируется на исследовании, проведенном совместно с Жаном Дрезом, и на двух последующих работах автора данной книги²⁷.

В 1991 году насчитывалось пятьдесят две страны, где ожидаемая продолжительность жизни составляла менее шестидесяти лет, и проживало в этих странах 1,69 миллиарда человек²⁸. Сорок шесть стран из этого списка находятся в Южной Азии и южнее Сахары,

и только шесть — вне этих двух регионов (Афганистан, Камбоджа, Гаити, Лаос, Папуа — Новая Гвинея и Йемен), совокупное же население этих шести стран составляет лишь 3,5% от общей численности (1,69 млрд) населения пятидесяти двух стран с низкой продолжительностью жизни. Вся Южная Азия, за исключением Шри-Ланки (т.е. Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал и Бутан), и все страны южнее Сахары, за исключением Южной Африки, Зимбабве, Лесото, Ботсваны и мелких островов (например, Маврикия и Сейшельских островов), принадлежат к группе сорока шести стран с низкой продолжительностью жизни. Разумеется, *внутри* каждой страны ситуация неодинакова. У обеспеченных групп населения Южной Азии и стран южнее Сахары продолжительность жизни высокая; кроме того, как уже говорилось ранее, в странах с высокой продолжительностью жизни (например, США) у некоторых групп населения также возникают проблемы с выживанием, сравнимые с ситуацией в «третьем мире». (Например, чернокожее мужское население таких американских городов, как Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сент-Луис или Вашингтон, имеют продолжительность жизни много ниже установленной нами верхней границы в шестьдесят лет²⁹.) Но по средним показателям страны Южной Азии и страны южнее Сахары действительно выделяются в современном мире как регионы, где жизнь самая кратковременная и опасная.

На самом деле от общей численности населения в этих пятидесяти двух бедствующих странах более половины приходится на Индию. Следует отметить, что эта страна в среднем ни в коем случае не ухудшает свои показатели (продолжительность жизни в Индии близка к шестидесяти годам и, согласно последним статистическим данным, этот рубеж был недавно преодолен), но *внутри* Индии существуют значительные региональные различия, касающиеся условий жизни. В некоторых регионах Индии (с населением не меньше, а то и больше, чем в большинстве стран мира) дела обстоят столь же плохо, как и в остальных пятидесяти двух странах. В среднем Индия демонстрирует гораздо лучшие результаты по продолжительности жизни и прочим параметрам, чем, скажем, «худшие» представители этой группы (такие, как Эфиопия, Заир или недавно переименованная Демократическая республика Конго). Но внутри Индии имеются огромные ареалы, где продолжительность жизни и другие базовые условия жизни почти не отличаются от тех, что преобладают в вышеупомянутых наиболее бедных странах³⁰.

В таблице 4.1 сравниваются уровни *детской смертности* и *грамотности среди взрослого населения* в наименее развитых странах к югу от Сахары и Индии³¹. Здесь представлены данные за 1991 год не только по Индии и африканским странам южнее Сахары в целом (первая и последняя строчки), но также по трем африканским странам с наихудшими показателями, по трем индийским штатам с наихудшими показателями и по трем районам этих штатов также с наихудшими показателями. Примечательно, что ни в одной стране южнее Сахары — и в мире — нет столь высокой детской смертности, как в районе Ганджам (штат Орисса), и нигде нет столь низкого уровня грамотности среди женщин, как в районе Бармер (Раджастан). В каждом из этих двух районов численность населения превышает таковую в Ботсване или Намибии, а их совокупное население больше по численности, чем население Сьерра-Леоне, Никарагуа или Ирландии. Что до огромного штата Уттар-Прадеш (с населением, равным по численности населению Бразилии или России), здесь в том, что касается основных показателей качества жизни, наблюдается немногим больше успехов, чем в самых отсталых странах к югу от Сахары³².

Любопытен такой факт: если взять Индию и страны южнее Сахары в целом, то мы обнаружим, что эти два региона не слишком отличаются по уровням грамотности среди взрослых и детской смертности. Однако имеются заметные различия в продолжительности жизни. В Индии около 1991 года продолжительность жизни составляла шестьдесят лет, в то время как в странах к югу от Сахары она была значительно ниже (в среднем около пятидесяти двух лет)³³. С другой стороны, имеется достаточно данных о том, что недоедание в Индии распространено сильнее, чем в странах южнее Сахары³⁴.

Таким образом, между Индией и африканскими странами южнее Сахары существует любопытный контраст по двум различным параметрам: (1) смертности и (2) обеспечению продовольствием. Более выигрышная ситуация в Индии в плане выживания подтверждается не только сравнением продолжительности жизни, но и различиями в статических данных по смертности. Например, в Индии в 1991 году средний возраст умершего составлял приблизительно тридцать семь лет. Сравним этот показатель со средневзвешенным показателем (возраста умершего) в странах южнее Сахары, составившим всего лишь пять лет³⁵. Более того, в пяти африканских странах средний возраст умершего составил три года и менее. Понятно, что проблема преждевременной смертности стоит гораздо более остро в Африке, чем в Индии.

Таблица 4.1. ИНДИЯ И СТРАНЫ ЮЖНЕЕ САХАРЫ: выборочное сравнение (1991)

Детская смертность			
	Регион	Население (млн)	Детская смертность (на 1000 живорождений)
ИНДИЯ	Индия	846,3	80
Три «худших» индийских штата	Орисса	31,7	124
	Мадхья-Прадеш	66,2	117
	Уттар-Прадеш	139,1	97
«Худшие» районы	Ганджам (Орисса)	3,2	164
каждого из «худших» штатов	Тикамгарх (Мадхья-Прадеш)	0,9	152
	Хардой (Уттар-Прадеш)	2,7	129
«Худшие» страны южнее Сахары	Мали	8,7	161
	Мозамбик	16,1	149
	Гвинея-Биссау	1,0	148
СТРАНЫ ЮЖНЕЕ САХАРЫ	Страны южнее Сахары	488,9	104

Уровень грамотности среди взрослых			
	Регион	Население (млн)	Уровень грамотности среди взрослых (женщины/мужчины)
ИНДИЯ	Индия	846,3	39/64
Три «худших» индийских штата	Раджастан	44,0	20/55
	Бихар	86,4	23/52
	Уттар-Прадеш	139,1	25/56
«Худшие» районы	Бармер (Раджастан)	1,4	8/37
каждого из «худших» штатов	Кишангандж (Бихар)	1,0	10/33
	Бахрейч (Уттар-Прадеш)	2,8	11/36
«Худшие» страны южнее Сахары	Буркина-Фасо	9,2	10/31
	Сьерра-Леоне	4,3	12/35
	Бенин	4,8	17/35
СТРАНЫ ЮЖНЕЕ САХАРЫ	Страны южнее Сахары	488,9	40/63

Примечание. Возрастная граница составляет 15 лет в данных по Африке и 7 лет в данных по Индии. Отметим, что в Индии уровень грамотности от 7 и более лет, как правило, выше, чем уровень грамотности от 15 лет и более (например, в 1981 году общеиндийский уровень грамотности от 7 лет и более составлял 43,6% по сравнению с 40,8% среди населения от 15 лет и более).

Источники: Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity. Delhi: Oxford University Press, 1995. Table 3.1.

Но мы получим совершенно иной баланс преимуществ, если посмотрим на преобладание *недоедания* в Индии по сравнению с Африкой. Средние цифры по недоеданию в Индии намного выше, чем в странах южнее Сахары³⁶. И это несмотря на то, что именно Индия, а не африканские страны, обеспечивает себя продовольствием. Индийское «самообеспечение» основано на рыночном

спросе, который в нормальной ситуации обычно легко удовлетворяется отечественной продукцией. Но рыночный спрос (базирующийся на покупательной способности) занижает потребность в продовольствии. Реальное недоедание в Индии, видимо, намного распространеннее, чем в африканских странах. Согласно стандартным показателям по отставанию в весе, недоедающих детей в африканских странах насчитывается от 20% до 40%, в то время как в Индии количество недоедающих детей составляет гигантское число — от 40% до 60%³⁷. Получается, что более половины индийских детей хронически недоедают. Хотя индийцы живут дольше, чем африканцы в странах южнее Сахары, и средний возраст наступления смерти у индийцев много выше, чем у африканцев, тем не менее в Индии больше недоедающих детей, чем в странах южнее Сахары, — и не только в абсолютных цифрах, но и в процентном соотношении³⁸. Если к этим фактам добавить то обстоятельство, что гендерная диспропорция в смертности является существенной проблемой в Индии, но не в странах южнее Сахары, то мы получим картину менее благоприятную для Индии, нежели для Африки³⁹.

Характер и сложность этих «видов» лишений в двух самых бедных регионах мира обусловлены серьезными стратегическими проблемами. Отставание африканских стран в вопросе выживания связано с наличием разнообразных факторов, в результате которых африканцы особенно подвержены ранней смертности. Обретя независимость, Индия почти избавилась от проблем, связанных с голодом, а также от широкомасштабных и длительных войн, периодически разоряющих многие страны Африки. Индийское здравоохранение (сколь бы неадекватным оно ни было) не испытывает на себе последствий политических или вооруженных конфликтов. Кроме того, многие страны южнее Сахары переживают специфическую разновидность экономического *спада*, частично ставшего следствием войн, беспорядков и политической неразберихи, и это обстоятельство изрядно затрудняет улучшение условий жизни. В сравнительном изучении успехов и неудач этих двух регионов необходимо учитывать вышеупомянутые и прочие аспекты процесса развития, характерные для каждого региона⁴⁰.

Необходимо также отметить, что у Индии и стран южнее Сахары есть одна общая проблема — не поддающаяся искоренению локальная неграмотность, которая, наравне с низкой продолжительностью жизни, способствует обособлению этих стран от

остального мира. Как видно из таблицы 4.1, уровень грамотности в этих двух регионах почти одинаков: и в Индии, и в Африке каждый второй взрослый неграмотен.

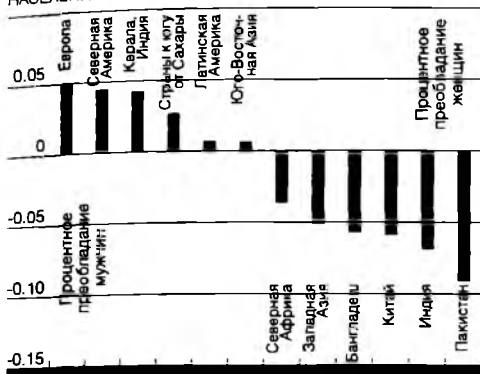
Три разновидности лишений в смысле отсутствия базовых возможностей, на которых мы сосредоточили наше внимание, сравнивая и противопоставляя характер лишений в Индии и в странах южнее Сахары (а именно: *преждевременная смертность, недоодевание и неграмотность*), разумеется, не способны представить всеобъемлющую картину бедности в плане возможностей в этих регионах. Однако эти лишения помогают выявить вопиющие провалы в экономической и социальной стратегии и ключевые проблемы, требующие немедленного решения. Мы также не пытались измерять лишения «совокупно» на основе «взвешивания» различных аспектов отсутствия возможностей⁴¹. Сконструированная совокупность зачастую представляет меньший интерес для стратегического анализа, чем детальное исследование различных сфер деятельности.

Гендерное неравенство и исчезнувшие женщины

Обратимся к особой стороне гендерного неравенства, привлекавшей в последнее время пристальное внимание общественности; этому аспекту была посвящена наша статья «Исчезнувшие женщины», опубликованная в «British Medical Journal» в 1992 году⁴². Речь идет об ужасном феномене — повышенном уровне смертности и искусственно заниженной выживаемости женщин во многих регионах мира. Этот жестокий и более чем явный аспект гендерного неравенства проявляется обычно в завуалированных формах. Но если отвлечься от эмоций, искусственно завышенная смертность среди женщин отражает их весьма значительную обделенность в плане возможностей.

В Европе и Северной Америке численность женщин в целом значительно превышает численность мужчин. Например, в Великобритании, Франции и Соединенных Штатах соотношение женщин и мужчин составляет более 1,05. Во многих странах «третьего мира» ситуация совершенно иная, особенно в Азии и Северной Африке, где соотношение женщин и мужчин опускается до 0,95 (Египет), 0,94 (Бангладеш, Китай, Западная Азия), 0,93 (Индия) и даже 0,90 (Пакистан). Суть этих различий представляет особый интерес при анализе разновидностей гендерного неравенства во всем мире⁴³. На рисунке 4.2 представлена сравнительная информация.

Рисунок 4.2. СООТНОШЕНИЕ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВЫБОРОЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Источники. статистические данные ООН.

На самом деле мальчиков повсеместно рождается больше, чем девочек (приблизительно на 5%). Но существует немало доказательств тому, что женщины «крепче» мужчин и при одинаковом уходе их выживаемость выше. (Более того, даже женские эмбрионы имеют более высокую степень выживаемости, чем мужские; пропорция мужских эмбрионов при зачатии выше, чем при рождении⁴⁴.) Именно благодаря низкой женской смертности на Западе наблюдается численное преобладание женщин. Имеются и другие причины такого перевеса женщин: отдаленные последствия гибели мужчин в прошлых войнах; большая распространенность курения среди мужчин и большая вероятность насильственной смерти. Но очевидно, что даже без учета влияния этих факторов женщины опередают мужчин по численности при наличии прочих равных условий.

Низкий показатель соотношения женщин и мужчин в странах Азии и Северной Африки указывает на влияние социальных факторов. Легко подсчитать, что если бы в этих странах соотношение женщин и мужчин было таким же, как в современной Европе и США, то женщин в этих странах было бы на много миллионов больше (исходя из численности мужчин)⁴⁵. Только в Китае число исчезнувших женщин, подсчитанное на основе европейского или американского соотношения, достигает 50 млн, а следовательно, в вышеуказанных странах вместе взятых более 100 млн женщин можно считать «исчезнувшими».

Но, вероятно, не совсем корректно использовать европейский или американский показатель соотношения, и не по причине столь специфического параметра, как гибель мужчин в военное время. Вследствие более низкой смертности женщин в Европе и Америке соотношение женщин и мужчин с возрастом постепенно увеличивается. Более низкий показатель соотношения вполне ожидаем в странах Азии и Северной Африки, частично по причине более низкой общей продолжительности жизни и более высокой рождаемости. Существует и иной способ произвести подсчеты, когда за основу берется не европейское или американское соотношение, а соотношение женщин — мужчин в странах южнее Сахары, где смертность среди женщин чуть ниже, хотя продолжительность жизни не выше, а рождаемость не ниже (и даже наоборот), чем в Азии и Северной Африке. Если взять соотношение женщин — мужчин (1,022) в странах южнее Сахары за отправную точку (способ, использованный в моих предыдущих работах и совместных исследованиях с Жаном Дрезом), численность «пропавших» женщин составит 44 млн в Китае, 37 млн в Индии, а в целом для стран Азии и Северной Африки — все те же более 100 млн⁴⁶.

Другой способ вычисления состоит в подсчете ожидаемой численности женщин на основе фактической продолжительности жизни и рождаемости в этих странах, причем условия выживания и женщин, и мужчин полагаются равными. Такие вычисления напрямую произвести нелегко, однако Энсли Коул произвел соответствующие оценки, используя тематические таблицы численности населения, составленные по аналогии с историческим опытом западных стран. Согласно оценке Коула, в Китае «пропало» 29 млн женщин, в Индии 23 млн и всего в вышеупомянутых странах — около 60 млн⁴⁷. Хотя цифры получились ниже, но и они являются неоправданно большими. В недавних исследованиях с использованием более тщательно обработанных исторических данных численность «пропавших» женщин даже увеличилась (около 90 миллионов по оценке Стефана Клазена)⁴⁸.

Почему общая смертность среди женщин в странах Азии и Северной Африки выше, чем среди мужчин? Возьмем Индию, где повозрастная смертность среди женщин существенно превосходит таковую среди мужчин почти до сорока лет. Если избыточную смертность в возрасте деторождения можно частично объяснить материнской смертностью (во время или сразу после родов), то подобное объяснение не годится для более низкой выживаемости

женщин в младенчестве и детстве. Несмотря на удручающие случаи убийства новорожденных девочек в Индии, это явление не способно объяснить ни масштаб чрезвычайной смертности, ни повозрастное распределение смертности. Главным виновником, по-видимому, является относительное пренебрежение здоровьем и питанием женщин, особенно — но не исключительно — в детстве. Действительно, имеются прямые свидетельства того, что девочки недополучают медицинскую помощь, в том числе и стационарную, и даже питание⁴⁹.

Хотя ситуация в Индии изучалась более подробно, чем в других странах (по причине большего числа исследователей, работавших над этой проблемой на индийском материале), подобные свидетельства пренебрежения здоровьем и питанием девочек можно обнаружить и в других странах. Согласно имеющимся данным, в Китае пренебрежение по отношению к девочкам даже усилилось в последние годы по причине принудительного ограничения рождаемости (достаточно вспомнить проводимую в некоторых районах страны политику «одной семье — один ребенок»), введенного наряду с реформами в 1979 году. Кроме того, в Китае наблюдаются и новые зловещие признаки, такие как резкое увеличение рождения мальчиков относительно рождения девочек, отраженное в официальной статистике, что абсолютно противоречит ситуации в остальном мире. Это явление может означать сокрытие новорожденных девочек (с целью избежать принудительного ограничения рождаемости), но оно также, с неменьшей вероятностью, может означать более высокую младенческую смертность среди девочек — по естественным или иным причинам (причем и новые рождения, и новые смерти не регистрируются). Однако в последнее время основная причина антиженской диспропорции в китайских семьях заключается в абортах по половому признаку эмбриона, распространившихся в Китае вместе с техническим прогрессом.

В заключение

Экономистов порой критикуют за то, что они больше заняты экономической эффективностью, нежели социальным равенством. Вероятно, для таких претензий имеются основания. Однако необходимо отметить, что проблема неравенства пользовалась вниманием ученых на протяжении всей истории существования науки экономики. Адама Смита, которого часто называют «отцом современной экономики», глубоко интересовал разрыв между богатыми и бедными (подробнее эта тема рассмотрена в главах 5 и 11). Ученые и философы,

придерживавшиеся социалистических воззрений, сделали неравенство главным предметом общественного внимания (среди них Карл Маркс, Джон Стюарт Милль, Б.С. Раунтри и Хью Далтон — ученые, принадлежавшие к весьма различным течениям в экономике); в профессиональном отношении они были истинными экономистами независимо от своих политических убеждений. В последние годы экономика неравенства как дисциплина успешно развивается под руководством таких ученых, как А.Б. Аткинсон⁵⁰. Конечно, нельзя отрицать, что в некоторых исследованиях нацеленность на эффективность, исключая все прочие соображения, очевидна, но в целом экономистов нельзя обвинить в пренебрежительном отношении к проблеме неравенства как предмету исследования.

Если и могут быть причины для недовольства, то они, скорее, заключаются в том, что многие экономисты, наделяя проблему неравенства относительной важностью, помещают ее в очень узкую область, а именно в пространство *неравенства доходов*. В результате подобной узости иные способы исследования неравенства и справедливости остаются в небрежении, что в немалой степени сказывается на разработке экономических стратегий. Дебаты по вопросам стратегии в основном ведутся вокруг бедности в смысле доходов и их неравенства, при этом лишениям, связанным с иными переменными, — такими, как безработица, плохое здоровье, недостаток образования и социальная отверженность — уделяется неоправданно мало места. К несчастью, отождествление экономического неравенства с неравенством доходов широко распространено в экономической науке, и, более того, эти две разновидности неравенства зачастую объявляются синонимичными. Если ученый говорит, что он исследует экономическое неравенство, то его, как правило, понимают в том смысле, что он занят проблемой распределения доходов.

Такое отождествление «по умолчанию» можно обнаружить и в философской литературе. Например, в своем интересном и значительном произведении «Равенство как нравственный идеал» выдающийся философ Гарри Франкфурт весьма взвешенно и мощно критикует то, что он называет «экономическим эгалитаризмом», определяя это явление как «доктрину, запрещающую любое неравенство в распределении денег»⁵¹.

Однако между неравенством доходов и экономическим неравенством имеется существенное отличие⁵². Большинство критических выпадов против экономического эгалитаризма касается,

в основном, узкого представления о неравенстве доходов, а не более широко понимаемого экономического неравенства. Например, предоставление увеличенной доли дохода человеку, сильнее нуждающемуся, скажем, по причине инвалидности, можно счесть вопиющим противоречием принципу уравнивания *доходов*, но такое распределение выглядит естественным в более широком понимании экономического неравенства, поскольку при оценке содержания экономического равенства необходимо учитывать повышенную потребность в ресурсах вследствие нетрудоспособности.

На практике взаимосвязь между неравенством в доходах и неравенством в иных релевантных сферах может быть довольно отдаленной и условной по той причине, что на индивидуальные преимущества и фундаментальные свободы влияют различные экономические факторы (кроме дохода). Например, сравнительные показатели уровня смертности афроамериканцев и более бедных китайцев или индийцев в штате Керала свидетельствуют о влиянии факторов, действующих в направлении, противоположном неравенству доходов, и это влияние имеет прямое отношение к вопросам социальной политики, связанным непосредственно с экономикой: финансированию здравоохранения и медицинского страхования, развитию системы образования, обеспечению безопасности в местах проживания и т.д.

Различия в уровне смертности способны послужить индикатором весьма глубокого неравенства, разделяющего людей по расовому, классовому и гендерному признакам, как было показано на многих примерах в этой главе. Например, согласно расчетам, численность «исчезнувших» женщин указывает на отсутствие преимуществ у женщин во многих регионах современного мира, что не всегда адекватно отражается в статистических данных. Кроме того, поскольку доход, зарабатываемый членами семьи, делится на всех членов семьи, мы не можем анализировать гендерное неравенство преимущественно с позиций различий в доходах. Нам потребуется много больше информации, чем легкодоступные цифры распределения используемых ресурсов внутри семьи, для того чтобы получить более ясное представление о неравенстве по признаку экономической состоятельности. Однако согласно статистическим данным об уровне смертности и прочих лишениях (например, недоедании и неграмотности), можно непосредственно судить о степени неравенства и бедности в некоторых ключевых измерениях. Подобная информация может быть использована и для

определения степени зависимости различного рода лишений, переносимых женщинами, от существующего неравенства относительно возможностей (в получении заработков вне дома, при зачислении в школы и прочее). Таким образом, более широкий взгляд на бедность и неравенство с позиций отсутствия возможностей оказывается пригодным как для описательных, так и для стратегических исследований в экономике.

Несмотря на ключевую роль доходов в создании преимуществ, которыми пользуются люди, связь между доходом (и прочими ресурсами), с одной стороны, и индивидуальными достижениями и свободами, с другой, ни в коем случае не является ни постоянной, ни автоматической и жесткой. Разнообразие обстоятельств порождает систематические вариации в «превращении» доходов в различные «функции», которыми мы можем обладать, что напрямую влияет на наш образ жизни. Зависимость между заработанным доходом и фундаментальными свободами (в виде возможности вести такую жизнь, какую человек обоснованно ценит) имеет различные систематические отклонения, которые мы попытались проиллюстрировать в этой главе. При выработке политической стратегии необходимо уделять серьезное внимание личностной неоднородности, экологическому разнообразию, различиям в социальном климате, в отношениях и распределении внутри семьи — внимание, которого эти факторы вполне заслуживают.

Согласно бытующему мнению, доход — однородная величина, в то время как возможности разнообразны. Столь резкое противопоставление не совсем корректно, ибо в любой оценке дохода скрыты внутренние различия, что является результатом особых — и зачастую чрезмерных — допущений⁵³. Кроме того (и об этом уже говорилось в главе 3), межличностные сравнения реальных доходов не предоставляют нам никакой базы для межличностных сравнений даже в пространстве пользы (хотя этот пробел нередко игнорируется в практической экономике благосостояния посредством постулирования абсолютно произвольных мнений). Для того чтобы провести обоснованное сравнение ресурсов (в форме различия доходов) с чем-либо обладающим внутренней ценностью (например, благосостоянием или свободой), необходимо учитывать различия в обстоятельствах, влияющих на степень конвертации. Мнение о том, что сравнение доходов является более «практичным» способом изучения межличностных различий в преимуществах, не выдерживает критики.

Далее, потребность в обсуждении ценности различных возможностей с позиций общественных приоритетов является, по нашему убеждению, благом, побуждающим нас прояснить вопрос о том, какова природа оценочных суждений в области, в которой оценочные суждения не только неизбежны, но и необходимы. На самом деле участие общественности в «оценочных» дебатах — прямое и косвенное — является решающим фактором для демократического правления и ответственного общественного выбора. В вопросах социальной политики публичные дискуссии — необходимый оценочный инструмент. Процесс выработки общественного мнения нельзя подменить некими хитроумными допущениями. Неуязвимость некоторых допущений, на первый взгляд хорошо и гладко работающих, держится на ловком сокрытии разнообразия ценностей и значимостей. Например, допущение одинаковой зависимости между набором товаров и благосостоянием у двух человек с одинаковой функцией спроса (при этом не учитывается, что один болен, другой здоров, один инвалид, другой нет, и так далее) предоставляет отличный способ уклониться от насущного изучения многих значимых факторов, влияющих на благосостояние (об этом уже шла речь в главе 3). Такая уклончивость особенно мешает прояснению истины, когда, как мы уже показали на некоторых примерах, данные о доходах и товарах дополняются информацией по другим вопросам (включая вопросы жизни и смерти).

Проблема публичных дискуссий и демократического участия общества в разработке значимых стратегий является, таким образом, центральной. Использование политических прерогатив — политических свобод и гражданских прав — играет ключевую роль (в дополнение к прочим значениям, коими оно обладает) в создании самокорректирующейся экономической стратегии. В методе, ориентированном на свободу, важные для общества стратегии анализируются прежде всего с позиций права и свободы всех и каждого участвовать в общественной жизни.

Глава 5

Рынки, государство и социальные возможности

«Любая новая истина, — пишет Т.Г. Гексли в „Науке и культуре“, — обречена начинаться как ересь, чтобы в конце концов обернуться предрассудком». Нечто подобное, видимо, произошло с истиной, провозглашающей важность рынка в экономической жизни. Было время — и не столь давнее, — когда любой молодой экономист «точно» знал, в каких аспектах проявляется ограниченность рыночной системы, — во всех учебниках приводился один и тот же перечень «дефектов». Неприятие рыночного механизма некоторыми интеллектуалами нередко приводило к радикальным предложениям иных способов обустройства мира (иногда вплоть до создания мощной бюрократии и введения немислимых фискальных расходов), при этом вероятность того, что предлагаемые альтернативы чреваты даже более серьезными недостатками, чем рынок, не рассматривалась. К новым и дополнительным проблемам, которые способна породить альтернативная система, интереса обычно никто не проявлял.

За последние несколько десятилетий интеллектуальный климат коренным образом изменился, и вектор анализа поменялся на противоположный. Достоинства рыночного механизма признаются ныне столь непреложными, что их анализ представляется излишним. Ныне любое указание на дефекты рыночного механизма выглядит безнадежно старомодным и противоречащим современной культуре (все равно что слушать музыку 1920-х годов на пластинке в 78 оборотов). Один комплекс предрассудков уступил место другому — противоположному своду предвзятых мнений. Вчерашняя безоговорочная вера сегодня стала ересью, а вчерашняя ересь — новым предрассудком.

Потребность в критическом осмыслении общепринятых установок и политико-экономической практики никогда не была столь сильна¹. Современные предрассудки (благожелательные к «чистому» рыночному механизму) определенно нуждаются

в тщательном исследовании и, смею утверждать, в частичном неприятии. Однако нам следует избегать вчерашних ошибок и не отказывать рынку в достоинствах — и даже незаменимости. С помощью анализа мы постараемся определить, что в рыночном механизме устроено разумно, а что нет. Знаменитый соотечественник автора, Гаутама Будда, возможно, несколько преувеличивал универсальное значение «срединного пути» (правда, до обсуждения собственно рыночного механизма он так и не дошел), но кое-что из его антиэкстремистского учения, зародившегося 2500 лет назад, может пригодиться и сегодня.

Рынки, свобода и труд

Даже если достоинства рыночного механизма ныне весьма широко признаны, *причины* стремления к рынку нередко остаются неосознанными. Этот вопрос мы затрагивали во введении и первой главе нашей книги, однако нам придется вернуться к нему в контексте исследования институциональных аспектов развития. В последнее время в научных дискуссиях упор при оценке рыночного механизма делается на *результаты*, им порождаемые, — доход и польза. Этой стороной рыночных отношений не следует пренебрегать, и мы к ней вскоре вернемся. Но потребность в свободе рыночных сделок в первую очередь обусловлена фундаментальной важностью свободы в принципе. Мы покупаем, продаем и совершаем обмен, руководствуясь вескими причинами — в поисках личного процветания на базе транзакций. Отказ от такой свободы принесет значительный урон обществу. Этот фундаментальный принцип *первичен* по отношению к любой теореме, которую мы можем или не можем доказать (о чем ниже), дабы продемонстрировать кульминационные результаты рынка в плане доходов, пользы и т.д.²

Всеобъемлющая роль транзакций в современной жизни зачастую недооценивается именно потому, что мы считаем ее само собой разумеющейся. Здесь просматривается аналогия с неполностью осознанной (и часто незамечаемой) ролью определенных поведенческих правил (например, основ деловой этики) в условиях развитых капиталистических стран, где такие правила привлекают к себе внимание только в случае каких-либо сбоев. Однако когда рыночные ценности находятся лишь в зачаточном состоянии, наличие или отсутствие таких правил обретает ключевое значение. Потому в изучении феномена развития роль элементарной деловой этики должна быть выведена из тени и получить достойное признание.

То же самое касается и свободы трансакций, которая зачастую становится главной проблемой во многих отношениях³.

Очевидно, что данное утверждение особенно верно, когда посредством законов, постановлений и договоренностей ограничивают свободу рынка. Во времена, предшествовавшие Гражданской войне, афроамериканские рабы на юге Америки имели столь же большой (а иногда и больший) доход в денежном выражении, как и наемные работники в других регионах, и даже жили дольше, чем городские рабочие на севере⁴. Но сам факт рабства представлял собой фундаментальное лишение (невзирая на доход и пользу, которые он порождал). Утрата свободы, выраженная в невозможности выбирать, где работать, и сама тираническая форма труда также не могут не быть серьезными лишениями.

В истории экономики развитие свободных рынков в целом и свободного найма в частности получило одобрение многих исследователей. Даже непримиримый критик капитализма Карл Маркс видел в свободном рынке труда ключ к прогрессу (о чем уже шла речь в главе 1). Однако эта проблема принадлежит не только истории, но и современности, поскольку свобода труда чрезвычайно актуальна для многих регионов современного мира. Позвольте проиллюстрировать данное положение четырьмя различными примерами.

Во-первых, разнообразные формы трудового закрепощения можно обнаружить во многих странах Азии и Африки, где люди лишены фундаментальной свободы покидать хозяина, по сути феодала, и искать заработок на стороне. Когда читаешь в индийских газетах о том, как принадлежащие к высшей касте землевладельцы в одном из наиболее отсталых районов Индии (например, в Бихаре) терроризируют — убивая и насилая неудобных — семьи работников, «прикрепленных» к их земле, понятно, что в таких случаях речь идет о преступлении; потому подобные инциденты и освещаются в СМИ (и благодаря чему в первую очередь и существует надежда на улучшение ситуации даже в самых жестоких сообществах). Однако в рамках данной экономической ситуации в основе этих криминальных действий лежит борьба за свободу труда, равно как и за владение землей, на которой «прикрепленных» работников принуждают трудиться; такое принуждение продолжает существовать, несмотря на его незаконность (по той причине, что в законодательстве, составленном сразу после принятия независимости, не предусмотрено должных рычагов воздействия). Исследование экономического положения Индии было более разносторонним, чем

исследование положения в других регионах (как мы уже упоминали в главе 1), однако имеется немало свидетельств существования подобных проблем и в некоторых других странах.

Во-вторых (обращаясь к примеру совершенно иного рода), падение бюрократического социализма в Восточной Европе и Советском Союзе нельзя до конца понять, рассматривая его исключительно с позиций экономических трудностей в достижении высоких доходов и прочих факторов, таких как продолжительность жизни. Более того, что касается продолжительности жизни, то с ней, условно говоря, в коммунистических странах нередко дела обстояли отлично (посмотрите демографическую статистику Советского Союза, дореформенного Китая, Вьетнама, Кубы и прочих). На самом деле, в смысле продолжительности жизни некоторые из бывших коммунистических стран сегодня пребывают в значительно худшем состоянии, чем при коммунистическом правлении, и, пожалуй, более всего это заметно в России (где продолжительность жизни мужчин упала до 58 лет — т.е. значительно ниже показателя в Индии и Пакистане)⁵. И тем не менее население отказывается голосовать за возвращение прежних порядков, о чем свидетельствуют результаты выборов, и даже новые партии, вышедшие из старых политических кругов, не предлагают подобного возвращения (требуя лишь некоторых менее радикальных мер по возврату к прошлому).

Для понимания того, что происходит в этих странах, признание экономической неэффективности коммунистической системы, разумеется, весьма важно. Но в системе, где рынки попросту запрещены, в первую очередь встает вопрос об ущемлении свободы. Кроме того, случается, что населению не разрешают участвовать в рыночных отношениях, даже если таковые наличествуют. Например, власти чинят препятствия в поисках работы в рамках существующей ситуации по найму (включая ссылку на строптивых работников по произволу начальства). В этом смысле образное определение коммунистической системы, данное Фридрихом Хайеком, — «дорога к рабству» — представляется весьма точным, хотя, возможно, и чересчур жестким⁶. В ином — но близком — контексте Михал Калецкий (выдающийся польский экономист, вернувшийся в Польшу, когда там установился коммунистический режим, с искренним намерением быть полезным) заметил в ответ на вопрос журналиста о прогрессе, проделанном Польшей на пути от капитализма к социализму: «Да, мы успешно искоренили капитализм, теперь дело за малым — искоренить феодализм».

Третий пример касается проблемы, которую мы уже затрагивали в 1-й главе: тяжелого детского труда (распространенного, к примеру, в Пакистане, Индии и Бангладеш). Здесь явственно просматриваются признаки рабства и закрепощения, поскольку многих детей принуждают к непосильному труду. Порабощение детей иногда становится следствием экономических лишений, которые терпят их семьи: родители нередко сами находятся в своего рода крепостной зависимости от своих нанимателей, но от этого варварское *принуждение* детей к работе не становится менее гнусным. Такие дети, в частности, не могут свободно посещать школу, и причина тому не только в слабом развитии системы начального образования в регионах их проживания, но порою и в отсутствии у детей (а зачастую и у их родителей) права решать, что они хотят делать.

Проблема детского труда вызывает разногласия среди южноазиатских экономистов. Одни настаивают на том, что запрещение детского труда без какого-либо улучшения экономической ситуации их семей противоречит интересам самих детей. Вопрос, конечно, неоднозначный, но нередко наблюдаемое сочетание детского труда с тем, что на самом деле является рабством, упрощает его решение. Когда рабство очевидно, появляются веские основания для более энергичного ратования за принятие законов, направленных против рабства и детского труда. Детский труд — явление, печальное само по себе, — еще отвратительнее потому, что сплошь и рядом он схож с закрепощением и откровенным рабством.

Пример четвертый: свобода женщин искать работу вне семьи является весьма проблематичной во многих странах «третьего мира». Некоторые традиционные сообщества лишают женщин этой разновидности свободы, что само по себе является серьезным нарушением прав женщин и гендерного равенства. Отсутствие такой свободы препятствует экономической самостоятельности женщин, а также влечет за собой немало иных последствий. Кроме непосредственного положительного воздействия рыночной занятости на экономическую независимость женщин, работа вне дома имеет важное каузальное значение: она позволяет женщинам «выторговывать» лучшие позиции во внутрисемейном распределении доходов⁷. Надо ли говорить, что домашний труд порою оборачивается работой на износ, но редко ценится и даже учитывается (и уж конечно, не вознаграждается), потому отсутствие права работать вне дома является одним из вопиющих нарушений свободы женщин⁸.

Запрет на наемную работу для женщин иногда вводится в открытой и угрожающей форме (например, в современном Афганистане). В иных случаях запрет действует в скрытой форме посредством обычаев и традиций, принятых в обществе. Порою запрета даже и не существует в явном виде, однако женщины, воспитанные в традиционных ценностях, боятся порвать с привычным укладом и шокировать окружающих. Превалирующие представления о «норме» и «приличиях» играют здесь центральную роль.

Данная проблема соотносится и с другими важными аспектами нашего исследования; в частности, с необходимостью открытых дискуссий по социальным вопросам и организации сплоченных действий по достижению необходимых перемен в обществе. Во многих странах женские организации оказали серьезное влияние на процесс общественных трансформаций. Например, Ассоциация женщин-предпринимателей (SEWA) немало способствовала не только увеличению рабочих мест для женщин, но и изменению общественного климата в одном из районов Индии. То же относится к кредитным и кооперативным организациям, таким как Grameen Bank и Комитет по развитию сельского хозяйства (BRAC) в Бангладеш. Подчеркивая значение трансакций и право на участие в экономической жизни (включая право на свободный найм), а также непосредственную важность рыночных свобод, мы не должны упускать из виду дополненность этих свобод относительно тех, что проистекают из деятельности иных (внерыночных) институтов⁹. Отношения дополненности между различными институтами (в частности, внерыночными организациями и рынком) являются одной из главных тем нашей книги.

Рынки и эффективность

Рынок труда способен сыграть роль «освободителя» во многих отношениях, а фундаментальная свобода трансакций чрезвычайно важна сама по себе, помимо той выгоды в смысле доходов, пользы и прочего, которая образовывается (или не образовывается) благодаря использованию рыночных механизмов. Однако не менее важно изучить природу достигнутых результатов, и к этому — довольно трудному — вопросу мы сейчас и обратимся.

При изучении рыночных механизмов очень важно учитывать формы рынка: конкурентный рынок либо монополистический (иными словами, неконкурентный), все ли разновидности рынка

имеются, не сказывается ли отсутствие некоторых разновидностей серьезным образом на экономической ситуации и так далее. Кроме того, на реальную ситуацию влияет характер фактических обстоятельств (таких, как доступность или отсутствие какого-либо вида информации, наличие или отсутствие крупного производства), ограничивающих порою результативность тех или иных институциональных форм рыночного механизма¹⁰.

В случае рынка без дефектов (включая неразвитость) для демонстрации достоинств рыночного механизма в достижении экономической эффективности используются классические модели общего равновесия. Эффективность обычно определяется по так называемой «Парето-оптимальности»: модели, когда польза (либо благосостояние) одного человека не может быть увеличена без снижения пользы (либо благосостояния) другого. На действительную важность такого определения эффективности, несмотря на упрощающие допущения, указывает и теорема Эрроу — Дебре (названная по имени Кеннета Эрроу и Жерара Дебре, первыми получивших соответствующие результаты¹¹)¹².

Выводы, сделанные Эрроу — Дебре, означают, кроме всего прочего, что — при наличии некоторых предварительных условий — результаты использования рыночного механизма нельзя улучшить так, чтобы они увеличивали пользу каждого (или увеличивали пользу каждого, не снижая при этом пользу другого)¹³.

Однако представляется разумным задать вопрос, нельзя ли искомую эффективность определять относительно *индивидуальных свобод*, а не только с позиций *пользы*. Такой вопрос здесь особенно уместен, ибо информационная база нашей работы сфокусирована вокруг индивидуальных свобод (а не вокруг пользы). Нам уже приходилось доказывать (с учетом некоторых вероятных характеристик фундаментальных индивидуальных свобод), что существенную часть выводов об эффективности, сделанных Эрроу и Дебре, легко переместить из «пространства» пользы в «пространство» индивидуальных свобод, это верно и в отношении свободы выбирать *потребительские корзины*, и в отношении *потенциальных возможностей функционирования*¹⁴. Для демонстрации жизнеспособности такой расширенной концепции были использованы те же допущения, что и при доказательстве теоремы Эрроу — Дебре (например, отсутствие нерыночных механизмов экономической деятельности). Исходя из заданных условий, мы попытались найти точную характеристику для индивидуальных

свобод и выяснили: равновесие на конкурентном рынке гарантирует: ничью свободу нельзя расширить при одновременном сохранении свободы остальных.

Для выявления этой зависимости требуется, чтобы о значении фундаментальной свободы судили не по *разнообразию* выбора, стоящего перед человеком, а по адекватному ощущению *привлекательности* имеющегося выбора. У свободы есть много аспектов; о личной свободе и свободе транзакций мы уже говорили. Что же касается свободы достигать целей, которых мы хотим достичь, то здесь необходимо учитывать достоинства тех вещей, из которых мы выбираем¹⁶. Взаимосвязь между свободой и эффективностью результата можно объяснить следующим образом (опуская технические подробности): при условии разумного индивидуального выбора эффективность с точки зрения индивидуальной пользы должна в значительной степени «паразитировать» на предложенных индивидууму адекватных возможностях, из которых он волен выбирать. Значимость этих возможностей определяется не только тем, что предоставляют личности выбор (и, следовательно, пользу), но и их полезным содержанием (и фундаментальными свободами, которыми они наделяют выбирающего).

В этой связи уместно прояснить один частный вопрос, касающийся роли максимизации личного интереса в достижении эффективного результата посредством рыночного механизма. В классическом контексте (Эрроу–Дебре) предполагается, что каждый преследует свой личный интерес, продиктованный некоей мотивацией. Данное поведенческое допущение обусловлено попыткой получить такие результаты функционирования рынка (понимаемые в плане индивидуальных интересов), которые соответствовали бы «Парето-оптимальности»: т.е. ничей интерес нельзя предпочесть без нанесения ущерба интересам других¹⁸.

Это исходное положение о всеобщем эгоизме эмпирически обосновать довольно трудно. Кроме того, обстоятельства бывают более сложными, чем те, на которых базировалась модель Эрроу–Дебре (включая более непосредственные зависимости, возникающие между интересами различных людей), и в таких случаях поведение, продиктованное личным интересом, далеко не всегда порождает эффективные результаты. Таким образом, если бы предположение об универсальном эгоизме было абсолютно необходимо для получения значимых результатов в модели Эрроу–Дебре, то тогда можно было бы говорить о серьезных недостатках данного метода.

Однако этот недостаток в значительной мере можно преодолеть, когда эффективность рассматривается с точки зрения индивидуальной свободы, а не только пользы.

Ограничение, налагаемое условием своекорыстного поведения, можно устранить, если нашей главной заботой станут реальные свободы, которыми обладает человек (при этом неважно, с какой целью он использует эти свободы), а не степень удовлетворения его личного интереса (посредством его собственного своекорыстного поведения). В этом случае нет необходимости в допущениях, касающихся мотивации индивидуального выбора, поскольку главным пунктом становится не удовлетворение личных интересов, а наличие свободы (при этом неважно, используется ли свобода для удовлетворения личных интересов или каких-то иных целей). Таким образом, основные аналитические выводы теоремы Эрроу-Дебре совершенно не зависят от мотиваций, лежащих в основе индивидуальных предпочтений; их можно принимать как есть, если наша цель состоит в том, чтобы показать эффективность сделанного выбора в плане наличия фундаментальных индивидуальных свобод (независимо от мотивации)¹⁷.

Пересечение различного рода лишений и неравенства в свободах

В нашем подходе основные выводы об эффективности рынка распространяются и на фундаментальные свободы тоже. Но по эффективности мы не в состоянии судить о равенстве результатов или о равенстве в распределении свобод. Ситуацию считают эффективной, когда ничью пользу либо реальную свободу нельзя расширить, не ущемляя при этом пользы или свободы другого, и тем не менее в распределении пользы и свободы может существовать огромное неравенство.

Проблема неравенства проявляется много ярче, если от неравенства в доходах перейти к рассмотрению неравенства в *распределении фундаментальных свобод и возможностей*. И происходит так в основном потому, что неравенство в доходах «пересекается» с неравенством, наблюдаемым в конвертации доходов в возможности. Это обстоятельство усиливает проблему неравенства, уже отраженную в неравенстве доходов. Например, у человека больного, или старого, или наделенного физическими или иными врожденными недостатками могут, с одной стороны, возникнуть трудности в *зарабатывании* достойного дохода, а с другой — ему также много

труднее конвертировать доход в возможности и достойный уровень жизни. Те же самые факторы, что не позволяют человеку получить хорошую работу и хороший доход (например, инвалидность), способны воспрепятствовать достижению удовлетворительного качества жизни даже при наличии хорошей работы и хорошего дохода¹⁸. Связь между способностью *получать доход* и способностью *тратить* доход — хорошо известный эмпирический феномен в исследованиях бедности¹⁹. Межличностное неравенство в доходах, как следствие функционирования рынка, усиливается по причине «пересечения» низких доходов и препятствий для конвертации дохода в возможности.

Эффективность свободы в условиях рыночного механизма, с одной стороны, и неравенство в распределении свобод — с другой, предпочтительно рассматривать *одновременно*. Проблему равенства невозможно обойти, особенно в вопросе серьезных лишений и бедности, и здесь общественное вмешательство, включая государственную поддержку, может сыграть важную роль. Именно такую роль и пытаются играть структуры социального обеспечения в государствах благосостояния при помощи различных программ, в том числе государственного здравоохранения и поддержки безработных, неимущих и проч. Но необходимость *одновременного* рассмотрения аспектов эффективности и равенства остается, ибо мотивированное заботой о равенстве вмешательство в работу рыночного механизма способно снизить его эффективность, хотя неравенство и уменьшится. Важно ясно осознать необходимость *одновременного* изучения различных аспектов социальных ценностей и справедливости.

С потребностью в синхронном изучении различных целей мы уже сталкивались в некоторых других контекстах. Например, в главе 4, когда противопоставляли европейские социальные обязательства (более выраженные, чем в США) в гарантировании минимального дохода и медицинского обслуживания с американской приверженностью (более выраженной, чем в Европе) к сохранению высокого уровня занятости. Эти два направления в значительной мере сочетаемы, но они также, хотя бы отчасти, противоречат друг другу. В любом случае, конфликт между ними существует, поэтому необходимо *одновременно* изучать два противоположных направления, уделяя равное внимание как эффективности, так и равенству, что особенно важно при определении социальных приоритетов в целом.

О роли рынка следует судить не только по тому, чего можно достичь посредством рыночных отношений, но и по тому, что позволено достигать. Людей, чьи интересы отлично удовлетворяет бесперебойное функционирование рынка, немало, но существуют также и другие группы людей, чьим непосредственным интересам такое функционирование наносит ущерб. Если эти последние группы обладают большей политической властью и влиянием, то они могут решить, что рынки занимают неадекватное место в экономике. Проблема становится весьма серьезной, когда монополистические предприятия процветают (несмотря на неэффективность и различного рода издержки) благодаря своей защищенности от конкуренции, как отечественной, так и зарубежной. Высокие цены на продукцию или низкое качество продукции, характерные для таких искусственно поддерживаемых производств, ложатся тяжелым бременем на население в целом, но при этом прибыли хорошо организованной и политически влиятельной группы «промышленников» гарантированы.

Недовольство Адама Смита ограниченным использованием рынка в Британии XVIII века объясняется не только пониманием социальных преимуществ, порождаемых хорошо функционирующими рынками, но также тем, что крупные предприниматели умеют добиваться гарантированной защиты своих раздутых доходов от угрозы конкуренции. Адам Смит полагал, что рынок способен подвергнуть сомнению те аргументы, к которым обычно прибегают монополии в противостоянии адекватному использованию конкуренции. Теоретические выкладки Смита были частично нацелены против власти и влияния прочно укорененных монополистических интересов.

Ограниченность рынка, против которой особенно часто выступал Смит, в широком смысле можно считать «докапиталистическим» недостатком. Этот недостаток существенно отличается от государственного вмешательства в виде, скажем, программ по повышению общественного благосостояния или социальных структур, которые во времена Смита пребывали в зачаточном состоянии, их влияние угадывается разве что в принятии Закона о бедных²⁰. Кроме того, ограниченность рынка не следует путать с деятельностью государства по предоставлению таких услуг, как государственное образование, за которое Смит весьма ратовал (о чем ниже).

На самом деле, многие ограничения, тормозящие функционирование экономики в развивающихся странах сегодня — и недавно в так называемых социалистических странах, — в широком смысле также относятся к «докапиталистическому» типу. Что бы мы ни взяли — запрет на некоторые виды отечественной торговли или международного обмена, сохранение устаревших технологий и методов производства на предприятиях, чьи владельцы и руководители надежно укрылись «за забором протекционизма», — все эти явления свидетельствуют о глубинной связи между настойчивыми требованиями ограничить конкуренцию и процветанием докапиталистических ценностей и способа мышления. Вчерашние «радикалы» вроде Адама Смита (чьи идеи вдохновили многих деятелей Французской революции), Давида Рикардо (который возражал Мальтусу, настаивавшему на продуктивности землевладения ленд-лордов) или Карла Маркса (видевшего в капиталистической конкуренции главную движущую силу, способную изменить мир,) мало симпатизировали антирыночным аргументам лидеров докапиталистической мысли.

Ирония истории заключается в том, что те, кто ратуют за радикальную политику сегодня, часто скатываются на экономические позиции прошлого (те, что были решительно отвергнуты Смитом, Рикардо и Марксом). В этой связи хорошо понятно горькое разочарование Михала Калецкого, процитированного выше, ко торое вызвала в нем опутанная запретами Польша («мы успешно искоренили капитализм, теперь дело за малым — искоренить феодализм»). Нередко буржуазия, опираясь на протекционизм, изо всех сил старается создать и поддержать иллюзию радикальных перемен и модернизаций, по сути, стряхивая пыль с устаревших антирыночных установок.

Вышеизложенные аргументы необходимо подкреплять всесторонней критикой теоретических выводов в пользу ограничения конкуренции. При этом политическое влияние групп, получающих значительные материальные блага от сдерживания торговли и обмена, тоже нельзя сбрасывать со счетов. Многие авторы совершенно верно указывали на то, что стремление к протекционизму следует оценивать по задействованным корпоративным интересам и с учетом «активности по обретению ренты», неявно присутствующей в попытках ограничить конкуренцию. Как заметил Вильфредо Парето, если «некая мера А является причиной потери одного франка каждым из тысячи человек и тысячью франков прибыли для одного индивидуума, то последний проявит изрядную активность,

тогда как первые будут вяло сопротивляться, и весьма вероятно, что в конце концов человек, пытающийся сохранить доход в тысячу франков, полученный посредством меры А, одержит победу»²¹. Политическое влияние в целях достижения экономической выгоды — феномен более чем распространенный в нашем мире²².

Противостоять подобным влияниям нужно не только посредством сопротивления тем, кто получает сверхприбыли в условиях закрытого рынка — и, возможно, даже посредством «срывания с них масок» (выражаясь по старинке), — но и с помощью скрупулезного научного анализа их аргументов. Критика ограничения конкуренции имеет в экономической науке давнюю традицию, восходящую к Адаму Смиту, который, указуя перстом на виновных, постоянно разоблачал их домыслы в пользу тезиса о социальных благах, якобы образующихся в результате устранения конкуренции. Смит утверждал, что крупные предприниматели берут верх потому, что «они лучше понимают свой интерес» (а «не общественный»). Он писал:

В любой области торговли и промышленности интересы предпринимателей всегда в некоторый степени отличаются и даже противоположны интересам общества. Расширение рынка и сужение конкуренции неизменно отвечают интересам предпринимателей. Расширение рынка зачастую согласуется с интересами общества, но сужение конкуренции неизбежно им противоречит и служит лишь тому, что предприниматели получают прибыли более высокие, чем они получили бы в условиях конкуренции, облагая остальных граждан абсурдным налогом ради собственного блага. К предложению ввести любой новый закон либо правило торговли, исходящему из этих кругов, следует относиться с большой осторожностью и не принимать закон или акт до тех пор, пока он не будет хорошенько изучен, причем не только с бесконечной скрупулезностью, но и с такой же подозрительностью²³.

Логично предположить, что корпоративные интересы не могут победить в обществе, где разрешены и поощряются публичные дискуссии. Как явствует из знаменитого постулата Парето, всегда найдется тысяча людей, чьи интересы несколько пострадали от политики, которая щедро удовлетворяет интересы одного бизнесмена, а если изъяны такой политики предать гласности, число оппозиционеров

исключительному положению одного бизнесмена быстро перевалит за тысячу. Подобного рода конфликты — идеальная область для публичных обсуждений, требований и контртребований, поступающих с противоположных сторон. В условиях открытой демократии у общественных интересов есть неплохие перспективы преодолеть интересы узкой корпоративной прослойки. Здесь, как и во многих других случаях, уже рассмотренных в нашей книге, «лекарством» служит усиление свободы, включая свободу публичных дискуссий и участия в принятии политических решений. И снова свобода одного вида (в данном случае — политическая свобода) способствует реализации свободы других видов (в частности, экономической открытости).

Необходимость в критическом осмыслении роли рынков

Публичные критические дискуссии — важное и неизбежное условие правильной политики, ибо роль рынка и его развития нельзя определить заранее с помощью некой гениальной формулы или всеобъемлющей теории, доказывающей необходимость рынка везде и во всем либо напрочь его отрицающей. Даже Адам Смит, твердо поддерживавший рынок в тех сферах, где он приносил хорошие результаты (и отрицавший достоинства любого *теоретического* довода в пользу отказа от торговли и обмена), не уклонялся от исследования экономических обстоятельств, при которых кое-какие ограничения могли бы пойти на пользу обществу, либо секторам экономики, в которых нерыночные институты крайне необходимы в дополнение к функционированию рынка²⁴.

Не следует думать, что критика Смитом рыночного механизма была всегда мягкой или, если уж на то пошло, что он был всегда прав в своих критических высказываниях. Возьмем, к примеру, его выступления в защиту правовых ограничений ростовщичества²⁵. Смит был, разумеется, против любого запрета на взимание процента с заклада (вопреки тому, что пытались доказать некоторые антирыночные мыслители)²⁶. Однако он хотел законодательно утвердить максимальную величину процентной ставки:

В странах, где взимание процента дозволено, закон в целях предотвращения вымогательства ростовщиков обычно устанавливает максимальную норму процента, какую можно взимать, не навлекая на себя кары...

Следует, однако, отметить, что законная норма процента, хотя она и должна несколько превышать низшую рыночную норму, все же не должна превышать ее слишком много. Если бы, например, законная норма процента была установлена в Великобритании на таком высоком уровне, как 8% и 10%, то большая часть денег, отдаваемых взаймы, ссужалась бы расточителям и прожектерам, которые одни проявляли бы готовность платить такой высокий процент. Здравомыслящие люди, готовые давать за пользование деньгами не больше, чем часть того, что они могут получить сами в результате пользования ими, не рискнут соперничать с ними. Таким образом, значительная часть капитала страны не будет попадать в руки именно тех людей, которые скорее всего могут дать ему выгодное и прибыльное применение, и достанется тем, кто скорее всего растратит и уничтожит его²⁷.

Вмешиваясь в проблему ростовщичества, Смит руководствовался соображением об обманчивости сигналов, поступающих с рынка, по причине которых деятельность на свободном рынке может привести к растрате личного капитала в результате ложных шагов и близорукости предпринимателей либо к растрате общественных ресурсов. На Адама Смита обрушился с упреками Иеремия Бентам. В длинном письме, написанном им в марте 1787 года, он убеждал Смита оставить рынок в покое²⁸. Это довольно любопытный эпизод в истории экономической мысли, когда главный поборник утилитаристского вмешательства в экономику читает первому «гуру» рыночной экономики лекцию о достоинствах рыночного распределения²⁹.

В современных дискуссиях вопрос о введении закона о максимальной процентной ставке не вызывает большого интереса (в этом отношении Бентам явно одержал победу над Смитом), но важно понять, почему Смит столь отрицательно относился к «расточителям и прожектерам» в экономике. Его глубоко волновала проблема социальных потерь и убытков производственного капитала. И он подробно описал, как это может произойти («Богатство народов», кн. 2, гл. 3). Что касается «расточителей», Смит видел в них огромную потенциальную угрозу социальных потерь, поскольку расточителями движет «стремление к наслаждению». Поэтому «каждый расточитель оказывается врагом общественного

блага». В отношении «проектеров» беспокойство Смита опять же связано с социальными потерями:

Последствия неразумных действий часто бывают таковы же, как и последствия расточительности. Каждый неправильный и неудачный проект в области сельского хозяйства, горного дела и обрабатывающей промышленности ведет точно так же к уменьшению фонда, предназначенного на поддержание производительного труда, каждый такой проект... всегда сопровождается некоторым уменьшением производительного фонда общества³⁰.

Не столь важна специфика аргументов Смита, сколь важно понять, о чем он, собственно, беспокоится. Его заботит возможность социальных потерь по причине преследования узкомотивированной личной выгоды. Эта тревога противоречит знаменитому высказыванию Смита: «Не от благосклонности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов»³¹. Если в примере с мясником — пивоваром — булочником упор делается на взаимно выгодной роли торговли, основанной на личном интересе, то аргумент, направленный против расточителей и проектеров, указывает на то, что при определенных обстоятельствах мотивы личной выгоды могут противоречить общественным интересам. И эта тревога остается актуальной и сегодня (и не только в отношении расточителей и проектеров)³². Более того, ее злободневность усиливается социальными потерями, связанными, например, с загрязнением окружающей среды частными производствами. Разве в этом случае не наблюдается провозглашенная Смитом опасность «некоторого уменьшения производительного фонда общества»?

Урок, извлеченный из смитовского анализа рыночного механизма, состоит в следующем: ни в коем случае нельзя делать поспешных политических выводов, основываясь на неких теоретических рассуждениях «за» и «против» рынка. Разобравшись с ролью торговли и обмена в человеческой жизни, следует перейти к изучению природы прочих рыночных сделок и их последствий. При этом необходимо оценить реальные возможности, уделяя адекватное внимание непредвиденным обстоятельствам, от которых в немалой степени зависит, к чему приведет поощрение рынка либо ограничение его функций. Если пример с мясником — пивоваром — булочником

указывает на весьма распространенное обстоятельство, когда наши интересы, дополняя друг друга, взаимно удовлетворяются посредством обмена, то пример с расточителями и прожекторами наводит на мысль, что так бывает не всегда. Потому критическое осмысление роли рынка — насущная необходимость.

Потребность в разностороннем подходе

Потребность в широком и разностороннем подходе к развитию общества стала особенно очевидной отчасти по причине тех трудностей и успехов, что выпали на долю разных стран в последние десятилетия³³. Проблемы, с которыми столкнулись эти страны, тесно связаны с необходимостью сбалансировать действия национального правительства — и прочих политических и общественных институтов — с функционированием рынков.

Эти же проблемы породили идею «всесторонней программы развития», вроде той, о которой говорил Джеймс Вулфенсон, президент Всемирного банка³⁴. Сторонники такой программы отказываются от одностороннего взгляда на процесс развития (например, как на просто «либерализацию» либо иной узконаправленный процесс). Поиск универсального средства на все случаи жизни (например, «открыть рынки» или «упорядочить цены») в прошлом немало занимал умы экономистов, в том числе и представителей Всемирного банка. Теперь же речь идет об интегрированном и разностороннем подходе, нацеленном на одновременный прогресс на разных фронтах, в том числе и в деятельности различных институтов, подпитывающих друг друга³⁵.

Более широкий подход труднее «продать», чем узконаправленные реформы, предполагающие единичный результат в отдельной области. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется то, что проведение давно назревших экономических реформ 1991 года в Индии под руководством выдающегося ученого Манмохана Сингха в основном заключалось в «либерализации», тогда как еще более необходимое расширение социальных возможностей было оставлено без внимания. Тем не менее два процесса — снижение, с одной стороны, сверхактивности государства, базирующейся на «праве власти», и повышение, с другой стороны, активности государства в области начального образования и прочих социальных возможностей (в условиях, когда почти половина взрослого населения Индии неграмотна и практически неспособна участвовать в усиленно глобализирующейся экономике), — эти два процесса

прочны связаны друг с другом³⁶. Как бы то ни было, Манмохану Сингху удалось инициировать некоторые существенные реформы, за что ему честь и хвала³⁷. И все же успех мог быть большим, если бы реформы сочетались с расширением социальных возможностей, которыми в Индии столь упорно пренебрегают.

Сочетание экстенсивного использования рынка с развитием социальных возможностей следует понимать как часть еще более широкого всестороннего подхода, учитывающего, кроме того, важность свобод различных видов (демократические свободы, гарантии безопасности, возможности сотрудничества и проч.). Определяя суть различных инструментальных свобод (в том числе экономических прав, демократических свобод, социальных возможностей, гарантий прозрачности и социальной защиты), мы исходим как из их роли, так и из отношений дополнителности, существующих между ними. В зависимости от опыта данной страны критическая направленность меняется. Например, в Индии, а не в Китае главной мишенью для критики становится пренебрежение социальными возможностями, в то время как отсутствие демократических свобод — основная мишень для критики в Китае, но не в Индии.

Взаимозависимость и общественное достояние

Тем, кто склонен считать введение рыночного механизма лучшим решением любой экономической проблемы, неплохо бы полюбопытствовать, каковы пределы действия этого механизма. Мы уже касались вопросов равенства и необходимости не ограничиваться рамками проблем эффективности, при этом мы попытались выяснить, почему возникает потребность дополнить рыночный механизм иной институциональной деятельностью. Но даже при достижении общей эффективности рыночный механизм иногда бывает менее эффективным в частностях, особенно в том, что касается так называемых «общественных благ».

Смысл одного из допущений, которое обычно делают, дабы показать эффективность рыночного механизма, состоит в том, что любой товар — и вообще все, от чего зависит наше благополучие, — можно купить и продать на рынке. Все может быть продано на рынке (если мы хотим этого), и никаких значимых нерыночных влияний на наше благосостояние не существует. В действительности же некоторые наиболее важные вещи, способствующие развитию возможностей человека, бывает трудно продать, особенно единичному потребителю. Это особенно верно, если обратиться к так называемым

общественным благам, которые люди потребляют скорее *совместно*, чем по отдельности³⁸.

Такое положение вещей характерно, например, для охраны окружающей среды, а также эпидемиологии и охраны общественного здоровья. Возможно, я и мог бы внести свой вклад в социальную программу борьбы с малярией, но я не могу купить часть этой защитной меры и превратить ее в «частное благо» (как яблоко или рубашку). Общественное благо — окружающую среду, избавленную от малярии, — нам приходится потреблять совместно. В самом деле, если мне и удастся каким-то образом устроить для себя среду обитания, очищенную от малярии, сосед будет пользоваться этой средой заодно со мной, и ему не придется ее ни у кого «покупать»³⁹.

Рациональность рыночного механизма оправдана скорее в отношении частного блага (вроде яблок и рубашек), а не общественного (вроде среды обитания, очищенной от малярии); и, очевидно, у нас имеются веские причины добиваться общественных благ с помощью средств, отличных от тех, которыми располагают частные рынки⁴⁰. Те же аргументы, касающиеся ограниченности сферы влияния рынка, применимы и в других важных областях, в которых вышеупомянутые иные средства принимают форму общественного блага. Мы имеем в виду такие области, как оборона, охрана порядка и защита окружающей среды.

Бывают и смешанные случаи. Например, поскольку получение общественного блага в виде базового образования способствует выгоде отдельной образованной личности, то базовое образование содержит и компонент личного блага (и может рассматриваться как общественное наполовину). Разумеется, для отдельных индивидуумов образование является благом, но, кроме того, развитие образования и грамотности нередко способствует социальным переменам в регионе (и даже снижению рождаемости и смертности, о чем подробнее в главах 8 и 9) и экономическому прогрессу, пользу из которого извлекает все население. Эффективность влияния образования и прочих социальных структур обычно требует общественных действий и помощи от государства или местных властей. Во всех странах государство, как правило, играет главную роль в распространении базового образования. Быстрое распространение грамотности в историческом прошлом современных богатых стран (как на Западе, так и в Японии и Восточной Азии) стало возможным благодаря низкой стоимости государственного образования в сочетании с тем благом, которое оно приносило всему обществу.

В этом контексте нельзя не отметить, что некоторые энтузиасты рыночной экономики рекомендуют современным развивающимся странам полностью полагаться на свободный рынок даже в вопросах базового образования, тем самым скрывая от них, как протекал процесс развития образования, сыгравший решающую роль в искоренении неграмотности в Европе, Северной Америке, Японии и Восточной Азии. Тем, кто считает себя последователями Адама Смита, стоило бы знать мнение Смита по этому вопросу, а также о его недовольстве скудостью средств, расходуемых на образование: «Весьма небольшие траты нужны для того, что бы способствовать, поощрять и даже навязать всему народу необходимость приобретения самых простых основ образования»⁴¹.

Утверждение, гласящее, что «общественное благо» выходит за рамки рыночного механизма, только подчеркивает необходимость в социальном обеспечении базовых возможностей, таких как элементарная медицинская помощь и начальное образование. Таким образом, забота об экономической эффективности усиливает аргумент в пользу справедливого распределения государственной помощи посредством предоставления базового образования, медицинского обслуживания и прочих общественных (или наполовину общественных) благ.

Социальное обеспечение и стимулы

На основании вышеизложенных соображений социальные расходы в областях, оказывающих решающее влияние на экономическое развитие и социальные перемены, представляются вполне разумными, однако имеются и противоположные аргументы, и их тоже необходимо рассмотреть. Один из аргументов касается фискального бремени, давящего на социальные расходы, которое может оказаться весьма тяжелым в зависимости от общественных планов и намерений. Страх перед бюджетным дефицитом и инфляцией (и перед «макроэкономической нестабильностью» вообще) незримо присутствует в нынешних дискуссиях об экономических стратегиях, и это действительно очень важная проблема. Другой аргумент касается стимулов, которые система государственной поддержки может подавить и, следовательно, исказить направленность индивидуальных усилий. Обе эти проблемы — потребность в фискальной бережливости и сохранение экономических стимулов — заслуживают серьезного внимания. Начнем с последней, а затем вернемся к фискальному бремени и его последствиям⁴².

Любой чистый трансфер — перераспределение доходов либо бесплатные социальные услуги — потенциально способен повлиять на экономическую систему стимулов. Например, многие серьезно озабочены тем, что щедрая страховка по безработице способна ослабить настойчивость безработных в поисках занятости; предполагается, что именно это и происходит в современной Европе. Хотя размер страховки продиктован очевидным стремлением к равенству, ситуация действительно может оказаться опасной, если потенциальный конфликт станет массовым. Однако, поскольку работу ищут по разным причинам — и не только ради дохода, — частичная замена утраченной заработной платы государственной помощью, вопреки распространенному мнению, не всегда лишает стимула искать работу. На самом деле размах и сила подавления стимулов вследствие социальных расходов изучены недостаточно. Сначала следует с помощью эмпирического исследования выяснить, насколько последствия расходов на социальные нужды действительно чреваты искажением стимулов, с тем чтобы публичные дискуссии по этим важным вопросам общественной стратегии, включая установление оптимального баланса между равенством и эффективностью, стали более информативными.

В большинстве развивающихся стран страховка по безработице обеспечивается скудно. Тем не менее проблема стимулов существует. Даже в отношении бесплатного здравоохранения и бесплатного образования можно поставить следующие вопросы: (1) до какой степени необходимы такие услуги и (2) до какой степени каждый индивидум способен самостоятельно их оплатить (как он и поступил бы в условиях платного медицинского обслуживания). Тем, кто считает, что граждане имеют неотъемлемое право на базовое социальное обслуживание (медицинскую помощь, образование и так далее), подобная постановка вопроса покажется заблуждением и даже прискорбным фактом отрицания нормативных принципов современного «социализма». Такая позиция, разумеется, в некоторой степени обоснована, но при ограниченности экономических ресурсов встает проблема выбора, которую нельзя полностью игнорировать на основании неких внеэкономических «общественных» принципов. В любом случае вопросом о стимулах необходимо задаться хотя бы потому, что *степень* социальной поддержки, которую может предоставить общество, должна зависеть и от затрат, и от стимулов.

Фундаментальную проблему стимулов трудно решить раз и навсегда. В принципе при изучении вопроса государственной поддержки довольно безнадежно искать какие-либо показатели, которые являлись бы лишениями и одновременно не оказывали воздействия на стимулы. Выводы о степени изменчивости стимулов зависят от характера и вида использованных критериев.

Информационный подход к анализу бедности, предпринятый в нашей книге, смещен в сторону отсутствия базовых возможностей, исследование же низких доходов отходит на второй план. Основная причина такого смещения является скорее фундаментальной, чем стратегической. Мы уже говорили, что отсутствие возможностей — более существенный критерий оценки лишений, чем низкие доходы, поскольку доход лишь инструментально важен и его производная ценность обусловлена многими социальными и экономическими обстоятельствами. Дополним это утверждение догадкой о том, что отсутствие возможностей в качестве главного критерия имеет некоторые преимущества в предотвращении искажений стимулов по сравнению с показателем низкого дохода, взятого в качестве критерия для разработки стратегии перераспределения и субсидий. Этот дополнительный аргумент лишь усиливает необходимость сосредоточить внимание на возможностях.

Изучение возможностей следует вести в первую очередь на основе наблюдений за реальными функциями человека, а уж затем подкреплять иной информацией. Между функциями и возможностями существует разрыв, но он не обязательно должен быть большим, хотя бы потому, что оценка реальных функций является одним из способов, которым пользуется индивидуум для оценки стоящего перед ним выбора. Если человек преждевременно умирает, либо страдает от тяжелого заболевания, в большинстве случаев мы можем сделать вполне разумный вывод о том, что у этого человека имеются проблемы с возможностями.

Разумеется, в некоторых случаях такой вывод окажется неверным. Например, человек совершает самоубийство. Или голодает не по необходимости, но соблюдая по своей воле пост. Однако с такими фактами мы сталкиваемся относительно редко, и они могут быть включены в исследование в качестве дополнительной информации, касающейся — в случае поста — религиозной практики, политических стратегий либо иных подобных причин для голодания. В принципе выход за рамки выбранных функций с целью оценить

возможности личности — путь верный, но как далеко можно зайти по этому пути, зависит от обстоятельств. Социальная политика, как и всякая другая политика, — это искусство возможного, и об этом важно помнить, сочетая теоретические прозрения с реалистическим пониманием того, как эти идеи осуществляются на практике. Тем не менее важно подчеркнуть, что даже при информационном подходе, направленном исключительно на функционирование человека (долгожительство, состояние здоровья, грамотность и так далее), мы получаем более внятное измерение лишений, чем только из статистики доходов.

Разумеется, некоторые параметры функционирования человека иногда с трудом поддаются наблюдению. Но самые элементарные из них вполне доступны для непосредственного наблюдения и часто предоставляют достаточно полезной информации при разработке стратегий, направленных против лишений. Информация, необходимая для проведения кампаний по обучению грамоте, госпитализации и предоставлению дополнительного питания, не обязательно должна быть чересчур многослойной⁴³. Кроме того, выявление потребностей при проведении таких мероприятиях и соответствующего ущерба, возникающего при недостатке возможностей, обычно менее подвержено стратегическим искажениям, чем ущерб, сопутствующий низким доходам, поскольку доход нередко легко скрыть, особенно в развивающихся странах. Когда государственная помощь предоставляется людям с учетом лишь фактора бедности (при том что за медицинскую помощь, образование и прочее они платят из своих доходов), в такой ситуации весьма вероятно значительное манипулирование информацией. Концентрация внимания на функционировании человека и возможностях (присущее и нашей книге) помогает уменьшить трудности при выработке стратегии совместимости стимулов. Почему так?

Во-первых, человек из чисто тактических соображений обычно не отказывается получить образование или лечить болезни и не культивирует недоедание. Здравый смысл и приоритеты выбора препятствуют намеренному поощрению этих элементарных лишений. Правда, бывают исключения. Среди наиболее удручающих фактов, почерпнутых из отчетов по борьбе с голодом, встречается и такой: родители полностью лишали одного из детей еды, с тем чтобы семья имела право на дополнительное питание (например, в виде нормированной раздачи продуктов), т.е. ребенка использовали как талоны на получение продовольствия⁴⁴. Но в целом подобные

искажения стимулов — держать человека голодным, лишенным медицинской помощи или неграмотным — относительно редки по совершенно понятным причинам.

Во-вторых, каузальные признаки, лежащие в основе лишений, нередко выходят за рамки низких доходов и по тактическим причинам нелегко поддаются воздействию. Например, физические недостатки, старость, гендерные характеристики и тому подобное являются особенно серьезными источниками недостатка возможностей, ибо человек над ними не властен. И практически по той же причине они, в отличие от признаков, поддающихся воздействию, не подвержены искажениям в плане стимулов, что снижает ошибки при выдаче субсидий по этим признакам.

В-третьих, существует более общая проблема: получатели пособий склонны обращать больше внимания на достигнутые функции и возможности (и на качество жизни, связанное с ними), нежели просто на увеличение заработка. Таким образом, социальная политика, разрабатываемая с учетом переменных, близких к сознательным решениям индивидуумов, может использовать личные решения в качестве средства выбора. Этот вопрос имеет прямое отношение к самоотбору при предоставлении социальной помощи (причем от получателей требуются труд и усилия), что часто практикуется в кампаниях по борьбе с голодом. Только самые неимущие и сильно нуждающиеся в деньгах пожелают трудиться от зари до зари и добровольно воспользуются открывшимися возможностями получить работу (часто за довольно низкую плату), при этом сами эти возможности становятся разновидностью социальной помощи⁴⁵. Такой вид целевой помощи успешно используется для предотвращения голода, он способен сыграть значительную роль в расширении возможностей физически здорового, но неимущего населения⁴⁶. Рациональная подоплека такого подхода основана на том обстоятельстве, что выбор потенциальных получателей помощи определяется соображениями, выходящими за рамки максимального увеличения заработка. Поскольку индивидуумы склонны рассматривать возможности в совокупности (включая издержки человеческих усилий, а также выгоды от дополнительного дохода), при разработке социальной политики такой комплексный подход может оказаться вполне разумным.

В-четвертых, в результате смещения фокуса исследования с низких доходов индивидуумов на отсутствие возможностей становится очевидным, кроме всего прочего, что непосредственное

обеспечение общества такими услугами, как здравоохранение и образовательные программы, способно сыграть весьма значительную роль⁴⁷. Эти услуги обычно нельзя ни обменять, ни перепродать, и человеку от них мало толку, если только он в них действительно не нуждается. Такого рода социальному обеспечению изначально присуща «точность попадания»⁴⁸. И это свойство облегчает целевой отбор получателей помощи. Более того, отбор, ориентированный на возможности, в немалой степени отсекает причины для искажения стимулов.

Целевая помощь и проверка имущественного состояния

Однако, несмотря на вышеуказанные преимущества, выбор в качестве главного критерия отсутствия возможностей, а не низкого дохода, сам по себе не отменяет необходимости оценить экономическую бедность потенциальных реципиентов, с тем чтобы решить следующую проблему: как социальная помощь должна распределяться. В частности, встает вопрос о взимании платы за социальные услуги в соответствии со способностью платить, что возвращает нас к необходимости оценить доход потенциального реципиента.

Во всем мире предоставление социальных услуг все чаще сопровождается проверкой нуждаемости. Причина ясна, по крайней мере в принципе. Эта мера снижает фискальное бремя на госбюджет, и с ее помощью можно охватить большее число нуждающихся, если заставить относительно обеспеченных граждан платить за получаемые блага (или взять на себя часть расходов). Но куда труднее организовать эффективную и достаточно точную проверку личных средств и сделать так, чтобы эта проверка не привела к досадным последствиям.

В целях обеспечения медицинской помощью и образованием на основе проверки имеющихся у индивидуума средств мы должны четко различать две проблемы, связанные со стимулами и относящиеся к двум различным информационным источникам: (1) недостаток возможностей (например, физическая болезнь) и (2) экономические обстоятельства (способность платить). Что касается первой проблемы, то немалое значение имеет форма предложенной помощи. Как уже говорилось выше, когда социальная помощь предоставляется на основе прямого диагноза специфической потребности (например, после проверки, показавшей, что человек страдает каким-либо конкретным заболеванием) и, кроме того,

поступает бесплатно в виде особых и не глотающихся трансферу услуг (например лечение болезни), возможность информационного искажения первого вида существенно снижается. И наоборот, предоставление какого-либо заменителя денег для финансирования лечения потребует более опосредованной проверки. По этой причине целевые программы, такие как здравоохранение и школьное образование, менее подвержены злоупотреблениям.

Однако вторая проблема носит совершенно иной характер. Если мы намерены обеспечить бесплатными услугами бедных, а не тех, кто способен заплатить, встает вопрос проверки экономического положения индивидуума. Такая проверка может оказаться весьма проблематичной, особенно в странах, где информация о доходах и благосостоянии труднообываема. Европейская разновидность обеспечения медицинской помощью неимущих постепенно приобретает форму всеобщего национального здравоохранения, открытого любому, кто нуждается в медицинском обслуживании. Это упрощает информационную задачу, но смешивает бедных с богатыми. Американская программа «Medicaid» нацелена и на оказание помощи, и на отделение богатых от бедных; и в результате она вынуждена справляться с обеими информационными задачами.

Поскольку потенциальные получатели субсидий являются также деятельными людьми, искусство «целевой» помощи не столь просто, как полагают некоторые ревнители проверки нуждаемости. Важно учитывать трудности, связанные с совершенствованием целевой помощи вообще и проверкой на обеспеченность в частности, тем более что потребность в целевом отборе в принципе достаточно сильна и неоспорима. Ниже перечислены вероятные искажения, которые могут возникнуть при чересчур амбициозном целевом отборе⁴⁹:

1) Информационные искажения. Любая полицейская система, пытающаяся выловить «людей», занижающих свое финансовое положение, не застрахована от ошибок и может обвинить в мошенничестве некоторых кристально честных кандидатов. Это способно отпугнуть действительно нуждающихся претендентов (на получение соответствующих выгод), которые не станут просить государство о помощи, хотя и имеют на это полное право. При существующей асимметрии в информации невозможно искоренить мошенничество, не подвергая значительному риску честных получателей помощи⁵⁰. В попытке избежать ошибок «первого типа» — включения ненуждающихся в число нуждающихся — серьезные

ошибки «второго типа» — исключение действительно нуждающихся из списка нуждающихся — весьма вероятны.

2) *Искажения стимулов.* Информационные искажения — отличная тема для научной полемики, но сами по себе реальную экономическую ситуацию они изменить не в состоянии. А вот целевая помощь способна изменить экономическое поведение человека. Например, перспектива потерять пособие (если человек начнет зарабатывать слишком много) может стать тормозом для его экономической деятельности. Естественно также ожидать *некоторых* существенных искажений, если право на получение социальной помощи основано на переменной (например, доходе), которая легко регулируется посредством экономического поведения личности. Социальные издержки таких поведенческих сдвигов должны включать, кроме всего прочего, убытки в виде неосуществленной экономической активности.

3) *Вредные эффекты и стигматизация.* Система социальной поддержки, квалифицирующая человека как бедняка (и подразумевающая, что блага даруются тем, кто не в состоянии хорошо позаботиться о себе), неизбежно скажется на его самоуважении, а также на уважении к нему со стороны окружающих. Это не только уводит поиски поддержки в другое русло, но и приводит к прямым затратам и потерям, связанным с воображаемой — и действительной — стигматизацией. Поскольку проблема самоуважения часто воспринимается разработчиками стратегий как маргинальная (и считается скорее «манерностью при нашей бедности»), мы возьмем на себя смелость привести высказывание Джона Роулза о том, что самоуважение — «возможно, самое важное первоначальное достояние», на котором зиждется теория справедливости как равноправия⁵¹.

4) *Административные издержки, потери от вмешательства в личную жизнь и коррупция.* Процедура целевого отбора может привести к существенным административным затратам — как в виде расходов на исследование, так и бюрократических проволочек, а также к утрате тайны частной жизни и автономности по той причине, что соискатель вынужден немало рассказать о себе, а затем подвергнуться расследованию и полицейской проверке. Кроме того, существуют социальные издержки, связанные с асимметрией власти, к которой прибегают бюрократические бонзы, оставшись один на один с просителем-претендентом. Добавим, что в такой ситуации имеется и лазейка для коррупции, ибо в системе целевых

программ бонзы обретают власть наделять благами, за которые «благодетельствуемые» могут решить «подмазать» чиновника и заплатить некую мзду.

5) *Качество и состоятельность стратегий.* Получатели целевой социальной поддержки часто довольно слабы в политическом отношении, а в условиях политической неразберихи им не всегда хватает настойчивости, чтобы сопротивляться отмене помощи, а также поддерживать качество предложенных услуг на достойном уровне. По этой причине общественное мнение в Соединенных Штатах склоняется в пользу «универсальных» программ, направленных на более широкие слои общества, в отличие от сугубо целевых программ, охватывающих только самых бедных⁵². Такой подход может быть небезынтересен и более бедным странам.

Перечисляя все эти трудности, мы вовсе не хотим сказать, что целевые программы бессмысленны или всегда проблематичны; мы лишь напоминаем о некоторых аргументах, опровергающих простоту целевого отбора. Целевая программа, на самом деле, — *попытка*, а не *результат*. Даже если отбор претендентов будет проведен успешно, из этого еще не следует, что сама программа увенчается успехом. Поскольку в политических кругах все больше склоняются к проверке имущественного состояния и узкоцелевым программам (по ряду достаточно элементарных причин), необходимо подчеркнуть сложность проведения подобных стратегий и указать на подавление стимулов, к которым они могут привести.

Активная деятельность и информационная база

Искать опору в теории для того, чтобы полностью одобрить либо полностью отказаться от проверки имущественного состояния, — занятие достаточно безнадежное, и в предыдущем разделе мы лишь старались показать, что бок о бок с аргументами за отлаженную проверку нуждаемости существуют и аргументы против. На практике (как было уже отмечено многими) компромиссы неизбежны. В стратегии подобного рода было бы ошибкой стремиться к какой-то общей «формуле» оптимального компромисса. Наиболее правильный подход должен быть «восприимчивым» ко всем обстоятельствам — как к характеру предлагаемых социальных услуг, так и к природе сообщества, которому эти услуги предоставляются. В последнем случае необходимо учитывать поведенческие ценности различного вида, влияющие на индивидуальный выбор и стимулы.

Тем не менее проблемы, изложенные выше, представляют определенный теоретический интерес в свете нашего основного метода и затрагивают как важность активной деятельности (мы рассматриваем человека в качестве активного деятеля, а не объекта воздействия), так и информационную картину, отражающую отсутствие возможностей (а не исключительно недостаток доходов). Первый вопрос касается необходимости, о которой мы не раз говорили в нашей книге, рассматривать человека — даже получателя пособий — в качестве активного деятеля, а не статичного объекта. Объекты целевых программ действительно активны, и в результате их деятельности последствия таких программ могут серьезно отличаться от поставленных целей (по причинам, изложенным выше).

Второй вопрос касается информационных аспектов целевых программ, среди них — разработка параметров, соответствующих избранной системе распределения помощи. Смещение акцента с исключительно скудных доходов на отсутствие возможностей облегчает задачу разработки таких параметров. Хотя проверка нуждаемости требует выявления доходов и платежеспособности, только этим она не ограничивается; необходимо также точное измерение величины ущерба в плане возможностей (например, от болезни или неграмотности). И в решении этой задачи важную роль играет информационная база государственного обеспечения.

Финансовая бережливость и потребность в интеграции

Обратимся к финансовой бережливости, ставшей в последние десятилетия главной проблемой во многих странах. Требования консервативного подхода к финансам звучат все настойчивее, причиной тому — осознанные и широко изученные разрушительные последствия чрезмерной инфляции и нестабильности. Действительно, финансы — это та область, в которой достоинства консерватизма очевидны, потому и бережливость легко принимает консервативную форму. Однако следует прояснить вопрос о том, какого рода финансовый консерватизм требуется и почему.

Финансовый консерватизм заключается не только в том, чтобы следовать бесспорно похвальному постулату «жить по средствам», хотя он находит одобрение у многих. Как красноречиво выразился мистер Микобер в «Дэвиде Копперфильде» Чарльза Диккенса, «ежегодный доход — двадцать фунтов, ежегодный расход — девятнадцать фунтов, девятнадцать шиллингов, шесть пенсов, в итоге — счастье. Ежегодный доход — двадцать фунтов, ежегодный

расход — двадцать фунтов шесть пенсов, и в итоге — нищета». Этой формулой платежеспособности воспользовались многие финансовые консерваторы, возможно, особенно энергично — Маргарет Тэтчер. Тем не менее такой подход не годится в качестве нерушимого правила государственной политики. В отличие от мистера Микобера, государство *может* длительно расходовать больше, чем зарабатывает, при помощи займов и других средств. Фактически почти каждое государство так постоянно и поступает.

Проблема заключается не в том, можно ли так делать (разумеется, можно), а в том, каковы *последствия* финансового перерасхода. И главной относительно этих последствий становится проблема так называемой «макроэкономической стабильности», выраженная, в частности, в отсутствии серьезного инфляционного гнета. В немалой степени финансовый консерватизм находит поддержку благодаря пониманию важности ценовой стабильности, которую могут поколебать налоговые льготы и безответственность.

Каковы доказательства пагубных последствий инфляции? В обширном критическом обзоре международного опыта в этой области Майкл Бруно отмечает, что «несколько эпизодов умеренной инфляции (20–40% [повышения цен за год]) и множество примеров высокого уровня инфляции (в некоторых случаях весьма значительного) наводит на мысль о том, что высокая инфляция сопутствует существенному снижению экономического роста». И далее: «Напротив, в целом наши данные свидетельствуют о том, что резкая стабилизация в условиях высокой инфляции приводит к серьезному росту экономики даже в очень короткий или недлительный срок»⁵³.

Но прежде чем делать стратегические выводы из этого исследования, необходимо немного поразмыслить. Бруно, кроме всего прочего, обнаружил, что «при низком уровне инфляции (менее 15–20% в год) влияние инфляции на экономический рост в лучшем случае не очевидно». Он задается вопросом: «Стоит ли беспокоиться по поводу низкой инфляции, тем более что потерь от *ожидаемого* уровня инфляции можно избежать (с помощью индексации), а потери от *неожиданного* всплеска инфляции очевидно низки?»⁵⁴ Бруно также указывает на то, что «если корень любой высокой инфляции — финансовый дефицит (и часто, хотя и не всегда, в форме монетарного дефицита), то это вполне совместимо с системой множественного инфляционного равновесия».

Реальная проблема заключается в том, что «инфляция — по сути устойчивый процесс, и, более того, степень ее устойчивости увеличивается вместе с уровнем инфляции». Бруно рисует ясную картину того, как происходит ускорение инфляции, и делает следующий метафорический вывод: «Хроническая инфляция напоминает курение: если превысить минимальную дозу, то привыкание почти неизбежно». И даже «когда случается потрясение (т.е. личный кризис у курильщика и ценовой кризис в экономике), имеется немалый шанс, что дурная привычка выйдет на новый, более высокий, уровень, который останется таковым даже после того, как потрясение миновало», и этот процесс способен повторяться⁵⁶.

Доказательства Бруно по природе своей консервативны и весьма убедительны, поскольку основаны на обширных межрегиональных сравнениях. Ни анализ, проведенный Майклом Бруно, ни сделанные им выводы не вызывают у нас возражений. Однако очень важно точно уяснить, что, собственно, было установлено в данном исследовании и чего именно требует финансовый консерватизм. В частности, он *вовсе не* требует того, что мы называем антиинфляционным радикализмом, который часто путают с финансовым консерватизмом. Очевидно, выводы Бруно не предполагают полного уничтожения инфляции, невзирая на возможные жертвы. Суть дела, скорее, заключается в том, что необходимо учитывать вероятные издержки толерантного отношения к инфляции по сравнению с издержками ее снижения либо полного уничтожения. Самое главное — избежать «динамической нестабильности», которая, видимо, содержится даже в самой стабильной и хронической инфляции, если она находится за нижним пределом. Урок стратегии, преподанный Бруно, состоит в следующем: «Сочетание затратной стабилизации при низком уровне инфляции и возрастающей инфляционной устойчивости приводит нас к выводу, что во избежание потерь в темпах экономического роста следует поддерживать инфляцию на низком уровне, даже если большие издержки в росте напрямую наблюдаются только при высоком уровне инфляции»⁵⁶. Таким образом, нас убеждают избегать не только *высокой* инфляции, но — по причине динамической нестабильности — даже *умеренной* инфляции.

Однако радикальные меры, предпринимаемые во имя нулевой инфляции, не кажутся Бруно ни мудрыми и практичными шагами, ни даже адекватным пониманием требований финансового консерватизма. В процессе сбалансирования бюджета Соединенных Штатов мы стали свидетелями «затуманивания» вполне ясных

проблем, которое привело к недавнему закрытию правительством США некоторых проектов (и к угрозам еще больших сокращений социальных программ). Такая «нечеткость» стала условием вынужденного и нелегкого компромисса между Белым домом и Конгрессом — компромисса, успех которого скорее зависит от того, как будет развиваться американская экономика в ближайшее время. Антидефицитный радикализм следует отличать от подлинного финансового консерватизма. Действительно, необходимо сокращать большой дефицит бюджета, наблюдаемый во многих странах (часто усугубляемый огромным бременем национального долга и высокой скоростью его наращивания). Но этот аргумент не следует путать с экстремистским стремлением уничтожить дефицит бюджета *полностью* и очень быстро (незвизрая на социальную цену, которую придется за это заплатить).

У Европы имеется больше причин беспокоиться о дефиците бюджета, чем у Соединенных Штатов. Прежде всего, дефицит бюджета США в течение многих лет был настолько умеренным, что даже не поднимался выше «нормы», установленной Маастрихтским соглашением Европейского валютного союза (бюджетный дефицит не должен превышать 3% от валового национального продукта). В настоящее время в США дефицита, по-видимому, нет вообще. Напротив, у большинства европейских стран дефицит бюджета был (и остается) достаточно значительным. Понятно, что сейчас некоторые из этих стран предпринимают решительные попытки сократить уровень дефицита (чему ярким примером в последние годы стала Италия).

Если в связи с данной ситуацией и возникают сомнения, то они затрагивают общие приоритеты европейской политики, обсуждавшиеся выше, в главе 4. Суть проблемы такова: стоит ли наделять абсолютным приоритетом одну цель, например избежание инфляции (приоритет, сформулированный многими центральными банками Западной Европы), но при этом терпимо относиться к высокому уровню безработицы. Если анализ, представленный в нашей книге, точен, то при разработке социальной европейской политики следует наделять реальным приоритетом борьбу с отсутствием возможностей, являющимся печальным следствием безработицы.

Финансовый консерватизм — вещь разумная сама по себе — предъявляет к бюджету строгие требования, но эти требования необходимо рассматривать в свете общих целей и задач социальной политики. Роль социальных расходов в создании и гарантировании

многих основных возможностей требует пристального внимания, и эту роль должно изучать совместно с инструментальной потребностью в макроэкономической стабильности. Более того, содержание последней следует определять *в широких рамках* социальных задач.

Различные проблемы социальной политики приобретают критическую важность в зависимости от ситуации. В Европе наиболее важная проблема — угроза массовой безработицы (почти 12% в нескольких крупных странах). В Соединенных Штатах — отсутствие какого-либо медицинского страхования либо медицинского обслуживания у значительной части населения (США — единственная из богатых стран, в которой существует подобная проблема, причем медицинской страховки не имеет более сорока миллионов человек). В Индии крупнейшим провалом социальной политики является крайнее пренебрежение грамотностью населения (половина взрослого населения и две трети взрослых женщин неграмотны). В Восточной и Юго-Восточной Азии требуется — и это становится все более очевидным — заново упорядочить финансовую систему, а также, вероятно, создать некую защитную систему, которая бы уберегала от внезапной потери веры в национальную валюту либо инвестиционные возможности (учитывая недавний опыт этих стран, когда им пришлось просить Международный валютный фонд о гигантской помощи). Проблемы различны, и, поскольку все они неоднозначны, каждая требует серьезного изучения целей и средств социальной политики. Необходимость в финансовом консерватизме — сколь бы ни был он важен — является частью этой пестрой и огромной картины. Финансовый консерватизм не может существовать сам по себе, изолированно, в качестве *единственной* задачи правительства или центрального банка. И здесь в особенности требуется тщательное и сравнительное изучение альтернативных направлений социальных расходов.

В заключение

Индивидуумы живут и действуют в институциональном мире. Наши возможности и перспективы ключевым образом зависят от того, что собой представляют существующие институты и как они функционируют. Институты не просто влияют на нашу свободу — мы оцениваем их роль и значимость в зависимости от их влияния на нашу свободу. В рамках подхода к развитию общества как расширению свободы мы не можем не прибегать систематически к институциональному анализу.

Если различные исследователи предпочли сфокусировать свои усилия на отдельных институтах (таких, как рынок, демократическая система, СМИ или система общественного распределения), нам приходится рассматривать их совокупно, чтобы понять, на что они способны, а на что не способны в совместной деятельности с другими институтами. Именно в такой интегрированной перспективе различные институты возможно оценить и изучить.

Рыночный механизм, имеющий множество горячих сторонников и таких же горячих противников, является базовой структурой, посредством которой люди могут взаимодействовать друг с другом и заниматься взаимно выгодной деятельностью. Исходя из такого определения, нелегко понять, как здравомыслящий человек может быть настроен против рынка. Подобные настроения, как правило, возникают по побочным причинам (существования рынка *per se* тут ни при чем), в том числе вследствие неадекватной предварительной подготовки к участию в рыночных сделках, сокрытия информации, не преследуемого законом, либо отсутствия регуляторов, не позволяющих сильным мира сего сколачивать капиталы, используя асимметричные преимущества. Эти вопросы должны решаться не подавлением рынка, а его совершенствованием: усиливать открытость рынка и дополнять его функции адекватными вне-рыночными процессами. Достижения рынка не могут не зависеть от политического и социального устройства.

Рыночный механизм продемонстрировал большие успехи в тех условиях, когда предоставленными возможностями способно воспользоваться практически все население. Для того чтобы такие условия стали реальностью, необходимо обеспечить население базовым образованием, элементарным медицинским обслуживанием, ресурсами (например, землей), имеющими решающее значение в некоторых видах экономической деятельности (например, в земледелии), для чего требуется соответствующая социальная политика (включающая обучение, здравоохранение, земельную реформу и прочее). Даже если потребность в «экономических реформах» и расширении рынка признается поголовно, вышеуказанные вне-рыночные структуры требуют тщательной и целенаправленной общественной заботы.

В этой главе, как и в предыдущих, были рассмотрены и исследованы различные примеры подобной сочетаемости. Эффективность рыночного механизма не может вызывать сомнений, но привычные экономические результаты, эффективность которых

оценивается по процветанию, богатству либо полезности, можно расширить, если учитывать, кроме всего прочего, и эффективность индивидуальной свободы. Правда, никакие результаты сами по себе не гарантируют равенства в распределении. Проблема становится особенно острой в контексте неравенства основных свобод, когда разные виды лишений (например, когда трудности, вызванные инвалидностью или недостаточной квалификацией, не позволяют повысить *заработок*) усиливаются трудностью использования дохода для обретения достойного качества жизни. Для того чтобы достичь социального равенства и справедливости, мощности рыночного механизма должны быть дополнены основными социальными возможностями.

В развивающихся странах в создании социальных возможностей большое значение имеет инициативность социальной. Как упоминалось ранее, прошлое нынешних богатых стран показывает нам пример выдающихся политических усилий, направленных на развитие образования, здравоохранения, проведение земельной реформы и так далее. Предоставление такого рода возможностей широким слоям населения способствует участию основной массы населения в процессе экономического роста.

Реальная проблема здесь — не призывы к финансовому консерватизму, а глубинная — и зачастую бездоказательная — вера, доминирующая в некоторых политических кругах, в то, что развитие человеческого потенциала — роскошь, которую могут себе позволить только богатые страны. Вероятно, наиболее значительным успехом стран Восточной Азии в последние годы (а Японии — в последние десятилетия) стало тотальное разоблачение этого распространенного предрассудка. Страны Восточной Азии довольно рано начали развивать массовое образование, а позже и здравоохранение, и сделали они это во многих случаях *прежде*, чем разорвали путы бедности⁵⁷. Несмотря на финансовые потрясения, через которые прошли некоторые из этих стран в недавнее время, в целом их достижения весьма и весьма значительны. Что касается человеческих ресурсов, посеянные семена дали богатые всходы. Приоритет развития человеческих ресурсов особенно характерен для раннего этапа японского экономического развития, начиная с эпохи Мэйдзи (середина XIX века), и возникновение этого приоритета отнюдь не связано с теми временами, когда Япония богатели и преуспевала⁵⁸. Развитие человеческого потенциала — скорее, первый и главный союзник бедных, а не богатых и преуспевающих.

Что означает развитие человека в экономике? Создание социальных возможностей напрямую способствует расширению потенциальных человеческих возможностей и улучшению качества жизни (как мы уже показали). Совершенствование здравоохранения, системы образования, социального обеспечения и т.д. напрямую повышает качество жизни и ведет к процветанию. Все это свидетельствует о том, что даже при низких доходах страна, гарантирующая медицинскую помощь и образование всему населению, способна достичь выдающихся результатов в продолжительности и качестве жизни всего населения. Высокая интенсивность использования труда в здравоохранении и образовании — и в деле развития человека в целом — обуславливает их относительную дешевизну на ранних стадиях экономического развития, когда стоимость труда низка.

Развитие человеческого потенциала вознаграждается, как мы видели, не только непосредственным улучшением качества жизни, но и усилением способности людей к активной деятельности и, следовательно, экономическим ростом, затрагивающим широкие слои населения⁵⁹. Грамотность и навыки счета облегчают массам людей участие в процессе экономической экспансии (что хорошо видно на примере Японии и Таиланда). В использовании возможностей глобальной торговли, «контроля над качеством», а также «точных технологий» образование может сыграть решающую роль, поскольку неграмотные работники вряд ли способны справиться с подобными задачами. Также существует немало доказательств того, что совершенствование здравоохранения и улучшение питания повышает как производительность труда, так и заработки⁶⁰.

Перейдем к другому вопросу: в современной экономической литературе имеется немало данных, доказывающих, что образование, особенно женское, влияет на уровень рождаемости. Считается, и в большой степени это оправданно, что высокая рождаемость ухудшает качество жизни, преимущественно молодых женщин, ибо постоянное вынашивание и уход за детьми нередко отрицательно сказываются на благополучии и свободе молодой матери. Эта взаимосвязь объясняет, почему возросшая самостоятельность женщин (посредством работы вне дома, повышения уровня образования и так далее) влияет на снижение рождаемости: у молодых женщин имеются на то серьезные причины, а их способность влиять на решения, принимаемые в семье, увеличивается вместе с их самостоятельностью. К этому вопросу мы вернемся в главах 8 и 9.

Те, кто считают себя финансовыми консерваторами, порою высказывают скептические суждения по вопросу развития человека. Однако разумных оснований для таких высказываний наберется немного. Преимущества развития человеческого потенциала говорят сами за себя, а при адекватном и всестороннем изучении последствий данного процесса во всем мире его результативность становится еще более явной. Что касается озабоченности снижением затрат, то она способствует направлению развития по таким каналам, которые более продуктивно влияют — прямо и опосредованно — на качество жизни, не подвергая при этом угрозе насущные интересы развития человека⁶¹.

Финансовый консерватизм должен бы стать грозой тех, кто использует общественные ресурсы в целях, социальные выгоды от достижения которых весьма туманны, — например, огромные расходы на оборону в бедных странах (зачастую во много раз превышающие расходы на базовое образование и здравоохранение)⁶². Финансовый консерватизм должен стать кошмаром для милитаристов, а не для школьных учителей и медицинских сестер. То, что школьный учитель или медсестра опасаются финансового консерватизма больше, чем армейский генерал, является признаком «вверхтормашечности» мира, в котором мы живем. Исправлять эту аномалию следует не нападками на финансовый консерватизм, а с помощью более прагматичного и тщательного анализа разнообразных требований к общественным фондам.

Глава 6

Значение демократии

На берегу Бенгальского залива, на южной оконечности Бангладеш и индийской Западной Бенгалии, раскинулся Сундарбан, что в переводе означает «прекрасный лес». Сундарбан — естественная среда обитания королевского бенгальского тигра, величественного, грациозного, быстрого, сильного и не лишенного свирепости животного. Бенгальских тигров осталось немного, а тех, что уцелели, оберегают с помощью запрета на охоту. Сундарбан также славится медом лесных пчел. Жители этого региона, пребывающие в отчаянной бедности, ходят собирать мед, за который на городских рынках дают очень неплохую цену — эквивалентную приблизительно пятидесяти американским центам за бутылку. Но сборщикам меда приходится опасаться тигров. В урожайный год около пятидесяти человек становятся жертвами хищников, но их число намного возрастает в те годы, когда меда мало. Тигров охраняют, а вот у несчастных человеческих существ нет никакой защиты в лесу, где они пытаются заработать на жизнь, в лесу густом, красивом и — очень опасном.

Потребность в защите — один из примеров насущных экономических нужд, характерных для многих стран «третьего мира». Сразу возникает предположение, что такая потребность должна перевешивать все прочие, включая требования политической свободы и гражданских прав. Если бедность вынуждает человека рисковать жизнью — и даже умирать мученической смертью — за пару долларов, которые он выручит за мед, представляется странным делать упор на личной и политической свободе этого человека. Habeas corpus вряд ли встретит понимание в таком контексте. Считается, что в подобных ситуациях приоритетом должно стать удовлетворение экономических нужд, даже если при этом нарушаются политические права. Отсюда нетрудно сделать вывод, что стремление к демократии и политическим свободам является роскошью, которую бедные страны «не могут себе позволить».

Экономические потребности и политические свободы

Мнения такого рода достаточно часто звучат в дискуссиях представителей разных стран. Зачем беспокоиться о скрупулезном соблюдении политических свобод, когда наличествует более трудная и острая проблема — удовлетворение экономических потребностей? Этот вопрос и прочие, связанные с ним и отражающие сомнения в настоящей необходимости политической свободы и гражданских прав, звучали во многих выступлениях на Венской конференции по правам человека, состоявшейся весной 1993 года; кроме того, делегаты некоторых стран возражали против вынесения резолюции о необходимости соблюдения фундаментальных политических и гражданских прав во всем мире — в частности, в странах «третьего мира». Главное, с точки зрения вышеупомянутых делегатов, — «экономические права», тесно связанные с насущными материальными нуждами.

В Вене это хорошо известное направление экономического анализа рьяно отстаивали официальные делегации ряда развивающихся стран, возглавляемые Китаем, Сингапуром и другими восточноазиатскими странами, Индия же и прочие южноазиатские, западноазиатские и африканские официальные представители не возражали против такой точки зрения. В рамках данного направления анализа часто повторяется один и тот же риторический вопрос: что важнее — искоренить нищету или гарантировать политические свободы и гражданские права, от которых беднякам все равно мало толку?

Главенствующая роль политических свобод и демократии

Правильно ли рассматривать проблемы экономических потребностей и политических свобод, исходя из подобной дихотомии, очевидно умаляющей значение политических свобод по причине насущности экономических нужд?¹ На этот вопрос мы отвечаем отрицательно: таким путем нельзя ни адекватно оценить масштаб экономических потребностей, ни осознать важность политических свобод. Нам следует задаться совсем иными вопросами, учитывающими, кроме всего прочего, взаимосвязанность, существующую между политическими свободами и правильным пониманием и удовлетворением экономических потребностей. Вышеупомянутые взаимосвязи носят не только инструментальный (политические свободы способны сыграть главную роль в создании стимулов

и предоставлении информации для решения насущных экономических проблем), но и конструктивный характер. Наша концепция экономических потребностей решающим образом зависит от результатов открытых публичных дискуссий и дебатов, гарантировать которые может лишь неукоснительное соблюдение фундаментальных политических свобод и гражданских прав.

Мы утверждаем, что острота экономических нужд скорее усиливает — а не умаляет — актуальность политических свобод. Три следующих соображения призваны подтвердить главенствующую роль фундаментальных политических и гражданских прав:

1) непосредственное значение таких прав и свобод в создании базовых потенциальных возможностей личности (включая участие в политической и общественной жизни);

2) их инструментальная роль, направленная на то, чтобы политики обратили должное внимание на прозвучавшие заявления и требования общественности (в том числе, требования об удовлетворении экономических потребностей);

3) их конструктивная роль в концептуализации «потребностей» (включая истолкование «экономических потребностей» в социальном контексте).

Однако прежде чем приступить к обсуждению этих трех пунктов, рассмотрим аргументы, которыми пользуются те, кто видит конфликт между политической свободой и демократическими правами, с одной стороны, и удовлетворением базовых экономических потребностей — с другой.

Аргументы против политических свобод и гражданских прав

В развивающихся странах противники демократии и фундаментальных гражданских и политических свобод используют аргументы трех видов. Во-первых, они заявляют, что такие свободы и права тормозят экономический рост и развитие. В главе I мы коротко обсуждали этот постулат, названный «тезисом Ли» (по имени бывшего премьер-министра Сингапура Ли Кван Ю, автора этой афористичной формулировки).

Во-вторых, утверждается, что, если беднякам предоставить выбор между обладанием политическими свободами и удовлетворением их экономических нужд, они непременно выберут последнее. Следуя такой логике, мы получаем противоречие между практикой демократии и ее назначением: получается, что большинство

отвергнет демократию в условиях выбора. В слегка измененном варианте этот второй аргумент звучит так: суть дела не в том, что население выбирает, а в том, каковы *разумные основания* выбора. Поскольку у населения есть все основания желать — в первую очередь и более всего — устранения экономических лишений и нищеты, следовательно, у людей хватит разума не настаивать на политических свободах, которые могут встать на пути подлинных приоритетов. Важной предпосылкой данного силлогизма является подразумеваемый глубокий конфликт между политическими свободами и удовлетворением экономических потребностей, и в этом смысле данный вариант второго аргумента паразитирует на первом (т.е. на справедливости тезиса Ли).

В-третьих, нередко говорится о том, что приверженность политическим и личным свободам и демократии является специфически «западным» приоритетом, который противоречит, в частности, «азиатским ценностям», ориентированным больше на порядок и дисциплину, чем на личную и политическую свободу. Например, считается, что цензура прессы встречает большее понимание в азиатском обществе (по причине ориентированности на порядок и дисциплину), чем в западном. В 1993 году на Венской конференции министр иностранных дел Сингапура высказывал опасения по поводу признания прав человека универсальным идеалом, поскольку такое признание «может нанести вред, если универсализм будет использоваться в целях отрицания или затушевывания реального многообразия мира». А представитель китайского Министерства иностранных дел даже поставил на голосование следующее положение, очевидно, считающееся приемлемым в Китае и других странах Азии: «Индивид должен ставить права государства выше своих собственных»².

Третий аргумент требует культурологической интерпретации, потому мы прибережем его для главы 10³. А сейчас займемся первыми двумя аргументами.

Демократия и экономический рост

Действительно ли авторитаризм столь эффективен? Конечно, некоторые относительно авторитарные государства (например, Южная Корея, родина Ли — Сингапур и реформированный Китай) действительно достигли более высоких показателей экономического роста, чем многие менее авторитарные страны (включая Индию, Коста-Рику и Ямайку). Но в сущности тезис Ли базируется на весьма

выборочной и ограниченной информации, а не на масштабном статистическом исследовании с привлечением доступных многопрофильных данных. Мы не можем принять высокий экономический рост в Китае или Южной Корее за неоспоримое доказательство большей эффективности авторитарного режима в обеспечении экономического роста точно так же, как мы не можем сделать противоположный вывод, исходя из того факта, что самая быстроразвивающаяся африканская страна (и одна из самых быстроразвивающихся в мире), а именно Ботсвана, является оазисом демократии на беспокойном африканском континенте. Многое зависит от конкретных обстоятельств.

Имеется довольно мало научных данных, подтверждающих благотворное воздействие авторитарного правления и подавления политических и гражданских свобод на экономическое развитие. Статистическая картина выглядит намного сложнее. Систематические эмпирические исследования практически не свидетельствуют в пользу существования конфликта между политическими свободами и экономической деятельностью⁴. Направленная связь, очевидно, зависит от многих иных обстоятельств, и если некоторые статистические исследования фиксируют слабый негативный характер этой связи, то другие — явно выраженный положительный. В итоге гипотеза о том, что связь между свободами и экономической деятельностью в некоторых направлениях отсутствует вовсе, выглядит не такой уж маловероятной. А поскольку политическая и личная свобода значимы сами по себе, у нас не возникает оснований от них отказываться.

В этом контексте важно обратить внимание и на более важную проблему — методологию исследования. Следует не только учитывать статистические связи, но, кроме того, подробно рассматривать каузальные процессы, наблюдаемые в экономическом развитии и росте. Экономические стратегии и обстоятельства, приведшие к экономическому успеху страны Восточной Азии, к настоящему времени основательно изучены. Хотя различные эмпирические исследования ставили перед собой неодинаковые цели, удалось составить перечень «полезных стратегий», включающий открытую конкуренцию, использование международных рынков, высокий уровень грамотности и школьного образования, успешную земельную реформу и создание стимулов для инвестирования, экспорт товаров и индустриализацию. Ничто не дает оснований полагать, что какая-либо их этих стратегий несовместима с усилением демократии

и должна быть поддержана правлением с элементами авторитаризма, присущими Южной Корее, Сингапуру или Китаю⁵.

Далее, адекватная оценка экономического развития не может опираться исключительно на рост ВВП или иные технические показатели экономического роста. Необходимо учитывать также влияние демократии и политических свобод на жизнь и возможности граждан. В этом контексте особенно важно рассмотреть связи между политическими и гражданскими правами, с одной стороны, и предотвращением крупных катастроф (например, голода) — с другой. Политические и гражданские права обеспечивают население возможностью привлечь внимание к своим нуждам и потребовать от правительства соответствующих действий. Отклик правительства на тяжелое положение населения зачастую зависит от того давления, которое оказывается на это правительство, и в этом случае использование политических прав (голосование, критика, протест и прочее) способно серьезно повлиять на ситуацию. Так проявляет себя инструментальная — и весьма важная — роль демократии и политических свобод, к рассмотрению которых мы еще вернемся в этой главе.

Нужны ли бедным демократия и политические права?

Обратимся ко второму вопросу. Действительно ли граждане «третьего мира» равнодушны к политическим и демократическим правам? Это широко распространенное мнение опять же базируется на явно недостаточных эмпирических данных (как и тезис Ли). Единственный способ выяснить истинность данного мнения заключается в проведении свободных демократических выборов в условиях наличия оппозиции и свободы слова, т.е. всего того, чего сторонники авторитаризма стремятся не допустить. И непонятно, как можно судить об истинности этого мнения, когда простым гражданам почти не предоставляется возможность высказывать собственные взгляды по данному вопросу и уж тем более обсуждать заявления правящей власти. Приращение политических прав и свобод определенно является частью системы ценностей *правящей элиты* во многих странах «третьего мира», однако придерживается ли население тех же взглядов — большой и нерешенный вопрос.

Любопытно отметить, что, когда индийское правительство, возглавляемое Индирой Ганди, попыталось опробовать подобный аргумент на индийцах в целях оправдания «чрезвычайных мер», которые оно необдуманно провозгласило в середине 1970-х годов,

общество на проведенных выборах разделилось именно по вопросу о правах и свободах. На тех судьбоносных выборах, с помощью которых правительство намеревалось подтвердить приемлемость «чрезвычайных мер», подавлению фундаментальных политических и гражданских прав был дан твердый отпор; индийский электорат — один из беднейших в мире — протестовал против ущемления фундаментальных прав и свобод с тем же пылом, с каким жаловался на экономические лишения. Каждый раз, когда мнение о том, что бедняки в целом не нуждаются в политических и гражданских правах, подвергалось какой-либо проверке, результаты неизменно оказывались не в пользу этого мнения. О том же свидетельствует борьба за демократические свободы в Южной Корее, Таиланде, Бангладеш, Пакистане, Бирме и прочих странах Азии. В Африке, где во многих странах политическая свобода ущемлена, действуют, насколько позволяют обстоятельства, движения протеста и оппозиция, хотя военная диктатура предоставляет в этом отношении мало возможностей.

Что мы можем сказать о втором варианте рассматриваемого аргумента, а именно: имеются ли у бедных *разумные основания* пренебрегать политическими и демократическим свободами в пользу удовлетворения экономических потребностей? Как уже было отмечено, данный аргумент «паразитирует» на тезисе Ли. Поскольку тезису Ли не хватает эмпирических доказательств, следовательно, и этот силлогизм не выдерживает критики.

Инструментальное значение политической свободы

От негативной критики политических прав мы переходим к их положительной ценности. Значение политической свободы как части базовых возможностей уже обсуждалось в предыдущих главах. У нас есть основания ценить личную свободу, а также свободу высказываний и действий; кроме того, человеческие существа — социальные животные, как мы себя часто называем, — не могут не ценить беспрепятственное участие в политической и общественной деятельности. Далее, информированное и нерегламентированное формирование наших ценностей требует открытости в общении и нерегламентированных споров, потому что политические свободы и гражданские права нередко становятся центральным фактором процессов формирования ценностей. Для публичных высказываний о том, что мы ценим, и привлечения внимания к нашим требованиям нам необходима свобода слова и демократического выбора.

При переходе от непосредственной важности политической свободы к ее инструментальной роли мы сталкиваемся с необходимостью рассмотреть политические стимулы, воздействующие на правительства, отдельные личности и группировки, стоящие у власти. У правителей появляется стимул прислушиваться к тому, что хотят граждане, если первые не могут избежать открытой критики последних и вынуждены искать поддержки населения на выборах. Как говорилось выше, в независимом государстве с демократической формой правления и относительно свободной прессой ни разу не случилось крупномасштабного голода⁶. Голод — атрибут древних королевств и современных авторитарных обществ, примитивных племен и современных технократических диктатур, колониальных стран, управляемых империалистами с севера, и новых независимых государств на юге, возглавляемых деспотичными национальными лидерами либо единственной и нетерпимой к оппозиции партией. Но голод никогда не вспыхивал в независимой стране, где регулярно проводятся выборы, где существуют оппозиционные партии, выражающие критические мнения, и где прессе позволено свободно высказываться и подвергать сомнению мудрость правительственных стратегий, не опасаясь цензуры⁷. К контрастирующему опыту разных стран мы вернемся в следующей главе, посвященной голоду и прочим кризисам.

Конструктивная роль политической свободы

Инструментальная роль политических свобод и гражданских прав бывает весьма существенной, однако связь между экономическими нуждами и политическими свободами обладает и *конструктивным* аспектом. От наличия фундаментальных политических прав зависит не только политический отклик на экономические нужды — сама концептуализация экономических нужд (включая их приоритетность) нередко затруднительна в отсутствие таких прав. В самом деле, можно утверждать, что верное понимание того, в чем состоят экономические потребности — их содержание и их насущность, — требует дискуссий и обмена мнениями. Политические и гражданские права, особенно те, что связаны с гарантией свободы публичных дискуссий, дебатов, критических высказываний и инакомыслия, являются ключевыми в процессе зарождения информированного и осмысленного выбора. Такой процесс играет решающую роль в формировании ценностей и приоритетов, и мы в принципе не можем отдавать предпочтение чему-либо, предложенному вне рамок

публичной дискуссии независимо от того, разрешены открытые дебаты и обмен мнениями или нет.

Широта и эффективность открытого диалога зачастую недооцениваются при изучении социальных и политических проблем. Например, публичные дискуссии могут сыграть важную роль в снижении уровня рождаемости, присущего многим развивающимся странам. Имеется немало доказательств тому, что на резкое падение рождаемости, наблюдаемое в более «образованных» штатах Индии, во многом повлияли публичные дискуссии о тяжелых последствиях высокого уровня рождаемости, особенно для молодых женщин, а также для общества в целом. Если, скажем, в штате Керала или Тамил Наду распространено мнение о том, что счастливая семья в современном мире — это маленькая семья, то немалую роль в формировании подобных представлений сыграли дискуссии и дебаты. Уровень рождаемости в штате Керала ныне 1,7 (близкий к уровню рождаемости в Британии и Франции и много ниже китайского 1,9), и такой уровень был достигнут без всякого принуждения, в основном по причине возникновения новых ценностей — процесса, в котором политические и социальные диалоги сыграли огромную роль. Высокий уровень грамотности населения штата Керала, особенно среди женщин, превышающий таковой в любой провинции Китая, немало способствовал самой возможности проведения подобных социальных и политических диалогов (подробнее на эту тему — в следующей главе).

Нищета и лишения бывают различных видов. Некоторые из них лучше поддаются социальному лечению, другие хуже. Общее количество трудностей, с которыми сталкивается человек, стало бы слишком громоздкой базой для идентификации наших «нужд». Например, имеется немало вещей, которые мы непременно ценили бы, будь они осуществимы (мы можем даже желать бессмертия, как Матрейя). Однако «потребностями» мы подобные вещи не называем. Наша концепция потребностей основывается на идее о предотвратимости некоторых лишений и на нашем понимании того, что для этого нужно сделать. В формировании такого понимания и соответствующих выводов публичные дискуссии играют ключевую роль. Политические права, в том числе свобода высказываний и дискуссий, не только абсолютно необходимы для появления социального отклика на экономические нужды, но они также чрезвычайно важны для концептуализации самих экономических нужд.

Совершенствование демократии

Сущностная ценность, защитная роль и конструктивное значение демократии могут проявляться по-разному. Однако, аргументируя преимущества демократии, следует избегать опасности перехвалить ее благотворное влияние. Как говорилось ранее, характер политических и личных свобод неоднозначен, и их эффективность зависит от того, как ими воспользуются. Демократия особенно успешна в предотвращении очевидных бедствий и в тех случаях, когда сочувствие можно немедленно выразить в материальной форме. Существует немало других проблем, не имеющих столь простых решений. Например, успехи Индии в борьбе с голодом сравнимы с борьбой против регулярного недоедания, массовой неграмотности или гендерного неравенства (о чем мы уже писали в главе 4). Если проблемы голодающих легко поддаются политическому решению, то другие лишения требуют более глубокого анализа и более эффективного участия населения в политической и общественной жизни — словом, более полного применения серьезных демократических мер.

Неадекватность предпринимаемых мер приводит к неудачам и в условиях зрелых демократий. Например, недоступность здравоохранения, образования и соответствующей социальной среды для афроамериканцев в США порождает их исключительно высокую смертность (как упоминалось в главах 1 и 4), и американская демократия оказывается в этом отношении бессильной. Демократию следует понимать как способ создания комплекса возможностей, использование же этих возможностей требует анализа иного рода, основанного на *реальной практике* демократических и политических прав. И здесь нельзя игнорировать низкий процент голосующих на американских выборах, особенно среди афроамериканцев. Демократия не излечивает недомогание автоматически, как хинин излечивает малярию. За возможности, которые она предоставляет, нужно в положительном смысле хвататься, чтобы добиться желаемого результата. Все это является неотъемлемым свойством любой разновидности свободы — ее эффективность во многом зависит от того, как она используется.

Демократические меры и роль оппозиции

Достижения демократии зависят не только от неукоснительного выполнения узаконенных правил и процедур, но и от того, как граждане пользуются своими возможностями. Фидель Вальдес Рамос, бывший президент Филиппин, высказался по этому поводу со всей

ясностью в своей речи, произнесенной в ноябре 1998 года в Австралийском национальном университете:

В условиях диктатуры людям не надо думать, не надо выбирать, принимать решения или давать согласие. Все, что от них требуется, — подчиняться. Такой горький урок мы извлекли из недавнего прошлого Филиппин. И напротив, демократия не выживет без гражданской доблести... Политическая задача для людей во всем мире состоит сегодня не только в том, чтобы заменить авторитарные режимы демократическими. Эта задача много шире: заставить демократию служить простым людям⁶.

Демократия действительно создает возможности, связанные как с ее «инструментальным значением», так и с «конструктивной ролью». Но то, сколь энергично эти возможности используются, зависит от многих факторов, включая напористость политических партий, а также силу нравственных аргументов и динамичность процесса формирования ценностей⁷. Например, в Индии приоритет предотвращения голода был глубоко осознан сразу же после принятия независимости (как и в Ирландии, пережившей голод в годы Британского правления). Политическая активность граждан оказалась весьма эффективной в предотвращении голода и в острых нападках на правительство, допуская случаи голодания. Размах и сила этих действий сделали предотвращение подобных бедствий неукоснительным приоритетом любого правительства. К сожалению, оппозиционные партии слишком робко критиковали массовую неграмотность, или наличие не чрезвычайного, но серьезного недоедания (особенно среди детей), или провал земельной реформы. Робость оппозиции позволила последующим правительствам преспокойно игнорировать эти жизненно важные вопросы государственной политики.

На самом деле активность оппозиционных партий является значительной силой как в недемократическом, так и в демократическом обществе. Например, можно утверждать, что, несмотря на нехватку демократических гарантий, энергия и настойчивость оппозиции в Южной Корее в преддемократические годы и даже в пиночетовской Чили (в исключительно неблагоприятных условиях) достигли опосредованного результата во внутренней политике этих стран еще до реставрации демократии. Многие социальные программы, с пользой послужившие этим странам, предпринимались

хотя бы отчасти для того, чтобы снизить привлекательность оппозиции, и в этом смысле деятельность оппозиции была эффективной еще до прихода к власти¹⁰.

Другая сфера — гендерное неравенство — также требует энергичных гражданских действий, включая критику и указание на необходимые направления реформ. Действительно, стоит этим запущенным проблемам превратиться в предмет публичных дебатов и конфронтаций, как властям приходится как-то на них реагировать. При демократии люди стремятся взять то, что им надо, и, что более существенно, обычно не берут того, чего им не надо. Две запущенные сферы социальных возможностей в Индии — гендерное равенство и элементарное образование — пользуются немалым вниманием нынешних оппозиционных партий и, следовательно, законодательных и исполнительных властей тоже. Хотя окончательный результат — дело будущего, нельзя не отметить уже произошедшие сдвиги (включая законопроект, предполагающий предоставление по крайней мере трети мест в индийском парламенте женщинам и программу школьного образования, предоставляющую право на начальное образование значительно большему числу детей).

Можно утверждать, что эффективность демократии в Индии ни в коем случае не ограничивается предотвращением таких экономических катастроф, как голод. Несмотря на ограниченность предпринимаемых демократических мер, демократия дала Индии определенную стабильность и безопасность вопреки пессимистичным прогнозам, звучавшим в 1947 году, когда страна стала независимой. В ту пору в Индии было неопытное правительство, смута по поводу раздела территорий и несформировавшиеся политические блоки в сочетании с широко распространенным насилием в общинах и общественными беспорядками. Тогда нелегко было поверить в будущее объединенной и демократической Индии. И все же полвека спустя мы видим демократию, добившуюся путем проб и ошибок немалых успехов. Политические различия были смягчены посредством конституционных процедур. Правительства приходили к власти и смещались в соответствии с электоральными и парламентскими правилами. Индия — огромный, невероятный, удручающий клубок противоречий — выстояла и функционирует достаточно успешно в качестве политического единства с демократической системой — по сути, действующая демократия и держит ее на плаву.

Индия также справляется с тяжелейшей задачей сосуществования различных языков и религий — чрезвычайной культурной

и религиозной неоднородностью. Понятно, что религиозные и общинные различия — легкая пожива для сектантствующих политиков, и они не раз эксплуатировали эти различия (в том числе и в недавние времена), наводя на страну ужас. Но то обстоятельство, что насилие сектантов вызывает ужас и что большинство крупных национальных объединений не одобряет подобных действий, обеспечивает главную демократическую гарантию против эксплуатации сектанства в интересах отдельных группировок. И это очень важно для сохранения и процветания страны, столь разнородной, как Индия, в которой индусы составляют большинство, но которая также является третьей по численности мусульманской страной в мире, где проживают миллионы христиан, а сикхов, парсов и джайнов больше, чем где-либо в мире.

В заключение

Развитие и укрепление демократической системы является важным компонентом процесса развития. Значение демократии определяется, как мы уже говорили, тремя различными достоинствами: (1) ее *внутренней значимостью*, (2) *инструментальными свойствами* и (3) *конструктивной ролью* в создании общественных ценностей и норм. Любая форма демократического правления не может быть полной, если хотя бы одна из этих трех составляющих не учитывается.

Использование политических свобод и гражданских прав является достаточно эффективным средством влияния, несмотря на присущие этим правам и свободам ограничения. Да и в тех областях, в которых они до сих пор не приносили значительных результатов, существует вероятность сделать их более эффективными. «Разрешающая» роль политических и гражданских прав (в дозволении — а точнее, в поощрении — открытых дискуссий и дебатов, участия граждан в политической деятельности и прекращении преследований оппозиции) приложима к широкому спектру деятельности, даже если в некоторых областях она более эффективна, чем в других. Ее наглядная полезность в предотвращении экономических катастроф важна сама по себе. Когда дела идут хорошо и все функционирует с привычной четкостью, о демократии обычно не вспоминают. Ее острую нехватку ощущают во время тех или иных бедствий (например, во время недавнего финансового кризиса в Восточной и Юго-Восточной Азии, разрушившего экономику нескольких стран и оставившего многих людей

без средств к существованию). Политические стимулы, порождаемые демократическим правлением, обретают огромную практическую ценность именно в таких случаях.

Однако, признавая важность демократических институтов, мы не можем рассматривать их в качестве автоматического решения всех проблем развития. Использование таких институтов обусловлено нашими ценностями и приоритетами, а также тем, как мы используем доступные возможности высказывания и участия в политической жизни. В этом контексте особенно важна роль организованных оппозиционных группировок.

Публичные дебаты и дискуссии, ставшие возможными благодаря политическим свободам и гражданским правам, нередко играют главную роль в процессе формирования ценностей. Характер участия граждан в политической жизни и диалогах не может не влиять даже на идентификацию экономических потребностей. Энергия публичных дискуссий является не только одним из признаков демократии в самых различных сферах, — само культивирование таких дискуссий помогает демократии лучше функционировать. Например, более информированные и менее маргинализированные публичные дискуссии о проблемах окружающей среды приносят пользу не только экологии; они также способствуют улучшению здоровья населения и функционированию демократической системы в целом¹¹.

Важно не только подчеркивать необходимость демократии. Столь же решающее значение имеет сохранение условий, обеспечивающих размах и насыщенность демократического процесса. Сколь бы ценной ни была демократия сама по себе как главный источник социальных возможностей (утверждение, которое приходится порою энергично отстаивать), не менее важно изучать пути и способы ее функционирования, осознать ее потенциал. Достижение социальной справедливости зависит не только от институциональных форм (включая демократические правила и установления), но и от эффективности практических мер. В этой главе мы выяснили, почему вопрос о практических мерах приобретает центральное значение, когда речь идет о предполагаемой пользе гражданских прав и политических свобод. Этот серьезный вопрос стоит как перед «старыми» демократиями, например в США (особенно с учетом неоднородности участия в политической жизни различных расовых групп), так и перед «новыми» демократиями. Проблемы демократии могут быть и универсальными, и специфическими.

Глава 7

Голод и другие кризисы

Мы живем в мире, где широко распространено недоедание и нередко случается голод. Бытует мнение — хотя оно редко высказывается вслух, — что в этих отчаянных ситуациях мало чем можно помочь. Предполагается также, что со временем подобные бедствия станут еще суровее, в частности в связи с ростом населения во всем мире. Сегодня международная реакция в случае массового голода проявляется в молчаливом пессимизме. Очевидный недостаток свободы действий в борьбе с голодом порождает фатализм, который, в свою очередь, подавляет какие-либо реальные попытки исправить положение.

Однако фактических оснований для пессимизма наберется немного; точно так же отсутствуют какие-либо убедительные свидетельства в пользу борьбы с голодом. Однако разумная стратегия и активные действия способны искоренить эту ужасающую проблему в современном мире. Мы полагаем, что, опираясь на экономический, политический и социальный анализ, представленный в научных работах последних лет, можно определить меры для искоренения голода и радикального снижения хронического недоедания. При разработке таких мер и программ крайне важно уметь извлекать уроки из аналитических и эмпирических исследований¹.

Эта глава посвящена проблеме голода и другим временным «кризисам», которые не всегда связаны с голоданием, но обязательно сопровождаются внезапными и суровыми лишениями, затрагивающими значительную часть населения (например, недавний экономический кризис в Восточной и Юго-Восточной Азии). Голод и кризисы такого рода необходимо отличать от постоянного голодания и бедности, которые нередко порождают устойчивую тяжелую ситуацию, но не предполагают внезапной вспышки чрезвычайного массового бедствия. Тем не менее, рассматривая (в главе 9) постоянное голодание и постоянные длительные лишения, мы будем опираться на концепции, выработанные при изучении проблемы голода.

Для того чтобы бороться с голодом в современном мире, чрезвычайно важно осознавать его глубинные причины, а не просто исходить из некоего числового баланса между продовольствием и населением. Ключевым фактором в исследовании проблемы голода является реальная свобода индивидуума и его семьи получать в собственность адекватное количество продовольствия, которое может быть выращено самостоятельно (крестьянами) или куплено на рынке (теми, кто не выращивает продукты питания). Человек порою вынужден голодать, даже когда вокруг полно еды, если он утрачивает способность покупать продукты питания на рынке вследствие снижения своих доходов (например, в связи с потерей работы или крушением рынка тех товаров, которые он производит и продает, чтобы заработать на жизнь). С другой стороны, даже когда запасы продовольствия в стране или регионе резко падают, любого можно уберечь от голода посредством совершенствования распределения имеющегося в наличии продовольствия (например, с помощью создания дополнительных рабочих мест и доходов для потенциальных жертв голода). Эти меры можно расширить и сделать их более эффективными, получая продовольствие из-за границы, но угроза голода не раз предотвращалась и без зарубежной помощи — хватало более справедливого распределения снизившихся отечественных запасов продовольствия. Фокусировать внимание следует не только на общем количестве продовольствия в стране, но, главным образом, на экономической способности и реальной свободе индивидуумов и их семей приобретать необходимые продукты питания.

Для всестороннего понимания феномена голода и иных кризисов и катастроф требуется экономический и стратегический анализ. Хорошим примером нам послужат экономические трудности, с которыми недавно столкнулись страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Как и при голоде, в кризисах такого рода некоторые группы населения внезапно лишаются своих экономических правомочий. Подобные кризисы отличаются от более «регламентированной» бедности скоростью распространения нужды и степенью ее остроты (и, как правило, неожиданностью); этим же голод отличается от постоянного недоедания.

Экономические правомочия и взаимозависимость

Проблема голода связана не только с производством продовольствия и развитием сельского хозяйства, но и с функционированием экономики в целом и — еще шире — с деятельностью тех полити-

ческих и социальных структур, что прямо или косвенно влияют на способность человека приобретать еду для достижения хорошего здоровья и питания. Более того, хотя многое можно сделать посредством разумной государственной политики, при кризисе необходимо интегрировать деятельность правительства с эффективным функционированием других экономических и социальных институтов — начиная с производства, торговли и рынков и заканчивая активностью политических партий, неправительственных организаций и институтов, включая СМИ, поставляющих информацию и способствующих возникновению публичных дискуссий.

На недоедание и голод влияют не только производство продовольствия и сельскохозяйственная деятельность, но и состояние экономики и общества в целом. Очень важно учитывать экономические и социальные взаимосвязи, которые могут воздействовать на вспышки голода в современном мире. В экономике продукты питания не раздаются по благотворительным каналам или иным системам автоматического распределения. Возможность приобрести еду *зарабатывается*. По этой причине необходимо сконцентрировать внимание не на общих запасах продовольствия в стране, а на «правомочии», которым наделен каждый: приобрести товар в собственность и пользование. Человек страдает от голода, когда он не в состоянии реализовать свое право приобрести адекватное количество продовольствия².

Что определяет экономические правомочия семьи? В данном случае действуют различные факторы. Во-первых, *фонды*: собственность на производственные ресурсы, а также материальные блага, обладающие рыночной ценой. У большинства людей фонды состоят исключительно из рабочей силы. Большинство населения во всем мире практически не имеет иных ресурсов, кроме рабочей силы, которая может сочетаться с различными по степени навыками и опытом. Однако теоретически труд, земля и прочие ресурсы составляют «корзину» личного достояния.

Во-вторых, значительное влияние на правомочия индивидуума оказывают *производственные возможности* и их использование. И здесь на сцену выходят технологии: доступные технологии определяют производственные возможности, которые зависят от объема знаний, а также от способности человека применять свои знания и извлекать из них реальную пользу.

Экономические правомочия создаются посредством прямого использования ресурсов в виде земли и труда для производства

продовольствия — как это происходит в сельском хозяйстве. Либо, в качестве альтернативы, семья или индивидуум обретают способность покупать продукты питания, получая заработанный доход. Эта способность зависит от наличия рабочих мест и преобладающего уровня заработной платы. Последнее, в свою очередь, зависит от производственных возможностей (в сельском хозяйстве, промышленности и прочих сферах деятельности). Большинство людей не производят напрямую продовольствие, но «зарабатывают» возможность приобретать продукты питания, производя другие товары: товарные сельскохозяйственные культуры, ремесленные и промышленные изделия, разнообразнейшие услуги (диапазон занятости весьма обширен). Данные взаимозависимости нередко становятся ключевыми при исследовании случаев голода, поскольку значительное число людей, как правило, утрачивает способность приобретать продукты питания в связи с проблемами, возникающими в производстве других товаров, а не продовольствия как такового.

В-третьих, многое зависит от *условий обмена*: от возможности продать и купить товары и относительной величины цен на различную продукцию (например, цена на ремесленные изделия соотносится с ценами на основные продукты питания). При чрезвычайной — и, добавим, уникальной — значимости рабочей силы, которой в качестве ресурсов располагает большинство людей в мире, возникает настоятельная необходимость рассмотреть функционирование рынка труда. Находит ли соискатель работу за стандартную заработную плату? И может ли мелкий предприниматель или производитель услуг продать то, что он пытается продать? А если может, то по каким ценам (относительно цены продовольствия на рынке)?

В условиях экономической катастрофы условия обмена могут радикально измениться, что порождает угрозу голода. Такие перемены в результате влияния различных факторов обычно происходят очень быстро. Случалось, что голод наступал по причине резких изменений в относительных ценах на производимую продукцию (либо в заработной плате относительно цены на продукты питания), вызванных различными факторами, такими как засуха, наводнение, общее сокращение занятости, неравномерный подъем производства, увеличивший доходы отдельных лиц, но не большинства, или попросту преувеличенный страх перед сокращением объема продовольствия, в результате чего цены на продукты питания временно взлетают, порождая хаос³.

При экономическом кризисе некоторые сферы деятельности могут пострадать сильнее прочих. Например, в 1943 году, во время голода в Бенгалии, курс обмена продовольствия на продукцию определенных видов изменился катастрофически. На фоне общих существенных сдвигов в связке «заработная плата — продовольствие — цена» значительно изменились цены на рыбу относительно цены на зерно, и бенгальские рыбаки оказались среди наиболее пострадавших профессиональных групп. Разумеется, рыба — тоже продукт питания, но это высококачественный продукт, и бедный рыбак вынужден продавать рыбу с целью приобретения более дешевых калорий в виде основных продуктов питания (в Бенгалии, как правило, это рис), чтобы получить достаточно калорий для выживания. Такой обмен поддерживает равновесие выживаемости, и резкое падение цены на рыбу относительно цены на рис это равновесие нарушает⁴.

Немало других профессий также серьезно уязвимы для изменений в относительных ценах и торговых процедурах. Например, работа парикмахера. В период экономического кризиса парикмахеров одолевает две разновидности проблем: (1) в тяжелых ситуациях люди склонны откладывать стрижку волос, потому спрос на услуги парикмахеров резко падает; и (2) в придачу к этому «количественному» снижению резко падает относительная цена на парикмахерские услуги: во время голода в Бенгалии в 1943 году «обменный курс» стрижки волос на основные продукты питания упал в некоторых районах на 70–80%. В результате парикмахеры — и без того бедные — оказались разорены, как и многие другие профессиональные группы. И все это произошло на фоне весьма незначительного снижения производства продовольствия и его совокупных запасов. Сочетание возросшей покупательной способности городского населения (выигравшего от подъема производства в связи с войной) и спекулятивного придерживания продовольствия на рынке породило голод вследствие резкого изменения в распределении. Чтобы понять причины голода и недоедания, надо не только опираться на количественные показатели производства продовольствия и его запасов, но и анализировать весь экономический механизм⁵.

Причины голода

Сужение экономических возможностей человека, обусловленное вспышкой голода, происходит по ряду причин. И, пытаясь бороться

с голодом или, тем более, его предотвратить, нельзя забывать об этих разнообразных причинах. Голод всегда протекает одинаково, но его причины могут быть разнородны.

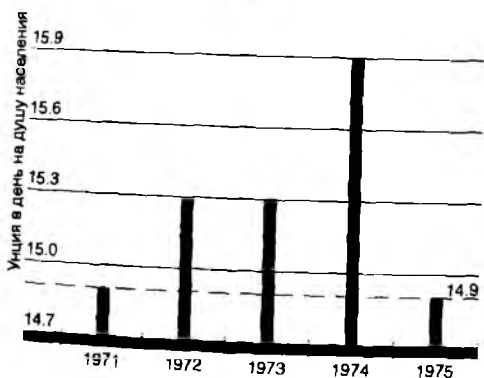
Для тех, кто сам не производит продовольствие (например, промышленные рабочие или производители услуг), возможность приобрести продукты питания на рынке зависит от заработка, преобладающих цен на продукты питания и величины необходимых непродовольственных расходов. Способность этой категории людей приобрести еду зависит от экономических обстоятельств: занятости и уровня заработной платы — для наемных рабочих, уровня производства других товаров и их цены — для мелких предпринимателей и производителей услуг и так далее.

Хотя правомочия тех, кто производит продовольствие, и зависят от количества *индивидуально* произведенного продовольствия, на эти правомочия, тем не менее, не влияет *национальное* производство продовольствия, на котором обычно сосредотачиваются многие исследователи проблем голода. Кроме того, нередко производители продовольствия вынуждены продавать дорогие продукты питания, такие как продукты животноводства, чтобы купить более дешевые калории в виде зерновых; так часто поступают бедные пастухи — например, пасущие скот кочевники в районе Сахеля и Африканского Рога. Обменная зависимость африканских пастухов, вынужденных продавать животноводческие продукты, включая мясо, чтобы купить дешевые калории в виде основных продуктов питания, очень похожа на такую же зависимость бенгальских рыбаков, о которых мы говорили выше, продающих рыбу, чтобы купить дешевые калории в виде риса. Такое хрупкое обменное равновесие может быть нарушено изменением в обменном курсе. Для пастухов падение цен на животноводческие продукты относительно зерновых означает катастрофу. Нередко голод среди африканских скотоводческих народностей возникал именно в связи с таким процессом. Засуха, как правило, приводит к падению относительной цены на животноводческие продукты (даже мяса) по сравнению с традиционно дешевым продовольствием, поскольку в условиях экономического бедствия люди склонны менять модель потребления *в ущерб* дорогому продовольствию (например, мясу) и вещам не первой необходимости (например, кожаным изделиям). Перемены же в относительных ценах приводят к тому, что пастухи утрачивают способность покупать основные продукты питания, необходимые для выживания⁶.

Голод может наступить даже без снижения производства продовольствия и его запасов. Рабочему приходится голодать по причине безработицы в сочетании с отсутствием системы социальной защиты (в частности, страховки по безработице). Такое может произойти сплошь и рядом; более того, бывает, что массовый голод возникает, несмотря на высокие и не уменьшающиеся поставки продовольствия в стране — иногда даже при рекордных поставках продовольствия.

Одним из случаев голода, возникшего, невзирая на рекордные запасы продовольствия, является голод в Бангладеш в 1974 году⁷. В тот год количество продовольствия на душу населения было больше, чем в любой другой между 1971 и 1976 годами (см. рис. 7.1). Голод начался по причине локальной безработицы, вызванной наводнением, которое повлияло на производство продовольствия лишь много месяцев спустя, когда пострадавший урожай был собран (главным образом, в декабре). Однако голод наступил раньше и закончился задолго до того, как урожай созрел. Летом 1974 года наводнение привело к мгновенному сокращению доходов сельскохозяйственных рабочих; они потеряли доходы, которые могли бы заработать на пересадке риса и другой подобной деятельности и которые могли бы обеспечить им покупку продуктов питания. Недоедание и паника в одном районе распространились на другие районы и усилились по причине сбоев на рынке продовольствия

Рисунок 7.1. ЗАПАСЫ ЗЕРНОВЫХ В БАНГЛАДЕШ, 1971–1975

Источники: Sen A. Poverty and Famines. Oxford: Oxford University Press. 1981. Table 9.5: The famine occurred in 1974

и резкого повышения цен на продукты питания вследствие завышенных ожиданий нехватки продовольствия в будущем. Будущий дефицит продовольствия был переоценен и в некоторой степени стал объектом манипуляции. Позже цены на рис были скорректированы в сторону снижения⁸, но к тому времени голод уже собрал свою скорбную жатву.

Даже когда голод связан с падением производства продовольствия (что, очевидно, имело место в Китае в 1958–1961 годах и в Ирландии в 1840-х годах⁹), при анализе этого явления нельзя ограничиваться лишь производственной статистикой, если мы хотим понять, почему некоторые группы населения погибли, в то время как остальные вовсе не бедствовали. Распространению голода немало способствует доктрина «разделяй и властвуй». Скажем, группа крестьян утрачивает экономические правомочия вследствие снижения производства продовольствия в их районе, например, по причине локальной засухи, даже если в целом в стране нехватки продуктов питания не наблюдается. Эти крестьяне лишены средств для покупки продуктов в другом месте, поскольку им практически нечего продать в условиях производственных потерь. Люди иных профессий с более стабильным заработком или проживающие в другом регионе будут по-прежнему покупать продукты питания. Нечто в этом роде произошло в Эфиопии, во время голода в Уолло в 1973 году, когда обедневшие жители провинции Уолло оказались не в состоянии покупать продукты, несмотря на то, что цены на продукты питания в Дессе (столице Уолло) были не выше, чем в Аддис-Абебе и Асмаре. Есть сведения, что продукты питания даже *вывозились* из Уолло в более процветающие регионы Эфиопии, где доходы позволяли населению их покупать.

Рассмотрим ситуацию иного рода: цены на рис взлетели по причине возросшей покупательной способности некоторых профессиональных групп; в результате остальные, также вынужденные покупать продукты питания, оказались разорены, поскольку реальная покупательная способность их доходов резко сократилась. Голод такого рода происходит без какого-либо снижения в производстве продовольствия или сокращения национальных запасов, но вследствие повышения конкурирующего спроса. Так начался голод в Бенгалии в 1943 году (упомянутый ранее), когда жители городов, включая Калькутту, стали получать прибыль от «военного бума» — японская армия находилась совсем рядом, и британские и индийские расходы на оборону значительно повысились. Стоило ценам

на рис резко возрасти, как паника и манипуляторская спекуляция сделали свое дело: цены поднялись в заоблачные выси, недоступные основной массе населения сельскохозяйственной Бенгалии¹⁰. Вот когда «неудачники плакали»¹¹.

Иная ситуация: рабочие вдруг обнаруживают, что «их профессия исчезла» вследствие экономических сдвигов и перемен в специализации и местоположении прибыльных предприятий. Так произошло, например, в странах Африки южнее Сахары в придачу к переменам в климате и окружающей среде. А когда наемные рабочие остаются без работы, то, при отсутствии системы социальной защиты, им не на что опереться.

В некоторых случаях потеря доходной занятости может быть тем временным явлением, которое обладает мощными последствиями в плане инициации голода. Например, во время голода в Бангладеш в 1974 году первые признаки бедствия обнаружили среди безземельных сельскохозяйственных рабочих, лишившихся после летнего наводнения работы по пересадке риса. Эти рабочие, едва сводившие концы с концами, были вынуждены голодать в результате потери заработка, и это случилось *задолго до* сбора пострадавшего урожая¹².

Голод резко разделяет людей. Попытки объяснить его подсчетами *среднего* количества продовольствия на душу населения часто оказываются безнадежно обманчивыми. Голод редко поражает более 5–10% населения. Правда, в некоторых так называемых «свидетельствах очевидцев» сообщается, что будто бы «вся страна сидела впроголодь». Но большинство подобных баек не выдерживает критического расследования. Например, авторитетная Британская энциклопедия в старинном — одиннадцатом — издании квалифицирует голод в Индии в 1344–1345 годах как бедствие, когда даже «Великий Могол лишился возможности получать необходимые продукты»¹³. Однако такая интерпретация выглядит довольно сомнительно. Неловко напоминать просвещенным мужам, что империя Великих Моголов в Индии была создана не раньше 1526 года. Но что более важно, у императора Туглака, правившего в 1344–1345 годах, — Мохаммеда бин Туглака — не только не возникло трудностей с добыванием необходимых продуктов, но он располагал достаточными средствами, чтобы организовать одну из самых блестящих программ по борьбе с голодом, известных истории¹⁴. Байки про общенациональный голод не соответствуют фактическим различиям в материальном благополучии.

Предотвращение голода

Поскольку голод сопряжен с потерей экономических правомочий одной или несколькими профессиональными группами в отдельных регионах, угрозу голода можно предотвратить систематическим воссозданием минимального уровня доходов и правомочий для тех, кто стал жертвой экономических перемен. Число пострадавших, хотя нередко и очень большое, обычно составляет лишь малую часть всего населения, при том что минимальный уровень покупательной способности, необходимый для недопущения голода, как правило, не слишком высок. Таким образом, расходы государства, связанные с предотвращением голода, обычно довольно умеренны даже в бедных стран при условии, что систематические и эффективные меры были предприняты вовремя.

Для того чтобы получить представление о задействованных величинах, скажем, что если потенциальные жертвы голода составляют около 10% всего населения страны (обычно этот процент намного меньше), то доля национального дохода, отдаваемого этим несчастным, не превышает в нормальных обстоятельствах 3% ВВП. А нормальная доля потребления продовольствия этими людьми не превышает 4–5% национального потребления продовольствия. Таким образом, средства, необходимые для воссоздания доходов *полностью* или для снабжения голодающих обычной нормой продовольствия, даже на нулевом уровне не должны быть особенно большими при условии, что были предприняты эффективные превентивные меры. Как правило, у жертв голода обычно остаются кое-какие ресурсы (так что их правомочия не приходится воссоздавать с нуля), и конечная величина необходимых расходов оказывается еще ниже.

Что касается смертности во время голода, то она нередко становится результатом болезней, возникших по причине истощения, ухудшения санитарных условий, миграции населения и распространения инфекционных заболеваний, эндемичных для региона¹⁵. Смертность также можно существенно снизить посредством разумной политики, включающей эпидемический контроль и предоставление медицинских услуг сообществам. И в этой области польза от небольших, но хорошо спланированных государственных расходов бывает чрезвычайно высокой.

Предотвращение голода немало зависит от политических структур, защищающих экономические правомочия нуждающихся. В более богатых странах такая защита обеспечивается программами,

направленными против бедности, и страховками по безработице. Большинство развивающихся стран не имеет какой-либо системы страхования по безработице, но некоторые правительства создают рабочие места в чрезвычайных ситуациях — во время вспышки массовой безработицы, вызванной природными и неприродными бедствиями. Компенсационные правительственные расходы на создание рабочих мест весьма эффективно способствуют предотвращению угрозы голода. Таким способом не раз предотвращали потенциальный голод в независимой Индии — большей частью за счет создания компенсационной занятости. Например, в 1973 году в Махараштре для компенсации потери занятости, вызванной сильной засухой, было создано 5 миллионов временных рабочих мест, т.е. действенная помощь была оказана очень большому количеству людей (учитывая и членов семей рабочих). Результаты превзошли все ожидания: смертность существенно не повысилась и даже число недоедающих не возросло, несмотря на серьезнейший спад (в некоторых областях до 70% и более) в производстве продовольствия во всем обширном регионе.

Голод и отчужденность

Политическая экономия, изучающая причины и предотвращение голода, исследует деятельность институтов и организаций в этой области, но, кроме того, она рассматривает идеи и понятия, которыми руководствуются действующие власти и правительство, и, в частности, степень отчужденности правителей от управляемых. Даже если непосредственная причина голода заключается не в этой отчужденности, то огромная социальная и политическая дистанция между начальниками и подчиненными может сыграть решающую роль в «непредотвращении» голода.

Здесь полезно обратиться к голоду 1840-х годов, опустошившему Ирландию и убившему в пропорциональном отношении больше людей, чем любой другой голод, известный истории¹⁶. Тот голод, кроме всего прочего, радикально изменил Ирландию. Он способствовал невиданному росту эмиграции — несмотря на тяжелейшие условия морского плавания, — росту, какого история человечества прежде не знала¹⁷. Население Ирландии по численности даже сегодня значительно меньше, чем в 1845 году, когда начался голод.

Что стало причиной катастрофы? В пьесе Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек» мистер Мэлоун, богатый ирландский американец, отказывается называть происшедшее в Ирландии

в 1840-х годов «настоящим» голодом, вызванным природными катаклизмами. Он сообщает своей английской невестке Вайолет, что его отец «погиб в черном 47-м». Когда Вайолет спрашивает: «Это когда был недород?» — Мэлоун отвечает: «Какой там недород! Если страна завалена хлебом и даже вывозит его за границу, нечего толковать о недороде!»

В запальчивом заявлении Мэлоуна есть несколько неточностей. Абсолютно верно, что продовольствие экспортировалось из голодающей Ирландии в процветающую Англию, но неверно то, что в Ирландии было полно еды (на самом деле сосуществование голода и экспорта продовольствия — обычное явление). Также трудно отрицать, что голод (в общепринятом понимании этого термина) в Ирландии действительно был, как до некоторой степени и недород.

Главное в реплике Мэлоуна — формулирование иной, более серьезной, проблемы, с примесью поэтической вольности, разумеется. Вопрос заключается в том, какую роль играет человеческая деятельность в причинах возникновения и распространения голода. Если ирландский голод можно было полностью предотвратить и если, в частности, его могли предотвратить власти, то обвинения в том, что ирландцев намеренно «морили» голодом, совершенно справедливы. Виновными следует без обиняков признать государственную политику по предотвращению или не предотвращению голода, а также политические, социальные и культурные влияния, определяющие эту государственную политику. В данном случае политические проблемы касаются пробелов как в понимании ситуации, так и в использовании полномочий. Поскольку в некоторых странах голод случается даже в нынешнее время беспрецедентного всеобщего процветания, то вопросы государственной политики и ее эффективности остаются и сегодня столь же существенными, как и 150 лет назад.

Обратимся в первую очередь к самым непосредственным причинам голода в Ирландии — прежде всего к снижению производства продовольствия, главным образом вследствие уничтожения урожая картофеля фитофторой. Однако роль общих запасов продовольствия в возникновении ирландского голода можно понимать по-разному, в зависимости от того, на какую продовольственную статистику мы опираемся. Здесь многое зависит от состояния дел в отдельно взятом регионе. Как отмечал Кормак О Града, с учетом производства продовольствия и его запасов во всем Соединенном Королевстве, продовольственного кризиса не было, несмотря на то что случилось конкретно в Ирландии¹⁸. Британия могла бы снабжать

продуктами питания Ирландию, если бы у ирландцев были средства на их приобретение. Тот факт, что этого сделано не было, а произошло прямо противоположное, говорит о бедности Ирландии и о экономических лишениях голодающих. Терри Иглтон писал в своем ярком литературном произведении «Хитклифф и Великий голод»: «В этом смысле можно утверждать, что ирландцы погибали не просто от нехватки еды, а потому, что у них не было средств купить продукты питания, которыми королевство в целом изобиловало, но которые ирландцам были недоступны в достаточной степени»¹⁹.

Анализируя причины голода, важно изучить степень бедности данной страны или региона. В случае с Ирландией преобладающая бедность и скромный размер имущества ирландцев сделали их особенно уязвимыми для экономического спада, спровоцированного фитофторой²⁰. В этом контексте следует обратить особое внимание не только на постоянную бедность голодавших, но и на чрезвычайную уязвимость тех, чьи экономические правомочия особенно хрупки в условиях экономических потрясений²¹. Именно по причине незащищенности самых бедных в сочетании с дополнительными несчастьями, вызванными экономическими колебаниями, множатся жертвы голодного мора. Фитофтора сильно ударила по мелким ирландским производителям картофеля, а затем, вследствие повышения цен на продукты питания, и по всем остальным.

Что касается продовольствия, его не только не завозили систематически в Ирландию с целью победить голод, но наблюдалось (как было сказано выше) прямо противоположное движение: продукты питания вывозились из Ирландии в Англию (особенно продукты питания высшего качества). Такое «продовольственное контрдвижение» — не редкость при так называемом кризисном голоде, когда в условиях общей рецессии в экономике покупательная способность потребителей резко падает, а имеющиеся запасы продовольствия (хотя и сократившиеся) продаются по более высокой цене в других регионах. Продовольственное контрдвижение имело место, например, во время вышеупомянутого голода в Уолло, в Эфиопии в 1973 году. Жители провинции Уолло оказались не в состоянии покупать продукты питания, несмотря на то что цены были не выше — часто существенно ниже, — чем в других районах страны. Более того, продукты питания вывозились из Уолло в более преуспевающие регионы Эфиопии, где население располагало большими доходами и, следовательно, большей способностью покупать эти продукты²².

То же самое, только в более широком масштабе, происходило в Ирландии в 1840-х годов, когда корабль за кораблем, груженные пшеницей, овсом, скотом, свининой, яйцами и маслом, отплывали вниз по реке Шеннон, направляясь в сытую Англию и прочь от голодавших ирландцев. Экспорт продуктов питания из Ирландии в Англию в разгар голода породил в ирландцах глубокую горечь, что и по сию пору остается немаловажным фактором в сохранении недоверия, существующего между Ирландией и Англией.

За перемещением продуктов питания из Ирландии в Англию во время голода не стоит никакой великой экономической тайны. Тенденции рынка всегда поощряют пересылку продуктов питания в те места, где за них дадут большую цену. Процветавшая Англия могла платить, а обнищавшие ирландцы — нет. Точно так же в 1973 году жители Аддис-Абебы покупали продовольственные продукты, которые несчастные голодающие Уолло не могли себе позволить.

Однако не следует немедленно делать вывод о том, что приостановка рыночных сделок является самым верным способом прекращения голода. В редких и особых случаях такая приостановка помогает добиться некоторых ограниченных целей (положение ирландских потребителей облегчилось бы, если бы продовольственное контрдвижение в Англию было ограничено), но в принципе подобная мера никоим образом не затрагивает базовой проблемы бедности и лишений голодающих. Для изменения ситуации требуются более позитивные стратегии, а не только негативное запрещение рыночных сделок определенных видов. Позитивные стратегии воссоздания утраченных доходов обнищавших людей (например, посредством государственных программ занятости) действительно способны автоматически сократить или остановить продовольственное контрдвижение, поскольку у внутренних покупателей появляется возможность приобретать больше продуктов питания.

Однако нам известно, сколь незначительными были меры, предпринятые правительством Великобритании, чтобы облегчить положение нищих и голодающих ирландцев во время голода. В пределах Британской империи голод случался не единожды, но Ирландия отличалась от прочих колоний тем, что являлась частью Британских островов. И здесь в силу вступила *культурная отчужденность* — фактор, противоположный сугубо политический асимметрии (хотя в широком смысле культурное отчуждение также носит политический характер).

Здесь важно не упустить тот факт, что к 1840-м годам, когда начался ирландский голод, в Британии (в отношении самих британцев) существовала неплохо отлаженная система облегчения участи бедноты. В Англии тоже имелись бедняки, и, более того, английские рабочие далеко не благоденствовали (в 1845 году, когда начался ирландский голод, был опубликован классический труд Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» — свидетельство о бедности и экономической нищете рабочих). Тем не менее правительство полагало своим долгом предотвращать явное голодание внутри Англии, но это чувство долга не распространялось на всю империю — и даже на Ирландию. А «Закон о бедных», регулирующий вопросы помощи неимущим, предоставлял английским беднякам значительно больше прав, чем ирландским, получившим более анемичный вариант этого закона.

Как заметил Джоэль Мокир, «в Британии Ирландию считали чуждой и даже враждебной страной»²³. Эта отчужденность оказала влияние на многие аспекты ирландско-британских отношений. Прежде всего, по мнению Мокира, отчужденность препятствовала британским инвестициям. Но в данном контексте более существенно то обстоятельство, что к голоду и страданиям ирландцев внутри Англии складывалось довольно индифферентное отношение и Лондон не был склонен к решительным мерам по предотвращению нищеты и голода в Ирландии. Ричард Нед Либоу утверждал, что если бедность в Британии считалась большей частью следствием экономических перемен и колебаний, то бедность в Ирландии рассматривалась как следствие лени, безразличия и непрофессионализма, потому под «миссией Британии» понималось не «облегчение участи ирландцев», а стремление цивилизовать этот народ и научить их чувствовать и действовать, как подобает разумному человеку»²⁴. Суждение, возможно, несколько пристрастное, но оно объясняет, почему в Британии не мог случиться голод, подобный ирландскому 1840-х годов.

Изучая подоплеку социальных и культурных влияний, формирующих государственную политику и в данном случае допускающих голод, важно учитывать чувство разобщенности и превосходства, характерное для британцев по отношению к ирландцам. Культурные корни ирландского голода прослеживаются, например, в «Королеве фей» Эдмунда Спенсера (поэме, опубликованной в 1590 году) и даже в более ранний период. Тенденция винить жертв в их же бедах (преобладающая в «Королеве фей») сохранялась до 1840-х годов, а пристрастие ирландцев к картофелю только увеличило

список несчастий, которые туземцы, по мнению англичан, навлекли на себя сами.

Убежденность в культурном превосходстве отлично сочетается с асимметрией политической власти²⁶. Знаменитая ремарка Уинстона Черчилля в связи с бенгальским голодом 1943 года, ставшим последним голодом в Британской Индии (и последним в Индии вообще), насчет склонности туземцев «плодиться как кролики», принадлежит к общей традиции винить во всем колониальных подданных; эта «острота» идеально дополняет другое высказывание Черчилля о том, что индийцы «самый свинский народ в мире, после немцев»²⁸. Ну как тут не посочувствовать Уинстону Черчиллю, подвергнувшемуся атаке с двух сторон: «свиньи-немцы» грозили сбросить его правительство, а «свиньи-индийцы» требовали достойного правления.

Чарльз Эдвард Тревельян, возглавлявший казначейство во время ирландского голода, не видел ничего дурного в британской экономической политике в Ирландии (которую он осуществлял) и отчасти объяснял голод привычками ирландцев. Главной среди дурных привычек считалась склонность ирландских бедняков употреблять в пищу исключительно картофель, что ставило их в зависимость от урожая. Мало того, понимание Тревельяном причин ирландского голода позволило ему увязать голод с ирландской кухней: «Среди крестьянок на западе Ирландии вряд ли найдется хоть одна, чье кулинарное искусство выходит за пределы умения варить картошку»²⁷. Это замечание любопытно не только тем, что англичанину редко подворачивается случай покритиковать кулинарное искусство других народов. Скорее, жесткое неодобрение скудной диеты ирландских бедняков отлично иллюстрирует тенденцию винить жертвы в их же бедах. Согласно такому мнению, жертвы сами напросились на катастрофу вопреки мощным усилиям лондонской администрации ее предотвратить.

Культурная отчужденность накладывается на недостаток политических стимулов (о которых мы говорили в главе 6), чем и объясняется бездействие британцев во время ирландского голода. На самом деле голод настолько легко предотвратить, что нельзя не удивляться тому, что он до сих пор случается²⁸. Ощущение пропасти между правителями и управляемыми — между «мы» и «они» — является характернейшей чертой голода. В современных Эфиопии, Сомали и Судане эта пропасть столь же ощутима, как и в Ирландии, и в Индии периода иностранного правления.

Производство, диверсификация и рост

Вернемся к экономическим программам предотвращения голода. Достаточно сильная и энергично развивающаяся экономика лучше справляется с этой задачей. Экономический рост, как правило, снижает необходимость в защите экономических правомочий населения, а также увеличивает ресурсы для обеспечения такой защиты. Эта тенденция очевидно важна для стран южнее Сахары, где недостаточность общего экономического роста является главным источником экономических лишений. Вероятность голода много выше, когда население в массе своей обнищало и общественные фонды накапливаются с трудом.

Нельзя не обратить внимание на необходимость стимулов, порождающих рост производства и доходов — включая, *inter alia*, рост производства продовольствия. Речь идет не только о создании разумных ценовых стимулов, но также о мерах по поощрению технического прогресса, формированию профессиональных навыков и повышению производительности труда — как в сельском хозяйстве, так и в других областях²⁹.

Хотя рост производства продовольствия имеет важное значение, основным вопросом является общий экономический рост, поскольку продукты питания покупаются на мировом рынке. Страна может закупать продовольствие за рубежом, если у нее на т.е. средства (полученные, скажем, от промышленного производства). Например, если сравнить производство продовольствия на душу населения в 1993–1995 годах с таковым в 1979–1981 годах в различных странах Азии и Африки, то обнаруживается его *спад* на 1,7% в Южной Корее, 12,4% в Японии, 33,5% в Ботсване и 58,0% в Сингапуре. Однако недоедание в этих странах не увеличивается, ибо там быстро растет реальный доход на душу населения, полученный иными средствами (такими, как промышленное производство и горнодобыча), и эти страны в целом богаче многих других. Распределение возросшего дохода позволило гражданам этих стран приобретать больше продуктов питания, чем прежде, несмотря на сокращающееся производство продовольствия. И напротив, хотя какой-либо спад в производстве продовольствия отсутствует или является небольшим в таких странах, как Судан (*увеличение* на 7,7%) или Буркина-Фасо (*увеличение* на 29,4%), недоедание в них распространяется все шире вследствие всеобщей бедности и уязвимости экономических правомочий многих основных групп населения. Существенно важно сфокусировать внимание на реальных

процессах, посредством которых человек или семья приобретает продукты питания.

Часто — и справедливо — указывают на то, что до недавнего времени производство продовольствия на душу населения в странах к югу от Сахары падало. Этот реальный факт является, очевидно, серьезной проблемой, которая затрагивает многие аспекты государственной политики — от научных исследований в области сельского хозяйства до ограничения рождаемости. Но, как мы уже отмечали, факт сокращения производства продовольствия характерен для многих стран мира³⁰. И эти страны не испытывают голода по двум причинам: (1) они достигли относительно высоких темпов роста в других сферах производства и (2) зависимость от производства продовольствия как источника дохода много ниже в этих странах, чем в любом государстве к югу от Сахары.

Соблазн считать выращивание все большего количества продуктов питания единственным способом решения продовольственной проблемы еще силен, а иногда такая тенденция даже себя оправдывает. Но общая картина с учетом альтернативных экономических мер и возможностей международной торговли представляется более сложной. Что касается низких темпов роста, то главная особенность проблем, стоящих перед странами, расположенными южнее Сахары, заключается не столько в недостаточном росте производства продовольствия, сколько в недостаточно высоких темпах экономического роста *в целом* (производство продовольствия является лишь частью общей проблемы). При наличии климатической нестабильности, с одной стороны, и возможности расширения производственной активности в иных сферах — с другой, странам Африки, расположенным южнее Сахары, настоятельно требуется более диверсифицированная структура производства. Нередко проповедуемая стратегия исключительной направленности на развитие сельского хозяйства — и, в частности, на увеличение урожая зерновых — напоминает стратегию складывания яиц в одну корзину, а пагубные последствия такой политики бывают весьма велики.

Разумеется, вряд ли можно в короткий срок радикально снизить зависимость стран Африки южнее Сахары от производства продовольствия как источника дохода. Но некоторая диверсификация производства может быть предпринята прямо сейчас, а снижение сверхзависимости от урожая нескольких зерновых способно повысить надежность доходов. В долгосрочной перспективе этим странам для того, чтобы присоединиться к процессу экономической

экспансии, охватившему значительную часть остального мира, придется энергично искать и находить источники дохода вне рамок роста производства продовольствия и даже за пределами сельского хозяйства.

Занятость как средство и проблема активной деятельности

Когда возможности для международной торговли отсутствуют, способ распределения совокупных запасов продовольствия между различными группами внутри страны зачастую имеет решающее значение. Голод можно предотвратить воссозданием доходов, утраченных потенциальными жертвами (например, посредством создания временных рабочих мест в рамках специально разработанных общественных программ), предоставив последним возможность конкурировать за продукты питания на рынке, в результате чего имеющиеся запасы распределятся более равномерно. В большинстве случаев голода более равномерное распределение продуктов питания могло бы предотвратить катастрофу (хотя увеличение запасов продовольствия, очевидно, еще более облегчило бы ситуацию). Предотвращение голода посредством создания мест занятости наряду с увеличением запасов продовольствия или без оно наблюдалось во многих странах, включая Индию, Ботсвану и Зимбабве³¹.

Создание рабочих мест, кроме всего прочего, способствует оживлению мелкого предпринимательства и торговли и не разрушает экономическую, социальную и семейную жизнь. Люди, которым оказывают такого рода помощь, обычно остаются дома и не отрываются от своей экономической деятельности (например, фермерства), потому их экономические операции не прерываются. Семейная жизнь также продолжается привычным образом, в отличие от той ситуации, когда голодающих собирают в специальные лагеря. Социальные связи не нарушаются, и, что существенно, снижается риск распространения инфекционных заболеваний, которые нередко вспыхивают в переполненных лагерях. Облегчение участи людей посредством занятости позволяет также потенциальным жертвам голода ощущать себя активными деятелями, а не пассивными потребителями правительственной помощи³².

Отметим еще один важный аспект (в соответствии с нашим теоретическим методом, которому посвящена эта книга) — интегрированное использование различных социальных институтов в целях предотвращения голода. В этом случае государственная

политика опирается на весьма различные институциональные структуры, а именно:

- 1) *государственную поддержку* в создании доходов и рабочих мест;
- 2) функционирование *частных рынков* продуктов питания и рынков труда;
- 3) нормальную *торговлю и бизнес*.

Объединенная деятельность различных социальных институтов — как рынка, так и нерыночных организаций — имеет важное значение для осуществления адекватно широкого подхода к предотвращению голода и, по сути, к экономическому развитию в целом.

Демократия и предотвращение голода

Ранее мы уже говорили о роли демократии в предотвращении голода. Речь шла, в частности, о политических стимулах, возникающих в условиях демократических выборов, многопартийной системы и журналистских расследований. То, что при действующей многопартийной демократии никогда не случалось голода, — абсолютно достоверный факт.

Можно ли назвать данный исторический факт каузальным либо это просто дело случая? Вероятность того, что связь между демократическими политическими правами и отсутствием голода является «фальшивой корреляцией», может показаться весьма высокой, если учесть, что демократические страны, как правило, довольно богаты, следовательно, застрахованы от голода иными обстоятельствами. Но отсутствие голода характерно также и для бедных демократических стран, таких как Индия, Ботсвана или Зимбабве.

На самом деле в бедных демократических странах иногда случается более серьезное сокращение производства и запасов продовольствия, наряду с более резким снижением покупательной способности значительных групп населения, чем в некоторых недемократических странах. Но если в условиях диктатуры вспыхивает массовый голод, то демократические правительства умудряются избежать этой напасти, невзирая на худшую ситуацию с продовольствием. Например, в период между 1979–1981 и 1983–1984 годами спад производства продовольствия в Ботсване составил 17%, а в Зимбабве даже 38%, в то время как спад производства продуктов питания в Эфиопии и Судане оставался на относительно скромном уровне — 11–12%. Но если в Судане и Эфиопии при сравнительно

небольшом сокращении производства продовольствия наступил массовый голод, в Ботсване и Зимбабве ничего подобного не произошло, и в основном благодаря своевременным и развернутым превентивным мерам, предпринятым в этих двух странах³³.

Не сумей правительства Ботсваны и Зимбабве предпринять своевременные действия, они подверглись бы суровой критике и давлению со стороны оппозиции и попали бы под шквальный огонь прессы. Напротив, правительствам Эфиопии и Судана не было нужды считаться с подобными перспективами, а политические стимулы, порождаемые демократическими институтами, в этих странах напроочь отсутствовали. Голод в Судане и Эфиопии — и во многих странах к югу от Сахары — поддерживал политический иммунитет, которым пользовались правительственные и авторитарные лидеры этих стран. То же самое, очевидно, относится к нынешней ситуации в Северной Корее.

На самом деле голод очень легко предотвратить путем воссоздания утраченной покупательной способности наиболее пострадавших групп населения с помощью разнообразных программ, включая — как уже было сказано — создание рабочих мест в рамках краткосрочных общественных проектов. После принятия независимости в Индии не раз случался весьма серьезный спад в производстве продовольствия и происходило сокращение его запасов наряду с гигантским падением платежеспособности больших групп населения, и тем не менее голод всегда удавалось предотвратить посредством предоставления потенциальным жертвам голода «правомочий» на продукты питания, которые они могли приобретать на доходы, заработанные на основе программ занятости и другими способами. Ясно, что увеличение поставок продуктов питания в пораженный голодом регион помогает побороть голод только в том случае, если потенциальные жертвы голода обладают экономической способностью покупать продукты, и поэтому предоставление возможности заработать тем, кто лишился доходов вовсе (либо большей их части), имеет решающее значение. Но даже в отсутствие какого-либо продовольственного импорта в бедствующий регион создание рабочих мест для неимущих само по себе способствует улучшению ситуации по причине более равномерного распределения имеющихся в наличии продуктов питания³⁴.

В 1973 году, во время засухи в Махараштре, в Индии, производство продовольствия упало столь значительно, что количество продовольствия на душу населения составило половину от того же

показателя в странах к югу от Сахары. И тем не менее голода в Махараштре не было (пять миллионов человек получили работу в оперативно организованных общественных проектах), в то время как южнее Сахары наступил сильный голод³⁶. Кроме весьма несхожего опыта различных стран по предотвращению голода — опыта, убедительно демонстрирующего защитную роль демократии, — имеются и любопытные повременные данные, относящиеся к этапу *перехода* к демократии. Например, голод в различных регионах Индии случался вплоть до принятия независимости в 1947 году. Последний голод — один из самых массовых — охватил Бенгалию весной и летом 1943 года (чему автор, в ту пору девятилетний мальчик, был свидетелем); по разным оценкам, тогда умерло от двух до трех миллионов человек. Со времен обретения независимости и введения многопартийной демократической системы, серьезного голода не наблюдалось ни разу, даже несмотря на то, что неурожайные годы и массовые потери покупательной способности имели место достаточно часто (например, в 1968, 1973, 1979 и 1987 годах).

Стимулы, информация и предотвращение голода

Нетрудно обнаружить каузальную связь между демократией и искоренением голода. Голод убивает миллионы людей в разных странах, но не трогает правителей. Короли и президенты, бюрократы и боссы, различные военачальники никогда не становятся жертвами голода. И даже если нет выборов, нет оппозиционных партий, нет неподцензурной общественной критики, то стоящим у власти не грозят политические последствия голода. Напротив, демократия в случае голода накажет и правящие группировки, и политических лидеров. В результате у последних возникает политический стимул *пытаться* предотвратить угрозу голода, а поскольку предотвратить его на самом деле просто (экономические аргументы в этой ситуации превращаются в политические), надвигающийся голод решительно предотвращается.

Вторая проблема касается *информации*. Свободная пресса и демократическая практика способствуют обнародованию информации, которая оказывает огромное влияние на выработку стратегий по предотвращению голода (например, информация о первых признаках засухи или наводнения, о характере и тенденциях безработицы). Самым элементарным источником информации об угрозе голода в отдаленных районах являются частные СМИ, особенно когда существуют стимулы — обеспечиваемые демократической

системой — выявлять факты, неприятные для правительства (факты, сообщения о которых авторитарный режим обычно подвергает цензуре). Можно утверждать, что свободная пресса и активная политическая оппозиция образуют наилучшую систему сигнализации в стране, которой угрожает голод.

Связь между политическими правами и экономическими потребностями можно проиллюстрировать на особом примере массового голода в Китае в 1958–1961 годах. Даже до начала нынешних экономических реформ Китай во многих существенных отношениях был более успешен в плане экономического развития, чем Индия. Например, средняя продолжительность жизни в Китае увеличивалась намного быстрее, чем в Индии, и задолго до реформ, начавшихся в 1979 году, достигла тех высоких показателей, которые приводятся и сегодня (почти семьдесят лет). Тем не менее Китаю катастрофическим образом не удалось предотвратить голод. Голод в Китае 1958–1961 годов убил, по современным оценкам, почти тридцать миллионов человек — в десять раз больше, чем гигантский голод в Британской Индии в 1943 года³⁶.

Так называемый «Большой скачок», предпринятый в конце 1950-х годов, с треском провалился, но китайское правительство отказалось признать неудачу и продолжало следовать тем же ведущим к катастрофе политическим курсом еще три года. Трудно представить, что нечто подобное могло произойти в стране, которая регулярно отправляется к избирательным урнам и имеет независимую прессу. Во время того чудовищного бедствия правительство не подвергалось давлению ни журналистов — все они контролировались государством — ни оппозиционных партий, которых попросту не было.

Отсутствие свободной системы распространения новостей стало причиной заблуждений и самого правительства, довольствовавшегося собственной пропагандой и приукрашенными отчетами местных партийных начальников, рвавшихся заслужить похвалу у Пекина. Более того, согласно некоторым свидетельствам, в то время, когда голод подходил к своему пику, китайские власти ошибочно считали, что располагают запасами зерна на 100 миллионов метрических тонн больше, чем на самом деле³⁷.

Любопытно, что председатель Мао, чьи радикальные упования и верования немало способствовали инициации и настойчивому претворению в жизнь «Большого скачка», понял, в чем состоит информационная роль демократии, когда поражение в борьбе

с голодом было с запозданием признано. В 1962 году, сразу после того как голод убил столько миллионов людей, Мао на собрании семи тысяч кадровых работников сделал следующее заявление:

Без демократии вы не поймете, что происходит внизу, на местах; ситуация останется неясной; вы не сможете выслушать достаточно мнений разных сторон; не установится тесное общение между верхом и низом; высшие руководящие органы в решении вопросов будут зависеть от односторонних и ошибочных данных, и потому им будет трудно избежать субъективности; достижение единства понимания и единства действий станет невозможным, и тогда невозможным станет и достижение подлинного централизма³⁸.

Защита демократии со стороны Мао достаточно ограничена. Его заботит исключительно информационный аспект, при этом роль стимулов, а также сущностное и образующее значение демократии он игнорирует³⁹. Тем не менее крайне интересен сам факт признания председателем Мао степени катастрофичности официальной политики, проводимой в условиях разорванных информационных связей. Связей, которые создает более демократическая система во избежание бедствий вроде тех, что пережил Китай.

Защитная роль демократии

Информационные проблемы остаются актуальными и по сию пору — даже в нынешнем, экономически успешном Китае. С 1979 года, года начала реформ, официальный Китай не раз заявлял о важности *экономических* стимулов, однако роль *политических* стимулов им по-прежнему не признается. Когда дела идут хорошо, о защитной роли демократии обычно не вспоминают, но при совершении крупных стратегических ошибок пробелы в демократии могут иметь катастрофические последствия. О значении демократических движений в современном Китае следует судить именно с таких позиций.

Другой пример для иллюстрации наших тезисов можно почерпнуть из ситуации, сложившейся в странах Африки южнее Сахары, терзаемых голодом с начала 1970-х годов. Имеется немало факторов возникновения голода в этом регионе: начиная с экологической проблемы ухудшения климата — усиливающей нестабильность

урожаев — и заканчивая крайне негативными последствиями постоянных войн и смут. Но, как правило, авторитарная природа власти имеет в данных странах непосредственное отношение к причинам часто возникающего голода⁴⁰.

Все националистические движения носили решительно антиколониальный характер, но не все были последовательно продемократическими, и лишь в недавнее время утверждение ценности демократии приобрело некоторый политический вес во многих странах к югу от Сахары. Политической среде этих стран мировая холодная война не пошла на пользу. Соединенные Штаты и Запад с готовностью поддерживали недемократические правительства, если они были в достаточной степени антикоммунистическими, а Советский Союз и Китай помогали правительствам, исповедовавшим схожие политические взгляды, не обращая внимания на антиэгалитарную внутреннюю политику этих правительств. Посему, когда запрещались оппозиционные партии и закрывались газеты, международного протеста практически не возникало.

Нельзя отрицать, что в Африке существовали правительства, серьезно настроенные на предотвращение катастроф и голода, начиная с крошечной Кабо-Верде и заканчивая склонной к политическим экспериментам Танзанией. Но куда чаще отсутствие оппозиции и подавление свободной прессы обеспечивали правительство иммунитетом против критики, проявлявшимся в исключительной глухоте и жесткости власти. Голод воспринимали как нечто само собой разумеющееся, и обычно в его возникновении винили природные условия и происки соседних государств. Во многих отношениях Судан, Сомали, Эфиопия, некоторые страны Сахеля и прочие африканские страны могут служить вопиющим примером того, как плохи могут быть дела в отсутствии дисциплинирующего влияния оппозиционных партий и средств массовой информации.

Вышесказанным мы не отрицаем, что голод в этих странах часто сопровождался неурожаем. Неурожай пагубно сказывается не только на запасах продовольствия, он также лишает работы и средств к существованию многих и многих людей. Но случаи неурожая не полностью независимы от государственной политики (например, от правительственной фиксации относительных цен или от стратегий, касающихся ирригации и сельскохозяйственных исследований). Кроме того, даже во время неурожая можно избежать голода посредством взвешенной перераспределительной стратегии

(включая и создание рабочих мест). Как говорилось выше, демократические страны, такие как Ботсвана, Индия или Зимбабве, не знали неудач в предотвращении голода, несмотря на резкое снижение производства продовольствия и экономических правомочий больших групп населения, в то время как недемократическим странам часто не удавалось избежать голода вопреки более благоприятной ситуации с продовольствием. У нас имеется достаточно оснований сделать вывод: демократия способна сыграть весьма положительную роль в предотвращении голода в современном мире.

Прозрачность, безопасность и азиатский экономический кризис

Превентивная роль демократии наилучшим образом отвечает потребности в том, что мы, перечисляя различные типы инструментальных свобод, назвали «социальной защитой». Демократический тип правления, включающий многопартийные выборы и свободные СМИ, способствует образованию структур, обеспечивающих элементарное поддержание безопасности. Голод — лишь один из примеров приложения защитных свойств демократии. Политические и гражданские права играют позитивную роль в предотвращении экономических и социальных бедствий в целом.

Когда дела идут по накатанной дорожке, об инструментальной роли демократии обычно не вспоминают. Но ее начинают резко не хватать, когда по тем или иным причинам происходит кризис. И тогда политические стимулы, порождаемые демократическим правлением, приобретают немалое практическое значение. Из такого положения вещей можно извлечь несколько политических и экономических уроков. Многие экономисты-«технократы» рекомендуют использовать экономические стимулы (порождаемые рыночной системой), игнорируя при этом политические стимулы (которые способна гарантировать демократическая система). Но экономические стимулы, сколь бы важными они ни были, не заменяют политических стимулов, а отсутствие адекватной системы последних образует пробел, который не заполнить никаким экономическим стимулированием.

Вопрос этот весьма важен, ибо угроза общественной безопасности, возникающая либо вследствие перемен в экономических или иных областях, либо в результате неотслеженных стратегических ошибок, нередко витает над, казалось бы, здоровой экономической ситуацией. Недавние трудности Восточной и Юго-

Восточной Азии продемонстрировали, кроме всего прочего, серьезные просчеты недемократического правления. Эти просчеты касаются двух важнейших аспектов, а именно речь идет о пренебрежении двумя инструментальными свободами, упомянутыми ранее, т.е. «социальной защитой» (о которой мы ведем сейчас речь) и «гарантиями прозрачности» (необходимыми для обеспечения безопасности и формирования стимулов экономической и политической деятельности).

Прежде всего, развитие финансового кризиса в некоторых из вышеупомянутых стран было тесно связано с недостатком прозрачности в бизнесе, в частности с недостатком общественного надзора за финансовыми и деловыми структурами. В результате в этих странах отсутствовал эффективный демократический форум. Возможность, обеспечиваемая демократическими процессами, бросить вызов власти избранных семей и группировок могла бы в значительной степени изменить ход дела.

Жесткая финансовая реформа, которую Международный валютный фонд настоятельно рекомендовал странам, в которых произошел дефолт, была в значительной степени обусловлена недостатком открытости и отчетности, а также нечистоплотными деловыми связями, характерными для некоторых сфер экономики этих стран. Таковые признаки имеют прямое отношение к системе непрозрачных коммерческих структур. Когда человек кладет свои деньги в банк, он наверняка надеется, что они будут использованы, как и деньги других вкладчиков, без ненужного риска, и отчет об их использовании будет предоставлен по первому требованию. Доверие вкладчиков часто обманывали, и такую ситуацию следует, конечно, в корне менять. Мы сейчас ведем речь не о том, правильные ли меры предпринял МВФ по ликвидации кризиса, и не о том, следовало ли отложить реформу до того времени, когда финансовое доверие к этим странам восстановится в достаточной мере⁴¹. Независимо от методов исправления ошибок, роль прозрачности как разновидности свободы — точнее, ее отсутствие — в развитии азиатского кризиса несомненна.

Неоправданные риски и инвестиции можно было бы подвергнуть критическому разбору, если бы демократическая оппозиция, скажем, в Индонезии или Южной Корее, имела возможность выставить такое требование. Но ни одна из этих стран не обладает демократической системой, которая считалась бы с подобными требованиями, когда они исходят не от правительства. Безоговорочная

правота власти легко преобразуется в покорное приятие неподотчетности и непрозрачности, которые зачастую усилены крепкими семейными связями между правителями и финансовыми боссами. В чрезвычайной ситуации экономического кризиса антидемократический характер правления играет важную роль.

Во-вторых, стоило в результате финансового кризиса произойти общему экономическому спаду, как защитная роль демократии — во многом схожая с той, что предотвращает голод в демократических странах, — перешла в категорию необходимейших вещей. Лишившимся накоплений людям не предоставляли права голоса, в котором они нуждались⁴². Сокращение валового национального продукта даже на десять процентов может показаться не слишком большим, если в предыдущие десятилетия ежегодный экономический рост составлял от 5% до 10%. И тем не менее такой спад способен разорить и ввергнуть в нищету миллионы людей, если тяжкие последствия спада не касаются всех поголовно, а взваливаются на тех — безработных либо лишившихся средств к существованию по причине кризиса, — кто в наименьшей мере способен с ними справиться. Уязвимые слои населения в Индонезии обходились без демократии, пока дела шли в гору, но ее отсутствие привело к тому, что во время бедствия голосов и протестов обнищавших людей против неравного распределения бремени кризиса никто в стране не услышал. Защитной роли демократии не хватает более всего тогда, когда в ней острее всего нуждаются.

В заключение

Целью развития является как *искоренение* постоянных лишений, так и *предотвращение* внезапного и резкого обнищания. Однако задачи институтов и стратегий, служащих этим двум целям, могут быть различными и даже несхожими друг с другом. Успех в одной сфере деятельности не гарантирует успеха в другой. Сравним, например, опыт Китая и Индии за последние полвека. Ясно, что Китай добился больших успехов, чем Индия, в увеличении продолжительности жизни и снижении смертности. Более того, это наиболее яркое достижение Китая относится ко времени, предшествовавшему началу реформ 1979 года (прогресс в увеличении продолжительности жизни замедлился в пореформенный период по сравнению с до-реформенными годами). Хотя Индия более неоднородная страна, чем Китай, и в некоторых районах Индии (например, в штате Керала) продолжительность жизни росла быстрее, чем в Китае, тем не

менее сравнение общего роста продолжительности жизни несомненно свидетельствует в пользу Китая. Однако в Китае (о чем мы говорили выше) случился самый масштабный голод в истории человечества, когда в 1958–1961 годах тридцать миллионов погибли вследствие провала политики «Большого скачка». Напротив, в Индии не было голода со времен принятия независимости. Очевидно, наука о предотвращении голода и прочих жестоких кризисов отличается от методов повышения продолжительности жизни и других подобных стратегий.

Неравенство играет важную роль в возникновении голода и других серьезных кризисов. Отсутствие демократии само по себе является неравенством — в данном случае в политических правах и обладании властью. Действительно, голод и другие кризисы как раз и развиваются на почве резкого и порою внезапного усиления неравенства. Это подтверждается тем фактом, что голод может наступить даже без значительного — или вообще какого-либо — снижения общих запасов продовольствия, но по той причине, что некоторые группы населения внезапно ощущают на себе несостоятельность рынка (например, вследствие вспышки массовой безработицы), и голод становится следствием образовавшейся разнovidности неравенства⁴³.

Похожие вопросы возникают при анализе специфики экономических кризисов, таких как недавние кризисы в Восточной и Юго-Восточной Азии. Рассмотрим, например, кризисы в Индонезии, Таиланде и предшествовавший им кризис в Южной Корее. Можно усомниться в том, действительно ли сокращение валового национального продукта приблизительно на 5–10% в течение одного года столь катастрофично для страны, где ежегодный прирост экономики составлял от 5% до 10% на протяжении десятилетий. В самом деле, на совокупном уровне положение дел по сути своей катастрофичным не назовешь. Однако если этот спад в 5–10% не распределяется равномерно на все население и если бремя кризиса возлагается на беднейшую часть населения, то последняя группа может остаться почти без всяких доходов (невзирая на общий высокий экономический рост в прошлом). Экономические кризисы, подобные голоду, подпитываются известной ситуацией, когда неудачники плачут. Отчасти по этой причине «социальная защита» в виде системы социального обеспечения является столь важной инструментальной свободой (как было сказано в главе 2), а политические свободы в форме участия в политической жизни наряду с гражданскими

правами и личными свободами приобретают главенствующее значение для сохранения и развития экономических прав и выживания (как уже говорилось в главе 6 и выше в этой главе).

Проблема неравенства существенна также и в контексте постоянной бедности. Но и здесь характер — и каузальные влияния — неравенства в условиях постоянных лишений несколько отличаются от внезапного обнищания. Например, нельзя не признать и не оценить по достоинству тот факт, что в Южной Корее доходы в период экономического роста распределялись относительно эгалитаристскими методами⁴⁴. Однако данное обстоятельство не стало гарантией справедливого отношения ко всем слоям населения во время кризиса по причине отсутствия демократической политики. В частности, не возникло какой-либо регулярно действующей структуры социальной защиты либо системы «компенсаторной защиты» быстрого реагирования. Появление новой формы неравенства и отсутствие борьбы с обнищанием могут вполне сосуществовать с предыдущим опытом «роста для всех» (как порою называли южнокорейский опыт).

Эта глава в основном посвящена проблеме предотвращения голода и других серьезных кризисов. Данная проблема является важной частью концепции развития как свободы, ибо она касается усиления безопасности и защиты граждан. Связь между свободой и безопасностью обладает как образующими, так и инструментальными чертами. Во-первых, защита от голода, эпидемий, а также резких и внезапных лишений сама по себе расширяет возможность жить в безопасности и достатке. Предотвращение катастрофических кризисов является в некотором смысле неотъемлемой составляющей свободы, столь ценимой человеком. Во-вторых, процессу предотвращения голода и прочих кризисов значительно способствует использование инструментальных свобод, таких как возможность открытых дискуссий, общественный надзор, электоральная политика и неподцензурные СМИ. Например, свободная оппозиция в демократической стране способна вынудить любое правительство предпринять своевременные и эффективные шаги по предотвращению голода, но ничего подобного не происходит при недемократической системе — будь то Китай, Камбоджа, Эфиопия или Сомали (в предыдущие годы) или Северная Корея и Судан (в настоящее время). У развития много сторон, и все они требуют дифференцированного анализа и критического осмысления.

Глава 8

Активность женщин и перемены в обществе

В своем классическом труде «В защиту прав женщин», опубликованном в 1792 году, Мэри Уоллстоункрафт сформулировала ряд четких требований в рамках общей программы «защиты», вынесенной в заголовок. Права, которых требовала Уоллстоункрафт, не ограничиваются лишь теми, что имеют прямое отношение к благосостоянию женщин (и экономическими правомочиями, непосредственно работающими на обеспечение такого благосостояния); автор настаивает также на необходимости прав, обеспечивающих свободную деятельность женщин.

Обе эти разновидности прав фигурируют в повестке дня современных женских движений, но, думается, будет справедливым отметить, что проблемы деятельности наконец стали пользоваться большим вниманием, чем раньше, когда упор делался исключительно на благосостояние. До недавних пор задачи, стоявшие перед женскими движениями, заключались в первую очередь в достижении лучшего обращения с женщинами — более «честного» и непредвзятого. Внимание в основном уделялось *благосостоянию* женщин — и такая цель была более чем оправданна. Постепенно, однако, задачи видоизменялись, «вэлферовский» подход расширился, в него была включена получившая особое значение активная *деятельность* женщин. Ныне в глазах как мужчин, так и женщин последние являются не пассивными получателями все более увеличивающихся пособий, а активными участницами перемен: энергичными сторонниками социальных трансформаций, которые способны изменить жизнь *не только* женщин, но и мужчин¹.

Деятельность и благосостояние

Относительный сдвиг в понимании основных целей женских движений порой не очень заметен по причине *частичного совпадения* двух вышеупомянутых разновидностей прав. В своей деятельности женщины не могут сколько-нибудь серьезно игнорировать насущную необходимость устранения многих форм неравенства,

ухудшающих благосостояние женщин и подвергающих их несправедливому обращению; таким образом, активная деятельность женщин всегда подразумевает улучшение благосостояния. Точно так же — если зайти с другого конца — любая практическая попытка в деле укрепления благосостояния женщин не может обойтись без активных действий со стороны самих женщин по обеспечению необходимых изменений. Итак, благосостояние и деятельность, как два различных аспекта женского движения, неизбежно и в значительной мере совпадают. Тем не менее на фундаментальном уровне различие этих аспектов заметно, поскольку роль личности как «активного деятеля» коренным образом отлична (хотя и не независима) от роли той же личности как «пассивного потребителя»². То обстоятельство, что деятельная личность может одновременно воспринимать себя и как пассивного потребителя, не отменяет дополнительных обязанностей и ответственности, неразрывно связанных с любой деятельностью.

В своей «бытийной» ипостаси каждый человек полагает благосостояние важным признаком самореализации, но думать, что этим дело и ограничивается, значит обеднять человеческую природу. Потому признание важности активной деятельности становится ключевым в понимании человека как ответственного индивидуума: мы не только благополучны или несчастны, но мы также действуем или отказываемся действовать, и мы способны выбирать, каким образом нам действовать. Следовательно, мы — женщины и мужчины — должны нести ответственность за сделанное или не-сделанное нами. Вот в чем различие двух вышеупомянутых аспектов, которое необходимо учитывать. Различие по сути своей элементарное, однако оно может стать весьма существенным как для социального анализа, так и для практической деятельности.

Итак, изменения в направленности женских движений представляют собой важное дополнение к прежним целям, но ни в коем случае не отказ от них. Прежняя сосредоточенность на благосостоянии или, точнее, на «бедах» женщин, разумеется, имела смысл. Относительная обделенность женщин была — и остается — характерной чертой мира, в котором мы живем, и, очевидно, серьезной проблемой социальной справедливости, в том числе справедливости по отношению к женщинам. Например, имеется немало данных, свидетельствующих о биологическом «противоречии» (социально генерированном), проявляющемся в «чрезмерной смертности» женщин в Азии и Северной Африке: небывалое множество

женщин «исчезло» — имеется в виду, что они умерли в результате гендерного сдвига в распределении медицинского обслуживания и прочих необходимых благ (подробнее об этом см. в статье автора «Исчезнувшие женщины», опубликованной в «British Medical Journal» в марте 1992 году)³. Данная проблема безусловно важна в плане благосостояния женщин и бытующего отношения к ним как к «не совсем равным». Кроме того, пренебрежение нуждами женщин нередко обусловлено культурными традициями. Потому у женских движений имеются все основания громко заявлять о лишениях, которые терпят женщины, и не снимать вопрос об устранении различных видов неравенства с повестки дня.

Далее, очень важно понимать, что ограничение активной деятельности женщин отрицательно сказывается на жизни *всех* людей — мужчин и женщин, детей и взрослых. Хотя ослаблять внимание, направленное на благосостояние и беды женщин, на страдания и специфические лишения, ни в коем случае нельзя, однако столь же настоятельно необходимо, особенно в современных условиях, внести в повестку дня и вопрос о деятельности женщин.

Вероятно, самым доходчивым аргументом в пользу смещения внимания на *деятельность* женщин станет осознание той роли, которую такая деятельность способна сыграть в устранении неравенства, ухудшающего *благосостояние* женщин. Эмпирические исследования последних лет убедительно показали, насколько серьезно благосостояние женщин зависит от таких переменных, как предоставление женщинам возможности самостоятельно зарабатывать, находить работу вне дома, обладать правами собственности, владеть грамотой и являться информированной участницей процесса принятия решений в семье и за ее пределами. В самом деле, даже разрыв в выживаемости у мужчин и женщин в развивающихся странах резко сократился — и, возможно, скоро исчезнет вообще, — когда в отношении к различным аспектам деятельности женщин произошли прогрессивные перемены⁴.

Эти аспекты (возможность зарабатывать, экономическая роль женщины вне семьи, грамотность и образование, право на собственность и прочее) на первый взгляд могут показаться довольно разнородными и несоизмеримыми. Но все они обладают одним общим свойством: каждый вносит позитивный вклад в усиление голоса женщин и расширение их деятельности посредством обретения независимости и полномочий. Например, работа вне дома и независимый доход очевидным образом влияют на укрепление со-

циальных позиций женщины в семье и обществе. Ее вклад в процветание семьи становится более очевидным, и к ее голосу внимательнее прислушиваются, когда ее зависимость от других уменьшается. Далее, занятость вне дома зачастую имеет полезные «обучающие» последствия; окружающий мир, не ограниченный семьей, учит женщину «уму-разуму», и в результате эффективность ее деятельности повышается. Точно так же на деятельность женщин положительно влияет образование в плане овладения информацией и профессиональными навыками. Владение собственностью также усиливает полномочия женщины в принятии семейных решений.

Таким образом, разнообразные переменные, выявленные экономистами, играют одинаковую роль, укрепляя полномочия женщин. В свою очередь, усиление полномочий женщин — их экономической независимости наряду с социальной эмансипацией — может иметь далеко идущие последствия для тенденций и организующих принципов, регулирующих распределение *внутри* семьи и в обществе в целом, и способно, в частности, повлиять на то, что мы подразумеваем под женскими правомочиями⁵.

Конфликтное сотрудничество

Для того чтобы уяснить суть этого явления, начнем со следующего замечания: женщины и мужчины имеют как *сравнимые*, так и *противоположные* интересы, влияющие на жизнь семьи. Следовательно, процесс принятия решений в семье приобретает форму стремления к сотрудничеству в условиях предварительного согласования — обычно *неявного* — конфликтных аспектов. «Конфликтное» сотрудничество характерно для многих групповых отношений, и анализ этого явления поможет понять, какого рода влияния определяют ту «выгоду», которую получают женщины при распределении семейных благ. Обе стороны «конфликтного» сотрудничества должны остаться в выигрыше, следуя согласованным на уровне подразумевающихся норм моделям поведения. Но существует множество альтернативных видов предварительных соглашений, и некоторые из них более выгодны для одной стороны, чем для другой. Выбор определенной разновидности соглашений из имеющихся альтернатив и определяет способ распределения общих семейных благ⁶.

Конфликты между личными и несоизмеримыми интересами внутри семьи обычно разрешаются посредством согласованных на уровне подразумевающихся норм моделей поведения различной

степени эгалитарности. Сама суть семейной жизни — совместное проживание под одной крышей — требует, чтобы элементы конфликта замалчивались (подчеркивание конфликта рассматривается как признак «рухнувшего» союза), и порою обделенная женщина не в состоянии даже уразуметь степень своей относительной обделенности. Точно так же представления о том, чья работа «продуктивнее» и чей «вклад» в процветание семьи значительнее, подвержены различным влияниям, хотя подразумеваемый метод определения степени «вклада» и «продуктивности» редко обсуждается обстоятельно и вслух.

Представления о правомочиях

Представления об индивидуальном вкладе и соответствующих правомочиях женщин и мужчин играют одну из главных ролей в распределении совместных семейных благ между мужчиной и женщиной⁷. Следовательно, внешние факторы, влияющие на представления о вкладе и соответствующих правомочиях (таких, как возможность самостоятельного заработка для женщины, работа вне дома, получение образования, владение собственностью) имеют решающее значение при семейном распределении. Потому усиление полномочий и независимая деятельность женщин, кроме всего прочего, служат корректировкой разного рода неравенств, по причине которых женщины живут хуже, чем мужчины. Посредством активизации своей деятельности женщины, можно сказать, спасают себе жизнь⁸.

Однако этим последствия женской активности не ограничиваются. Деятельность женщин влияет и на жизнь других — мужчин и детей. Внутри семьи активность женщины сказывается на жизни детей, поскольку, согласно накопленным данным, усиление полномочий женщины в семье значительно снижает детскую смертность. За пределами семьи активная деятельность женщин, подкрепленная образованием и независимым доходом, способна повлиять на характер общественных дискуссий по ряду социальных проблем, включая приемлемый уровень рождаемости (и не только в семьях участниц дискуссий) и экологические приоритеты.

Вопрос *внутрисемейного* распределения продуктов питания, медицинской помощи и прочих благ также весьма важен. Здесь многое зависит от того, как используются экономические средства семьи для удовлетворения интересов ее различных членов: женщин и мужчин, дочерей и сыновей, детей и взрослых, старых и молодых⁹.

Способы раздела благ внутри семьи в немалой степени определяются существующими обычаями, но они также зависят от таких факторов, как экономическая роль и полномочия женщины и система ценностей сообщества в целом¹⁰. В эволюции системы ценностей и обычаев, управляющих внутрисемейным распределением, важное значение приобретает образование женщин, их занятость и права на собственность, и эти «социальные» признаки нередко оказывают решающее влияние на экономическую удачливость (а также благосостояние и свободу) различных членов семьи¹¹.

В свете главной темы нашей книги такого рода влияние достойно более пристального внимания. Как уже говорилось, феномен голода намного легче понять, если взглянуть на него с точки зрения утраты правомочий — резкого ущемления фундаментальной свободы покупать продукты питания. В результате количество продуктов, которое семья способна приобрести и употребить, резко снижается. Если распределительные проблемы внутри семьи становятся весьма серьезными в условиях голода, то в условиях постоянной нужды, являющейся «нормой» для многих сообществ, они являются ключевыми в определении степени недоедания и голодания различных членов семьи. Именно укорененное неравенство в распределении продуктов питания — и (возможно, даже в большей степени) медицинской помощи — наиболее ярко и недвусмысленно высвечивает гендерное неравенство в бедном сообществе с сильным антиженским уклоном.

Такой гендерный сдвиг, очевидно, связан с социальным положением и экономическими полномочиями женщин в целом. Относительное доминирование мужчин обеспечивается рядом факторов, включая то обстоятельство, что мужчина является «добытчиком» и его экономические полномочия уважаются не только обществом, но и членами семьи¹². Но у медали есть и обратная сторона: согласно имеющимся данным, возможность самостоятельно зарабатывать вне дома и использование такой возможности улучшает позиции женщин даже в распределении благ внутри семьи.

Ежедневно женщины тратят много часов на домашнее хозяйство, но, поскольку эта работа не оплачивается, ее зачастую игнорируют при оценке соответствующего вклада мужчин и женщин в общее процветание семьи¹³. Но когда такая же работа делается вне дома и женщина получает за нее плату, ее вклад в семейное процветание становится более наглядным. Ее мнение также начинают больше ценить, поскольку она стала менее зависимой от других. Кроме того, как выяснилось, повышение статуса женщин влияет на

представления о том, что «положено» ребенку женского пола. Таким образом, поиски занятости и работы вне дома способствуют снижению относительной — и абсолютной — обделенности женщин. Свобода в одной области (в виде возможности работать вне дома) очевидно укрепляет свободу в иных областях (усиливая свободу от голода, болезней и относительной ущемленности).

Имеется также немало данных, свидетельствующих о том, что уровень рождаемости обнаруживает тенденцию снижаться с возрастанием экономических полномочий женщин. Это неудивительно, ибо частое вынашивание и вскармливание детей наиболее отрицательно сказывается на жизни молодых женщин, и любой способ повысить статус молодых женщин в семье и внимание к их интересам приводит в итоге к предотвращению слишком частых беременностей. Например, из сравнительного исследования трехсот районов Индии явствует, что образование и занятость женщин оказывают наиболее сильное влияние на снижение уровня рождаемости¹⁴. Факторы, способствующие эмансипации женщин (в том числе грамотность и занятость), оказывают наибольшее влияние на уровень рождаемости. Мы вернемся к этому вопросу в связи с характером и насущностью «проблемы народонаселения». Проблема перенаселенности, отрицательно сказывающаяся на окружающей среде, в результате чего страдают и мужчины, и женщины, тесно связана, в частности, со свободой женщины от постоянного вынашивания и вскармливания детей, что значительно облегчает жизнь молодых женщин во многих развивающихся странах.

Детская выживаемость и активность женщин

Согласно существующим данным, образованность и грамотность женщин способствуют снижению детской смертности. Эта взаимосвязь многоканальна, но, вероятно, самое прямое влияние оказывает то обстоятельство, что матери обычно придают важное значение благосостоянию своих детей; к тому же когда деятельность матерей становится полномочной и уважаемой, у них появляются возможности воздействовать на принятие решений в отношении рождаемости. Похожим образом полномочия женщин оказывают существенное влияние на выравнивание наблюдаемого во многих странах гендерного сдвига в выживаемости (особенно выживаемости девочек).

В странах с укорененным гендерным неравенством — Индии, Пакистане, Бангладеш, Китае, Иране, странах Западной Азии,

Северной Африки и других — уровень младенческой и детской смертности среди девочек зачастую много выше, чем в Европе, Америке или странах Африки южнее Сахары, где с выживаемостью девочек дела обстоят значительно лучше. В Индии уровни женской и мужской смертности в возрастной группе от 0 до 4 лет в настоящее время почти сравнялись, если брать в среднем по стране, но имеется серьезная диспропорция в пользу мужчин в регионах, где гендерное неравенство особенно заметно, например во многих штатах Северной Индии¹⁵.

Одно из наиболее интересных исследований данной проблемы, ставшее значительным вкладом в область статистики (авторы: Мамта Мэрти, Анн-Катрин Гийо и Жан Дрез), основано на данных, собранных в 296 районах Индии во время переписи населения в 1981 году¹⁶. В последующих работах, которые базировались на данных, относящихся к более позднему периоду, в частности к переписи 1991 года, Мамта Мэрти и Жан Дрез пришли в основном к тем же выводам, что и в 1981 году¹⁷.

Целью этих межрайонных сравнительных исследований является изучение ряда различных — но взаимосвязанных — каузальных связей. В перечень исследуемых переменных входят уровень рождаемости, детская смертность, а также смещение в сторону смертности среди девочек (отражающийся в *соотношении* женской и мужской смертности в возрастной группе от 0 до 4 лет). Эти переменные увязаны с рядом других переменных, обладающих пояснительным потенциалом, таких как уровень грамотности среди женщин, присутствие женщин на рынке рабочей силы, распространенность бедности (и уровень доходов), степень урбанизации, доступность медицинских услуг и пропорциональная численность социальных групп с заниженными привилегиями (каста неприкасаемых и племена неприкасаемых)¹⁸.

Каким же образом переменные, наиболее тесно связанные с деятельностью женщин, — в данном случае присутствие женщин на рынке рабочей силы, образованность и грамотность — влияют на детскую выживаемость и смертность? Естественно ожидать, что в отношении женской грамотности и образования зависимость будет безусловно положительной. Что и подтвердилось (подробнее на эту тему ниже).

Однако в отношении присутствия женщин на рынке труда социальный и экономический анализ выявил факторы, действующие разнонаправленно. Во-первых, доходные занятия оказывают

во многом положительное влияние на деятельность женщин, что, кроме всего прочего, выражается в осознании важности хорошего ухода за детьми и появлении возможности сделать таковой уход более приоритетным в ряду семейных ценностей. Во-вторых, поскольку мужчины обычно демонстрируют большую неохоту делить домашние обязанности, возросшее желание женщины улучшить уход за детьми, оказывается, нелегко претворить в жизнь в условиях, когда на женщине лежит «двойное бремя» домашней работы и занятости вне дома. Потому последствия могут быть различными. В работе Мэрти и др. анализ данных, собранных в различных районах Индии, не обнаруживает какой-либо статистически значимой и явной зависимости между женской занятостью вне дома и выживаемостью детей¹⁹.

И напротив, грамотность женщин обладает недвусмысленным и статистически значимым снижающим эффектом на смертность в возрастной группе до пяти лет даже без учета грамотности среди мужчин. Данные, собранные во многих странах мира, и особенно сравнительные международные исследования подтверждают вывод о тесной связи между женской грамотностью и детской выживаемостью²⁰. В данном случае эффективность влияния возросших полномочий женщины и ее деятельной роли не снижается «негибким» отношением мужчин к уходу за детьми и домашней работе.

Проблема *гендерного сдвига* в выживании детей (относительно общей детской выживаемости) имеет и еще одну сторону. Выяснилось, что для этой переменной существует такая зависимость: *в совокупности* участие женщин на рынке рабочей силы и женская грамотность оказывают сильное положительное влияние на уменьшение диспропорции в пользу мужчин в отношении детской смертности, и чем выше уровень грамотности женщин и их присутствия на рынке рабочей силы, тем ниже относительная смертность среди девочек. Напротив, переменные, связанные с *общим* уровнем развития и модернизации, либо не обладают статистически значимым влиянием, либо наводят на мысль, что модернизация (не сопровождающаяся наделением женщин полномочиями) способна скорее даже *укрепить*, чем снизить гендерный сдвиг в детской выживаемости. К таким переменным относятся, *inter alia*, урбанизация, грамотность среди мужчин, доступность медицинских услуг и уровень бедности (и чем выше уровень бедности, тем *выше* соотношение женщин-мужчин среди бедных). Очевидно, в Индии единственная положительная зависимость между уровнем

развития и снижением гендерного сдвига в детской смертности действует *посредством* переменных, напрямую связанных с деятельностью женщин, — женской грамотностью и их присутствием на рынке рабочей силы.

Далее, нельзя не отметить влияние образования на возрастание активности женщин. Статистический анализ Мэрти, Гийо и Дреза выявил, что в количественном выражении влияние женской грамотности на детскую смертность чрезвычайно высоко. Грамотность оказывает более мощное воздействие на снижение детской смертности, чем другие переменные с той же направленностью. Подсчитано, что при прочих равных значениях переменных рост женской грамотности, допустим, с 22% (точная цифра 1981 года по Индии) до 75% снижает предполагаемую цифру смертности детей обоного пола в возрасте до пяти лет со 156 на тысячу детей данной группы (опять точная цифра по 1981 году) до 110.

Мощное воздействие женской грамотности контрастирует с неэффективностью мужской грамотности и общим повышением уровня жизни как инструментов по снижению детской смертности. Возрастание грамотности среди мужчин в том же диапазоне (от 22% до 75%) снижает детскую смертность лишь со 169 на тысячу детей данной группы до 141. А 50% повышение уровня жизни (от реальной отметки 1981 года) снизило цифру смертности детей в возрасте до пяти лет лишь со 156 до 153.

Мы снова сталкиваемся с тем же явлением: переменные, связанные с активностью женщин (в данном случае — с женской грамотностью), часто играют куда более важную роль в обеспечении общественного благоденствия (в частности, выживаемости детей), чем переменные, связанные с общим уровнем зажиточности в обществе. Практические выводы из этого явления очевидны²¹. На оба ряда вышеозначенных переменных можно влиять посредством общественных действий, но они требуют различных форм общественного вмешательства.

Активность, эмансипация и уровень рождаемости

Активность женщин оказывает значительное влияние и на уровень рождаемости. Неблагоприятные последствия высокой рождаемости для женщин проявляются, кроме всего прочего, в лишении базовых свобод — по причине постоянного вынашивания и вскармливания. Этих свобод по заведенному обычаю лишаются многие азиатские и африканские женщины. Вот почему между *благополучием*

женщин и их деятельностью существует тесная взаимосвязь, которая приводит к переменам в модели рождаемости. И неудивительно, что снижение рождаемости часто становится следствием повышения статуса и полномочий женщин.

Эти взаимосвязи отражены в межрегиональных изменениях общего уровня рождаемости в Индии. Из всех переменных, взятых для исследования, проведенного Мэрти, Гийо и Дрезом, статистически значимый эффект на рождаемость оказывают лишь грамотность среди женщин и их присутствие на рынке рабочей силы. В который раз данное исследование демонстрирует важность активной деятельности женщин, особенно заметной в сравнении с более слабым влиянием переменных, связанных с общим экономическим прогрессом.

Обратная зависимость между женской грамотностью и рождаемостью подкреплена массой эмпирических данных²². Такая зависимость наблюдается и в других странах, и нет ничего удивительного, что она проявилась и в Индии. Нежелание образованных женщин связывать себя по рукам и ногам непрерывным уходом за детьми становится важной причиной подобных перемен. Образование расширяет мировоззрение, а на более практическом уровне способствует распространению знаний о планировании семьи. И, конечно, образованные женщины склонны стремиться к большей свободе в принятии семейных решений, включая вопросы рождаемости.

Здесь стоит весьма кстати упомянуть о положении дел в наиболее социально продвинутом индийском штате, а именно в штате Керала, ибо чрезвычайные успехи этого региона в снижении рождаемости основаны на активности женщин. Если общий уровень рождаемости в Индии до сих пор превышает 3,0, то в штате Керала эта цифра упала ниже «уровня воспроизводства» (2,0 — грубо говоря, двое детей на семейную пару) и составила 1,7, что значительно ниже уровня рождаемости в Китае, составляющего 1,9. Высокий уровень образования женщин в штате Керала сыграл наиболее значительную роль в столь быстром спаде рождаемости. Поскольку женская активность и грамотность важны и для снижения смертности, то в данном случае деятельность женщин (вкуче с грамотностью) оказала косвенное влияние и на уровень рождаемости, ибо отмечено, что снижение смертности, особенно детской, способствует снижению рождаемости. В штате Керала наблюдаются и другие признаки женской активности и возрастания полномочий женщин,

в том числе все большее предоставление женщинам права собственности, распространяющееся на многочисленную и влиятельную группу населения²³. В следующей главе нам еще представится возможность рассмотреть подробнее вышеупомянутые зависимости наряду с другими вероятными каузальными связями.

Политическая, социальная и экономическая роль женщин

Согласно множеству данных, женщины, когда им предоставляются возможности, которыми обычно пользуются мужчины, добиваются не меньших успехов, хотя на протяжении веков этими возможностями располагали только мужчины. Во многих развивающихся странах женщины оказываются на самом высоком политическом уровне, как правило, в связи с особыми обстоятельствами — часто вследствие кончины их могущественных мужей или отцов, однако это обстоятельство не мешает женщинам энергично браться за дело. Роль женщин в политическом руководстве Шри-Ланки, Индии, Бангладеш, Пакистана, Филиппин, Мьянмы и Индонезии признана современной историей, однако необходимо также отметить ту роль, которую играют женщины — когда у них появляется такая возможность — на различных уровнях политической деятельности и в общественных инициативах²⁴.

Влияние активности женщин на состояние общества также весьма значительно. Некоторые из этих влияний хорошо изучены и даже прогнозируемы (хороший тому пример — влияние женского образования на снижение рождаемости). Однако существуют и другие взаимосвязи, нуждающиеся в более глубоком исследовании и анализе. Одна из наиболее интересных гипотез касается взаимосвязи между влиятельностью мужчин и преобладанием преступлений с применением насилия. Тот факт, что большинство таких преступлений в мире совершается мужчинами, признан повсеместно, но, кроме того, существует вероятность неких каузальных связей, не удостоившихся пока того внимания, которого они заслуживают.

Сравнительные статистические исследования, проведенные в различных и контрастных районах Индии, указывают на любопытное явление: сильную — и статистически значимую — связь между соотношением женщин и мужчин в численности населения и частотой преступлений с применением насилия. В действительности обратная зависимость между числом убийств и соотношением женщин-мужчин была отмечена многими исследователями,

и были сделаны различные попытки объяснить природу действующих в данном случае каузальных процессов²⁵. Некоторые искали объяснение причин частоты насильственных преступлений в предпочтении сыновей дочерям (мужчины считаются лучше приспособленными для жизни в обществе насилия), другие — в большой численности женщин (менее склонных к насилию), способствующей снижению уровня преступности²⁶. Но, возможно, существует и третий фактор, связанный как с уровнем преступности, так и с доминированием мужчин в соотношении полов. Здесь еще много нерешенных вопросов, но трудно не заметить в любом из этих альтернативных объяснений важность гендерного влияния и активности женщин, противопоставляемой мужской активности.

Если обратиться к экономической деятельности, то и в этой области активность женщин способствует существенным переменам. Во многих странах одной из причин относительно низкого участия женщин в ежедневных экономических процессах является относительная недоступность экономических ресурсов для женщин. В развивающихся странах земель и семейным капиталом по традиции владеют мужчины. Обычно женщине много труднее начать собственное дело, даже весьма скромное, по причине нехватки стартовых ресурсов.

И тем не менее существует немало доказательств тому, что стоит сообществу отклониться от стандартной практики мужского владения собственностью, как женщины начинают весьма успешно проявлять деловую и экономическую инициативу. Нам уже ясно, что результат участия женщин в экономике заключается не только в независимом доходе, который они приобретают, но и в социальных благах, возникающих благодаря повышению статуса и независимости женщин (включая вышеупомянутое снижение смертности и рождаемости). Таким образом, участие женщин в экономике не только вознаграждает их самих (в том числе и уменьшением гендерного сдвига в отношении к женщинам при принятии семейных решений), но и способствует социальным переменам в обществе.

Выдающийся успех Grameen Bank в Бангладеш является хорошим тому примером. Целью подвижнического начинания, возглавляемого Мухаммадом Юнусом, было устранение несправедливого отношения к женщинам — в частности, их дискриминации на сельскохозяйственном кредитном рынке — при помощи выдачи небольших кредитов в первую очередь женщинам. По этой причине среди клиентов банка женщины составили большинство.

Высочайший уровень возвращения займов (согласно отчету банка — 98%) нельзя не связать с тем, насколько умело воспользовались женщины открывшимися возможностями, и с их намерением и в дальнейшем пользоваться банковскими услугами²⁷. BRAC — движение, зародившееся в Бангладеш под руководством еще одного подвижника, Фазля Хасана Абеда, также было нацелено на повышение участия женщин в экономике²⁸. Деятельность подобных экономических и социальных движений в Бангладеш не только увеличила «выгоды», получаемые женщинами, но и — благодаря возросшей активности женщин — породила значительные перемены в обществе. Например, резкий спад рождаемости, наблюдаемый в Бангладеш в последние годы, очевидно, напрямую связан с возрастающей вовлеченностью женщин в социальную и экономическую деятельность, а не только с тем, что средства планирования семьи стали более доступными даже в сельских областях Бангладеш²⁹.

Сельское хозяйство — еще одна область, в которой экономическая деятельность женщин претерпевает перемены, и эти перемены связаны с владением землей. Здесь экономические возможности, предоставляемые женщинам, также оказывают решающее влияние на функционирование экономики и соответствующих социальных структур. Наличие «родного поля» (по выражению Бины Агарвала) способствует повышению инициативности и вовлеченности женщин в экономику с далекоидущими последствиями для общего баланса экономической и социальной власти между мужчинами и женщинами³⁰. Схожие явления обнаруживаются при рассмотрении роли женщин в защите окружающей среды, в частности, в сохранении природных ресурсов (например, деревьев) и связи этой деятельности с жизнью и работой женщин³¹.

Фактически расширение полномочий женщин является одной из коренных задач развития многих современных стран. Существенными факторами здесь являются образование женщин, модель женского владения собственностью, женская занятость и функционирование рынка труда³². Но кроме этих «классических переменных» нельзя не учитывать характер и условия занятости, отношение семьи и общества к женской экономической активности, а также экономические и социальные обстоятельства, которые либо способствуют, либо препятствуют переменам в общественных взглядах³³. Как явствует из интереснейшего исследования уровня экономической занятости бангладешских женщин в Дакке и Лондоне (автор — Найла Кабир), приверженность или отказ от прежних

социальных установок во многом зависит от конкретных экономических и социальных отношений, действующих в данной среде³⁴. Изменения в деятельности женщин становятся одним из важнейших факторов экономических и социальных перемен, а цели и следствия этой деятельности тесно связаны со многими наиболее значимыми характеристиками процесса развития³⁵.

В заключение

Активность женщин напрямую влияет на их благосостояние, но ее значение этим не ограничивается. В этой главе мы попытались исследовать различия и взаимосвязи, существующие между деятельностью и благосостоянием, а затем проиллюстрировали размах и результаты активности женщин, в частности, в двух специфических областях: (1) повышении детской выживаемости и (2) снижении уровня рождаемости. Существенность этих проблем для процесса развития в целом перекрывает важность благосостояния женщин, хотя — как мы видели — оно напрямую связано с этими проблемами и играет ключевую посредническую роль в достижении успехов в этих областях.

То же самое верно и для других сфер экономической, политической и социальной жизни, начиная с сельскохозяйственных кредитов и экономической деятельности, с одной стороны, и заканчивая политической агитацией и общественными дебатами — с другой³⁶. В анализе развития женской активностью пренебрегают чаще всего, и это обстоятельство нуждается в исправлении. Сегодня ничто, по нашему мнению, не является столь же важным в политической экономике развития, как адекватное признание участия и лидерства женщин в политической, экономической и социальной жизни. Это действительно ключевой аспект «развития как свободы».

Глава 9

Население, продовольствие и свобода

В наше время происходит немало жестокостей и мерзостей, но вряд ли сыщется явление более отвратительное, чем массовый голод в мире, где царит беспрецедентное изобилие. Голод с невероятной жестокостью поражает многие страны, «как десять фурий, злобен, словно ад, неумолим» (если вспомнить слова Джона Мильтона). Кроме того, массовый постоянный голод порождает ужасающую нищету во многих регионах мира, лишая средств к существованию сотни миллионов людей и убивая немалую их часть со статистической регулярностью. Еще более трагичным является наше отношение к голоду: мы привыкли воспринимать голод и мириться с ним как с неотъемлемой составляющей современности (вполне в духе древних греков, принимавших трагедию как данность), словно голод — неизбежное зло.

Мы уже высказывались против того, чтобы судить о природе и серьезности проблемы голода и недоедания исключительно в плане производства продовольствия. Однако производство продовольствия не может не являться *одной* из переменных, влияющих на распространенность голода. Хотя бы потому, что цена, по которой потребитель покупает продукты питания, зависит от количества произведенного продовольствия. Более того, когда мы рассматриваем продовольственные проблемы на глобальном уровне (а не на национальном или локальном), то становится очевидным, что никакой возможности приобрести продукты питания «вне» экономики не существует. По этим причинам часто звучащие опасения, что производство продовольствия на душу населения в мире падает, нельзя отвергать как надуманные.

Существует ли мировой продовольственный кризис?

Но обоснованны ли такие опасения? Действительно ли в «гонке» с двумя участниками производство продовольствия отстает от роста мирового населения? Страх, что именно так и происходит или очень скоро произойдет, поразительно живуч, несмотря на относительно

небольшое число свидетельств в пользу такого страха. Мальтус, например, еще два столетия назад предсказывал, что производство продовольствия проиграет в данном соревновании и что за нарушением баланса пропорциональности между «естественным» возрастанием населения и «количеством питания» последуют ужасные бедствия. В конце XVIII века Мальтус был убежден, что «время, когда народонаселение превзошло по численности средства к существованию, давно настало»¹. Однако с 1798 года, когда был опубликован знаменитый труд Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», население земного шара возросло почти в шесть раз, а производство продовольствия и потребление на душу населения сейчас значительно выше, чем во времена Мальтуса, и это произошло одновременно с беспрецедентным повышением уровня жизни в целом.

Однако тот факт, что Мальтус в свое время (когда численность населения в мире составляла менее миллиарда) сильно ошибся в диагнозе и прогнозах насчет ужасных последствий роста населения, вовсе не означает, что любые опасения, связанные с этим явлением, всегда столь же беспочвенны. Как же обстоит дело в наше время? Действительно ли производство продовольствия проигрывает в соревновании росту населения? В таблице 9.1 представлены данные о производстве продовольствия на душу населения в мире и в некоторых крупных регионах (взяты из статистических отчетов Всемирной организации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства при ООН). Цифры даны в среднем значении за три года (дабы избежать ошибок вследствие годовых колебаний); средняя цифра за 1979–1981 годы служит базовым показателем (100); данные охватывают период вплоть до 1996–1997 годов (дополнительная информация за 1998 год общей картины не меняет). Согласно этой таблице, в мире не только не происходит реального спада производства продовольствия на душу населения (совсем наоборот), но наибольший рост наблюдается в наиболее плотно населенных регионах «третьего мира» (в частности, в Китае, Индии и прочих странах Азии).

Однако производство продовольствия в Африке сократилось (о чем мы уже упоминали), и бедность, свойственная этому региону, ставит Африку в весьма уязвимое положение. Однако, как мы утверждали выше (в главе 7), проблемы, наблюдаемые в странах к югу от Сахары, большей частью являются отражением общего экономического кризиса (серьезного кризиса с ярко выраженными социальными, политическими и экономическими компонентами),

а не специфически «продовольственного кризиса». Производство продовольствия — лишь часть более масштабной катастрофы, устранение которой требует подхода с более широких позиций.

Таблица 9.1 ПРОИЗВОДСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ ПО РЕГИОНАМ
(% от уровня 1979–1981 гг.)

Регионы	1974–1976	1979–1981	1984–1986	1994–1996	1996–1997
Весь мир	97,4	100,0	104,4	108,4	111,0
Африка	104,9	100,0	95,4	98,4	96,0
Азия	94,7	100,0	111,6	138,7	144,3
Индия	96,5	100,0	110,7	128,7	130,5
Китай	90,1	100,0	120,7	177,7	192,3
Европа	94,7	100,0	107,2	102,3	105,0
Северная и Центральная Америка	90,1	100,0	99,1	99,4	100,0
США	89,8	100,0	99,3	102,5	103,9
Южная Америка	94,0	100,0	102,8	114,0	117,2

Примечание. Средняя цифра за три года основана на данных за период 1979–1981 гг., средние цифры за три года для периодов 1984–1986, 1994–1996 и 1996–1997 гг. взяты из отчетов ООН (1995, 1998). Средняя цифра за три года для более раннего периода (1974–1976) основана на данных ООН (1984). Между двумя сравниваемыми рядами может возникнуть небольшая разница в относительном удельном весе, поэтому два ряда по обе стороны от периода 1979–1981 гг. не следует считать полностью сопоставимыми, но если количественная разница и возникнет, то, вероятнее всего, будет очень небольшой.

Источники: United Nations, FAO Quarterly Bulletin of Statistics, 1995, 1998, FAO Monthly Bulletin of Statistics, August 1984.

На самом деле в настоящее время продовольственного кризиса в мире не существует. Прирост производства продовольствия, разумеется, колеблется в различные периоды (а в некоторые годы вследствие тяжелых климатических явлений наблюдается даже спад на радость паникерам — год или два им будет чего бояться), но *основная тенденция* совершенно очевидно демонстрирует подъем.

Экономические стимулы и производство продовольствия

Столь же важно отметить следующее: подъем в производстве продовольствия происходил вопреки тенденции снижения мировых цен на продовольствие в реальном выражении, как показано в таблице 9.2. Охваченный период составляет более сорока пяти лет — с 1950–1951 годов до 1995–1997 годов, и в течение всего этого периода наблюдалось ослабление экономических стимулов для увеличения производства продовольствия во многих областях коммер-

ческого производства продовольствия во всем мире, включая Северную Америку.

Таблица 9.2 ЦЕНЫ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В ДОЛЛАРАХ США
(по номиналу 1990 г.) с 1950–1952 по 1995–1997 гг

Продукты питания	1950–1952	1995–1997	изменение (%)
Пшеница	427,6	159,3	– 62,7
Рис	789,7	282,3	– 64,2
Сорго	328,7	110,9	– 66,2
Кукуруза	372,0	119,1	– 66,0

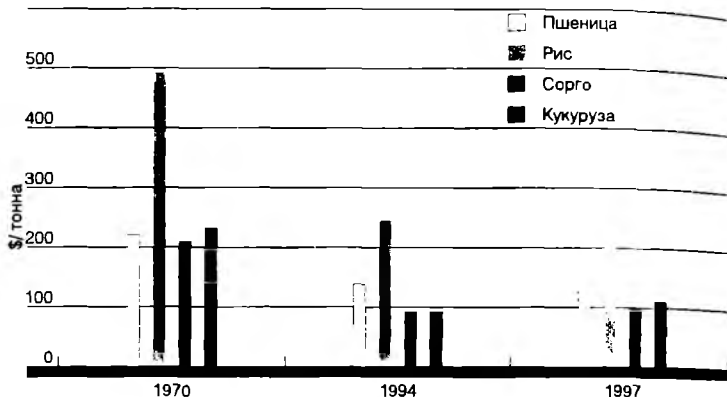
Примечание. Единица измерения — цена в долларах США (по номиналу 1990 г.) метрической тонны, скорректированная по производственному индексу стоимости единицы продукции (MUV) G-5.

Источники: World Bank, Commodity Markets and the Developing Countries, November 1998, table A1 (Washington, D.C.); World Bank, Price Prospects for Major Primary Commodities, vol. 2, tables A5, A10, A15 (Washington, D.C., 1993).

Цены на продовольствие, конечно, испытывают колебания, и в середине 1990-х годов в качестве отклика на их повышение нередко раздавались панические заявления. Но этот подъем был крайне невелик по сравнению со значительным падением цен начиная с 1970 года (см. рис. 9.1). В действительности наблюдается сильный продолжительный спад, и пока нет никаких признаков, что эта длительная тенденция снижения относительных цен на продовольствие изменится. В 1998-м, году цены на пшеницу и фуражное зерно упали на 20% и 14% соответственно².

В экономическом анализе нынешней ситуации мы не можем игнорировать антистимулирующий эффект, который проявился в том, что снижение мировых цен на продовольствие оказало определенное воздействие на производство последнего. В связи с этим крайне примечательно то обстоятельство, что мировое производство продовольствия продолжает расти, намного обгоняя прирост населения. Более того, если бы продовольствия производилось еще больше (а низкий уровень доходов, который является главной причиной страданий голодных людей в современном мире, остался бы без изменений), то проблема сбыта продуктов питания стала бы еще острее, — проблема, отразившаяся в факте снижения цен на продовольствие. Неудивительно, что наибольший подъем в производстве продовольствия приходится на регионы (такие, как Китай и Индия), в которых внутренние рынки продовольственных товаров относительно изолированы от мировых рынков и тенденции падения мировых цен.

Рисунок 9.1. ЦЕНЫ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В ДОЛЛАРАХ США (по номиналу 1990 г.)

Примечание. Цены даны в долларах США (по номиналу 1990 г.) и скорректированы с учетом инфляции по производственному индексу стоимости единицы продукции (MUV) G-5.

Источники: World Bank: Commodity Markets and Developing Countries. Washington, D.C., World Bank, 1998. Table A1.

Очень важно понимать производство продовольствия как результат человеческой деятельности, зависящей от стимулов, которые определяют решения и действия производителей. Как и прочие виды экономической деятельности, товарное производство продовольствия зависит от состояния рынка и цен. В настоящее время мировое производство продовольствия сдерживается недостатком спроса и падением цен, что, в свою очередь, указывает на нищету наиболее нуждающихся. Теоретический анализ возможности производить больше продовольствия (если и когда спрос возрастет) выявил наличие существенных возможностей для ускоренного роста производства продовольствия на душу населения. Действительно, урожайность с гектара продолжает расти во всех регионах мира, и средняя мировая цифра достигала 42,6 килограмма с одного гектара в год в период 1981–1993 годов³. Подъем в производстве зерновых в период между 1970 и 1990 годами на 94% связан с повышением урожайности с единицы площади и лишь на 6% — с увеличением посевных площадей⁴. В условиях возрастания спроса на продовольствие интенсификация возделывания культур, очевидно, будет возрастать, особенно если учесть, что разница в урожайности с одного гектара по-прежнему огромна в различных регионах мира.

Что стоит за показателем

«производство продовольствия на душу населения»

Однако все вышесказанное не отменяет необходимости снижения роста населения. Дело не только в том, сколько продовольствия позволит произвести окружающая среда; существует немало других проблем, связанных с ростом населения и перенаселенностью. Хотя подчеркнем еще раз: причин ожидать отставания роста производства продовольствия от роста населения в ближайшее время у нас нет. Однако тенденция обращать внимание исключительно на производство продовольствия, пренебрегая *правомочиями* в отношении продуктов питания, может оказаться контрпродуктивной. Благоприятная ситуация в производстве продовольствия нередко производит обманчивое впечатление на действующих политиков, которые способны всерьез вообразить, будто отныне их страна застрахована от голода и даже от угрозы голода.

Например, во время голода в Бенгалии в 1943 году действующую администрацию настолько впечатлил факт отсутствия сколько-нибудь значительного снижения производства продовольствия (причем абсолютно достоверный факт), что она не сумела предвидеть — и даже в течение нескольких месяцев отказывалась признать — жестокий голод, обрушившийся на страну⁶. Если «мальтузианский пессимизм» не годится для предсказания ситуации с продовольствием в мире, то так называемый «мальтузианский оптимизм» способен убить миллионы людей в случае, когда правительство не видит дальше обманчивых показателей производства продовольствия на душу населения и игнорирует ранние признаки приближающейся катастрофы. Ошибочная теория способна сотворить много бед, а на счету мальтузианской концепции «соотношение продовольствие — население» немало жертв.

Рост населения и необходимость принуждения

Хотя застарелые мальтузианские опасения насчет производства продовольствия безосновательны или, по крайней мере, преждевременны, имеется немало причин для беспокойства по поводу темпов роста населения в целом. Практически не осталось сомнений в том, что за последнее столетие темпы роста мирового населения чрезвычайно ускорились. Населению во всем мире понадобилось миллионы лет, чтобы «дорости» до первого миллиарда, затем 123 года, чтобы взять рубеж в два миллиарда, еще через 33 года нас уже было три миллиарда, спустя 14 лет — четыре, и спустя еще

13 лет население возросло до пяти миллиардов с перспективой достичь шестимиллиардной отметки в течение последующих 11 лет (согласно прогнозам ООН)^в. Численность людей на Земле выросла на 923 миллиона только за 1980–1990 годы, и эта цифра близка к численности *всего* населения во *всем* мире во времена Мальтуса. И к концу 1990-х ситуация с приростом населения существенно не изменится.

Если так будет продолжаться и впредь, то к концу XXI века мир окажется чудовищно перенаселенным. Однако в последнее время наблюдаются явные признаки снижения темпов роста мирового населения, в связи с чем возникает вопрос: усилится ли тенденция снижения, а если усилится, то насколько? Столь же важно задаться следующим вопросом: возможно ли предпринять какие-либо политические и стратегические меры, которые способствовали бы снижению темпов роста?

Проблема роста населения вызывает серьезные споры; например, одна из весьма солидных теоретических школ ратует, хотя и в неявной форме, за решение этой проблемы путем принуждения. В последнее время в этом направлении были предприняты некоторые практические шаги — более всех прославился Китай целым рядом стратегических мер, введенных в 1979 году. Проблема принудительного сдерживания роста населения распадается на три вопроса:

- 1) Допустимо ли принуждение в этой области в принципе?
- 2) Станет ли рост населения неприемлемо быстрым в отсутствие принуждения?
- 3) Действительна ли политика принуждения и не создает ли она вредных побочных эффектов?

Принуждение и репродуктивные права

Допустимость принуждения на уровне семьи вызывает серьезные вопросы. Противники принуждения находятся и среди тех, кто наделяет семью приоритетным правом решать, сколько заводить детей (с данной точки зрения это сугубо семейная проблема), и среди тех, кто считает, что в этом вопросе решающий голос принадлежит потенциальной матери (особенно когда речь идет об аборте и всем том, что имеет прямое отношение к женскому организму). Обычно последняя точка зрения звучит в контексте утверждения права на аборт (и на практику контроля рождаемости в целом), но эта же точка зрения предоставляет женщине возможность *отказаться* от аборта, если она того хочет (при этом неважно, чего хочет от нее го-

сударство). Очевидно, в статусе и понимании репродуктивных прав происходят значительные перемены⁷.

Без правовой риторики сегодня не обходятся ни одни политические дебаты. Однако такие дебаты зачастую грешат двусмысленностью в отношении самой концепции «права»: бывает непонятию, на что, собственно, ссылаются — на институционально санкционированные права, обладающие юридической силой, или на нормативное право, основанное на давности, юридическое оформление которого, как правило, запаздывает. Различие между этими двумя разновидностями прав не всегда проявляется абсолютно четко, зато мы можем поставить вполне четкий вопрос: должны ли права обладать бытийной нормативной важностью, помимо вспомогательной юридической роли?

Многие политические философы, особенно утилитаристы, отрицали бытийную — и обычно не оформленную юридически — ценность прав. За Иеремией Бентамом, в частности, числится следующая провинность: он называл идею естественного права «чепухой», а концепцию «естественного и неотторжимого права» — «чепухой на ходулях», что надо понимать как сильно преувеличенную бессмыслицу, которой произвольно присвоили ценность посредством надуманных похвал. Бентам понимал права исключительно в инструментальном значении и в плане их институциональной роли в достижении целей (в том числе в обеспечении совокупной пользы).

Налицо резкое противоречие между двумя концепциями права. Если подходить к правам, включая репродуктивные, с бентамовской точки зрения, то тогда необходимость или недопустимость принуждения в этой области определяется исключительно последствиями, в частности последствиями в смысле пользы, причем о какой-либо «освященной традициями» важности пользования предполагаемыми правами или их нарушения нет и речи. Этой точке зрения противоречит другая: когда право «наделено» не только важным значением, но и приоритетом перед последствиями, какими бы они ни были, то такое право следует принимать безоговорочно. На самом деле в либертарианской теории именно так с правами и обходятся: они полагаются необходимыми независимо от последствий их применения, т.е. такие права являются неотъемлемой частью социальных структур, *невзирая* на последствия.

Нам уже приходилось выступать против необходимости выбора между этими двумя расходящимися подходами, когда мы излагали аргументы в пользу метода, считающегося с последствия-

ми, но инкорпорирующего использование прав в качестве одной из заданных целей⁸. С утилитаризмом данный метод роднит конвенционалистский подход (но в отличие от утилитаризма наш метод не ограничивается рассмотрением последствий исключительно в плане пользы), а с либертарианской теорией он схож пониманием бытийной важности права (но отличается тем, что не наделяет право абсолютным приоритетом, невзирая на последствия). Такой «целеправовой метод» обладает многими привлекательными свойствами, а также многоплановостью и достаточной универсальностью, что мы и попытались показать в других работах⁹.

Мы не станем повторять здесь аргументы в пользу этой целеправовой концепции (хотя воспользуемся возможностью поговорить о ней подробнее в следующей главе). Но, продолжая сравнения с утилитаризмом, отметим: трудно предположить, что в рамках утилитаризма возможно адекватно объяснить нашу поддержку прав различных видов (включая право на неприкосновенность частной жизни, автономность и свободу личности) исходя лишь — и исключительно — из полезности последствий. Права меньшинств зачастую приходится охранять вопреки гонениям со стороны большинства и великим целям, объявленным этим большинством в качестве полезных. Как заметил Джон Стюарт Милль — выдающийся утилитарист, — говоря о пользе, порожденной различными видами деятельности, порою невозможно говорить о «паритете» по причине (цитируем Милля) «стремления одного человека полагаться на собственное мнение и обиде другого за то, что к его мнению не прислушиваются»¹⁰. В настоящем контексте недостатком паритетности обладает то значение, которое придают родители решению, сколько им заводить детей, относительно значения, которое их решению придают другие, в том числе могущественные государственные правители. В принципе от автономности и свободы личности никуда не деться, и они часто серьезно конфликтуют с задачей максимизации полезных последствий (не говоря уж о *процессе* генерирования пользы)¹¹.

Потому вряд ли можно ограничить конвенциональный анализ лишь пользой и, в частности, исключить из него права независимой личности и их нарушение. Но, с другой стороны, было бы преувеличением полностью освободить эти права (на либертарианский манер) от ответственности за порождаемые ими последствия, сколь бы ужасными они ни были. В отношении репродуктивных прав факт их бытийной важности еще не означает, будто их значе-

ние столь велико и необъятно, что эти права следует защищать при любых обстоятельствах, даже если они порождают бедствия, массовую нищету и голод. В конечном счете последствия обладания и использования некоего права должны тем или иным образом соотноситься с приемлемостью этого права для всего общества.

О последствиях роста населения в плане продовольственной проблемы и голода мы уже говорили: никаких реальных оснований для серьезной паники в настоящее время не существует. Но если процесс взрывного роста населения продолжится, мировое сообщество может оказаться в затруднительном положении, хотя бы в отношении продуктов питания. Кроме того, имеются и другие проблемы, связанные с ускоренным ростом населения, в том числе перенаселенность городов и, разумеется, экологические проблемы как на локальном, так и на глобальном уровнях¹². Представляется весьма важным выяснить, каковы перспективы наблюдаемого ныне снижения роста населения. И тут мы переходим ко второму из трех поставленных выше вопросов.

Мальтузианский анализ

Хотя обычно анализ вероятного чрезмерного роста населения приписывают Мальтусу, на самом деле тревога по поводу того, что возможный устойчивый рост населения может привести к «устойчивому уменьшению счастья», была высказана еще до Мальтуса. Французский математик и выдающийся мыслитель эпохи Просвещения Кондорсе первым предугадал сценарий, положенный в основу «мальтузианского» анализа проблемы перенаселенности. В развитии событий, по Кондорсе, нашлось место и «преобладанию численности народонаселения над средствами к существованию», порождающему «либо устойчивое уменьшение счастья и населения — поистине ретроградное направление, либо некое, а может быть и значительное, смещение добра и зла»¹³.

Мальтус пришел в восторг от теории Кондорсе, он черпал в ней вдохновение и нередко с удовлетворением цитировал в своем эссе о народонаселении. Но в чем эти двое расходились, так это во взглядах на поведение, обуславливающее рождаемость. Кондорсе предвидел сознательное снижение уровня рождаемости и предсказывал насущность нового уменьшенного стандарта для состава семьи, основанного на «прогрессе разума». Он предвидел, что когда-нибудь люди «поймут, что если у них и есть долг по отношению к тем, кто еще не родился, то этот долг состоит в том, чтобы дать им

не существование, а счастье». Такой ход рассуждений, подкрепленный ростом образования, особенно женского (Кондорсе был одним из первых и наиболее красноречивых проповедников образования для женщин), породит, по мысли Кондорсе, снижение уровня рождаемости и уменьшение состава семей, причем люди сделают такой выбор добровольно, «вместо того, чтобы, подобно глупцам, обременять мир бесполезными и несчастными существами»¹⁴. Обозначив проблему, Кондорсе наметил ее вероятное решение.

Мальтус считал предвидение Кондорсе совершенно беспочвенным. Он в принципе не верил в возможность решения социальных проблем с помощью взвешенных и разумных суждений заинтересованных лиц. А что касается последствий роста населения, Мальтус был убежден в неизбежности того, что рост населения обгонит прирост запасов продовольствия. Он полагал, что у производства продовольствия имеется относительно жесткий предел. Кроме того — и это особенно важно для нашей темы — Мальтус был настроен крайне скептически в отношении добровольного планирования семьи. Хотя он и призывал к «нравственному воздержанию» как альтернативному способу уменьшения бедственных последствий перенаселенности (т.е. альтернативному нищете и росту смертности), сам он не питал надежд на то, что таковое воздержание станет добровольным.

В дальнейшем взгляды Мальтуса на неизбежность определенных последствий несколько изменились, и по прошествии ряда лет он был уже не столь уверен в своем прежнем прогнозе. В современном толковании мальтузианства наблюдается тенденция подчеркнуть элементы этого «сдвига» в позиции ученого, и действительно, «ранний» Мальтус отличается от «позднего». Но его фундаментальное неверие в силу разума, способного преодолеть силу экономической необходимости и побудить людей добровольно уменьшить состав семьи, осталось незыблемым. Более того, в одной из последних работ, опубликованной в 1830 году (Мальтус умер в 1834-м), он настаивал на своих выводах: «...нет ни малейших оснований полагать, что люди в большинстве своем будут настроены против ранних браков либо окажутся неспособными содержать в благоденствии большие семьи по какой-либо иной причине, кроме трудностей в добывании достаточных средств для существования»¹⁵.

Именно по причине неверия в добровольный способ Мальтус подчеркивал необходимость *насильственного* снижения темпов рождаемости, которое, по его мнению, будет носить характер естест-

венного принуждения. Понижение уровня жизни вследствие роста населения не только резко повысит уровень смертности (что Мальтус считал «положительным исходом»), но также заставит людей по причине экономического обнищания уменьшить состав семьи. Главное звено в его аргументации — убежденность (и это весьма важно) в том, что рост населения невозможно эффективно снизить никакими средствами, кроме «*трудностей* в добывании достаточных средств для существования»¹⁸. Неприятие Мальтусом «Закона о бедных» и поддержки нуждающихся связано с его верой в каузальную связь между бедностью и ростом населения.

Мировая история разрешила спор между Кондорсе и Мальтусом не в пользу последнего. Уровень рождаемости резко снижается по мере возрастания успехов в социальном и экономическом развитии. Это уже произошло в Европе и Северной Америке и в настоящее время происходит в большинстве стран Азии и значительной части Латинской Америки. Уровень рождаемости остается высоким и относительно стабильным в наименее процветающих странах — особенно в странах Африки южнее Сахары, — где наблюдаются лишь зачатки современного экономического и социального развития и где население остается бедным и отсталым в плане базового образования, здравоохранения и продолжительности жизни¹⁷.

Общий спад в темпах рождаемости можно объяснить различными причинами. Позитивная связь между развитием и снижением рождаемости наглядно выражена в грубоватом лозунге «Развитие — лучшее средство предохранения». В этом весьма недифференцированном высказывании есть доля истины, а точнее: развитие предполагает компоненты, способствующие снижению рождаемости, действие которых в полной мере испытал на себе Запад, включая повышение доходов на душу населения, развитие образования, возросшую экономическую независимость женщин, снижение уровня смертности и доступность средств планирования семьи (последнее можно частично рассматривать как элемент социального развития). И здесь возникает необходимость в более подробном анализе.

Экономическое или социальное развитие

Существует несколько теорий, объясняющих различные причины спада рождаемости. Одним из таких ярких примеров является модель детерминированной рождаемости, предложенная Гэри Беккером. Хотя Беккер называет свою теорию «продолжением» мальту-

зианства и ход его рассуждений обладает многими чертами мальтузианского анализа (включая традицию понимания семьи как принимающего решения *единого* целого без учета различных течений внутри семьи — о чем чуть ниже), на самом деле Беккер опровергает мнение Мальтуса о том, что процветание экономики скорее повышает, чем снижает рост населения. Более того, в анализе Беккера влияние экономического развития на размер инвестиций в «качество» детей (например, инвестиции в образование) играют важную роль¹⁸.

В противоположность подходу Беккера, *социальные* теории о спаде рождаемости указывают на изменения в предпочтениях в результате социального развития — например, акцент ставится на развитии образования в целом и женского в частности¹⁹. На этой взаимосвязи в свое время настаивал еще Кондорсе. Однако следует отличать (1) перемены в желаемом количестве детей в семье вследствие изменений в ценах и доходах, при том что предпочтения остаются неизменными, от (2) сдвига в предпочтениях в результате таких социальных перемен, как модификация норм общечития и возрастание удельного веса интересов женщин в общих целях семьи. Кондорсе опирался на последнее, Беккер — на первое.

Существует также элементарная проблема доступности средств контроля над рождаемостью и распространения знаний и технологий в этой области. Несмотря на прежний скептицизм в отношении данной проблемы, ныне стало совершенно ясно, что знания и доступность средств контроля во многом меняют поведение семей в плане рождаемости в странах с высоким уровнем рождаемости и нехваткой средств контроля над рождаемостью²⁰. Например, резкий спад рождаемости в Бангладеш связан с общественным движением по планированию семьи и, в частности, с более широким распространением знаний и средств предохранения. Всего лишь за полторы декады (с 1980 по 1996 год) в Бангладеш сумели понизить коэффициент рождаемости с 6,1 до 3,4, что, конечно, весьма значительно²¹. Данное достижение опровергает мнение, что население в менее развитых странах не станет добровольно прибегать к планированию семьи. Однако Бангладеш предстоит еще долгий путь, и, хотя страна не сворачивает с этого пути (темпы рождаемости продолжают падать), для того чтобы достичь уровня простого воспроизводства (соответствующего коэффициенту рождаемости приблизительно 2,0 или 2,1), потребуется нечто большее, нежели доступность средств контроля над рождаемостью.

Другое направление экономического анализа, громко «заявившее» о себе в последнее время (мы с ним уже познакомились в предыдущих главах), придает возрастанию полномочий женщин в принятии семейных решений и генезисе норм общежития большое значение. Однако, опираясь на исторические факты, нелегко отделить последствия экономического роста от влияния социальных изменений, поскольку две эти переменные обычно действуют сообща (статистики называют это «мультиколлинеарностью»). В дальнейшем мы попытаемся проследить влияние каждой переменной в отдельности, используя не столько поперечные, сколько перекрестные сравнения. Но сначала вновь подчеркнем очевидное: на радикальный переход к уменьшенному составу семьи повлияли не только «трудности в добывании достаточных средств для существования». Развивающиеся страны с высоким уровнем рождаемости вполне способны последовать примеру других стран, уже снизивших этот уровень посредством как экономического, так и социального развития (при этом неважно, какую роль сыграл каждый из компонентов развития).

Однако следует прояснить, какие параметры имеют критическое значение для изменения уровня рождаемости. Согласно довольно обширным статистическим данным, основанным на сравнении различных стран и различных регионов (в процессе так называемых перекрестных исследований), связь между образованием женщин (включая грамотность) и снижением рождаемости прослеживается в различных странах мира²². Кроме того, в вышеупомянутых исследованиях учитывались такие факторы, как участие женщин в так называемой доходной деятельности вне дома и возможность получать независимый доход, реализация женщинами своих прав собственности, а также общий статус и положение женщин в жизни общества. Обо всех этих параметрах мы уже говорили в нашей книге и теперь попробуем увязать их в единое целое.

Обозначенные выше взаимосвязи прослеживаются не только в международных сравнительных исследованиях, но также и внутри одной большой страны — например, между различными районами Индии. Одно из последних и наиболее обширных исследований, ставшее значительным вкладом в статистику, проделано Мамта Мерти, Анн-Катрин Гийо и Жаном Дрезом²³. В главе 8 мы уже обсуждали это исследование и отмечали, что из всех включенных в анализ переменных лишь две оказывают статистически значимое влияние на рожда-

емость: (1) грамотность женщин и (2) женское присутствие на рынке рабочей силы. Таким образом, важность активной деятельности становится очевидной, особенно в сравнении с более слабым влиянием переменных, связанных с экономическим развитием.

Далее, опираясь на выводы этого исследования, мы можем смело сделать вывод о том, что экономическое развитие, возможно, не «самое лучшее средство предохранения», а вот социальное развитие — особенно в области образования и занятости женщин — может быть весьма эффективным. Во многих богатейших районах Индии, скажем в Пенджабе и Харьяне, уровень рождаемости *значительно* выше, чем в южных районах, где доход на душу населения много ниже, но уровень грамотности среди женщин и число предоставляемых им рабочих мест значительно выше. Сравнительные исследования почти трехсот индийских районов показали, что уровень реального дохода на душу населения почти не играет большой роли на фоне того мощного влияния, которое оказывают образование и экономическая независимость женщин. Хотя исследование Мерти-Гийо-Дреза основывалось на данных переписи 1981 года, более позднее исследование, проведенное Дрезом и Мерти на основе данных переписи 1991 года (упомянутое выше), подтвердило основные выводы.

Внешние эффекты, ценности и коммуникации

Обширные данные в пользу таких статистических зависимостей следует отличать от влияния социального и культурного компонентов, включая зависимость — упомянутую выше, — согласно которой образование и заработок вне дома в совокупности повышают независимость женщин в принятии решений. На самом деле школьное образование способно расширить полномочия молодой женщины в принятии решений различными способами: посредством перемен в ее социальном положении, возросшей независимости, развившейся способности выражать свои мысли, увеличения знаний об окружающем мире, ее умения влиять на принятие внутригрупповых решений и так далее.

Следует заметить, что некоторые экономисты оспаривали мнение о том, что независимость женщин увеличивается с получением школьного образования и что все вместе способствует снижению рождаемости. Данные, на которых основаны их аргументы, были почерпнуты исключительно из сравнительных исследований семей (а не из межрегиональных исследований)²⁴. Хотя число ин-

формационных источников этих работ относительно невелико (значительно меньше, чем в массовом всеиндийском исследовании Мерти, Гийо и Дреза), было бы ошибкой безоговорочно отвергать эти противоположные свидетельства.

Здесь необходимо уяснить, что мы принимаем за предмет исследования. Если предполагается, что влияние женщин усиливается с повышением уровня грамотности *на уровне региона* (посредством информированной общественной дискуссии и создания новых ценностей), то изучение *межсемейных* контрастов не покажет этого влияния. Межрайонные сравнения, проанализированные Мерти, Гийо и Дрезом, касаются отношений, являющихся «внешними» для семьи, но «внутренними» для региона: например, общее различие различных семей в регионе²⁵. А важность публичных дискуссий и обмена мнениями — одна из главных тем нашей книги, что мы уже не раз подчеркивали.

Насколько эффективно принуждение?

Попытаемся сравнить вышеназванные результаты с достижениями принудительной политики — вроде той, что была опробована в Китае. Политика под общим лозунгом «Один ребенок на семью» внедрялась в обширных районах Китая начиная с 1979 года. Кроме того, правительство зачастую отказывалось предоставлять жилье и выплачивать пособия семьям, в которых было слишком много детей, наказывая таким образом детей заодно с их диссидентствующими родителями. Ныне в Китае общий коэффициент рождаемости (среднее количество детей, рожденное одной женщиной) составляет 1,9, что существенно ниже индийского (3,1) и намного ниже средневзвешенного показателя (около 5,0) в других странах с низкими доходами²⁶.

Пример Китая привлекает людей, охваченных паникой при мысли о «демографическом взрыве» и склонных к радикальным решениям. Размышляя о приемлемости китайского пути, важно, во-первых, отметить, что процесс снижения рождаемости проходил не без потерь, выраженных, в том числе, и в нарушении прав, имеющих фундаментальное значение. Порою введение ограничений на состав семьи сопровождалось наказаниями за ослушание. В статье, опубликованной не так давно в *New York Times*, говорится:

Жители деревни Тонмучон сразу поверили госпоже Ляо, чиновнице, ведающей планированием семьи, когда та пригро-

зила взорвать их дома. В прошлом году в соседней деревне Сяоси человека по имени Хуань Фуку выгнали из дома вместе с женой и детьми. К ужасу зевак, взрыв превратил их дом в грудку щебня. А на ближайшем заборе государственные подрывники намалевали предупреждение: «Тот, кто не подчинится политике планирования семьи, потеряет все, что имеет»²⁷.

Движения за права человека и особенно женские организации были серьезно обеспокоены ущемлением свободы, которым сопровождалась китайская политика²⁸.

Во-вторых, кроме фундаментальной проблемы, касающейся репродуктивной и прочих свобод, при оценке принудительного контроля над рождаемостью необходимо обратить внимание и на последствия иного рода. Социальные последствия такого принуждения, включая реакцию сопротивляющегося населения, бывают весьма печальными. Например, требование «одного ребенка на семью» может привести к ухудшению ухода — или того хуже — за младенцами, увеличивая тем самым младенческую смертность. Кроме того, в стране с сильным предпочтением детей мужского пола — черта, общая для Китая, Индии и многих стран Азии и Северной Африки, — политика, позволяющая иметь только одного ребенка в семье, может губительно сказаться на девочках, например в форме фатального пренебрежения детьми женского пола. Именно это, судя по всему, и происходит в Китае повсеместно.

В-третьих, отсутствует уверенность в том, что любая перемена в репродуктивном поведении, привнесенная насильственно, окажется стабильной. В начале этого года спикер государственной комиссии по планированию семьи в Китае сказал журналистам следующее: «В настоящее время уровень рождаемости в Китае не меняется по той причине, что в широких массах понятия о рождаемости фундаментально не изменились»²⁹.

В-четвертых, совершенно неясно, какова роль в долевом отношении *собственно* принудительных методов в снижении рождаемости. Логично предположить, что многие китайские долгосрочные социальные и экономические программы способствовали снижению рождаемости, включая программы по развитию образования (как среди женщин, так и среди мужчин), совершенствованию здравоохранения в сторону его большей доступности, обеспечению женщин рабочими местами и — в недавнее время — стимулирова-

нию ускоренного экономического роста. Эти факторы обычно приводят к снижению рождаемости, и неясно, в какой мере принуждение способствовало этому процессу. На самом деле даже в отсутствие принуждения можно было бы ожидать, что уровень рождаемости в Китае окажется много ниже, чем средний уровень рождаемости в Индии, поскольку Китай добился значительных успехов в развитии образования, здравоохранения, женской занятости и прочих направлений социального развития.

Для того чтобы отделить влияние вышеназванных переменных от последствий принуждения, обратимся к более неоднородной Индии, в частности к относительно продвинутым в социальном отношении индийским регионам. Например, штат Керала представляет любопытное «поле» для сравнения с Китаем, поскольку там уровень базового образования, здравоохранения и прочего несколько превышает средние показатели по Китаю³⁰. В Керале также сложилась благоприятная обстановка в отношении полномочий и деятельности женщин, включая большее признание (вследствие правовой традиции) женских прав собственности среди значительной и влиятельной части населения³¹.

Уровень рождаемости в Керале — 18 на тысячу, что явно ниже китайских 19 на тысячу, — был достигнут без всякого государственного принуждения. Коэффициент рождаемости в Керале, составивший в середине 1990-х годов 1,7, сравним с китайским коэффициентом 1,9. Эти данные подтверждают наши ожидания относительно роли факторов, способствующих добровольному снижению рождаемости³².

Побочные эффекты и скорость снижения рождаемости

Нельзя также не отметить, что в штате Керала, где снижение рождаемости было достигнуто на добровольной основе, не наблюдается каких-либо признаков неблагоприятных последствий, характерных для Китая, например возросшей младенческой смертности среди девочек и широкого распространения аборт, особенно если ожидается девочка. Младенческая смертность в штате Керала на тысячу (16 для девочек, 17 для мальчиков), существенно ниже, чем в Китае (33 для девочек и 28 для мальчиков), хотя в 1979 году, когда было положено начало политике «один ребенок на семью», уровень младенческой смертности в обоих регионах был одинаковым³³. Кроме того, в Керале в отличие от Китая не наблюдаются аборты по половому признаку.

Необходимо также остановиться на следующей проблеме: сторонники принудительных программ контроля над рождаемостью утверждают, что скорость снижения рождаемости посредством насильственных мер намного выше, чем при добровольных. Но такая теоретическая выкладка не подтверждается опытом штата Керала, где коэффициент рождаемости понизился с 44 в 1950-х годах до 18 на тысячу к 1991 году — спад не менее резкий, чем в Китае.

Впрочем, нам могут возразить: неправильно судить о политике «один ребенок на семью» и других принудительных мерах на основании столь долгого периода, сравнения следует проводить лишь внутри определенного отрезка — начиная с 1979 года, когда были введены принудительные меры, и до настоящего времени. Так и поступим. В 1979 года, когда в Китае начали внедрять политику «одного ребенка», коэффициент рождаемости в штате Керала был выше, чем в Китае: 3,0 против китайских 2,8. В 1991 году коэффициент рождаемости составил в Керале 1,8, а в Китае — 2,0, и получается, что снижение рождаемости в Керале оказалось существенно выше. Несмотря на «добавочное» преимущество политики «одного ребенка» и прочих принудительных мер, рождаемость в Китае снижалась намного медленнее, чем в Керале, даже в период с 1979 по 1991 год.

В другом индийском штате, Тамилнаду, рождаемость снижалась столь же высокими темпами — с 3,5 в 1979 году до 2,2 в 1991 году. В Тамилнаду среди населения проводилась активная программа планирования семьи с опорой на относительно хорошие по сравнению с другими районами Индии социальные показатели: высокий уровень грамотности среди индийских штатов, высокий уровень участия женщин в доходной занятости и относительно низкая младенческая смертность. Принуждение того типа, которое применялось в Китае, не использовалось ни в Керале, ни Тамилнаду, но в обоих штатах рождаемость снижалась быстрее, чем в Китае после введения политики «одного ребенка» и прочих мер.

В самой Индии контрасты между показателями различных штатов наводят на следующие размышления относительно предмета нашего обсуждения. Пока Керала и Тамилнаду радикально снижали рождаемость, другие штаты в так называемой северной глубинке (Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, Раджастан) сохраняли низкий уровень как образования, особенно женского, так и здравоохранения. Коэффициент рождаемости в этих штатах оставался достаточно высоким — между 4,4 и 5³⁴, — несмотря на то что правительства этих штатов постоянно прибегают к суровым

мерам планирования семьи, включая принуждение (в противоположность добровольному подходу и сотрудничеству с населением, применяемым в Керале и Тамилнаду)³⁵. Региональные контрасты внутри Индии явственно указывают на то, что добровольные начала (базирующиеся, *inter alia*, на активной деятельности образованных женщин) выигрывают в сравнении с принуждением.

«Искушение» жесткой политикой

Хотя Индия проявила больше осторожности, чем Китай, в отношении принудительных мер контроля над рождаемостью, существует немало доказательств привлекательности принудительной политики для многих индийских активистов. В середине 1970-х годов правительство Индии, возглавляемое Индирой Ганди, попыталось использовать принуждение в этой области посредством правовых возможностей, возникших вследствие объявления «чрезвычайного положения» и параллельной приостановки действия некоторых гражданских и личных прав. И северные штаты, как уже было сказано, ввели в действие разнообразные правила и постановления, навязавшие населению средства контроля над рождаемостью, в частности столь необратимые, как стерилизация — чаще женщин³⁶.

Даже когда принуждение не является официальной политикой, настойчивое требование правительства по «выполнению задач планирования семьи» нередко побуждает чиновников различного уровня и медицинский персонал прибегать к разного рода давлению, близкому по сути к принуждению³⁷. Среди примеров такой тактики, спорадически применяемой в некоторых регионах, значатся смутные, но устрашающие вербальные угрозы, внесение в списки нуждающихся (в рамках программ борьбы с бедностью) в обмен на стерилизацию, отказ в выдаче детских пособий матерям, имеющим более двух детей, эксклюзивное предоставление некоторых видов медицинского обслуживания людям, прошедшим стерилизацию, и запрет имеющим более двух детей выставлять свою кандидатуру на выборах в местное правительство (панчайт)³⁸. Последняя мера, введенная несколько лет назад в штатах Раджастан и Харьяна, получила высокую оценку в некоторых кругах, хотя запрет на выдвижение кандидатуры на выборах означает серьезное нарушение основных демократических прав. Также в индийский парламент был внесен законопроект (правда, его так и не одобрили) о запрещении занимать государственные должности как на национальном уровне, так и на уровне штата тем, у кого в семье более двух детей.

Пороку раздаются заявления о том, что в бедной стране было бы ошибкой чересчур беспокоиться о допустимости принуждения — такую роскошь могут себе позволить только богатые страны — и что на бедняков принудительные меры фактически не распространяются. Совершенно непонятно, на каких данных основаны подобные заявления. Люди, наиболее страдающие от принудительных мер, — те, кого насильно заставляют делать то, чего они делать не хотят, — часто являются беднейшей и наиболее бесправной категорией населения. Далее, постановления и способ их осуществления часто носят карательный характер в отношении репродуктивной свободы женщин. Например, когда в Северной Индии подошел срок выполнения «стерилизационных задач», в ход пошли даже такие варварские методы, как попытка согнать женщин, принадлежащих к беднейшим слоям населения, в «стерилизационные лагеря».

На самом деле, насколько допустимо принуждение в отношении беднейшего населения, можно проверить лишь путем демократической конфронтации, но именно в этой возможности авторитарное правительство отказывает своим гражданам. В Китае подобной проверки не допустили, в отличие от Индии середины 1970-х годов, когда правительство Индиры Ганди наряду с введением «чрезвычайного положения» попыталось ввести и принудительный контроль над рождаемостью, а также приостановить действие различных юридических прав и гражданских свобод. Как уже говорилось, в целом политика принуждения, в том числе в воспроизводстве населения, потерпела сокрушительное поражение на последовавших национальных выборах. Нищий электорат Индии голосовал против произвольного нарушения политических, гражданских и репродуктивных прав с той же заинтересованностью, с какой он обычно протестует против экономического и социального неравенства. Заинтересованность в свободе и фундаментальных правах можно проиллюстрировать примерами, которые предоставляют нам современные политические движения во многих странах Азии и Африки.

Отметим еще одну разновидность реакции людей на принуждение — «голосование против всех». Как отмечали индийские специалисты по планированию семьи, недолго просуществовавшая программа принудительной стерилизации крайне отрицательно сказалась на программах добровольного контроля над рождаемостью, поскольку люди стали относиться с подозрением к движению по планированию семьи в целом. За введением в некоторых регионах Индии чрезвычайных принудительных мер, оказавших

незначительное и непродолжительное воздействие на уровень рождаемости, последовал долгий период *стагнации* в рождаемости, закончившийся только к 1985 году³⁹.

В заключение

Значение проблемы роста населения часто преувеличивают, однако поиски путей и способов снижения рождаемости в большинстве развивающихся стран выглядят вполне обоснованными. Метод, очевидно заслуживающий наибольшего внимания, предполагает тесную связь между политическими стратегиями (нацеленными на устранение гендерного неравенства, а также на расширение свободы женщин, в частности, в области образования, здравоохранения и занятости) и повышением индивидуальной ответственности семьи (посредством усиления полномочий потенциальных родителей, особенно матерей, в принятии решений)⁴⁰. Эффективность такого подхода обусловлена тесной зависимостью между благосостоянием женщин и их деятельностью.

Этот общий подход вполне пригоден и для развивающихся стран, несмотря на их бедность. Почему бы и нет? Хотя нередко утверждается, что очень бедные люди не ценят свободу в целом и репродуктивную свободу в частности, но имеющиеся данные определенно доказывают обратное. Верно, что человек *также* ценит — с полным на то основанием — и другие вещи, в том числе благосостояние и безопасность, но от этого он не становится равнодушным к политическим, гражданским и репродуктивным правам.

Существует совсем немного доказательств того, что принуждение достигает цели быстрее, чем добровольные социальные перемены и развитие. Принудительное планирование семьи нередко приводит к сугубо неблагоприятным последствиям, кроме нарушения репродуктивной свободы, в частности к отрицательному воздействию на младенческую смертность (особенно на смертность среди девочек в странах с укорененными «антиженскими» предпочтениями). Потому мы не видим достаточных оснований для пренебрежения фундаментальной важностью репродуктивных прав ради достижения иных благоприятных последствий.

В процессе экономического анализа данной проблемы было накоплено немало данных, базирующихся как на международных сравнительных исследованиях, так и на контрастах, обнаруженных между регионами крупной страны. Эти данные свидетельствуют, что повышение полномочий женщин (в том числе в образовании,

занятости и в плане прав собственности) и другие социальные перемены (например, снижение смертности) серьезно влияют на снижение рождаемости. Действительно, из опыта перемен, происходящих в разных странах, невозможно не извлечь некоторые стратегические уроки. То обстоятельство, что такие перемены крайне желательны и по другим причинам (в том числе для уменьшения гендерного неравенства), придает им особое значение в исследовании развития общества. Отметим также, что социальные нравы — то, что называют «стандартным поведением», — меняются по мере того, как расширяется понимание сути проблемы рождаемости. И в этом отношении публичные дискуссии играют большую роль.

Снижение рождаемости значимо не только в целях достижения экономического процветания, но также потому, что высокая рождаемость ущемляет свободу людей — особенно молодых женщин — жить так, как они считают нужным. Действительно, более всего от частого вынашивания и вскармливания детей страдают молодые женщины, которые во многих странах современного мира низведены до положения машины, воспроизводящей потомство. В такой ситуации общественное «равновесие» не рухнет отчасти по причине низких полномочий молодых женщин в принятии семейных решений, а отчасти благодаря незыблемым и некритично воспринимаемым традициям, в рамках которых частые роды считаются приемлемой практикой (так было и в Европе вплоть до начала XIX века), и никакой несправедливости в подобном положении дел не усматривается. Меры, способствующие росту женской грамотности и увеличению количества рабочих мест для женщин, а также проведению свободных, открытых и информированных дискуссий, способны привести к кардинальным переменам в понимании справедливости и несправедливости.

Подобные эмпирические связи лишь укрепляют концепцию «развитие как свобода», поскольку — как выясняется — решение проблемы роста народонаселения (и многих других социальных и экономических проблем) кроется в расширении свободы тех, чьи интересы непосредственно ущемляются чересчур частым вынашиванием и вскармливанием детей, т.е. молодых женщин. Решение проблемы роста народонаселения предполагает *увеличение* свободы и ни в коем случае — ее уменьшение.

Глава 10

Культура и права человека

Концепция прав человека приобрела в последнее время большое значение и даже завоевала нечто вроде официального статуса в международном дискурсе. Авторитетные комиссии регулярно встречаются именно для того, чтобы обсудить, как осуществляются или нарушаются права человека в разных странах мира. В *риторическом* плане права человека получают все большее признание в современном мире и на них ссылаются много чаще, чем в прошлые годы. По крайней мере по сравнению с полемическим стилем, преобладавшим всего несколько десятилетий назад, язык современного национального и международного общения отражает происшедший сдвиг в приоритетах и ценностях. Кроме того, права человека стали важной составной частью научных исследований, посвященных развитию.

Тем не менее в критически настроенных кругах очевидное торжество концепции прав человека воспринимается с долей неподдельного скептицизма в отношении универсальности и правомерности ее применения. Бытует подозрение, что понятийная система, лежащая в основе многих высказываний на эту тему, грешит некоторой упрощенностью.

Три аспекта критики

В чем, собственно, критики видят проблему? По нашему мнению, можно выделить три различных аспекта, вызывающих сомнения в интеллектуальной стройности общей доктрины прав человека. Прежде всего, отмечают то обстоятельство, что концепция прав человека путает функционирование правовой системы, предоставляющей человеку определенные и четкие права, с принципами, предшествующими всякому законодательству и на самом деле не облакающими человека каким-либо законным правом. Здесь речь идет о легитимности прав человека: как иначе эти права могут обрести легальный статус, если не посредством правомочий, санкционированных государством в качестве высшего юридического авторитета? В этом смысле мы рождаемся не более облеченными правами

человека, чем одеждой; как одежду обретают с помощью шитья, так и права приобретают посредством возведения их в ранг закона. Нешитой одежды не существует, и прав, предшествующих правовой системе, тоже. Назовем этот критический аспект *легитимистским*.

Второе направление «атаки» проходит по линии *формы*, в которой выражается этика и политика, основанная на правах человека. Права по сути являются правомочиями и, следовательно, они сопряжены с соответствующими обязанностями. Если личность А обладает правом на х, то должна существовать некая структура В, которой вменяется в обязанность обеспечить А данным х. Если такие обязанности не признаются, то право оказывается «пустым». По этой причине весьма затруднительно воспринимать так называемые права человека как действительные. Отрадно слышать, говорят критики, что каждый человек имеет право утолять голод и пользоваться медицинской помощью, но при отсутствии специфических структур, которые берут на себя выполнение подобных обязанностей, эти права мало что значат. В результате права человека остаются лишь согревающими душу сантиментами, но, строго говоря, какой-либо действительностью они не обладают. С такой точки зрения права человека не столько требования, сколько комки в горле. Назовем эту линию критики *практической*.

Представители третьего скептического направления озабочены не столько правовой и институциональной формой прав человека, сколько их местом внутри системы социальной этики. С этой точки зрения, моральный аспект прав человека зависит от характера этической системы. Но разве этика в действительности универсальна? Что если в рамках некоторых культур права человека считаются не слишком привлекательными по сравнению с другими ценными качествами и свойствами? Культурный скептицизм оспаривает всеобъемлющую приемлемость прав человека, и, пожалуй, чаще всего представители этого направления ссылаются на «азиатские ценности» и приписываемое им несоответствие концепции прав человека. Права человека, заявляют они, в оправдание своего названия должны носить универсальный характер, но универсальных ценностей в принципе не существует. Такова суть «культурной» критики.

Легитимистская критика

У легитимистской критики богатая история. К ней в разных формах прибегали многие скептики, сомневающиеся в обоснованности этических рассуждений с позиций прав человека. Между различными

вариантами этой критической точки зрения наблюдаются как любопытное сходство, так и отличия. Например, с одной стороны, Карл Маркс утверждал, что в действительности права не могут *предшествовать* институционализации государства (а наоборот, следуют за ней). Эту мысль он подробно изложил в воинственном памфлете «К еврейскому вопросу». С другой стороны, Иеремия Бентам называл естественное право «чепухой» (как мы уже упоминали), а естественные и неотторжимые права — «чепухой на ходулях». Но общим для этих двух — и многих других — критических высказываний является убежденность в том, что права следует понимать как инструменты, появившиеся в результате институционализации общества, а не как априорные этические правомочия. Такое мнение, можно сказать, фундаментальным образом подрывает главную идею универсальности прав человека.

Конечно, моральные требования, лишь претендующие на возведение их в ранг закона, вряд ли обладают юридической силой или институциональным значением. Но отвергать на этом основании права человека означает упускать нечто важное в человеческом существовании. Требование легитимности — не более чем требование, куда важнее этическое признание определенных прав в качестве неотъемлемых полномочий каждого человека. В этом смысле права человека можно толковать как притязания, властные полномочия или неприкосновенные привилегии (словом, как любые формы гарантий, проистекающие из концепции прав), подкрепляемые этическим суждением, которое наделяет таковые гарантии бытийной важностью.

На самом деле права человека зачастую превосходят *потенциал действующих* юридических прав. В ситуациях, когда *юридическая* защита несостоятельна, ссылка на права человека оказывается весьма эффективной. Моральное право жены участвовать в полной мере и на равных в принятии семейных решений — невзирая на степень мужского шовинизма, присущего ее мужу, — признается многими, однако те же люди вряд ли захотят оформить это право юридически и реализовывать его с помощью полиции. «Право на уважение» является еще одним примером, когда легализация и институциональная поддержка выглядели бы если не смехотворно, то уж, во всяком случае, проблематично.

Потому права человека уместнее трактовать как этические требования, которые не следует отождествлять с юридически оформленными правами. Но такая нормативная интерпретация

вовсе не предполагает бесполезность прав человека в тех случаях, которые обычно приводятся критиками в пример. Что касается свобод, ассоциируемых с тем или иным правом, то их содержание нередко определяется с помощью публичных дебатов. Права человека следует рассматривать как систему этических суждений и основу для политических требований.

Практическая критика

Обратимся ко второй разновидности критики: возможен ли содержательный разговор о правах, когда неясно, кто должен гарантировать пользование этими правами? Широко распространена точка зрения, согласно которой права могут получить достойное оформление только в связке с соответствующими обязанностями. Право личности на что-либо должно быть подкреплено обязанностью другого действующего лица обеспечивать данную личность искомым. Те, кто настаивает на этой бинарной связи, весьма критично относятся к «правовой» риторике в контексте «прав человека» по причине отсутствия точного определения лиц или структур и их обязанностей по реализации этих прав. С таких позиций требование соблюдения прав человека оборачивается пустой болтовней.

Один из вопросов, «питающих» данную разновидность скептицизма, заключается в следующем: как мы можем быть уверены в том, что права «поддаются» реализации, если они не обеспечены соответствующими обязанностями? Некоторые не видят ни малейшего смысла в правах, если они не уравновешены тем, что Иммануил Кант называл «категорическим императивом», — специфический долг определенного лица или структуры реализовать то или иное право¹.

Тем не менее утверждение о бездейственности любого применения права вне связи с категорическим императивом можно оспорить. Во многих юридических контекстах подобное заявление, вероятно, имеет смысл, но в нормативных дискуссиях права нередко понимают как правомочия, властные полномочия или привилегии, необходимые для блага каждого человека. Считается, что правами человека обладают все — независимо от гражданства — и блага, порождаемые этими правами, также должны быть предоставлены каждому. Если не существует определенного лица, ответственного за осуществление прав той или иной личности, притязания адресуются тем, кто в силах помочь. Иммануил Кант называл подобные требования «гипотетическим императивом» и определил их важность

в жизни общества. И так, притязания обычно адресуются тем, кто способен помочь, хотя ни определенное лицо, ни структура не несут ответственности и не гарантируют пользование теми или иными правами.

Конечно, бывает, что права, суть которых сформулирована подобным образом, иногда остаются нереализованными. Однако необходимо отличать право, которым человек обладает, хотя и не пользуется им, от права, которым человек не обладает. В конечном итоге этическое содержание права не совпадает с ценностью соответствующей разновидности свободы лишь постольку, поскольку реализация этого права зависит от помощи других лиц. Хотя мы могли бы вполне обойтись языком свободы, не прибегая к правовой терминологии (именно на язык свободы мы в основном и опираемся в нашей книге), порою бывает полезным напомнить о необходимости — и настоящей необходимости — помогать личности в достижении той или иной свободы. Язык права дополняет язык свободы.

«Культурная» критика и «азиатские ценности»

Третье направление критики представляется наиболее занятым и определенно привлекает к себе наибольшее внимание. Является ли концепция прав человека действительно универсальной? Разве не существует такой этики, например конфуцианской, которая сосредоточена более на дисциплине, чем на правах, и более на лояльности, чем на правомочиях? Поскольку права человека подразумевают, кроме всего прочего, требование политической свободы и гражданских прав, азиатские теоретики нередко указывают на вышеозначенные «противоречия», как они их называют.

В последнее время с целью оправдать авторитарные политические системы в Азии часто ссылаются на природу «азиатских ценностей». Подобного рода обоснование авторитаризма обычно исходит не от независимых историков, а от самих властей (например, от правительственных чинов или их представителей) и от тех, кто близок к власти, и такой подход явственно сказывается на управлении государством, а также влияет на отношения между различными странами.

Противоречат ли «азиатские ценности» основным политическим правам и являются ли эти две системы в принципе несопоставимыми? На эти вопросы нередко дается положительный ответ, но насколько он обоснован? Начнем с того, что делать какие-либо

обобщения в отношении Азии нелегко в силу огромности этого континента. В Азии проживает около 60% мирового населения. Что же мы понимаем под ценностями столь огромного и неоднородного региона? На самом деле не существует каких-либо серьезных ценностей, которые многочисленное и пестрое население Азии исповедовало бы поголовно и которые противопоставляли бы это население в качестве обособленной группы остальному миру.

Поборники «азиатских ценностей» в первую очередь приводят в пример Восточную Азию как наиболее показательный, с их точки зрения, регион. Почвой для теоретических рассуждений по поводу противоречий между Западом и Азией часто служат земли к востоку от Таиланда, хотя раздаются и более амбициозные заявления о том, что вся прочая Азия «подобна» восточной. Например, Ли Кван Ю подчеркивает «фундаментальное отличие западных понятий об обществе и управлении страной от восточно-азиатских», поясняя при этом: «Когда я говорю о восточных азиатах, я имею в виду Корею, Японию, Китай, Вьетнам. Эти страны отличны от Юго-Восточной Азии, которая находится под смешанным влиянием Китая и Индии, хотя индийская культура сама по себе базируется на ценностях, схожих с нашими»².

Тем не менее в реальности Восточная Азия куда более разнородна, и между Японией и Китаем, Кореей и другими регионами Восточной Азии можно найти предостаточно отличий. На протяжении веков различные культурные влияния, идущие как изнутри, так из-за границ региона, воздействовали на жизнь обитателей этой весьма обширной территории. И эти влияния до сих пор проявляются в различных формах. Вот что, например, международный «Альманах» Хьютона Миффлина сообщает о религиозной принадлежности 124 миллионов японцев: 112 миллионов исповедуют синтоизм и 93 миллиона — буддизм³. Неоднородные культурные влияния до сих пор окрашивают в разные цвета идентичность современного японца, и один и тот же человек может быть *одновременно* синтоистом и буддистом.

В таких регионах, как Восточная Азия, и даже в пределах таких стран, как Япония, Китай или Корея, культуры и традиции накладываются друг на друга, и попытки теоретических обобщений относительно «азиатских ценностей» (зачастую оборачивающиеся жестокими последствиями для обитателей этого региона, придерживающихся различных вероисповеданий и убеждений) не могут не быть весьма и весьма приблизительными. Даже среди населения

Сингапура в 2,8 миллиона человек мы находим широкое разнообразие исторических и культурных традиций. К слову, Сингапур накопил поучительный опыт по части создания добрососедских отношений между общинами.

Современный Запад и приписываемая ему уникальность

Авторитарная линия мышления в Азии — и, видимо, в незападных сообществах в целом — нередко находит опосредованную поддержку в теоретических доктринах, бытующих на самом Западе. В Америке и Европе прослеживается отчетливая тенденция полагать первичность политической свободы и демократии как историческое и фундаментальное свойство западной культуры; свойство, которое в Азии нелегко обнаружить. Эта тенденция подразумевает наличие противоречия между авторитаризмом, якобы присущим, скажем, конфуцианству, и уважением к индивидуальной свободе и независимости личности, якобы глубоко укорененной в западной либеральной культуре. Западные активисты, пропагандирующие личную и политическую свободу в незападном мире, нередко понимают свою деятельность как привнесение «западных ценностей» в страны Азии и Африки. Все́му миру предлагается вступить в клуб «Западная демократия» и с ликованием следовать традиционным «западным ценностям».

В таких попытках Запада мы усматриваем склонность экстраполировать настоящее на прошлое. Ценности, которые благодаря европейскому Просвещению и другим относительно недавним течениям мысли стали общими и получили широкое распространение, нельзя причислить к древнему наследию Запада — по крайней мере, тысячелетней истории они явно не насчитывают⁴. У сугубо западных классических авторов (например, Аристотеля) мы находим лишь выборочную поддержку у некоторых элементов того, что ныне составляет современное понимание политической свободы. Но поддержку тех же элементов можно обнаружить и в азиатской письменной традиции.

Для иллюстрации этого положения рассмотрим представление о личной свободе и ее роли в благоденствии общества. Оно состоит из двух различных компонентов, а именно: (1) *ценности личной свободы* — в процветающем обществе личная свобода важна и должна быть гарантирована «уважаемым» людям, и (2) *равенства в свободе*: в процветающем обществе все граждане «уважаемы»

и свобода, гарантированная одному, должна быть гарантирована всем. Из сочетания этих двух компонентов следует, что личная свобода должна быть гарантирована всем в одинаковой степени. Аристотель горячо ратовал за первую посылку, исключая из числа тех, кому гарантирована свобода, женщин и рабов. То есть защита равенства в свободе имеет недавнее происхождение. В обществе, разделенном на классы и касты, свобода понимается как значимая ценность для привилегированных (например, мандаринов или брахманов); точно так же относилось к свободе мужское население из числа нерабов в соответствии с древнегреческими представлениями о благоденствующем обществе.

Столь же полезно обратить внимание и на другое отличие: между (1) *ценностью толерантности* — к различным верованиям, убеждениям и деятельности различных людей следует относиться толерантно, и (2) *равенством в толерантности* — терпимость, с которой относятся к одним, должна быть распространена в разумной мере и на других (за исключением тех случаев, когда терпимость к одним приводит к нетерпимости по отношению к другим). И снова аргументы в пользу частичной толерантности встречаются в изобилии в трудах древних западных мыслителей, но без дополняющей идеи о толерантности, распространяющейся в равной степени на всех. Современные демократические и либеральные воззрения представлены в древней западной традиции лишь в виде *образующих* элементов, но никак не цельной теории.

При сравнительном изучении следует задаться вопросом: присутствуют ли вышеупомянутые образующие элементы в азиатской литературе в той же форме, в какой мы находим их в сочинениях западных мыслителей? В данном случае следует проводить различие между наличием этих элементов и отсутствием противоположных высказываний, т.е. таких идей и доктрин, которые определенно *не* отстаивают свободу и толерантность. Отметим также, что в западных текстах мы находим и высказывания в защиту порядка и дисциплины. В связи с чем автор должен признать, что он абсолютно не уверен в большей авторитарности Конфуция по сравнению, скажем, с Платоном или бл. Августином. Вопрос заключается не в том, *имеются* ли в так называемой азиатской традиции рассуждения об отрицании свободы, а в том, *отсутствуют* ли в этой традиции направления, ориентированные на свободу.

И здесь неоднородность азиатских ценностных систем — которые не только инкорпорируют региональные разновидности,

но и преодолевают границы последних — выходит на первый план. Обратимся к столь наглядному примеру, как роль буддизма в формировании азиатской мысли. В буддистской традиции свободе придается огромное значение, и в некоторых направлениях индийской философии, родственных буддизму, также уделяется немало места свободе воли и выбора. Достойному поведению «научаются» в условиях свободы, и такая установка присуща даже идейным течениям, ратующим за полное освобождение от бренности земного бытия (например, философия *мокши*). Наличие подобных элементов в буддийской мысли не отменяет необходимых в Азии порядка и дисциплины, на которых настаивал Конфуций, однако было бы ошибкой полагать конфуцианскую традицию единственной существующей в Азии — и даже в Китае. Поскольку современные авторитарные интерпретации «азиатских ценностей» часто базируются на конфуцианстве, особенно важно подчеркнуть неоднородность азиатской традиции в принципе.

Интерпретация конфуцианства

На самом деле то понимание конфуцианства, которое свойственно авторитарным защитникам «азиатских ценностей», более чем несправедливо по отношению к насыщенному и разнообразному учению Конфуция⁵. Последний не проповедовал слепой преданности государству⁶. Когда Ци Лю спрашивает учителя, «как служить князю», Конфуций отвечает: «Говори ему правду, даже если это его оскорбит»⁷. Цензоры в Сингапуре и Пекине, возможно, придерживаются совершенно иной точки зрения. Конфуций был не против обходительности в быту и не против такта, но он также решительно рекомендовал сопротивление дурному правителю. «Когда в государстве осуществляются правильные принципы, можно прямо говорить и прямо действовать. Когда же в государстве не осуществляются правильные принципы, действовать можно прямо, но говорить осторожно. Когда государство следует (доброму) пути, говори смело и действуй смело. Когда государство сбилось с пути, действуй смело и говори осторожно»⁸.

Более того, Конфуций прямо указывает на возможный конфликт между двумя опорными понятиями, на которых держится воображаемое здание «азиатских ценностей», а именно: преданность семье и покорность государю. Многие защитники «азиатских ценностей» понимают роль государства как продолжение роли семьи, но, как отмечал Конфуций, между этими двумя ролями часто

возникает противоречие. Правитель Ши сказал Конфуцию: «У нас есть преданный человек: когда его отец украл барана, он выступил свидетелем против отца». На что Конфуций ответил: «Преданные у нас отличаются от ваших. Отцы скрывают ошибки сыновей, а сыновья покрывают отцов, в этом и состоит преданность»⁹.

Ашока и Каутилья

В целом идеи Конфуция более сложны и многозначны, чем те сентенции, которые порой отстаивают, прикрываясь именем знаменитого философа. Кроме того, наблюдается тенденция игнорировать других мыслителей, принадлежащих китайской культуре, а заодно и другие азиатские культуры. Если мы обратимся к индийской традиции, то обнаружим немало разнообразных точек зрения на свободу, толерантность и равенство. Наиболее любопытное высказывание о необходимости толерантности на эгалитарной основе содержится в трудах императора Ашоки, правившего в III в. до н. э. По размеру территория его империи превосходила любое другое индийское царство (включая земли Мегхалы и Раджа), если не считать национальных государств, созданных британцами. Ашока обратился к проблемам общественной этики и просвещенного правления после пережитого ужаса во время кровопролитной битвы, в которой он одержал победу над царством Калинга (ныне штат Орисса). Император принял буддизм и не только способствовал превращению буддизма в мировую религию, посылая эмиссаров за границу — на восток и запад — с буддисткой вестью, но и покрыв страну каменными стелами с письменами, объясняющими суть и формы правильной жизни и доброго правления.

В этих пояснительных надписях особое значение придавалось терпимости к разнообразию. Например, наказ (ныне получивший номер XII), начертанный в Эррагуди, трактует данную проблему следующим образом:

...не должно почитать лишь свою секту или порочить другую без причины. Возводить хулу должно только за какой-нибудь недостаток, ибо всякая секта заслуживает почтения по той или иной причине.

Поступая так, человек возвеличивает свою секту и в то же время отдает должное чужой. Поступая противоположно, человек причиняет вред своей секте и незаслуженно понижает чужую. Ибо тот, кто почитает свою секту и порочит

другие только из привязанности к своей секте и с намерением ее возвеличить, в действительности лишь наносит крупнейший вред своей собственной секте¹⁰.

Эти эдикты III века до н. э. подчеркивают значение толерантности как в публичной государственной политике, так и в отношениях между гражданами.

По отношению к толерантности и сфере ее распространения Ашока был универсалистом, он требовал терпимого обращения ко всем, включая «лесной народ» — племена, существовавшие в условиях «досельскохозяйственных» экономических формаций. Проповедь Ашоки идеалов эгалитаризма и универсальной толерантности может показаться некоторым «комментаторам» антиазиатской, но воззрения этого императора уходят корнями в философские направления, вошедшие в «интеллектуальную» моду в Индии за несколько столетий до правления Ашоки.

Теперь обратимся к другому небезынтересному индийскому мыслителю, чей трактат о государственном правлении и политической экономии оказал значительное влияние на современников и потомков. Мы имеем в виду Каутилью, автора «Артхашастры», что можно перевести как «Экономическая наука», хотя в этом труде затронуты вопросы не только экономики, но и практической политики. Каутилья жил в IV века до н. э. и был современником Аристотеля, он служил старшим министром при императоре Чандрагупте Маурья, деде императора Ашоки, основавшем на субконтиненте могучую империю Маурьев.

Каутилью часто цитируют для доказательства того, что свобода и толерантность не обладали ценностью в индийской классической традиции. В чрезвычайно подробном описании современной Каутилье экономики и политики, представленном в «Артхашастре», можно обнаружить два аспекта, позволяющих поставить подобный «диагноз». Во-первых, Каутилья был консеквенциалистом довольно узкого толка. Если такие цели, как обеспечение счастья подданных и наведение порядка в стране, Каутилья убедительно обосновывает и подкрепляет подробными политическими советами, то царя он видит великодушным автократом, чья власть — хотя она и состоит в том, чтобы творить добро, — абсолютизируется посредством правильной организации. Таким образом, «Артхашастра», с одной стороны, содержит замечательные идеи и советы по столь важным практическим проблемам, как

предотвращение голода и административной эффективности, — идеи, не устаревшие и по сию пору (более чем две тысячи лет спустя)¹¹, но, с другой стороны, автор этого сочинения готов научить царя, как при необходимости добиться своего посредством нарушения свободы оппонентов и врагов.

Во-вторых, Каутилья, очевидно, не был ценителем политического и экономического равенства, в его понимании хорошо устроенное общество четко стратифицировано по классовому и кастовому принципу. Хотя обеспечение счастья граждан занимает в иерархии ценностей одну из высших позиций и распространяется на всех граждан, другие цели отчетливо антиэгалитарны по форме и содержанию. В обязанности царя входит опека менее удачливых членов общества и оказание им поддержки, дабы они могли избежать нищеты и гибели, и Каутилья особо подчеркивает долг царя «содержать детей, стариков, больных, убогих и беззащитных» наряду с материальной поддержкой «женщин, не разрешившихся от бремени, и детей при рождении»¹². Но обязанность оказания помощи весьма далека от уважения свободы этих людей решать, как им жить, т.е. далека от терпимости к неортодоксальности.

Какой же напрашивается вывод? Разумеется, Каутилья — не демократ, не эгалитарист и не поборник всеобщего счастья. И все же, когда речь заходит о том, чем должны владеть наиболее привилегированные слои общества — высшие классы, свобода выходит на первый план. Лишать представителя высших классов личной свободы (так называемой арьи) считается недопустимым. Каутилья разработал систему наказаний, порой весьма суровых, для тех, кто закабаляет взрослых или детей из высших классов, однако против рабства тех, кто уже в нем находится, у автора не имеется ни малейших возражений¹³. И уж конечно, мы не найдем у Каутильи ничего похожего на ясные и недвусмысленные высказывания Аристотеля о важности свободного осуществления возможностей. Но понимание важности свободы для высших классов у Каутильи определенно присутствует. Это понимание контрастирует с представлением о правительственных обязанностях по отношению к низшим слоям общества, выраженных в патерналистской форме государственной заботы и помощи во избежание крайних лишений и нищеты. Тем не менее представление о правильном образе жизни, складывающееся при чтении Каутильи, полностью соответствует этической системе, в которой свобода обладает ценностью. Верно, у Каутильи распространение свободы ограничено высшими слоями общества,

но такой подход радикально не отличается от древнегреческого противопоставления свободных мужчин рабам и женщинам. В конечном счете Каутилья мыслит уже, чем универсалист Ашока, но во многом его идеи схожи с идеями приверженца частных — Аристотеля.

Толерантность в исламе

Мы столь подробно остановились на политических идеях и практическом осмыслении жизни, представленных в двух вышеупомянутых течениях индийской мысли — мощных, но весьма различных, — принадлежащих соответственно IV и III векам до н.э., по той причине, что эти идеи, в свою очередь, оказали глубокое влияние на позднейших индийских мыслителей. Однако Ашокой и Каутильей традиция не ограничивается. В Индии среди влиятельных проповедников и практиков терпимости к разнообразию числится и Великий Могол император Акбар, правивший между 1556 и 1605 годами. И снова речь идет не о демократе, а о могущественном правителе, допускавшем различные формы социального и религиозного поведения и уважавшем права человека различных видов, включая свободу богослужений и религиозной практики в такой степени, которая в эпоху Акбара была не всегда приемлема в некоторых странах Европы.

Например, когда в 1591–1592 годах наступил 1000 год по мусульманскому календарю, в Дели и Агре наблюдалось некоторое волнение (похожее на то, что мы наблюдаем сейчас, в канун третьего тысячелетия по христианскому календарю). В этот переломный исторический момент Акбар издал несколько указов, в которых говорилось, *inter alia*, и о религиозной терпимости:

Никому не должно препятствовать в отправлении религиозного обряда, и всякому дозволено переходить в ту религию, в которую он пожелает.

Если индус, ребенком или в ином возрасте, против своей воли был приведен в мусульманство, ему дозволяется, если он того пожелает, вернуться к религии отцов¹⁴.

Толерантность Акбара, хотя и носила религиозно-нейтральный характер, тоже не была универсальной; например, она не распространялась на такие вещи, как гендерное равенство или равенство между молодыми и стариками. Один из указов императора предписывал насильственное возвращение молодой индусской женщины

в родительскую семью, если она покинула ее вслед за мусульманским возлюбленным. При выборе между молодыми любовниками и отцом симпатии пожилого Акбара оказываются целиком на стороне отца. Толерантность и равенство на одном уровне сочетаются с нетерпимостью и неравенством на другом, но степень толерантности в вопросах верований и религиозной практики остается весьма значительной. В этом контексте, особенно в свете усиленной рекламы «западного либерализма», нелишне отметить, что в то время, когда Акбар делал подобные заявления, в Европе вовсю свирепствовала инквизиция.

Современные политические конфронтации, особенно на Ближнем Востоке, привели к тому, что исламская цивилизация нередко характеризуется как фундаментально нетерпимая и враждебная индивидуальной свободе. Но исламу в изрядной мере свойственны разнообразие и неоднородность *внутри* традиции. В Индии Акбар и другие моголы преподали хороший урок теории и практики как политической, так и религиозной толерантности. Похожие примеры отыщутся и в других ответвлениях исламской культуры. Турецкие императоры зачастую были более терпимыми, чем их европейские современники. Немало подобных примеров предоставляет нам история Каира и Багдада. Вот один из них: великий иудейский ученый XII века Маймонид был вынужден бежать из нетерпимой Европы (где он родился), преследовавшей евреев, приют он нашел в толерантном и урбанистическом Канре у султана Салидина.

Вспомним также и о Бируни, иранском математике, представившем в начале XI века первое всестороннее исследование Индии (кроме переводов индийских математических трактатов на арабский) и являвшемся одним из первых антропологов в мире. Бируни с возмущением отмечал тот факт, что «поношение чужестранцев присуще всем нациям». Великий ученый всю жизнь последовательно способствовал развитию взаимопонимания и толерантности в современном ему мире.

Подобные примеры легко приумножить. Суть в том, что современные защитники авторитарного характера «азиатских ценностей» основывают свое мнение на достаточно произвольной интерпретации традиции и чрезвычайно узком выборе авторов. Представление о ценности свободы свойственно не только одной-единственной культуре, и не только западная традиция способна привить нам ориентированный на свободу подход к общественному устройству.

Трудности становления демократии тесно связаны с еще одной культурной проблемой, пользующейся в последнее время вполне оправданным вниманием. Речь идет о проникающем влиянии западной культуры и современного образа жизни, подрывающего традиционный уклад и общественную мораль. Каждому, кто ценит традиции и национальные культурные обычаи, такая угроза представляется действительно серьезной.

Запад доминирует в современном мире, и, хотя имперская власть прежних правителей сошла на нет, доминирование Запада остается по-прежнему сильным — в некоторых отношениях оно даже сильнее, чем прежде. Особенно это проявляется в культурном отношении. Скажем так: в империи Coca-Cola и MTV солнце не заходит никогда.

Угроза бытию национальных культур в современном глобализирующемся мире в значительной степени неизбежна. Свертывание глобализации торговли и экономики невозможно, поскольку невозможно сопротивляться мощной экспансии экономического обмена и разделения труда в мире конкуренции, подстегиваемой масштабной технологической эволюцией, от которой зависит конкурентоспособность современных технологий.

Однако у этой проблемы есть и другая, положительная, сторона. Как предвидел Адам Смит, глобальная торговля и экономика способны принести процветание каждой нации. Но среди победителей могут быть и проигравшие, даже если совокупные показатели будут неуклонно расти. В условиях экономического неравенства адекватной мерой стало бы объединение усилий по преобразованию глобализации в менее деструктивную форму в отношении традиционной занятости и образа жизни; кроме того, переход к глобализации следует осуществлять постепенно. Для сглаживания переходного процесса требуется создать условия для переподготовки кадров и приобретения новых профессиональных навыков (для тех, кому грозит потеря работы), а также сформировать социальные структуры (в виде социальной защиты и других соответствующих институтов) с целью поддержать тех, чьи интересы пострадают — по крайней мере на краткое время — вследствие перемен, вызванных глобализацией.

Создание таких условий в некоторой степени окажет воздействие и на культуру. Умение пользоваться компьютером, услугами интернета и прочими информационными средствами преобразует

не только экономические возможности, но и жизнь человека, попавшего под влияние технологических перемен. И об этом не обязательно надо сожалеть. Однако остаются еще две проблемы: одна — общая для мировой экономики, другая носит несколько иной характер¹⁵.

Во-первых, мир современных коммуникаций и взаимообмена требует базового образования и подготовки. Если некоторые бедные страны достигли впечатляющего прогресса в этой области (страны Восточной и Юго-Восточной Азии хороший тому пример), то другие (такие, как страны Южной Азии и Африки) обнаруживают тенденцию к отставанию. Равенство как в культурных, так и в экономических возможностях играет чрезвычайно важную роль в глобализирующемся мире. И задача достижения такого равенства стоит перед экономикой и культурой всего мира.

Вторая проблема отличается от первой тем, что отделяет культурный вопрос от экономических трудностей. Во времена экономической реструктуризации по устаревшему способу производства и «выдохшимся» технологиям слез обычно не льют. Некоторая ностальгия по специфическим и изысканным предметам (например, по паровой машине или старинным часам) может возникнуть, но в целом никто не стремится вернуть назад древнюю и обветшавшую технику. Однако забвение культурных традиций вызывает глубокое сожаление. Отмирание прежнего образа жизни порой воспринимается с тоской и тяжелым чувством утраты. В чем-то это напоминает ситуацию с исчезновением редких видов животных. Гибель прежних видов с появлением «лучше оснащенных», тех, которые «успешнее» приспособливаются и размножаются, может стать источником сожалений, и то обстоятельство, что, согласно дарвиновской теории развития, новые виды «лучше», не служит достаточным утешением¹⁶.

Проблема не лишена серьезности, однако следует предоставить обществу решать, какие прежние формы существования оно хотело бы сберечь — если таковые вообще имеются, — пусть даже за счет значительных экономических потерь. Традиционный образ жизни возможно сохранить, если общество примет соответствующее решение, и проблема заключается в том, чтобы найти баланс между ценой такого сохранения и ценностью, которую общество придает сберегаемым вещам и привычному образу жизни. Разумеется, готовой формулы для анализа затрат и результатов не существует, но в рациональном осмыслении сути выбора ключевую роль

играет возможность участия всех слоев общества в публичных дискуссиях по данному вопросу. И мы опять возвращаемся к теме возможностей: различные слои общества (а не только социально привилегированные) должны принимать активное участие в решениях, касающихся того, что сохранить, а что отбросить. Ничто и никто не вынуждает нас цепляться за некую устаревающую форму бытия. Но существует настоятельная необходимость — ради социальной справедливости — в том, чтобы все население принимало участие в принятии социальных решений в процессе выбора¹⁷. По этой причине возрастает значение таких элементарных вещей, как умение читать и писать (приобретенное посредством начального образования), достаточная информированность и осведомленность (полученные через СМИ) и наличие реальных возможностей свободного участия в общественной жизни (посредством выборов, референдумов и использования гражданских прав в целом). В широком смысле здесь речь идет о правах человека.

Культурный взаимообмен и проникающая взаимозависимость

В дополнение к обозначенным выше базовым положениям необходимо также отметить факт межкультурных связей, которого вовсе не обязательно стыдиться. Мы на самом деле умеем радоваться вещам, пришедшим к нам из других регионов, а культурный национализм и шовинизм нередко серьезно обедняют наше существование. Рабиндранат Тагор, великий бенгальский поэт, весьма красноречиво высказался по этому вопросу:

Стоит нам понять и полюбить какую-нибудь вещь, как она немедленно становится нашей, и неважно, откуда она к нам пришла. Я горжусь своей человеческой сутью, когда мне удастся постигнуть творчество поэтов и художников других стран. И я бы попросил не омрачать мою радость оттого, что мне открыт доступ к славе всего человечества¹⁸.

Если в игнорировании уникальности культуры кроется некоторая опасность, то «высокомерная» изоляция от зарубежных веяний нередко основана на самообмане.

Очевидно, что международных взаимосвязей и межкультурных влияний насчитывается гораздо больше, чем кажется тем, кто страшится перспективы разрушения национальной культуры¹⁹.

Люди, испытывающие страх за свою культуру, нередко считают ее весьма хрупкой и склонны недооценивать человеческую способность учиться у других, но оставаться при этом самобытными. Более того, поборники «национальных традиций» часто замалчивают длительную историю внешних влияний на свои традиции. Например, приправа чили в общем представлении является одним из главных ингредиентов индийской кухни (чем-то вроде «музыкальной заставки» индийской кухни), но факт остается фактом: чили был неизвестен в Индии, пока португальцы не завезли его туда всего несколько веков назад. (В древности индийские кулинары пользовались обычным перцем, но не чили.) Такая же история у «сутубо» национального индийского карри.

Нет ничего удивительного — учитывая невероятную популярность индийской кухни в современной Британии — и в том, что Британская комиссия по туризму называет карри «британским блюдом». Пару лет назад в Лондоне автор с изумлением услышал характеристику, данную некой даме с целью подчеркнуть ее истинно английскую натуру: было сказано, что «она настолько же англичанка, как нарциссы или куриная тика масала».

Представление о региональной культурной самодостаточности глубоко обманчиво, и сохранить традиции в чистоте и неприкосновенности весьма затруднительно. Иногда интеллектуальные зарубежные влияния бывают более опосредованными и сложными. Например, некоторые индийские шовинисты возражают против использования «западной» терминологии при изучении школьных предметов, например современной математики. Но взаимосвязи в области математики столь сложны, что порою трудно отличить «западное» от «незападного». Для иллюстрации рассмотрим тригонометрический термин «синус». Это термин пришел в Индию из Британии, и тем не менее в его происхождении отчетливо прослеживается индийский след. Арьябхата, великий индийский математик V века, ввел понятие «синус», именуя его на санскрите *джья-ардха* («полухорда»). Затем начались скитания этого термина, так описанные Говардом Ивзом:

Арьябхата назвал его *ардха-джья* или *джья-ардха* («полухорда»), а затем сократил до простого *джья* («хорда»). Арабы в силу фонетических особенностей родного языка произносили *джья* как *джиба*, а писали вследствие обычая опускать гласные на письме как *джб*. Со временем слово

джиба утратило все прежние значения, кроме математического, и арабские ученые подставили в аббревиатуру *джб* другие гласные, получив *джаиб*, что по-арабски означает «бухта» или «залив». Далее, Герардо из Кремоны при переводе с арабского (ок. 1150 г.) заменил арабское *джаиб* латинским эквивалентом *sinus* (в значении «бухта» или «залив»), отсюда и возник современный термин «синус»²⁰.

Мы вовсе не ставим своей целью умалить уникальное значение каждой культуры; скорее, мы хотели бы обратить внимание на необходимость более тонкого подхода к пониманию межкультурных влияний наряду с врожденным человеческим умением пользоваться изобретениями других культур и народов. Ратуя за сохранение старины и чистоты традиций, мы не должны утрачивать способность понимать друг друга и пользоваться достижениями других народов.

Принцип универсальности

В соответствии с общим подходом, применяемым в нашей книге, мы не можем завершить эту главу, не рассмотрев еще одного вопроса, касающегося культурного сепаратизма. От читателя наверняка не укрылось, что в нашей работе мы исходим из уверенности в том, что люди, принадлежащие к различным культурам, разделяют немало общих ценностей и придерживаются во многом одних и тех же убеждений. Действительно, важнейшая ценность свободы — организующего принципа нашего исследования — обладает ярко выраженными признаками универсальности.

Мнение о специфической индифферентности «азиатских ценностей» к свободе и о сугубо «западном» происхождении ценности свободы уже обсуждалось выше в данной главе. Однако порой звучат заявления о том, что терпимость — в религиозных вопросах, в частности — является исторически сложившимся феноменом, присущим исключительно Западу. Когда автор в статье, напечатанной в американском журнале, подверг сомнению авторитарную интерпретацию «азиатских ценностей» («Права человека и азиатские ценности», «The New Republic», 14–21 июля 1997 г.), посылавшиеся отклики на статью в основном подтвердили наши сомнения относительно специфичности, приписываемой «азиатским ценностям» (в смысле их авторитарного характера). Но, с другой стороны, откликнувшиеся высказывали убеждение в том, что Запад действительно занимает особое положение в плане толерантности.

Высказывались также утверждения, что терпимость к религиозному скептицизму и ересям является исключительно «западной» добродетелью, а один из авторов развил свою мысль еще дальше, назвав «западную традицию» абсолютно уникальной, поскольку она «распространяет религиозную толерантность даже на атеизм как на принципиальный отказ от веры». Этот автор абсолютно прав, заявляя, что религиозная толерантность, включая терпимость к скептицизму и атеизму, составляет важный аспект социальной свободы (как в свое время убедительно доказал Джон Стюарт Милль)²¹. Но далее следовала такая ремарка: «Спрашивается, удастся ли Амартии Сену отыскать в истории Азии что-либо эквивалентное выдающейся истории скептицизма, атеизма и западной мысли?»²².

Вопрос, конечно, очень интересный, но ответ на него найти не так уж трудно. Труднее выбрать, на каком из примеров остановиться, — столько материала предоставляет богатая история Азии. Можно вспомнить об индийских атеистических школах — Карвака и Локаята, зародившихся задолго до христианства, просуществовавших достаточно длительное время и оставивших огромный свод атеистической литературы, оказавший немалое влияние на общество²³. Кроме документов, отражающих интеллектуальное обособление атеистических воззрений, еретические взгляды содержатся и во многих ортодоксальных сочинениях. Даже в древнем эпосе «Рамаяна», который многие индусские политические активисты считают священной книгой о жизни божественного Рамы, встречаются отчетливо диссидентские высказывания. Например, в «Рамаяне» есть эпизод, когда некий светский ученый муж по имени Джавали убеждает Раму в никчемности религиозных верований: «О, Рама, одумайся! Нет иного мира, кроме нашего, и это правда! Наслаждайся настоящим и беги от всего неприятного»²⁴.

Необходимо также подчеркнуть, что единственная мировая религия, последовательно отстаивающая агностицизм, — а именно буддизм — зародилась в Азии. Точнее, буддизм зародился в Индии в VI веке до н. э., в то время, когда атеистические трактаты последователей Карваки и Локаяты пользовались особым влиянием. Даже в «Упанишадах» (это важная составляющая индуистского письменного наследия, формировавшегося несколько ранее, и вопрос Матрейи мы взяли именно оттуда) с очевидным почтением обсуждается идея о том, что мысль и разум — следствие материального состояния тела и что, «когда тело разрушается», т.е. «после смерти»,

«никакого разума не остается»²⁵. Школы скептической мысли существовали в Индии более тысячелетия, но даже в конце XIV века Мадхвачарья (будучи вишнуистским вероучителем) в своем классическом труде, названном «Sarvadarśanasamgraha» («Собрание всех философов»), целиком посвятил первую главу подробному изложению аргументов индийских атеистических школ. Таким образом, религиозный скептицизм и толерантность не являются исключительно западным феноменом.

Выше мы уже говорили о толерантности, присущей азиатской культуре (арабской, китайской и индийской), приводя соответствующие примеры. Случаи отступления — и часто резкого отступления — от принципов толерантности нетрудно обнаружить в любой культуре (на Западе — начиная со средневековой инквизиции и кончая концентрационными лагерями XX века, на Востоке — от религиозной резни до угнетения и жестоких преследований, практикуемых Талибаном), но голоса в защиту свободы — в различных ее проявлениях — упорно звучат в непохожих и далеких друг от друга культурах. Если принцип универсальности, положенный в основу нашей книги, особенно в отношении ценности свободы, и можно подвергнуть сомнению, то никак не в связи с толерантностью.

В заключение

В пользу фундаментальных свобод и сформулированных на их основе прав говорит следующее:

- 1) их *бытийное* значение;
- 2) их *результатирующая* роль в создании политических стимулов для обеспечения экономической безопасности;
- 3) их *конструктивная* роль в формировании ценностей и приоритетов.

По своей сути свободы и права одинаковы в любом регионе, включая Азию, и отказ от них в связи с особым характером «азиатских ценностей» не выдерживает критики²⁶.

В действительности взгляд на «азиатские ценности» как на сугубо авторитарные присущ — в Азии — по большей части самим представителям авторитарной власти (порой в ответ на требования Запада к Востоку поддержать то, что считается специфически «западными либеральными ценностями», упор на «национальную самобытность» усиливается). Но министры иностранных дел, правительственные чиновники и религиозные деятели не обладают монополией на толкование содержания местных культур и ценностей.

Куда важнее прислушаться к диссидентствующим голосам в каждом отдельно взятом обществе²⁷. Аун Сан Су Чи обладает не менее законным правом — очевидно, даже большим — интерпретировать желания населения Мьянмы, чем военный режим этой страны, отправивший Аун Сан Су Чи в заключение после того, как она победила на свободных выборах, а военная хунта проиграла.

В современной ситуации чрезвычайно важно признание неоднородности каждой культуры²⁸. Нашему представлению о неоднородности мира противостоит «агрессивность» упрощенных и обобщенных суждений о «западной цивилизации», «азиатских ценностях», «африканских культурах» и пр. Многие подобные толкования истории и цивилизации не только поверхностны в интеллектуальном смысле, но и способствуют региональной разобщенности. Факт остается фактом: в любой культуре люди склонны спорить друг с другом, и споры нередко достигают немалого накала, если ничто тому не препятствует. Наличие диссидентов делает проблематичным односторонний взгляд на «истинную природу» локальных ценностей. Диссиденты существуют в любом обществе — часто в довольно большом количестве, — и нередко они готовы рискнуть собственной безопасностью ради своих убеждений. Если бы не упорство диссидентов, авторитарным властям вряд ли пришлось бы предпринимать столь жесткие репрессивные меры для защиты своих принципов и взглядов. Присутствие диссидентов, с одной стороны, *подталкивает* авторитарные правящие группировки к репрессивному подходу к местным культурам, а с другой — подрывает интеллектуальную базу для односторонней интерпретации местных верований как «единых и неделимых»²⁹.

На Западе дискуссии по поводу незападных обществ часто носят чересчур «уважительный» характер по отношению к власти — правителю, министру, военной хунте или религиозному лидеру. «Авторитарный уклон» усиливается тем обстоятельством, что на международных встречах западные страны часто представлены правительственными чиновниками, склонными прислушиваться к мнению своих многочисленных коллег из других стран. Адекватный подход к развитию не может базироваться исключительно на воззрениях, свойственных представителям власти. Мировоззренческая база должна быть много шире, и потребность в участии населения в политической жизни не является всего лишь лицемерной болтовней. Участие общества в принятии решений неразрывно связано с идеей развития.

Что касается авторитарной интерпретации «азиатских ценностей», то, как мы показали, в прошлом азиатских стран — Восточной Азии и других регионов этого континента — ценности представлены в чрезвычайном разнообразии³⁰. Во многих аспектах это разнообразие выражено столь же ярко, как и в истории западной мысли. Сводить азиатскую историю к узкой категории авторитарных ценностей означает серьезно недооценивать богатство и разнообразность азиатской интеллектуальной традиции. Сомнительная история не может оправдывать сомнительную политику.

Глава 11

Общественный выбор и индивидуальное поведение

Людьми с давних пор владеет идея о том, что для определения и построения более совершенного общества можно полагаться на разум. Аристотель соглашался с Агафоном в том, что даже Бог не в силах изменить прошлое, но полагал, что будущее мы способны сотворить сами, если наш выбор будет разумным¹. Для этого нам нужна соответствующая оценочная система, а также институты, способствующие достижению наших целей и выполнению поставленных задач. Кроме того, для осуществления задуманного нам необходимо придерживаться определенных норм поведения и логики.

Прежде чем продолжить данную тему, обсудим причины, вызывающие у некоторых авторов скептицизм в отношении прогресса, основанного на разуме. Если эти причины окажутся безоговорочно вескими, то от теории, которой мы следуем в нашей книге, камня на камне не останется. Прямо скажем: глупо возводить амбициозную структуру на зыбучем песке.

Выделим три ветви скептицизма, требующие, по нашему мнению, особого внимания. Во-первых, нередко утверждается, что в условиях многообразия предпочтений и ценностей, которыми руководствуются люди даже в одном и том же обществе, невозможно создать непротиворечивую структуру для заключения разумного общественного договора. С такой точки зрения никаких рациональных и последовательных суждений общество в принципе выработать не в состоянии. Иногда для пущей убедительности используют знаменитую «теорему о невозможности» Кеннета Эрроу². Эту замечательную теорему обычно интерпретируют как доказательство невозможности рационального общественного выбора на базе индивидуальных предпочтений, и такой вывод оценивается как глубоко пессимистический. Мы еще вернемся к обсуждению теоремы Эрроу и ее наиболее интересным интерпретациям, и тогда нам особенно пригодится понятие «информационной базы», о которой мы говорили в главе 3.

Второе направление скептицизма облечено исключительно в методологическую форму и основано на недоверии к нашей способности получить то, что мы *желаем* получить, поскольку в реальной истории доминируют как раз «нежелательные последствия». О значении нежелательных последствий высказывались с различных позиций Адам Смит, Карл Менгер, Фридрих Хайек и многие другие³. Если большинство важных событий происходит произвольно (и не вследствие целенаправленных действий), то основанные на разуме попытки достичь желаемого выглядят вполне бессмысленными. Ниже мы попытаемся выяснить, какими именно соображениями и мотивами руководствовались те, кто высказывался по данной проблеме, начиная с Адама Смита.

Сомнения третьего рода отражают скептицизм, свойственный многим в отношении *содержательности* человеческих ценностей и поведенческих норм. Могут ли человеческие модели поведения преодолеть узость личного интереса? В случае отрицательного ответа в работе рыночного механизма, по мнению скептиков, ничего не изменится (поскольку он якобы апеллирует исключительно к человеческому эгоизму), но о социальных структурах, требующих от нас «общественной морали» и «выполнения общественного долга», следует забыть. Согласно этой точке зрения, рациональные социальные перемены происходят исключительно в рамках действующего рыночного механизма (даже если этот механизм порождает неэффективность, неравенство или нищету). Стремление к большему, с такой точки зрения, отдает безнадежным утопизмом.

Эта глава в основном посвящена роли ценностей и разумного суждения на пути к развитию и расширению свободы. Потому последовательно рассмотрим все три разновидности скептицизма.

Невозможность выбора и информационные базы

Для начала скажем, что теорема Эрроу доказывает совсем не то, что ей приписывают расхожие интерпретации. Выводы из этой теоремы действительно сводятся к невозможности рационального общественного выбора, но невозможности такого рода, которая возникает, когда мы пытаемся совершить общественный выбор, опираясь на ограниченную информацию. Рискуя чересчур упростить содержание теоремы, мы тем не менее позволим себе предложить одно из кратких ее толкований.

Обратимся к такому феномену, как «парадокс голосования», вызвавшему глубокий интерес французских математиков XVIII века

Кондорсе и Жан-Шарля де Борда. Допустим, персона 1 предпочитает выбор x выбору y , а выбор y она предпочитает выбору z . Пусть персона 2 предпочитает выбор y выбору z и выбор z выбору x , а персона 3 предпочитает выбор z выбору x и выбор x выбору y . Совершенно понятно, что в таком случае принцип большинства приведет к нелепостям. А именно: x количественно преобладает над y , который количественно преобладает над z , а тот, в свою очередь, преобладает над x . Теорема Эрроу доказывает, кроме всего прочего, что не только принцип большинства, но все механизмы принятия решений, опирающиеся на одну и ту же информационную базу (в данном случае на индивидуальные предпочтения среди предложенных альтернатив), приведут к несообразностям или погрешностям, если не последует авторитарного решения исходить из выбора какой-либо одной персоны.

Весьма впечатляющая и элегантная теорема Эрроу — один из самых блестящих аналитических результатов в области социальных наук. Но она вовсе не отменяет такой механизм принятия решений, который, в отличие от практики голосования, использует большее число информационных баз либо более разнообразную информацию. Принимая общественное решение по экономическим вопросам, вполне естественно обращаться к иным разновидностям информации.

Принципу большинства — состоятелен он или нет — не под силу запустить механизм разрешения экономических споров. Рассмотрим пример дележа торта между тремя индивидами, названными (не слишком изобретательно) 1, 2 и 3, при том что каждый из них голосует исключительно за максимальное увеличение своей доли торта. (Это условие упрощает наш пример, но никакой фундаментальной роли не играет и может быть заменено любым другим типом предпочтений.) Делить торт между тремя лицами можно любым способом. Например, мы всегда можем сослаться на принцип «улучшения положения большинства» и отнять часть доли одного индивида, разделив эту часть между двумя другими (т.е. между 2 и 3). И этот способ «улучшения» социальной ситуации сработает, учитывая, что общество следует принципу большинства, даже в том случае, если принесенный в жертву индивид (например, 1) — наименее беднейший из трех. Более того, мы можем и дальше «отщипывать» от доли беднейшего и делить добычу между двумя более богатыми, неизменно улучшая положение большинства. Такой процесс «улучшения» может продолжаться до тех пор, пока у беднейшей персоны

не отберут всю его долю. С точки зрения большинства это замечательный способ совершенствования социального устройства!

Принципы и правила такого рода создаются на основе информационной базы, содержащей исключительно личные предпочтения, без учета любой иной информации — например, кто беднее, а кто богаче, кто и сколько выигрывает (или теряет) от изменения в доходах и каким образом нашим персонам удалось заработать полученную ими долю. Информационная база для реализации такого типа правил, ярким примером которых является процедура принятия решения большинством, чрезвычайно ограничена и явно неадекватна для того, чтобы выносить информированные суждения по поводу экономических проблем социального содержания. И дело даже не в том, что опора на такую базу ведет к противоречиям (как показала теорема Эрроу), а в том, что нет никакой возможности принимать взвешенные общественные решения, опираясь на столь тощий пласт информации.

Социальная справедливость и информационная насыщенность

Опираясь на более приемлемые социальные правила, мы при дележе торта учтем разнообразные релевантные факты: кто беднее, а кто богаче, кто и в каком размере располагает социальными пособиями либо основными средствами существования, каким образом был «заработан» либо «добыт» торт и так далее. Утверждение, гласящее, что никакой иной информации не требуется (и что любая иная информация, будь она даже доступна, не повлияет на смысл принятого решения), лишает вышеупомянутые правила всякого интереса для тех, кто принимает экономические решения. Если придерживаться вышеуказанного мнения, то совместимость предпочтений, возникающая, кроме всего прочего, например, при дележе торта путем голосования, будет восприниматься скорее не как очередная проблема для исследователя, но как желанное освобождение от постоянной несовместимости приблизительных и информационно слабых процедур.

Если вспомнить пример, рассмотренный нами в начале главы 3, ни один из аргументов, приведенных в пользу Дину, Бишанну или Роджини, не применим в информационной базе теоремы Эрроу. Преимущество Дину в качестве кандидата в работники заключалось в том, что он был самым бедным, преимущество Бишанну — в том, что он был самым несчастным, преимущество Роджини — в ее тяжелой болезни. Все эти факторы остаются вне информационной

базы личных предпочтений трех индивидов (если следовать условиям теоремы Эрроу). В действительности, принимая экономические решения, мы обычно стремимся использовать более широкие пласты информации, чем нам позволяют это сделать методы, совместимые с теоремой Эрроу.

Однако, по нашему мнению, было бы неправильно понимать «теорему о невозможности» исключительно в духе «невозможного»⁴. Эрроу предлагает один из методов толкования общественных решений, основанных на индивидуальных обстоятельствах, и его теорема, а также совокупность других результатов, полученных на ее основе, доказывает, что возможное и невозможное ключевым образом зависит от того, какую информацию мы эффективно используем, принимая общественные решения. Благодаря информационному расширению, мы получаем шанс выработать внятные и последовательные критерии для вынесения социальных и экономических оценочных суждений. Собственно содержание научных трудов, появившихся в результате открытия Эрроу и посвященных «общественному выбору» (так называется эта область аналитических исследований), в изрядной мере посвящено как возможностям, так и обусловленным невозможностям⁵.

Общественное взаимодействие и частная договоренность

Кроме того, в связи с обсуждаемой проблемой необходимо отметить, что политика общественного консенсуса требует не только осуществления деятельности на основе *имеющихся* индивидуальных предпочтений, но и восприимчивости к социальным решениям, способствующим *развитию* индивидуальных предпочтений и норм. Здесь особое значение приобретает роль публичных дискуссий и взаимодействия при выработке общих ценностей и убеждений⁶. Наши представления о том, что справедливо, а что нет, обычно каким-то образом перекликаются с аргументами, предложенными для публичного обсуждения, и порой при согласовании взглядов мы идем на компромисс и даже на сделку, а порой проявляем упрямство и железную стойкость. Формирование предпочтений посредством общественного взаимодействия является одним из наиболее интересующих нас вопросов, и мы к нему еще вернемся в этой главе и в следующей.

Столь же важно уяснить, что согласованная система социального обеспечения и адекватная государственная политика не

нуждаются в полном единстве общественного мнения по всем альтернативным социальным возможностям. С помощью частных договоренностей мы получаем то, что хотим (и отвергаем то, чего не хотим), и реалистическое решение может быть основано на оговоренном принятии особых мнений в обход необходимости полного общественного единодушия⁷.

Отметим также, что суждения о «социальной справедливости» не требуют чрезвычайной точности и детализации. Вряд ли стоит всем миром биться над вопросом, почему налог в 39% справедлив, а налог в 39,5% — нет (или почему первый «справедливее» последнего). Скорее, необходимо прийти к действенному соглашению по основным вопросам, не вызывающим сомнений по части справедливости и несправедливости.

Действительно, стремление к полноте суждения о справедливости того или иного выбора не только тормозит практическую общественную деятельность, но и отражает недопонимание сути справедливости как таковой. Приведем яркий пример: соглашаясь, что вспышка голода, которую можно было предотвратить, социально несправедлива, мы тем не менее не станем настаивать на нашей способности определять *точный* размер продовольственной помощи гражданам как «наиболее справедливый». Мы не станем дожидаться формирования некоего идеального выбора, учитывающего тонкие различия и чреватого мелкими нестыковками, для того чтобы признать очевидную несправедливость таких лишений, как массовый голод, повышенная заболеваемость, преждевременная смертность, жестокая нищета, отсутствие ухода за детьми женского пола, порабощение женщин и прочих подобных явлений. Затертость понятия справедливости вследствие его слишком частого употребления приводит к тому, что оно не звучит в полную силу, когда речь заходит о тяжелых лишениях и неравенстве, столь характерных для мира, в котором мы живем. Справедливость — все равно что пушка, из которой (следуя старинной бенгальской поговорке) негоже палить по комарам.

Ожидаемые перемены и неожиданные последствия

Обратимся ко второй из выделенных нами причин скептицизма в отношении прогресса, основанного на разуме, а именно к предполагаемому доминированию «неожиданных» последствий и связанных с ними сомнений в возможности разумного и волевого движения вперед. С мыслью о том, что многие крупные исторические

перемены были вызваны непредвиденными последствиями предпринятых действий, легко согласиться. События часто развиваются не так, как мы планировали. Иногда мы можем быть только благодарны непредвиденным обстоятельствам, если вспомнить, что из остатков заплесневелой пищи был выделен пенициллин, а нацисты потерпели поражение потому, что Гитлер возомнил себя гениальным полководцем. И в целом надо обладать весьма ограниченным взглядом на историю, чтобы полагать, будто последствия обычно соответствуют ожиданиям.

Однако в несоответствии последствий и ожиданий не содержится ничего непреодолимого для рационалистического подхода, положенного в основу нашей книги. Наш подход требует не тотального отсутствия непредвиденных обстоятельств, а лишь разумных попыток инициирования социальных перемен, которые в соответствующих условиях приведут к благим результатам. Можно привести множество примеров успешных социальных и экономических реформ, основанных на вполне мотивированных программах. Стремление ко всеобщей грамотности, подкрепленное серьезными действиями, обычно увенчивается успехом, что мы и видим на примере Европы и Северной Америки, а также Японии и Восточной Азии в целом. Было покончено с эпидемиями оспы и других заболеваний либо их масштаб резко сокращен. Развитие государственного здравоохранения в европейских странах привело к тому, что медицинское обслуживание стало доступно большинству граждан в невиданной ранее степени. Происходящие события достаточно часто совпадают с нашими представлениями о них и более или менее — с представлениями людей, которые трудились над их осуществлением. Что до перечня провалов и отклонений, без которых история успеха была бы неполной, то такой перечень предоставляет нам возможность учиться на чужих ошибках и в следующий раз поступать правильно. Практическая учеба — незаменимая вещь для рационального реформатора.

Как же нам поступить с тезисом, который якобы отстаивал Адам Смит и, несомненно, защищали Карл Менгер и Фридрих Хайек, о том, что многие — если не большинство — благие явления стали непредвиденным результатом человеческих действий? «Философия», лежащая в основе такого возвеличивания неожиданных последствий, достойна серьезного анализа. Начнем с Адама Смита: во-первых, потому, что ему приписывается создание этой теории, а во-вторых, потому, что наша книга в изрядной степени пропитана «смитовским» духом.

Прежде всего придется напомнить, что Смит был настроен глубоко скептически в отношении нравственности богатых; нет другого автора (даже Карл Маркс тут уступает Смит), который бы так резко критиковал мотивы экономически обеспеченных, когда интересы последних сталкиваются с интересами бедных. В «Теории нравственных чувств», опубликованной в 1759 году (за семнадцать лет до выхода в свет «Богатства народов»), Адам Смит утверждал, что многие богатые собственники, движимые природным эгоизмом и алчностью, стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания»⁶. И тем не менее другие люди достаточно часто способны обратить себе на благо действия богатых, ибо деятельность различных людей может быть продуктивно комплиментарной. Смит не намеревался хвалить богатых за сознательную деятельность во благо других. Тезис о непредвиденных обстоятельствах стал продолжением скептицизма Смита по отношению к богачам. Они, эгоистичные и алчные, ведомы, по словам Смита, «невидимой рукой», когда служат «общественным интересам», богатые творят добро, «вовсе того не подозревая». Из этой фразы — и с небольшой помощью Менгера и Хайека — и родилась «теория неожиданных последствий».

Именно в таком контексте следует понимать знаменитое высказывание Смита в «Богатстве народов» — уже цитированное выше — о достоинствах экономического обмена: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов»⁹.

Мясник продает мясо потребителю не потому, что он желает поспособствовать благоденствию последнего, а потому, что хочет заработать денег. Точно так же булочник и пивовар преследуют свои личные интересы и в итоге помогают другим. Потребитель, в свою очередь, не собирается способствовать интересам мясника, пивовара и булочника, он преследует свои собственные интересы, покупая мясо, хлеб или пиво. Однако мясник, булочник и пивовар получают выгоду от того, что потребитель ищет удовлетворения. Индивидуума, как полагал Смит, «невидимая рука ведет к цели, не входившей в его предварительные намерения»¹⁰.

Вот из такого, довольно скромного, источника и родилось возвеличивание «неожиданных последствий». Карл Менгер объявил приведенную выше мысль Смита основополагающей в экономике (хотя он считал, что Смит проработал ее не до конца), а затем Фридрих Хайек развил эту теорию еще дальше, назвав ее «глубочайшим прозрением в области социальных наук»¹¹.

Насколько значительна эта теория? Хайек изрядно увлекся тем фактом, что существенные последствия часто бывают непредвиденными. Сам по себе этот факт вряд ли можно счесть поразительным. У любого действия очень много последствий, и только некоторые из них предусматривались действующими лицами. Вы встретили меня. В мои намерения вовсе не входило встречаться с вами на улице (я всего лишь опускал письмо в почтовый ящик), но встреча стала результатом моего выхода из дома. Возьмем другой пример: на вечеринке собралось много народу, вскоре становится очень жарко, и тогда температура превращается в весьма важный фактор в комнате, где происходит вечеринка. Никто не желал этого, но совместное присутствие привело к такому последствию.

Нужна ли особая проницательность, чтобы понять все это? По нашему мнению, если и нужна, то вполне заурядная. Трудно представить, что в выводе о полной непредвиденности многих последствий содержится глубокий смысл¹². Несмотря на наше восхищение Фридрихом Хайеком и его идеями (вероятно, вклад Хайека в развитие нашего понимания конституциональности, важности прав, значения социальных процессов и прочих основополагающих социальных и экономических концепций особенно велик), должен признаться, что этот скромный вывод не кажется нам революционным. Если, как утверждает Хайек, эта теория является «глубочайшим озарением», то тогда, наверное, глубины обмелели.

Однако на ту же самую проблему можно взглянуть с другой стороны, и, возможно, именно на таком взгляде настаивал Хайек. Суть не в том, что некоторые последствия не предусмотрены, а в том, что с помощью каузального анализа нежелательные последствия можно в какой-то мере *предсказать*. В самом деле, мясник способен предсказать, что обмен мяса на деньги принесет выгоду не только ему, но и потребителю (покупателю мяса), а значит, их взаимоотношения идут на пользу обоим и, следовательно, обретают прочность. Точно так же пивовар, булочник и их покупатели могут надеяться на прочность таких экономических отношений. *Неожиданные* последствия не обязательно должны быть *непредсказуемыми*, и данное обстоятельство многое меняет. Уверенность сторон в длительности обоюдных рыночных отношений покоится исключительно на подобных предсказаниях, озвученных либо подразумеваемых.

Если понимать теорию неожиданных последствий таким образом (в смысле *предвидения* важных, но неожиданных последствий), то она нисколько не враждебна проведению реформ на

рациональной основе. И даже напротив. В процессе экономического и социального осмысления возможно учесть последствия, к которым мы не стремимся, но которые тем не менее станут результатом функционирования институциональных структур, и в таком случае мы сможем точнее оценить необходимость данных институциональных структур с учетом вероятности различных неожиданных последствий.

Несколько примеров из китайского опыта

Бывает, что реальные последствия оказываются как неожиданными, так и непредвиденными. Подобные случаи важны не только для того, чтобы напомнить об обманчивости человеческих ожиданий, но и для того, чтобы стать важным подспорьем в обучении будущих стратегов. Думается, несколько примеров из современной истории Китая помогут проиллюстрировать данное соображение.

Начиная с 1979 года, когда Китай приступил к экономическим реформам, немало было сказано об очевидно негативном воздействии экономических реформ на некоторые социальные завоевания, включая функционирование сельских структур здравоохранения. В намерения реформаторов такие негативные социальные эффекты не входили, но тем не менее они имели место. Например, введение в китайском сельском хозяйстве в конце 1970-х годов «системы личной ответственности», покончившей с прежней кооперативной системой (и положившей начало беспрецедентному подъему в сельском хозяйстве), привело к значительным трудностям в финансировании сельского здравоохранения. Прежде здравоохранение в большой степени финансировалось через кооперативную систему на «недобровольной» основе. Введение добровольного медицинского страхования среди сельского населения оказалось очень нелегкой задачей. Очевидно, это обстоятельство препятствовало поддержанию прежнего уровня и совершенствованию системы здравоохранения в период, последовавший сразу после начала реформ. Предположительно, такие последствия оказались сюрпризом для реформаторов, и если наша догадка верна, то мы осмеливаемся утверждать, что результаты можно было предсказать на основе более полного изучения процесса финансирования здравоохранения в Китае и других странах.

Рассмотрим пример из другой области: принудительные меры по планированию семьи (включая политику «один ребенок на семью»), введенные в Китае в 1979 году с целью понизить уровень

рождаемости, явно отрицательно повлияли на снижение младенческой смертности, особенно младенцев женского пола (о чем уже говорилось в главе 9). На фоне некоторого ухудшения ухода за новорожденными девочками возросла смертность последних (дело доходило даже до детоубийства), а также повысилось число аборт по половому признаку плода. Причиной послужило то, что семьи, стремясь соблюдать государственные нормы количества детей, не желали при этом отказываться от предпочтения сыновей дочерям. Архитекторы социальных реформ и обязательного планирования семьи не желали столь неблагоприятного влияния на младенческую смертность в целом и смертность новорожденных девочек в частности, как и не хотели поощрять аборт по половому признаку плода. Они лишь намеревались снизить рождаемость. Но печальные результаты налицо, и теперь они требуют внимания и корректировки.

Суть проблемы такова: были ли эти отрицательные последствия предсказуемы и можно ли было их *предвидеть*, даже если они и не планировались. Экономические и социальные реформы в Китае изрядно выиграли бы от более тщательного анализа причин и следствий, включая неожиданные последствия. То обстоятельство, что отрицательные последствия не *планировались*, не означает, что их нельзя было предсказать. Более ясное осмысление таких последствий привело бы к более правильному пониманию проводимых перемен и, вероятно, способствовало бы созданию превентивных либо корректирующих стратегий.

Эти примеры из современного опыта Китая относятся к неожиданным последствиям, неблагоприятно сказавшимся на социальной ситуации. Характер таких непредвиденных эффектов отличается от характера основного типа неожиданных последствий, о которых говорили Адам Смит, Карл Менгер и Фридрих Хайек, — они рассматривали последствия, как правило, *благоприятные*. Однако между этими двумя типами последствий имеется главное сходство, даже если в одном случае неожиданные последствия благоприятны, а в другом напротив.

У *благоприятных* неожиданных последствий (тема Смита, Менгера и Хайека) существуют параллели в области экономического планирования в Китае, хотя, чтобы обнаружить их, нам придется обратиться к иным главам современной китайской истории. По мере углубления анализа экономического прогресса в странах Восточной и Юго-Восточной Азии становится все более очевидным, что не только открытость экономики — и больший упор на внутреннюю

и внешнюю торговлю — привела к столь быстрому экономическому переустройству в этих странах. Немалую роль сыграли предвзятые меры, способствовавшие позитивным социальным переменам, такие как земельная реформа, распространение образования и грамотности и совершенствование здравоохранения. В данном случае мы видим не столько социальные последствия экономических реформ, сколько экономические последствия социальных реформ. Рыночная экономика, можно сказать, расцветает на почве соответствующего социального развития. И, как недавно осознала Индия, ущербность социального развития серьезно замедляет экономическое развитие¹³.

Когда и как произошли социальные перемены в Китае? Основной «костяк» социальных перемен пришелся на дореформенный период, предшествовавший 1979 году; более того, многое в этом отношении было сделано в период активной политики Мао. Желал ли Мао заложить фундамент рыночной экономики и капиталистического развития (что ему определенно удалось)? Вряд ли подобную гипотезу можно принимать всерьез. И тем не менее маоистская политика в отношении земельной реформы, распространения грамотности, расширения структур здравоохранения и прочего оказала благоприятный эффект на экономический рост в реформированном Китае. Зависимость успеха реформированного Китая от результатов, достигнутых в дореформенном Китае, требует более тщательного осмысления¹⁴. Неожиданные последствия сыграли здесь также важную роль.

Поскольку зарождение в Китае процветающей рыночной экономики представлялось Мао невероятным, неудивительно, что он не задумывался о частных последствиях социальных перемен, которые были проведены под его руководством. И здесь мы обнаруживаем тесную связь с главной темой нашей книги — потенциальными возможностями. Вышеупомянутые социальные перемены (распространение грамотности, развитие здравоохранения и земельная реформа) действительно расширяют потенциальные возможности человека вести достойное и менее уязвимое существование. Но эти возможности связаны также с повышением производительности труда и увеличением занятости населения (с наращиванием так называемого «человеческого капитала»). Зависимость между человеческими возможностями в целом и человеческим капиталом в частности можно считать вполне предсказуемой. Хотя в намерения Мао расцвет рыночной экономики в Китае никоим

образом не входил, социальным аналитикам — даже в то время — ничто не мешало предсказать возникновение такой взаимосвязи. Предвидение иных социальных отношений и анализ каузальных связей помогают нам разумно судить о социальной организации общества и вероятных направлениях социальных перемен и прогресса.

Таким образом, предвидение неожиданных последствий является частью — но никак не отрицанием — рационального подхода к организационной реформе и социальным переменам. Положения, развитые Смитом, Менгером и Хайеком, настоятельно подталкивают нас к изучению побочных последствий (что сами авторы теории и делали), и было бы огромной ошибкой полагать, что феномен неожиданных последствий отменяет потребность в рациональном осмыслении всяческих последствий — как неожиданных, так и ожидаемых. В теории Менгера — Хайека не содержится ничего, что умаляло бы значимость попыток предвидеть все вероятные последствия альтернативных стратегий, и ничего, что отрицало бы необходимость принятия решений на основе рационального осмысления альтернативных вариантов развития событий.

Социальные ценности и общественный интерес

Переходим к третьему аргументу. Как относиться к утверждению, что человеческие существа абсолютно эгоистичны? Что мы можем противопоставить глубокому скептицизму в отношении расширения социальных ценностей? Действительно ли любая разновидность свободы, которой пользуется человек, реализуется столь эгоистичным способом, что социальный прогресс, основанный на разуме, и общественная деятельность представляются абсолютно иллюзорными?

По нашему мнению, такого рода скептицизм совершенно не оправдан. Личный интерес, разумеется, чрезвычайно важный мотив, и многие экономические исследования и типы общественного устройства пострадали от того, что пренебрегли этой исходной мотивацией. Однако мы изо дня в день становимся свидетелями акций, отражающих те ценности, в которых явственно содержатся социальные компоненты, намного расширяющие узкие границы сугубо эгоистичного поведения. Обмен мнениями и эволюционный отбор поведенческих моделей способствует формированию социальных норм. По этому вопросу существует огромный свод литературы, и потому мы не станем останавливаться на нем чересчур подробно¹⁵.

Важные общественные дискуссии и представления о справедливости имеют прямое отношение к самому главному — индивидуальной свободе. Это не означает, что человек неизменно обращается к представлениям о справедливости или своей способности взвешенно рассуждать о социальных проблемах каждый раз, когда он решает, как ему использовать свою свободу. Но чувство справедливости — одна из тех данностей, которая подталкивает человека не только к теоретической, но и практической деятельности. Социальные ценности всегда играли важную роль в процветании различных форм общественного устройства, таких как рыночный механизм, демократическая политика, базовые гражданские и политические права, обеспечение граждан элементарными общественными благами и институты гражданских акций и протеста.

Разные люди обычно весьма по-разному интерпретируют этические воззрения, включая идею социальной справедливости, и порой человек даже бывает не уверен, как ему систематизировать свои мысли на этот счет. Однако фундаментальные представления о справедливости не чужды «социальным существам», пекущимся о собственных интересах, но обладающим способностью заботиться о членах своей семьи, соседях, согражданах и прочих людях, живущих в этом мире. Мысленный эксперимент с «беспристрастным наблюдателем», столь блистательно проведенный Адамом Смитом (и начавшийся с кардинального вопроса: «Что об этом подумает „беспристрастный наблюдатель?“») формализует неформальную — и распространенную — идею, которая приходит в голову многим из нас. В сознании человека нет нужды искусственно высвобождать место для представлений о справедливости и честности по отношению к ближнему посредством нравственных «атак» и этических разглагольствований. Такое пространство уже существует, и вопрос состоит в том, как систематически, эффективно и последовательно использовать воззрения, общие для всех людей.

Роль ценностей при капитализме

Хотя основным двигателем капитализма часто полагают алчность, эффективное функционирование капиталистической системы во многом зависит от развитости систем ценностей и норм. Видение капитализма как системы, базирующейся исключительно на алчности, означает существенную недооценку этики капитализма, без которой он не достиг бы столь впечатляющих успехов.

Использование формальных экономических моделей для понимания функционирования рыночных механизмов — что является стандартной практикой в экономической теории — в некоторой степени палка о двух концах. С помощью таких моделей можно понять, как функционирует реальный мир¹⁶. Но, с другой стороны, структура модели зачастую скрывает некоторые воззрения, формирующие устойчивые отношения, на которых строится эта модель. Успешный рынок функционирует не только на базе «дозволенного» обмена, но и на твердой институциональной основе (например, на эффективной правовой системе, охраняющей незыблемость заключенных контрактов) и поведенческой этике (в результате которой действительность контракта не требует постоянного подтверждения в суде). Углубление и использование доверия к словам и обещаниям противной стороны становится важным компонентом рыночного успеха.

То обстоятельство, что возникновению и развитию капиталистической системы способствовала не только безудержная алчность, было, разумеется, давно ясно поборникам капитализма. Манчестерские либералы боролись не за победу алчности и эгоизма. Их концепция человечности включала в себя более обширный набор ценностей. Хотя они с нескрываемым оптимизмом оценивали шансы человека (предоставленного самому себе) на успех, они совершенно верно отмечали некоторую спонтанность человеческих чувств по отношению к другим людям и уповали на просвещение, с помощью которого человек осознает необходимость взаимовыгодного поведения (без постоянного вмешательства государства).

То же самое относится и к Адаму Смиту, изучавшему разнообразие ценностей, на которые опираются экономические, социальные и политические отношения. Даже первые исследователи капитализма (например, Монтескье и Джеймс Стюарт), понимавшие капитализм как разновидность замещения «страстей» «интересом», обращали внимание на тот факт, что преследование личного интереса разумным и рациональным способом в моральном смысле много совершеннее, чем действия, вызванные необузданным желанием либо тираническими наклонностями. Интерес, полагал Джеймс Стюарт, — «наиболее эффективное противоядие от безумия деспотизма». Как показал Альберт Хиршман в своей блестящей работе, первые поборники капитализма полагали, что возникновение капиталистической этики приведет к облагораживанию поведенческих мотиваций, которые «в некоторой степени пробуждают в человеке добрые начала, умалая злые»¹⁷.

Несмотря на присущую ей эффективность, капиталистическая этика в некоторых отношениях весьма ограничена, особенно когда речь заходит об экономическом неравенстве, защите окружающей среды и необходимости различных видов рыночного сотрудничества. Однако внутри рыночной системы капитализм функционирует эффективно благодаря этической системе, обеспечивающей доверие внутри сообщества и создающей предпосылки, необходимые для успешного использования рыночного механизма и связанных с ним институтов.

Деловая этика, доверие и контракты

Успешное функционирование экономики обмена зависит от взаимного доверия и использования норм поведения — согласованных и подразумеваемых¹⁶. Когда такие поведенческие модели повсеместны, легко не заметить их важности. Но когда их необходимо культивировать, имеющийся пробел становится серьезным препятствием для экономического успеха. В странах с докапиталистическими пережитками не раз возникали проблемы по причине неразвитости капиталистических «добродетелей». Потребность капитализма в мотивационных структурах (более сложных, чем исключительно увеличение прибыли) давно признана многими ведущими учеными, такими как Маркс, Вебер, Тоуни и другие¹⁸. То, что некоммерческие мотивы способствуют успеху капитализма, — мысль не новая, хотя современные профессиональные экономисты часто пренебрегают обширными историческими свидетельствами и концептуальными выкладками по этому вопросу²⁰.

Базовый код хорошего поведения в бизнесе сродни кислороду: мы интересуемся его наличием только при его отсутствии. Адам Смит отметил эту общую тенденцию, сделав любопытное замечание в своей книге «История астрономии»: «... если предмет нам хорошо известен и мы видим его каждый день, то, невзирая на всю его красоту и величие, он производит на нас крайне слабое впечатление, ибо наше восхищение не подпитывается Чудом и Изумлением»²¹.

То, что не вызывает изумления и восхищения в Цюрихе, Лондоне или Париже, становится, тем не менее, проблемой в Каире, Бомбее или Лагосе (или в Москве), где ведется трудная борьба за установление норм и институтов эффективной рыночной экономики. Даже в Италии проблема политической и экономической коррупции, о которой много говорят в последние годы (что привело к радикальным переменам в политической расстановке сил в этой стране),

относится в изрядной мере к несколько двойственному характеру итальянской экономики, сочетающей элементы «слаборазвитой» экономики с элементами по-капиталистически динамичными.

Среди экономических трудностей, переживаемых бывшим Советским Союзом и странами Восточной Европы, отсутствие институциональных структур и поведенческих норм, необходимых для успешного развития капитализма, играет особую роль. Существует потребность в развитии альтернативной системы институтов и правил, обладающих собственной логикой и благонадежностью, которые в продвинутых капиталистических странах являются стандартом поведения, но которые нелегко внедрить в короткий срок в качестве составляющей «запланированного капитализма». Должно пройти некоторое время, чтобы такие перемены осуществились, — этот урок в настоящее время с немалым трудом заучивают бывший Советский Союз и страны Восточной Европы. На волне энтузиазма, вызванного волшебным и якобы автоматически действующим свойством рынка гарантировать успех, значение институтов и поведенческого опыта выпало из поля зрения этих стран.

Потребность в институциональном развитии напрямую связана с ролью поведенческих норм, поскольку институты, базирующиеся на межличностных договоренностях и одинаковом толковании вещей, функционируют на базе общих для всех поведенческих моделей, взаимном доверии и уверенности в этичности противной стороны. Уверенность в соблюдении правил поведения присутствует скорее на подсознательном уровне, и о важности этих правил забывают, когда уверенность в общих правилах не вызывает проблем. Но когда такая уверенность проблематична, недооценивание поведенческих правил может привести к катастрофическим последствиям. В последнее время мафиозный стиль поведения, наблюдаемый в странах бывшего Советского Союза, привлек к себе особое внимание, но прежде чем приступить к этому вопросу, необходимо остановиться на поведенческих предпосылках, включая анализ Адама Смита огромной роли «общепринятых правил поведения».

Разнообразие норм и институтов в рыночной экономике

Поведенческие нормы отличаются большой неоднородностью даже в развитых капиталистических странах (как и их эффективность в обеспечении функционирования капиталистической системы).

Хотя капитализм достиг чрезвычайных успехов в радикальном увеличении выпуска продукции и повышении производительности труда, тем не менее опыт различных стран достаточно разнообразен. Успехи стран Восточной Азии (в последние десятилетия) и особенно впечатляющие достижения Японии (начало которым было положено много раньше) затрагивают важный вопрос о моделировании капитализма в национальных экономических теориях. Понимать капитализм как систему, нацеленную исключительно на повышение прибылей и основанную на индивидуальном владении капиталом, значит упускать многое из того, что сделало эту систему столь успешной в повышении производительности и росте доходов.

Японию часто считают образцовым примером успешной капиталистической страны, и, несмотря на длительный период экономического спада и финансовые скандалы, этот диагноз до сих пор остается в силе. Однако мотивационная модель, доминирующая в японском бизнесе, куда более содержательна, чем требуется для максимального увеличения чистой прибыли. Мотивационные особенности, свойственные японцам, стали предметом исследования многих ученых. Микио Морисима подчеркивал специфические черты «японского этоса», истоки которого тянутся из прошлого Японии и который формирует поведение, основанное на строгих правилах²². Рональд Дор и Роберт Уэйд обнаружили в Японии влияние «конфуцианской этики»²³. Масахико Аоки рассматривал сотрудничество и поведенческие нормы с позиций восприимчивости к стратегическому мышлению²⁴. Котаро Судзумура подчеркивал сочетание чувства долга с атмосферой конкуренции и взвешенной социальной политикой²⁵. Эйко Икегами обращал особое внимание на влияние самурайской культуры²⁶. Существуют и другие толкования японских поведенческих моделей.

В абсурдном, на первый взгляд, заявлении, опубликованном в «The Wall Street Journal»: «Япония — единственная страна, построившая коммунизм», — есть доля истины²⁷. Эта загадочная фраза указывает на некоммерческие мотивации, нередко присутствующие в экономической и деловой активности японцев. Нельзя понять и истолковать этот любопытный факт иначе, как признав, что в одной из наиболее экономически процветающих капиталистических стран мира мотивационная структура отклоняется в некоторых существенных моментах от простого преследования личного интереса, который — как нам твердят — является краеугольным камнем капитализма.

Япония ни в коем случае не единственный пример страны, где капиталистический успех был достигнут с помощью особой деловой этики. Роль бескорыстного труда и преданность делу в повышении производительности также отмечались в качестве важного фактора экономических достижений во многих странах, тем более что даже среди наиболее развитых индустриальных наций вариантов поведенческих моделей насчитывается немало.

Институты, поведенческие нормы и мафия

Для того чтобы подвести итог обсуждению различных аспектов той роли, которую играют ценности в успехе капиталистической системы, мы должны понять, что содержание этики, лежащей в основе капитализма, много богаче, чем возвеличивание алчности и восторженное одобрение корыстолюбия. Успех капитализма, изменивший общий уровень экономического процветания в мире, основан на морали и поведенческих нормах, обеспечивающих экономичность и эффективность рыночных сделок. Используя возможности, предоставленные рыночными механизмами, и расширяя торговлю и обмен, развивающимся странам следует обратить внимание не только на достоинства расчетливого поведения, но и на роль сопутствующих ценностей, таких как создание и поддержание атмосферы доверия, отказ от соблазнов коррупции во всех сферах и превращение делового обязательства в рабочий инструмент, заменяющий карательные юридические меры. В истории капитализма базовые капиталистические поведенческие модели и связанные с ними достижения и опыт значительно варьировались, и тут тоже есть чему поучиться.

Среди серьезных задач, стоящих перед капитализмом в современном мире, значатся проблемы неравенства (особенно наличие ужасной нищеты в мире беспрецедентного изобилия) и общественных благ (т.е. тех благ, которыми граждане пользуются совместно, например окружающей средой). Решение этих проблем непременно потребует создания институтов, выходящих за рамки капиталистической рыночной экономики. Но и действенность капиталистической рыночной экономики можно во многих отношениях расширить за счет развития этического подхода к данным проблемам. Перед нами встает важный вопрос сочетаемости рыночного механизма с широким набором ценностей, и этому вопросу необходимо уделять большое внимание наряду с исследованием возможностей функционирования институциональных структур вне рамок рыночного механизма.

Проблемы, связанные с поведенческими нормами и привлекающие к себе большое внимание экономистов, касаются экономической коррупции и ее связи с организованной преступностью. В Италии в публичных дискуссиях на эту тему часто упоминаются так называемые «этические кодексы». Поэтому возникла мысль об использовании таких кодексов чести и долга в борьбе с незаконными и нечестными приемами влияния на общественную политику; и этот способ исправления ситуации сочли неплохим средством в числе прочих для снижения контроля мафии над действиями правительства²⁸.

В относительно примитивных сферах экономики имеются общественные функции, которые способны выполнять организации подобные мафии — например, гарантировать взаимовыгодность сделок. Функции мафиозных организаций во многом определяются поведенческими моделями, действующими в легальной, а не «теневой» экономике. Стефано Дзаманьи и другие приводят в пример роль, которую играют мафиозные организации в обеспечении надежности контрактов и сделок²⁹. Рыночная система нуждается в действенных структурах, не позволяющих одной из договаривающихся сторон подвести другую. Безопасность такого рода либо обеспечивается законом и его применением, либо — альтернативно — зиждется на взаимном доверии и присутствии человеку чувству долга³⁰. Поскольку деятельность правительства в этой сфере бывает ограничена или недостаточна эффективна, многие сделки в бизнесе заключаются на основе доверия и чести.

Когда же стандарты рыночной этики еще не установлены и атмосфера доверия в бизнесе развита недостаточно, нелегко контролировать выполнение условий контракта. В подобных обстоятельствах пустующую нишу контролеров занимает некая организация, предлагающая социально значимые услуги в форме силового давления. Такую роль способна сыграть организация вроде мафии, и в докапиталистической экономике, внезапно переведенной на капиталистические рельсы, действия мафии получают одобрение. В зависимости от характера взаимоотношений силовая структура такого типа может оказаться полезной для различных сторон, многие из которых отнюдь не заинтересованы в усилении коррупции или преступности. Каждая из договаривающихся сторон попросту нуждается в «подтверждении» экономической честности противоположной стороны³¹.

Роль, которую играют силовые организации в обеспечении такого «подтверждения», определяется отсутствием кодексов поведения, которые снизили бы необходимость во внешнем силовом давлении. Гарантийные функции нелегальных организаций сойдут постепенно на нет с повышением уровня доверия и появлением поведенческих моделей, порожденных доверием. Следовательно, между поведенческими нормами и институциональной реформой существуют тесные отношения дополнительности³². Это общее положение необходимо учитывать, рассматривая проблему влияния мафиозных организаций, особенно в экономически отсталых странах.

Хотя мафия и внушает отвращение, необходимо выяснить, каков экономический фундамент ее влияния, и, не ограничиваясь признанием убедительной силы перестрелок и взрывов, выявить те экономические функции, которые превращают мафию в функционально значимую часть экономики. Функциональная привлекательность мафии померкнет, когда и как только в результате одновременного усиления правовой защиты сделок и формирования поведенческого стереотипа, основанного на взаимном доверии и нормативных кодексах, сама роль мафии в экономической области станет излишней. Таким образом, наблюдается прямая связь между ограниченной развитостью нормативного поведения в бизнесе и контролем над экономикой со стороны организованной преступности.

Окружающая среда, регулирование и ценности

В последнее время интенсивно обсуждается необходимость выйти за рамки рыночных правил в контексте защиты окружающей среды. Уже были достигнуты некоторые договоренности и внесено немало предложений относительно государственного урегулирования этой проблемы, а также создания соответствующих стимулов посредством налогов и субсидий. Но здесь важен вопрос об этическом поведении в смысле выработки норм, благоприятных для окружающей среды. Данный аспект прекрасно согласуется с мыслями Адама Смита, которые он подробно изложил в «Теории нравственных чувств», хотя в те времена проблема защиты окружающей среды не стояла столь остро (и Смит к ней открыто не обращался).

Кроме того, экологические проблемы перекликаются с беспорядком Смита (как уже упоминалось в главе 5) по поводу никчемности результатов, производимых активностью «расточителей и прожектеров». Смит стремился ограничить последствия бессмысленных

инвестиций посредством контроля над процентной ставкой, поскольку опасался способности никчемного инвестора предложить более высокий процент, но при этом не улучшить сколько-нибудь значительно жизнь на нашей планете²³. Смит увязывал свою поддержку вмешательства в данную область с необходимостью контролировать ростовщичество — рекомендация, за которую он «получил выговор» от Иеремии Бентама²⁴.

Современные «расточители и прожектеры» вносят свой «вклад» в загрязнение воздуха и воды, и теоретический анализ Смита способствует пониманию возникающих проблем и трудностей, а также различных способов исправления сложившейся ситуации. Здесь важно уяснить значение введения новых правил и поведенческих ограничений. Экологические задачи являются частью более общей проблемы, связанной с распределением ресурсов, в том числе «общественных благ», когда удобствами пользуются сообщца, а не индивидуально. Для эффективного распределения общественных благ следует не только учитывать действенность государственных и социальных мер, но и изучить роль, которую в рамках данной проблемы способно сыграть развитие социальных ценностей и чувство ответственности, что в результате приведет к снижению потребности в насильственных государственных мерах. Например, развитие экологической этики может частично заменить введение принудительных правил.

Расчетливость, сочувствие и долг

Зачастую в экономической и политической литературе (реже в философской) термин «рациональный выбор» в смысле процедуры систематического выбора, основанного исключительно на стремлении к личному преимуществу, используется с захватывающей дух легкостью. Если понимать «личное преимущество» исключительно в узком смысле, то трудно ожидать, что в такой «рациональной» модели соображения этики и справедливости либо забота о будущем окажут серьезное влияние на наш выбор или действия.

Обязательно ли трактовать рациональность столь узко? Если рациональное поведение подразумевает целенаправленное продвижение к намеченной цели, то почему тогда не признать целенаправленные просьбы о сочувствии или целенаправленную борьбу за справедливость проявлением рационального выбора? Рассуждая об отклонениях от сугубо эгоистичного поведения, выделим для удобства два фактора таких отклонений, а именно «сочувствие»

и «долг»³⁶. Прежде всего, наша концепция личного интереса может включать в себя заботу о других, и, таким образом, сочувствие инкорпорируется в понятие личного благосостояния в широком смысле. Далее, расширяя рамки наших представлений о благосостоянии и личном интересе, мы способны добровольно пойти на жертвы ради посторонних целей, таких как социальная справедливость, национальная независимость или общественное благоденствие (даже за счет личных потерь). Этот вид отклонения, подразумевающий скорее *чувство долга*, нежели *сочувствие*, связан с ценностями, отличающимися от личного благосостояния или интереса (в том числе от эгоистичного интереса, который мы преследуем, обеспечивая интересы тех, кому сочувствуем).

Проиллюстрируем данное различие на следующем примере. Когда вы помогаете неимущему человеку по той причине, что его бедственное положение вас очень расстраивает, вы совершаете действия, основанные на сочувствии. Но если положение неимущих вас не столько расстраивает, сколько наполняет решимостью изменить систему, которая представляется вам несправедливой (или, в более общем смысле, ваша решимость не объясняется целиком вашими переживаниями по поводу бедствий, порождаемых нищетой), то ваши действия основаны на убеждениях.

Важно подчеркнуть, что, сочувственно откликаясь на беды других, мы не жертвуем ни своим личным интересом, ни благосостоянием. Помощь неимущему улучшает наше самочувствие в том случае, если мы ему действительно сострадаем. Однако поведение, продиктованное чувством долга, подразумевает жертву с нашей стороны, поскольку основанием для попытки помочь служит чувство справедливости, а не желание облегчить свое собственное сочувственное страдание. Тем не менее в исполнении долга присутствует элемент «личного», ибо мы следуем собственному чувству долга. Но еще важнее то обстоятельство, что, независимо от последствий исполнения долга относительно личных преимуществ (или благосостояния), такое поведение необязательно подразумевает отказ от собственной рациональной воли³⁶.

Адам Смит видел необходимость в обоих видах поведенческих отклонений. «Наиболее человеческие поступки, — заявлял он, — не требуют от нас ни самопожертвования, ни самоотверженности, ни большей проникновенности чувством приличия», поскольку к таким поступкам нас подталкивает «наше невольное сочувствие»³⁷. «Совсем иное дело — великодушие». Последнее относится

скорее к общественным ценностям, таким как справедливость, которые требуют от человека ограничить личный интерес, заставляют беспристрастного наблюдателя задуматься о принципах своего поведения и, возможно, сильнее проникнуться общественным духом³⁸.

Ключевым пунктом во взглядах Смита на «человеколюбие и справедливость» является согласие, «существующее между чувствами действующего лица и чувствами постороннего наблюдателя»³⁹. В смитовской концепции рациональной личности эта личность всегда находится в окружении других — в центре общества, к которому она принадлежит. Мнение личности и ее поступки подразумевают присутствие других, и индивидуальное не отделяется от общественного.

В таком контексте нельзя не усомниться в распространённой характеристике, данной Адаму Смиту, отцу современной экономики, как несгибаемому поборнику личного интереса. В экономике (и в публичных дискуссиях в целом) традиционно считается, что под рациональной сферой Смит понимал исключительно личный интерес (и ничего больше его якобы не заботило). Эта традиция подкрепляется несколькими цитатами — обычно одной (о булочнике, пивоваре и мяснике, которую мы приводили выше), — произвольно вырванными из обширного наследия Адама Смита. В результате сформировалось весьма искажённое толкование взглядов Смита, итог которому подвел Джордж Стиглер (в прочих отношениях прекрасный экономист): «Личный интерес правит большинством людей»⁴⁰.

Верно, что Смит в своем высказывании, цитируемом невероятно часто (иногда даже не совсем кстати), утверждал, что мы не нуждаемся в понятии «благоволение», чтобы объяснить, почему мясник, пивовар и булочник *хотят* продать нам свои продукты и почему мы *хотим* купить их продукты⁴¹. Смит был абсолютно прав, указывая, что *мотивация* во взаимовыгодном обмене не требует ничего, кроме того, что Смит называл «эгоизмом», и это необходимо подчеркнуть, поскольку обмен играет центральную роль в экономическом анализе. Но в отношении других проблем — распределения, равенства и подчинения правилам ради эффективности производства — Смит понимал мотивации много шире. Хотя он неизменно полагал бережливость из всех добродетелей самой полезной человеку, в более широком контексте Смит объяснял, почему «человеколюбие, справедливость, великодушие и желание общественного долга суть добродетели весьма полезные для прочих

людей»⁴². Разнообразные мотивации, которые мы благоразумно примиряем друг с другом, на самом деле занимают центральное место в многогранном анализе человеческого поведения, проведенном Смитом. И смысл этого анализа весьма далек от афоризма Джорджа Стиглера и еще дальше — от карикатурных представлений о Смите как о главном гуру личного интереса. Можно сказать, слегка переиначивая Шекспира, что если одни рождаются маленькими, а другие с годами умаляются, то Адама Смита умалили насильственно⁴³.

Здесь речь идет о том, что великий современный философ Джон Роулз назвал «нравственными способностями», свойственными всем нам: «склонность к справедливости и постижению добра». Роулз полагает, что эти человеческие способности наряду с «умением рационально рассуждать (оценивать, мыслить и приходить к умозаключению на основе этих мыслительных способностей)» и определили «традицию демократической мысли»⁴⁴. Роль ценностей в человеческом поведении поистине велика, и отрицание данного обстоятельства приводит не только к отклонению от традиции демократической мысли, но и к ограниченному взгляду на нашу рациональность. Именно способность к рациональному мышлению позволяет нам исходить в наших поступках как из идеалов и чувства долга, так и из личных интересов и стремления к выгоде. Отрицание такого рода свободы мысли приводит к серьезному обеднению нашей рациональности.

Эволюция мотивированного выбора

Если говорить о требованиях к рациональному поведению, то такое поведение должно не ограничиваться выбором непосредственных и изолированных целей, а стремиться к формированию устойчивых целей, исходя из их эффективности и долгосрочности. Недавние исследования по формированию предпочтений и роли эволюции в этом процессе значительно расширили содержание и сферу применения теории рационального выбора⁴⁵. Если даже ни у одного индивида *в принципе* нет причин ратовать за справедливость и этичность, подобные соображения могут быть инструментально значимы для экономического успеха, и благодаря такому преимуществу они остаются актуальными, в отличие от некоторых иных конкурирующих правил из кодекса общественного поведения.

Тип «опосредованного» мышления, основанного на «побочных» соображениях, можно сравнить с поведенческими правилами, намеренно выбранными индивидом посредством этического

рассуждения о том, как «должно» поступать (этот тип поведения был блистательно проанализирован, например, Иммануилом Кантом и Адамом Смитом)⁴⁶. Кроме того, различные этические причины, побуждающие «напрямую» — а не опосредованно — ратовать за справедливость и альтруизм, описаны и в современных исследованиях по этике. Практическая этика поведения охватывает, в задачу к чисто нравственным моментам, разнообразные влияния социального и психологического характера, включая довольно неоднзначные нормы и нравственные установки⁴⁷.

Стремление к справедливости может совпадать с нашими намерениями как по «непосредственным», так и «побочным» причинам, и такое стремление вовсе не обязательно полагать «альтернативным». Даже если поведенческие нормы и установки возникают на этических, социальных либо психологических основаниях, их живучесть и долгосрочность не могут не зависеть от последствий применения данных норм и вызванных ими эволюционных процессов. С другой стороны, рассматривая эволюционный отбор внутри некой системы предпочтений, вряд ли стоит приписывать возникновение неэгоистического поведения *исключительно* эволюционному отбору, отбрасывая за ненадобностью независимую роль рационального мышления. Сочетание сознательной и эволюционной селекции внутри одной системы предпочтений вполне вероятно⁴⁸.

Ценности, оказывающие на нас влияние, формируются различными способами. Во-первых, они зарождаются в процессе *размышления и анализа*. Размышления могут базироваться на прямой связи с нашими установками и задачами (как указывали Кант и Смит) либо на опосредованной связи с последствиями хорошего поведения (например, с преимуществом хорошей репутации или способности вызывать доверие).

Во-вторых, формирование ценностей может происходить на основе нашего желания *следовать договору*, т.е. думать и поступать так, как велят общие правила нравственности⁴⁹. Этот тип «согласительного поведения» часто выводит рациональное мышление за пределы собственных критических оценок индивида, поскольку в данном случае мы иногда подражаем обоснованным действиям других⁵⁰.

В-третьих, на формирование ценностей огромное влияние оказывают *публичные дискуссии*. Как отмечал Фрэнк Найт, выдающийся чикагский экономист, ценности «создаются либо получают

признание и поддержку посредством обсуждения — деятельности одновременно социальной, интеллектуальной и творческой»⁶¹. Рассуждая об общественном выборе, Джеймс Бьюкенен подчеркивал: «Определение демократии как «управления посредством дискуссии» означает, что индивидуальные ценности способны измениться и действительно меняются в процессе принятия решений»⁶².

В-четвертых, решающую роль может сыграть *эволюционный отбор*. Поведенческие модели выживают и процветают по причине последствий, ими порожаемых. Каждая из перечисленных выше категорий поведенческого выбора (рациональный выбор, согласительный выбор, публичные дискуссии и эволюционный отбор) заслуживает пристального внимания, и в процессе концептуализации человеческого поведения разумно рассматривать их как совместно, так и по отдельности. Роль ценностей в социальном поведении неотделима от общей концепции человеческого поведения.

Этические ценности и политические стратегии

От этики и норм перейдем к обсуждению ценностей, особо значимых при выработке общественной политики. У политических стратегов имеются два различных, хотя и взаимосвязанных, ряда причин для того, чтобы быть заинтересованными в ценности социальной справедливости. Первый ряд причин — наиболее непосредственный — определяется тем, что идеей справедливости руководствуются в процессе определения целей и задач социальной политики, а также в процессе выбора методов, подходящих для достижения намеченных целей в данной области. Идеи справедливости и, в частности, информационные данные, использованные для обоснования справедливости (рассмотренные в главе 3), могут оказать решающее влияние на убедительность и осуществимость социальной политики.

Второй ряд причин — более опосредованный — основан на том обстоятельстве, что все социальные стратегии зависят от модели поведения индивидуумов и социальных групп. На эти поведенческие модели влияет, *inter alia*, понимание и интерпретация требований общественной этики. В процессе разработки политики важно не только учитывать требования справедливости и представления о ценности тех или иных целей и приоритетов в социальной политике, но и уяснить ценности, которыми руководствуется общество в целом, включая чувство справедливости.

Поскольку более опосредованная роль правовых понятий, вероятно, более сложна (и определенно менее исследована), будет полезным проиллюстрировать значение норм и представлений о справедливости для формирования поведения и поступков, а также показать, каким образом этот процесс влияет на требуемое направление социальной политики. Мы уже приводили пример такой зависимости, когда говорили о влиянии норм поведения на уровень рождаемости (в главах 8 и 9), однако теперь рассмотрим другой существенный пример — распространение коррупции.

Коррупция, стимулы и деловая этика

Распространение коррупции справедливо считается одним из главных камней преткновения на пути к успешному экономическому прогрессу, например, во многих странах Азии и Африки. Высокий уровень коррупции сводит на нет эффективность социальных стратегий, а также уводит инвестиции и экономическую инициативу из продуктивных проектов в теневую деятельность по причине громадной прибыльности последней. Кроме того, коррупция способствует — как было сказано выше — расцвету силовых организаций вроде мафии.

Впрочем, коррупция не новость в истории, и предложения по борьбе с ней предлагались издавна. История древних цивилизаций свидетельствует о размахе нелегальной и коррупционной практики. Некоторые цивилизации оставили немалый свод литературы о способах снижения уровня коррупции, особенно среди государственных чиновников. И нам есть чему поучиться у древних авторов по части предотвращения коррупции в современном мире.

Что же представляет собой «корруптированное» поведение? В понятие коррупции входит нарушение установленных правил ради личной выгоды и прибыли. Ясно, что коррупцию нельзя искоренить, если человека стимулируют быть *более* эгоистичным. И вряд ли разумны попытки снизить уровень коррупции с помощью уговоров, например, быть *менее* эгоистичными. Для того чтобы принести в жертву личную выгоду, требуются особые причины.

Изменить зависимость баланса доходов и убытков от корруптированного поведения способны в некоторой степени организационные реформы. Во-первых, в числе предлагаемых мер по предотвращению коррупции издавна высоко ценились инспекционные и карательные структуры. Например, индийский политический аналитик IV века до н.э. Каутилья различал сорок способов,

посредством которых можно склонить государственного чиновника к финансовой коррупции, и объяснял, как система точечных проверок, подкрепляемая наказаниями и штрафами, может предотвратить подобные проступки⁶³. Четкая система правил и наказаний наряду с суровостью правоохранительных органов способна изменить поведенческие модели.

Во-вторых, некоторые «зарегулированные» режимы поощряют коррупцию, наделяя чиновников правом определять, кому оказывать в услугах, а кому эти услуги оказывать — в частности, бизнесменам, — и обладание таким правом может приносить чиновникам немалую выгоду. Чересчур контролируемая экономика («право власти», как называли подобную систему в Индии) — идеальная почва для коррупции, подтверждение тому — опыт стран Южной Азии. Даже если такие режимы не являются антипродуктивными в иных отношениях (что часто бывает), социальные потери от коррупции могут быть достаточным основанием, чтобы остерегаться подобного общественного устройства.

В-третьих, соблазн поддаться коррупции особенно силен, когда чиновники обладают большой властью, но сами относительно бедны. Во многих странах с чересчур регулируемой экономикой такая ситуация обычно складывается на нижних административных уровнях, и это обстоятельство объясняет, почему коррупция пронизывает бюрократическую систему сверху донизу, охватывая как мелких чиновников, так и старших рангом. Частично для того, чтобы решить эту проблему, многим бюрократам в древнем Китае выдавали «предотвращающее взятки пособие» (*янь-лин*), чтобы у них был стимул оставаться честными и законопослушными⁶⁴.

Эти и прочие меры нередко бывают эффективными, но вряд ли можно предотвратить коррупцию, пользуясь исключительно финансовыми стимулами. У каждого из трех перечисленных выше направлений борьбы с коррупцией имеются недостатки. Прежде всего, структуры по поимке воров часто не оправдывают себя по причине недостаточной эффективности надзора и инспекции. Кроме того, существует сложная проблема создания необходимых стимулов для тех, кто занят поимкой воров (чтобы избежать подкупа). Во-вторых, любая система управления не может не наделять чиновников властью, представляющей интерес для других; в результате заинтересованные лица нередко склоняют чиновников к коррупции. Конечно, рамки чиновничьей власти можно сузить, но любая исполнительная власть потенциально открыта для

злоупотреблений. В-третьих, даже богатые чиновники часто пытаются стать еще богаче и идут на риск, оправданный в том случае, когда ставки высоки. В разных странах мы найдем множество примеров подобного поведения.

Ограниченность антикоррупционных мер не должна нас останавливать, ибо эффективность государственного устройства следует неуклонно повышать. Однако с помощью стимулов, основанных исключительно на личной выгоде, нельзя полностью искоренить коррупцию. Действительно, в обществе, где коррумпированное поведение стандартного типа явление достаточно редкое, в предотвращении коррупции скорее следует полагаться на приверженность к поведенческим нормам, нежели на финансовое стимулирование. Потому необходимо обратить самое пристальное внимание на нормы и модели поведения, распространенные в различных сообществах.

Платон в своих «Законах» высказал предположение, что развитое чувство долга способствует предотвращению коррупции. Но он также прозорливо заметил, что борьба с коррупцией «не простая задача». Дело в том, что коррупция напрямую зависит не столько от общепринятого отношения к долгу, сколько от личного отношения к правилам и следованию им, т.е. к тому, что Адам Смит объединил общим словом «приличия». Разумеется, приоритет правил честного и порядочного поведения занимает не последнее место среди признаваемых личностью ценностей. И во многих сообществах следование подобным правилам становится надежным бастионом для защиты от коррупции. Однако в современном мире правила поведения в бизнесе отличаются просто поразительной межкультурной неоднородностью, если сопоставить, например, модели делового поведения в Западной Европе и Южной или Юго-Восточной Азии, либо (внутри Западной Европы) модели Швейцарии и некоторых регионов Италии.

Впрочем, модели поведения изменчивы. Поведение человека часто зависит от того, как он понимает — и оценивает — поведение других людей. Следовательно, многое зависит от осмысления преобладающих поведенческих норм. Чувство «относительной справедливости» по отношению к группе, с которой себя сравнивают (в частности, с теми, кто занимает такое же положение в обществе), способно оказать существенное влияние на поведение. Итальянская парламентская комиссия, расследовавшая в 1993 году связь между коррупцией и мафией, обнаружила, что аргумент «все так

делают» является одной из самых популярных «причин» коррумпированного поведения⁵⁶.

На роль подражания — и следования устоявшимся «договоренностям» — указывали те исследователи, которые считали необходимым изучение влияния «нравственных чувств» на социальную, политическую и экономическую жизнь общества. Адам Смит отмечал, что многие ведут себя пристойно, не навлекая на себя какой-либо значительной вины в течение всей жизни, и однако эти люди, вероятно, никогда не задумывались о чувстве приличия, на котором мы основываем наше одобрение их поведения, *но поступали так только по причине уважения к тому, что они понимали под общими правилами поведения*⁵⁶.

Особенно важно то, как понимают «общепринятые правила поведения» люди, облеченные административной властью. Поступки высшего эшелона гражданских служащих играют значительную роль в формировании норм поведения. Китайский автор «Ху-нан Цу» — книги, датированной 122 годом до н. э., — понимал проблему следующим образом: «Если правило ровное, то и доска будет прямой, и особых усилий к тому прикладывать не надо, ибо правило сделает свое дело. Так же и правитель, если он поступает искренне и достойно, то честные чиновники будут ему служить, а негодяи попрячутся, но если правитель поступает недостойно, тогда злые люди возьмут верх, а преданные удалятся в изгнание»⁵⁷.

Эта древняя мудрость, по нашему мнению, не лишена смысла. Коррумпированное поведение «в верхах» порождает не только прямые, но и косвенные, и весьма далекоидущие последствия, и требование «начинать с головы» представляется достаточным взвешенным.

Мы не пытаемся предложить здесь «алгоритм» искоренения коррупции. Внимание следует уделять и организационным реформам, направленным на изменение баланса между доходами и убытками, и мерам, о которых мы говорили выше. Но нельзя также забывать о нормативном климате и поведенческих моделях, в которых подражание и понятие «относительной справедливости» играют немаловажную роль. Справедливость среди воров может не казаться таковой другим (так же, как «воровская честь» не кажется нам особенно почетной), но протагонисты несомненно уважают такого рода справедливость.

Для того чтобы полнее осознать проблему коррупции, следует отбросить положение, согласно которому человеком движет

исключительно личная выгода, а ценности и нормы не в счет. Однако с последними как раз и необходимо считаться, как показывают примеры разнообразных поведенческих моделей в различных обществах. Все поддается переменам, но одни перемены добавляют что-то новое к тому, что есть, а другие, наоборот, убавляют. Если коррумпированное поведение поощряет коррумпированность в других, то снижение коррупции способствует, по цепочке, ее дальнейшему ослаблению. А предпринимая попытки изменить поведенческий климат, неплохо держать в уме то обстоятельство, что из любого порочного круга можно выйти в круг «благотворный», если изменить направление поисков.

В заключение

Мы начали эту главу с критики некоторых аргументов, касающихся идеи разумного социального прогресса — идеи, занимающей центральное положение в главном подходе, представленном в этой книге. Один из аргументов содержал сомнение относительно возможности рационального общественного выбора с ссылкой, в частности, на известную «теорему о невозможности» Кеннета Эрроу. Однако мы выяснили, что дело не в возможности общественного выбора как такового, а в использовании адекватной информационной базы для вынесения социальных суждений и решений. Это очень важное положение, но пессимистичным его назвать нельзя. Мы уже обсуждали ключевую роль информации (наиболее подробно — в главе 3), и вопрос адекватности следует решать именно с таких позиций.

Второй аргумент отражал скептицизм относительно нашей способности предусмотреть все последствия и настаивал на всеобъемлющей роли неожиданных последствий. У представителей этого скептического направления есть чему поучиться. Однако главный урок заключается не в тщетности рационального осмысления общественного выбора, а в необходимости предвидеть *неожиданные, но предсказуемые* последствия. Вопрос заключается в том, чтобы не идти на поводу у безрассудного желания и не игнорировать так называемые побочные эффекты. Эмпирические примеры — некоторые были взяты из китайского опыта — показывают, почему причиной неудач является не каузальная непознаваемость, а ограниченное видение проблемы. Рациональное мышление требует большего.

Третий аргумент касается трактовки мотиваций. Утверждается, что человеческие существа безоговорочно эгоцентричны

и движимы исключительно личным интересом, и на этом основании делается вывод, что существует только одна эффективная система — капиталистическая рыночная экономика. Тем не менее такой взгляд на мотивации человека сложно подтвердить эмпирическими наблюдениями. Столь же некорректен вывод о том, что успех капитализма как экономической системы зиждется целиком на эгоцентричном поведении, а не на комплексной и тонко организованной системе ценностей, содержащей много иных компонентов, включая надежность, доверие и деловую честность (способную устоять перед бесчестными соблазнами). Любая экономическая система предъявляет определенные требования к поведенческой этике, и капитализм не исключение. А что касается ценностей, то они действительно существенно влияют на поведение индивидов.

Подчеркивая вероятное значение ценностей и норм индивидуального поведения, мы вовсе не стремимся утверждать, что большинством людей движет скорее чувство справедливости, нежели материальный расчет. Это далеко не так. Предугадывая, как поведет себя тот или иной человек — в работе, в частном бизнесе или на государственной службе, — важно избегать ошибочного допущения сугубой добродетельности человека и его беззаветной преданности делу справедливости. В прошлом немало достойных планов и проектов заканчивались печально по причине чрезмерной веры в бескорыстное индивидуальное поведение. Признавая значение общечеловеческих ценностей, нельзя упускать из виду существенную роль рационального своекорыстия, а также примитивного корыстолюбия и алчности.

Вопрос состоит в сбалансированности нашего понимания «поведенческой» сложности. Мы не должны впадать в «моральную сентиментальность», полагая, что каждый глубоко морален и ценностно ориентирован. С другой стороны, нельзя заменять одно нереальное допущение столь же нереальным противоположным допущением, которое можно назвать «аморальной сентиментальностью». Последняя установка, предпочитаемая, по-видимому, некоторыми экономистами, предполагает, что высокие ценности не оказывают на нас никакого влияния (только низкие соображения личного преуспевания)⁵⁸. Имеем ли мы дело с «рабочей этикой» или «нравственностью в бизнесе», с «коррупцией» или «общественным долгом», с «экологическими ценностями», «гендерным равенством» или с представлениями о «правильном составе семьи», нам необходимо учитывать неоднородность — и изменчивость — приоритетов

и норм. В осмыслении проблем эффективности и равенства искоренения бедности и угнетения человеческие ценности способны сыграть ключевую роль.

Обсуждая с эмпирических позиций коррупцию (и поведение относительно рождаемости в главе 8), мы руководствовались не только стремлением изучить эту важную проблему, но и проиллюстрировать значение норм и ценностей в поведенческих моделях, играющих решающую роль в разработке общественных стратегий. Кроме того, приведенные примеры призваны подчеркнуть значение общественного взаимодействия в формировании ценностей и представлений о справедливости. При разработке социальных стратегий деятельность «социума» следует рассматривать в различных аспектах. Эмпирические связи не только иллюстрируют распространенность концепций справедливости и нравственности в обществе, но и показывают, в какой степени формирование ценностей является социальным процессом, базирующемся на взаимодействии общества.

Ясно, что у нас имеются все основания для того, чтобы уделить особое внимание созданию условий для большей информированности общества и проведения более содержательных публичных дискуссий. Последние оказывают серьезное влияние на социальные стратегии, особенно те, что способствуют свободе мысли и действий молодых женщин, в частности посредством распространения грамотности и школьного образования, а также посредством увеличения занятости женщин, их заработков и экономических полномочий (о чем мы уже говорили в главах 8 и 9). Не стоит забывать и о существенной роли свободы прессы и СМИ и их способности широко освещать вышеупомянутые проблемы.

Значение публичных дискуссий иногда признается лишь частично. В Китае, несмотря на контролируемость прессы в иных отношениях, проблемы состава семьи широко обсуждались в печати и прочих СМИ, формирование нового ряда норм в отношении состава семьи активно поддерживалось государственными лидерами. Открытые публичные дискуссии могут в достаточной степени способствовать проведению многих других экономических и социальных перемен. То, что в Китае разрешается (и поощряется), отражает приоритеты государственной политики. В данной ситуации видится некое неразрешенное противоречие, которое проявляется в печальных нелепостях, сопровождающих частичный успех в некоторых отдельных областях. Например, снижение рождаемости

в Китае сопровождалось усилением гендерного сдвига в показателях младенческой смертности и резким увеличением числа абортов по половому признаку плода. Понижение уровня рождаемости, достигнутое не посредством принуждения, а посредством большей восприимчивости к гендерной справедливости (в том числе, к свободе женщин от бремени чересчур частого вынашивания и вскармливания детей), помогает избежать возникновения напряженности в обществе.

Задача социальной политики состоит не только в стремлении внедрить приоритеты, сформированные на основе общественных ценностей и принципов, но и в обеспечении и гарантии обстоятельных публичных дискуссий. Размах и качество открытых дискуссий зависит от разнообразных общественных стратегий, таких как свобода прессы и независимость СМИ (включая отсутствие цензуры), распространение элементарной грамотности и школьного образования (включая женское образование), расширение экономической независимости (особенно посредством увеличения занятости, включая женскую занятость) и прочие социальные и экономические перемены, превращающие индивидуумов в ответственных граждан. Главным в таком подходе является представление об обществе как об активном участнике перемен, а не как о пассивном и покорном исполнителе инструкций либо потребителе благотворительной помощи.

Глава 12

Индивидуальная свобода как общественный долг

Бертрана Рассела, убежденного атеиста, однажды спросили, какова будет его реакция, если после смерти он все-таки встретится с Господом. Рассел якобы ответил: «Я бы спросил Его: „Господи Всемогуший, почему Ты представил так мало доказательств своего существования?“»¹. Определенно, несовершенный мир, в котором мы живем, не выглядит — по крайней мере, на поверхности — так, словно он осенен всемогущей милостью. Нелегко понять, почему человеколюбивое мироустройство допускает жестокую нищету, голод и постоянное недоедание, лишения и отчаяние и почему миллионы невинных детей ежегодно умирают по причине недостатка пищи, медицинского обслуживания или социальной защиты.

Вопрос, конечно, не отличается новизной, он уже давно стал предметом теологических дискуссий. Значительную интеллектуальную поддержку получил следующий аргумент: у Бога имеются причины оставлять нас один на один с материальными проблемами. Будучи человеком нерелигиозным, автор не в состоянии оценить теологические достоинства данного аргумента, но нам понятно требование, обращенное к человечеству, самому нести ответственность за реформы и перемены, происходящие в мире. Не нужно быть ни набожным, ни равнодушным к религии, чтобы осознать эту элементарную мысль. Люди во всем мире, живущие — в широком понимании — вместе, не могут не сообразить, что удручающие явления, которые мы видим вокруг, — наша и только наша проблема. И мы должны нести ответственность за эти явления, невзирая на то что, возможно, возникли они не по нашей вине.

Будучи компетентными людьми, мы не можем уклоняться от обязанности высказывать свое мнение о происходящем и о мерах, которые необходимо предпринять. Как мыслящие создания мы обладаем способностью судить о жизни других. Наше чувство ответственности не должно ограничиваться бедами, вызванными нашим собственным поведением (хотя это тоже очень важно), это

чувство следует распространить и на несчастья, которые мы видим вокруг и для устранения которых мы не обладаем достаточной властью. Человеческая ответственность, разумеется, не единственное, что требует нашего внимания, но отрицание всеобщей ответственности означает недопонимание сути общественной жизни. Дело не столько в наличии строгих правил, досконально определяющих наше поведение, сколько в признании человечности как одного из значимых мотивов, которыми мы руководствуемся перед лицом выбора².

Взаимозависимость свободы и ответственности

Вопрос об ответственности влечет за собой другой вопрос. Не обязан ли человек целиком и полностью отвечать за то, что с ним происходит? Почему другие должны нести ответственность за то влияние, которое они оказывают на жизнь индивида? Эта мысль в различных формах, очевидно, волнует многих политических комментаторов, а идея опоры на собственные силы отлично согласуется с сегодняшними настроениями. Некоторые идут еще дальше, утверждая, что зависимость от других не только этически сомнительна, но и практически порочна, поскольку она подавляет личную инициативу, ослабляет усилия личности и даже ее самоуважение. На кого лучше полагаться в смысле личных интересов и проблем, как не на самого себя?

Соображения, подпитывающие эту линию рассуждений, на самом деле весьма существенны. Распределение ответственности, при котором способствовать интересам одной личности должна другая личность, часто наносит серьезный ущерб мотивации, активности и самопознанию — качествам, проявляющимся в уникальной форме в каждой личности. Любая подмена индивидуальной ответственности общественной не может не быть в разной степени контрпродуктивной.

Прежде чем говорить о пределах личной ответственности и проблематичности призыва надеяться только на себя, рассмотрим важную роль ответственности в жизни человека. Фундаментальные свободы, которыми мы пользуемся, совершая ответственные действия, во многом обусловлены личными, социальными и экологическими обстоятельствами. Ребенок, лишенный возможности получить базовое образование, ощущает свою обделенность, не только когда он становится молодым человеком, но и всю жизнь (поскольку он не способен делать некоторые элементарные вещи,

требуемые умения читать, писать и считать). Взрослый человек, испытывающий недостаток средств на лечение болезни, от которой он страдает, является не только добычей неоправданной заболеваемости и преждевременной смертности, но он также лишается свободы делать некоторые вещи — для себя и других, — которые он мог бы сделать в качестве ответственной личности. Крепкой работой, рожденный в полурабстве, угнетаемая девочка в репрессивном по отношению к женщинам сообществе, безземельный батрак, не обладающий достаточными ресурсами, чтобы пристойно зарабатывать, — все они терпят лишения не только в плане благосостояния, но и в плане способности вести ответственное существование, обусловленное наличием определенных элементарных свобод. Ответственность *требует* свободы. Таким образом, аргумент в пользу общественной поддержки в деле расширения человеческой свободы становится аргументом *в пользу* индивидуальной свободы, а не против нее. Связь между свободой и ответственностью действует как в прямом, так и в обратном направлениях. В отсутствие фундаментальной свободы и возможности делать что-либо человек не может нести ответственность за свои поступки. Но обладание свободой и возможностью сделать что-либо накладывает на человека обязанность поразмыслить, осуществлять задуманное или нет, т.е. нести индивидуальную ответственность за совершаемое им. Следовательно, для того чтобы быть ответственной личностью, свобода и необходима, и достаточна.

Альтернативой сугубо индивидуальной ответственности служит, вопреки существующему мнению, вовсе не так называемое государство-нянька. Когда индивидуума «водят за руку», указывая, что ему выбрать, — это одно дело, но когда создаются возможности для выбора и принятия взвешенных решений с тем, чтобы индивидуум ответственно действовал на такой основе, — совсем другое. Разумеется, долг общества по отношению к индивидуальной свободе необязательно должен выполняться посредством исключительно государственных структур. В этой области необходимо задействовать и другие институты: политические и общественные организации, структуры, созданные самим сообществом, неправительственные инициативы различных видов, СМИ и прочие средства, способствующие взаимопониманию и коммуникациям в обществе, а также институты, поощряющие рыночные и договорные отношения. Узкий взгляд на индивидуальную ответственность — когда индивидуума представляют островным

отшельником, лишенным как помощи, так и противодействия со стороны других людей, — необходимо расширить не только за счет признания роли государства, но и за счет осмысления функций иных институтов и видов деятельности.

Справедливость, свобода и ответственность

Одной из главных задач, стоящих перед современным обществом, является формирование представлений о благополучном общественном устройстве. Почему мы с удовольствием расстаемся с некоторыми общественными структурами? Что нужно сделать, чтобы общество стало более сносным для жизни? За вопросами такого рода стоят оценочные теории и основные представления — зачастую неосознанные — о социальной справедливости. Здесь, конечно, не место для подробного изучения теорий справедливости, мы попытались сделать это в другой нашей работе³. Кроме того, мы уже коротко обсудили некоторые общие оценочные принципы (в главах 1–3), в которых были использованы различные понятия справедливости и их информационная основа. Вероятно, будет полезно исследовать и связь этих принципов с вопросами, затронутыми в предыдущих главах.

Прежде всего, мы настаивали на первичности фундаментальных свобод при оценке как индивидуальных преимуществ, так и общественных достижений и неудач. Понимание свободы не должно быть исключительно процессуальным (хотя, *inter alia*, процессы играют важную роль в осознании происходящего). Главная проблема, утверждаем мы, заключается в нашей способности жить в соответствии с нашими представлениями о ценностях⁴. Такой подход дает нам иной взгляд на развитие, существенно отличающийся от привычной сосредоточенности на ВВП, техническом прогрессе и индустриализации. Последние показатели задают направление развитию и обуславливают его, но не являются его определяющими характеристиками⁵.

Во-вторых, благодаря ориентированности на свободу наш подход приобретает значительную гибкость. Известно, что существуют различные виды свободы, и, в частности, очень важно проводить различие, как было сказано выше, между «возможностным» и «процессуальным» аспектами свободы (см. главу 1), хотя на практике эти различные и важнейшие компоненты свободы трудно отделить друг от друга. Порою связь между ними нарушается, и тогда многое зависит от относительной значимости, которую мы придаем различным компонентам⁶.

Кроме того, ориентированный на свободу подход позволяет нам в случае конфликта между требованием к эффективности и равенством расставлять акценты в зависимости от обстоятельств. Противоречие может возникнуть между (1) незначительным неравенством в свободах и (2) стремлением к максимально большей свободе, независимо от неравенства в ее распределении. Наш подход позволяет сочетать различные теории справедливости, не отклоняясь от заданного направления. Разумеется, если судить о положении дел с позиций свободы, конфликт между предпочтением равенства и предпочтением эффективности не является «особым случаем». Такой конфликт возникает и тогда, когда мы оцениваем индивидуальные преимущества не с позиций свободы, а каким-то иным способом (например, с помощью понятий «счастья» или «полезности», «ресурсов» или «первичных благ», которыми располагает человек). В «стандартных» теориях справедливости для разрешения данного противоречия предлагаются некие специфические формулы — например, утилитаристское требование максимизировать совокупную пользу независимо от распределения последней либо дифференциальный принцип распределения Роулза, требующий максимальных преимуществ для самых обездоленных, невзирая на то, как подобные действия скажутся на преимуществах остальных⁷.

Мы же, напротив, не предлагаем точной формулы, «улаживающей» эту проблему, но настаиваем на признании значимости и легитимности как совокупной пользы, так и необходимости ее распределения. Такого рода признание наряду с необходимостью тщательного изучения каждого из вышеупомянутых методов заставляет нас обратить самое пристальное внимание на некоторые основные, но запущенные вопросы социальной политики, касающиеся нищеты, неравенства и общественной деятельности, и рассмотреть их *в перспективе свободы*. Сочетание совокупных и распределительных показателей в осмыслении процесса развития во многом определяет понимание задач развития. Однако наш подход вовсе не требует от нас мерить опыт развития в различных регионах одной меркой. Напротив, чрезвычайно важно выбрать адекватную информационную оценочную базу, т.е. тот вид информации, который нам необходим для осмысления происходящего и для выявления серьезных упущений.

Как говорилось в главе 3 (и в других наших работах⁸) при обсуждении теорий справедливости, было бы ошибкой преждевременно объединять противоположные направления путем определения

их «удельного веса» в одной специфической системе измерения. Такой шаг во многом ограничивает пространство для принятия демократического решения по ключевым вопросам (а также пространство «общественного выбора», включая разнообразные процессы, связанные с участием в общественной жизни). С помощью основных представлений о справедливости можно выделить некоторые главные проблемы, обладающие безусловной значимостью; однако с помощью представлений о справедливости вряд ли возможно вывести некую чрезвычайно хитроумную формулу, которая, точно определяя удельный вес той или иной проблемы, сгодилась бы в качестве типового проекта для построения «справедливого общества»⁹.

Например, общество, допускающее голод, когда его можно было предотвратить, самым очевидным образом несправедливо, но такой диагноз не должен основываться на вере в некий уникальный и предельно справедливый способ распределения продуктов (либо доходов и полномочий) между гражданами страны, сопровождающийся практикой скрупулезного распределения (вплоть до вычисления доли каждого). Главное значение представлений о справедливости заключается в разработке *идеи справедливости* путем взвешенных общественных дискуссий и согласований, а не в составлении некой конечной формулы, призванной навести порядок в мире.

В-третьих, в связи с идеей справедливости заметим, что формирование общественного мнения о «несправедливости», как правило, зависит от содержания публичных дискуссий по насущным проблемам и потребностям, и такое мнение может оказаться не слишком оправданным с точки зрения элементарной этики. Крайнее неравенство — расовое, гендерное и классовое — зачастую зиждется на предрассудке, что — это выражение стало популярным благодаря Маргарет Тэтчер (произнесенное в ином, но все-таки схожем контексте) — «альтернативы нет». Например, в обществах, где «антиженский» подход воспринимается как должное, осознание необязательности такого явления потребует длительного накопления эмпирического опыта наряду с аналитическими аргументами и, скорее всего, выльется в трудный и сложный процесс¹⁰. Роль публичных дискуссий, в которых обсуждаются привычные истины как в практическом, так и в ценностном аспекте, является центральной для осознания несправедливости.

Учитывая значимость публичных дискуссий в формировании и распространении общественных ценностей (путем сопоставления различных принципов и критериев), и фундаментальные

гражданские права, и политические свободы играют жизненно важную роль в обеспечении этих дискуссий. Свобода участия в критическом обсуждении и идентификации ценностей является одной из ключевых свобод, определяющих жизнь общества. Выбор общественных ценностей не может базироваться исключительно на высказываниях представителей власти, контролирующих рычаги управления. Как было сказано выше (во Введении и главе 1), часто задаваемый в литературе о развитии вопрос на самом деле повернут с ног на голову: способствуют ли демократия и основные политические и гражданские права процессу развития? Скорее, без возникновения и укрепления этих прав не может быть процесса развития.

Эту основополагающую роль не следует путать с инструментальной ролью демократии и фундаментальных политических прав в обеспечении безопасности и защиты наиболее уязвимых групп населения. Использование таких прав способно заставить государство внимательнее отнестись к бедам некой группы населения и, таким образом, способствовать предотвращению экономических катастроф, например голода. Вообще говоря, усиление политических и гражданских прав приобретает все более решающее значение для процесса развития. В число необходимых свобод входит право сознать себя активными и уважаемым гражданами, с чьим мнением считаются, а не бессловесными подданными, которых сытно кормят, хорошо одевают и неустанно развлекают. Инструментальную роль демократии и прав человека, несомненно важную саму по себе, необходимо отличать от определяющей роли этих институтов.

В-четвертых, любой подход к справедливости и развитию, ориентирующийся на базовые свободы, неизбежно ставит во главу угла деятельность и суждения индивидов; последних ни в коем случае нельзя рассматривать как пассивных потребителей благ, раздаваемых в процессе развития. Ответственный взрослый человек должен сам заботиться о своем благосостоянии, и ему решать, как использовать свои возможности. Но возможности, которыми личность реально (а не только теоретически) располагает, зависят от характера социальных структур, которые порой решающим образом определяют качество индивидуальных свобод. Вот почему государство и общество не могут избежать ответственности.

Например, общество ответственно за то, чтобы с системой крепостного труда там, где она преобладает, было покончено и крепостные работники получили свободу наниматься на работу по собственному усмотрению. Другой социальной ответственностью

является ориентирование экономических стратегий на расширение занятости, от чего во многом зависит экономическая и социальная состоятельность индивидуума. Однако ответственность за решение, какой тип занятости выбрать и какую работу предпочесть, лежит на индивидууме. Точно так же если общество лишает ребенка возможности получить элементарное образование, а больного — необходимой медицинской помощи, значит, оно не выполняет свой долг. Но то, как конкретно использовать образовательные навыки или услуги здравоохранения, должен решать сам индивидуум и никто иной.

Далее, усиление полномочий женщин посредством расширения занятости, образовательных структур, предоставления им прав собственности и так далее гарантирует женщинам больше свободы в принятии решений по разнообразным вопросам, таким как внутрисемейное распределение медицинской помощи, продуктов питания и других товаров и услуг, а также по вопросам занятости и определения количества детей в семье. Но то, как использовать возросшую свободу, — личное дело каждой женщины. Тот факт, что статистические прогнозы часто базируются на вероятностных способах использования свободы (например, прогнозируется снижение уровня рождаемости и частота вынашивания детей в результате повышения образованности и занятости женщин), не умаляет значение другого обстоятельства: прогноз в первую очередь призван предвидеть то, как женщины распорядятся своей возросшей свободой.

Что меняет свобода?

Перспективу свободы, ставшую главной темой нашего исследования, нельзя считать чуждой огромной научной традиции, обогащавшей наши знания в течение многих столетий. Хотя в последнее время в исследованиях, посвященных развитию, просматривается тенденция ограничиваться лишь отдельными показателями развития, такими как рост ВВП на душу населения, тем не менее существует и укорененная тенденция не замыкаться в столь узких рамках. Издавна высказывались и более многогранные мнения, начиная с Аристотеля, чьи идеи стали одним из источников, на которых базируется наш анализ (включая и довольно веский вывод, извлеченный нами из «Никомаховой этики»: «Богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, значит, существует ради чего-то другого»)¹¹. Нельзя не упомянуть также одного из зачинателей

современной экономики Уильяма Петти, автора «Политической арифметики» (1691), дополнившего новаторской подход к национальному доходу требованием мотивированной дискуссии по более широким проблемам¹².

Более того, убеждение, что «наращивание» свободы является важнейшим мотивационным фактором для осмысления экономических и социальных перемен, — далеко не новость. Адам Смит не скрывал своей озабоченности ключевыми вопросами человеческой свободы¹³. Также и Карл Маркс например, во многих своих сочинениях подчеркивал важность замены господства обстоятельств и случая над индивидуумами господством индивидуумов над случаями и обстоятельствами¹⁴. Джон Стюарт Милль существенно дополнил свои утилитаристские воззрения, требуя защиты и расширения личной свободы, а также чрезвычайно негодуя по поводу лишения женщин фундаментальных свобод¹⁵. Фридрих Хайек «помещал» достижения экономики в более общий ряд прав и свобод, категорически заявляя: «Экономическими соображениями мы называем такие соображения, с помощью которых мы примиряем и координируем наши различные цели, но ни одна из этих целей в конечном счете не является экономической (за исключением нищеты или делания денег, ставшего самоцелью)»¹⁶.

Кроме того, некоторые экономисты подчеркивали значение свободы выбора в качестве критерия развития. Например, Питер Бауэр, на счету которого немало «диссидентских» высказываний по поводу экономического развития (включая его книгу «Иное развитие»), убедительно настаивал на такой характеристике развития: «Мы считаем расширение выбора, т.е. увеличение числа эффективных альтернатив, доступных гражданам, главной задачей и критерием экономического развития; и мы судим о мерах и средствах, главным образом, по их вероятному воздействию на содержание альтернативного выбора, доступного индивидам»¹⁷.

В своем известном сочинении «Теория экономического роста» У.А. Льюис также заявлял, что целью развития является «расширение выбора». Правда, сделав столь многообещающее заявление, Льюис в итоге ограничил свое исследование лишь «ростом производства продукции на душу населения» на том основании, что данный фактор «усиливает контроль человека над окружающей средой и тем самым расширяет его свободу»¹⁸. Понятно, что, при наличии прочих условий, увеличение производства и доходов действительно расширяет человеческий выбор — особенно в плане потребительских

товаров. Но, как уже говорилось выше, широкий и состоятельный выбор в вопросах, касающихся ценностей, зависит от влияния многих других факторов.

Зачем нужна смена фокуса?

Самое время задаться вопросом: действительно ли анализ развития, сфокусированный (как у Льюиса и многих других) на «росте производства продукции на душу населения» (например, ВВП на душу населения), отличается от анализа, сосредоточенного на расширении человеческой свободы как более основательном признаке? Но если оба типа анализа развития переплетаются друг с другом (как верно указывает Льюис), тогда почему они, будучи взаимосвязаны, полностью не сопоставимы? Какие изменения привносит сосредоточенность на свободе?

Отличие от прочих подходов возникает по двум не зависящим друг от друга причинам; одна из них связана с «процессуальным аспектом» свободы, а другая — с «возможностным». Во-первых, поскольку на качество свободы влияют как *процесс принятия решений*, так и *возможности достижения ценных результатов*, мы не можем ограничивать наш анализ лишь результатами увеличения выпуска продукции или доходов либо достижением высокого уровня потребления (и другими переменными, относящимися к понятию экономического роста). Такие процессы, как участие граждан в принятии политических решений и общественном выборе, нельзя рассматривать в качестве — и это в лучшем случае — одного из *средств* развития (в зависимости, скажем, от их влияния на экономический рост), их следует считать неотъемлемой составляющей *целей* развития.

Вторая причина, порождающая различие между «развитием как свободой» и более привычными воззрениями на развитие, основана не столько на процессуальном аспекте, сколько на контрастах внутри *возможностного аспекта*. Понимая развитие как свободу, мы вынуждены рассматривать — в придачу к свободам, связанным с политическими, социальными и экономическими процессами, — качество возможностей, предоставляемых человеку для достижения ценных, с его точки зрения, результатов. Величина реальных доходов важна в качестве фактора, обеспечивающего соответствующие возможности при покупке товаров и услуг и повышение уровня жизни, сопровождающееся такими покупками. Но, как показало одно из эмпирических исследований, обсуждавшееся

выше, величина доходов нередко является неадекватным показателем в таких важных вопросах, как возможность жить долго или получить достойную работу, вылечиться от какого-нибудь заболевания или проживать в спокойном, очищенном от преступности районе. Эти не связанные с доходом переменные указывают на возможности, которые человек с полным основанием ценит и которые не зависят напрямую от экономического процветания.

Таким образом, и процессуальный, и возможностный аспекты свободы побуждают нас выйти за рамки традиционного взгляда на развитие как на «рост производства на душу населения». Далее, фундаментальное различие возникает в зависимости от того, ценят ли свободу *лишь за пользу*, которую из нее можно извлечь, или за то, что в ней содержится *сверх* пользы. Возможно, Хайек допустил некоторое преувеличение (что с ним часто случалось), заявив, что «значение свободы делать что-либо не имеет ни малейшего отношения к вопросу, воспользуемся ли мы или большинство из нас когда-нибудь данной возможностью»¹⁹. Но, по нашему мнению, он был абсолютно прав, проводя различие между (1) производным значением свободы (зависящим от ее актуального использования) и (2) бытийным значением свободы (предоставляющим нам свободу выбора независимо от того, сделаем мы этот выбор или нет).

На самом деле порой у человека имеются веские причины стремиться к обладанию выбором только для того, чтобы этот выбор отвергнуть. Например, когда Махатма Ганди объявил голодовку, протестуя против английского господства, он не просто голодал, а отказывался от существующей возможности принимать пищу (в чем и заключается смысл голодовки). Для того чтобы объявить голодовку, Мохандас Ганди должен был располагать возможностью принимать пищу (именно для того, чтобы ее отвергнуть); жертва голода не стала бы делать политическое заявление таким способом²⁰.

Хотя мы не склонны следовать пуристскому пути, выбранному Хайеком (напрочь разрывая связь между свободой и ее актуальным применением), подчеркнем, что у свободы множество аспектов. Процессуальный аспект свободы следует рассматривать в совокупности с возможностным аспектом, а возможностный аспект, в свою очередь, — с позиций бытийного и производного значений свободы. Далее, свобода участвовать в публичных дискуссиях и общественном взаимодействии играет также конструктивную роль в формировании ценностей и этики. Принципиальная сосредоточенность на свободе действительно меняет дело.

Человеческий капитал и потенциальные возможности человека

Нам необходимо обсудить еще одно соотношение, требующее комментария, а именно соотношение между литературой о «человеческом капитале» и одной из центральных тем нашего исследования — «человеческих возможностей» в качестве отражений уровня свободы. Современные экономические аналитики перешли от материальной трактовки накопления капитала к видению этого явления как процесса, в котором непременно присутствуют производительные свойства человека. Например, посредством образования, подготовки и обретения навыков производительные качества человека со временем повышаются, что в значительной мере способствует оживлению экономической жизни²¹. В современных исследованиях экономического роста (на которые зачастую немалое влияние оказывают эмпирические данные, извлеченные из опыта Японии и прочих стран Восточной Азии, а также Европы и Северной Америки), «человеческому капиталу» уделяется намного больше внимания, чем в недавнем прошлом.

Как такой сдвиг во взглядах аналитиков соотносится с видением развития — развития как свободы, — представленном в нашей книге? Уточним наш вопрос: существует ли связь между ориентацией на «человеческий капитал» и признанием важности «человеческих возможностей», ставших центральной темой нашего исследования? Оба подхода на первый взгляд ставят «человеческое» в центр внимания, но насколько эти подходы различны и насколько совпадают друг с другом? Рискую чересчур упростить вопрос, скажем, что авторы, исследующие проблему человеческого капитала, склонны концентрироваться лишь на той человеческой деятельности, которая способствует наращиванию производственных возможностей. Однако с позиций человеческих возможностей особую важность приобретает способность — и это фундаментальная свобода — жить в соответствии с нашими представлениями о ценностях, а также расширение реального выбора, предоставляемого человеку. Эти два подхода не могут не быть взаимосвязаны, поскольку оба интересуются ролью человеческой деятельности и, в частности, актуальными способностями, которых человек достигает или приобретает. Но мерилом успеха в разных подходах служат различные достижения. В зависимости от личностных характеристик, социального происхождения и экономических обстоятельств личность обладает способностью действовать (или существовать) в соответствии

со своими представлениями о ценностях. Оценка может производиться *напрямую* (некая функция непосредственно обогащает жизнь человека, например посредством хорошего питания или обретения здоровья) либо *опосредованно* (другая функция обещает в перспективе повышение производительности или контроль за ценами на рынке). Подход, основанный на человеческом капитале, можно трактовать весьма широко, и тогда он вберет в себя оба типа оценки, но обычно — по устоявшейся традиции — в этом подходе главенствует опосредованная оценка: человеческие качества используются *в производстве* в качестве «капитала» (тем же способом, что и физический капитал). В таком «зауженном» варианте теория, основанная на человеческом капитале, становится частью более емкого подхода с позиций человеческих возможностей, охватывающего как прямые, так опосредованные следствия умений и поступков человека.

Рассмотрим следующий пример. Если образование способствует повышению эффективности индивида в производственной деятельности, то в данном случае, разумеется, речь идет об увеличении человеческого капитала. Это, в свою очередь, способствует повышению ценности производительной экономической деятельности индивида, получившего образование, и прибавке к доходам. Но даже при неизменившемся уровне доходов человек может выиграть от получения образования — в чтении, коммуникациях, спорах, в обретении способности делать более осмысленный выбор, в росте уважения со стороны окружающих. Выходит, что эти блага образования превосходят значение человеческого капитала в производственной деятельности. Более емкий подход с позиций человеческих возможностей охватывает — и оценивает — оба дополняющие друг друга аспекта. Таким образом, между двумя подходами имеется и тесная связь, и явные различия.

Происшедшая в последние годы существенная трансформация взглядов, в результате которой роль «человеческого капитала» получила большее признание, помогает понять значение возможностного подхода. Если личность становится более продуктивной в производстве товаров путем улучшения качества образования, здоровья и прочего, то вполне естественно ожидать, что эта личность с помощью тех же мер способна достичь большего — и обладать свободой достичь большего — в жизни.

Возможностный подход возвращает нас в некоторой степени к интегрированному восприятию экономического и социального

развития, на котором настаивал, в частности, Адам Смит (как в «Богатстве народов», так и в «Теории нравственных чувств»). Анализируя содержание производственных возможностей, Смит подчеркивал роль образования наряду с разделением труда, практическим обучением и формированием навыков. А расширение человеческих возможностей вести достойную жизнь (как и повышать свою производительность) является центральной темой смитовского анализа «Богатства народов».

Вера Смита в силу образования и обучения была чрезвычайно сильна. В споре, продолжающемся и сегодня, о роли «природы» или «воспитания» Смит выступал как бескомпромиссный — и даже догматичный — сторонник «воспитания». Впрочем, иначе и быть не могло: такая позиция как нельзя более соответствовала идее совершенствования человеческих возможностей, которую Смит всецело поддерживал:

Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и самое различие способностей, которыми отличаются люди в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько следствием разделения труда. Различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым уличным носильщиком, например, создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием. Во время своего появления на свет и в течение первых шести или восьми лет своей жизни эти двое были очень похожи друг на друга, и ни их родители, ни сверстники их не могли заметить сколько-нибудь заметного различия между ними²².

Мы не станем обсуждать здесь, насколько прав Смит, придавая такое значение воспитанию, но обратим внимание на то, как тесно он увязывал производительные возможности и образ жизни с образованием и профессиональной подготовкой, допуская возможность совершенствования того и другого²³. Эта связь во многом определяет значимость возможностного подхода²⁴.

На самом деле есть существенное оценочное расхождение между тем, что стоит в центре внимания: человеческий капитал или сосредоточенность на человеческих возможностях; расхождение, отражающее в некоторой степени различие между средствами

и целями. Признание роли человеческих качеств в обеспечении и поддержании экономического роста — сколь значительной бы эта роль ни была — ничего не говорит нам о том, *почему* мы столь нуждаемся в экономическом росте. Но если сфокусировать исследование, главным образом, на расширении человеческой свободы жить в соответствии с собственным представлением о ценностях, то роль экономического роста в расширении таких возможностей интегрируется в более фундаментальное понимание процесса развития как наращивания человеческих возможностей вести более достойную и более свободную жизнь²⁶.

Это различие имеет прямое отношение к социальной политике. Экономическое процветание позволяет человеку расширить свой выбор и вести более насыщенную жизнь, но тому же способствует и повышение уровня образования, совершенствование здравоохранения и медицинского обслуживания и прочие факторы, оказывающие каузальное влияние на эффективность свобод, которыми пользуется человек. Меры «социального развития» следует считать напрямую «развивающими», поскольку они позволяют нам жить дольше, свободнее и продуктивнее, *в придачу* к той роли, которую социальные структуры играют в повышении производительности, экономического роста или индивидуальных доходов²⁶. Введение понятия «человеческий капитал», освещающего лишь часть картины (хотя и важную часть, связанную с наращиванием «производственных ресурсов»), определенно, стало шагом вперед. Но следует шагнуть еще дальше, ибо человек — не только средство производства, но и конечная цель производственного процесса.

В споре с Дэвидом Юмом Адам Смит не преминул подчеркнуть, что взгляд на человека лишь как на производительную силу равносителен оскорблению человеческой природы: «...неужто мы станем оценивать добродетель в тех же выражениях, в каких хвалим удобный или оригинальный дом, и неужто мы способны восхищаться человеком по тем же причинам, по которым одобрительно отзываемся о комод»²⁷.

Несмотря на полезность концепции человеческого капитала, необходимо рассматривать человека в более широкой перспективе (разрушая аналогию с комодом). Признав значимость и влияние понятия человеческого капитала, мы должны выйти за его пределы. Требуемое расширение является скорее дополняющим и обогащающим, но ни в коем случае не *альтернативным* теории «человеческого капитала».

Столь же важно отметить инструментальную роль расширения возможностей в инициировании *социальных* перемен (во многом выходящих за рамки *экономических* перемен). Роль человека даже как инструмента перемен намного важнее его роли в экономическом производстве (на которой прежде всего настаивают сторонники теории «человеческого капитала»), поскольку способствует социальному и политическому развитию. Например, как уже упоминалось выше, повышение уровня женского образования снижает гендерное неравенство во внутрисемейном распределении, а также способствует снижению уровня рождаемости и детской смертности. Кроме того, развитие базового образования улучшает качество публичных дебатов. Эти инструментальные достижения чрезвычайно важны и их значение намного превосходит значение производства стандартизированных товаров.

Стремясь к более полному пониманию значения человеческих возможностей, необходимо отметить следующее:

- 1) их *прямое* влияние на благосостояние и свободу индивидумов;
- 2) их *опосредованное* влияние на *социальные* перемены; и
- 3) их *опосредованное* влияние на *экономическое* производство.

Возможностный подход охватывает все эти значимые составляющие. И напротив, в стандартных исследованиях человеческий капитал рассматривается преимущественно с позиций третьего значения человеческих возможностей из вышеперечисленных. Оба подхода в некоторых отношениях очевидно совпадают, и это совпадение очень важно. Но если мы хотим понять развитие как свободу, нам необходимо выйти за рамки довольно ограниченной концепции человеческого капитала.

Общее заключение

В этой книге мы попытались представить, проанализировать и привести доводы в защиту теории развития с точки зрения расширения фундаментальных свобод. Критерий свободы использовался нами как в оценочном анализе содержания перемен в обществе, так и в аналитическом описании и исследовании перспектив развития, при этом свобода понималась как фактор, оказывающий каузальное влияние на зарождение и ускорение этих перемен.

Мы также обсудили значение нашего подхода как для выработки экономических и политических стратегий, так и для осмысления общих экономических, политических и социальных взаимосвязей. Разнообразные общественные институты — имеющие отношение к функционированию рынков, администрации, законодательных органов, политических партий, неправительственных организаций, юрисдикции, СМИ и сообществ в целом — вносят вклад в процесс развития именно посредством расширения и защиты индивидуальных свобод. Анализ развития требует интегрированного понимания многогранного значения этих институтов и их взаимодействия. Формирование ценностей, зарождение и эволюция социальной этики также являются частью процесса развития, требующей внимания наряду с функционированием рынков и прочих институтов. Наше исследование стало попыткой изучить сложный феномен развития как свободы и взаимосвязанные компоненты этого феномена, а также сделать некоторые поучительные выводы.

Важной характеристикой свободы является разнообразие ее аспектов, связанных с различными видами деятельности и институтами. Такая неоднородность не позволяет свести развитие к готовой и простой «формуле» накопления капитала, перехода к рыночным отношениям или эффективного экономического планирования (хотя каждому из перечисленных явлений есть место в широкой концепции «развитие как свобода»). Организующим принципом, объединяющим все составные части развития в одно интегрированное целое, является всесторонняя заинтересованность в процессе расширения индивидуальных свобод и общественных

обязательств, укрепляющих индивидуальные свободы. И этот единый принцип имеет важное значение. Но в то же время нельзя упускать из вида тот факт, что свобода — неоднородное понятие, охватывающее (о чем мы подробно говорили выше) и процессуальные задачи, и фундаментальные возможности.

Впрочем, многообразие не является поводом для сожаления. Как выразился Уильям Купер:

Прекрасны свободы лики и стати,
Но рабской душе вовек не познать их.

Словом, развитие пребывает в мощной связке с возможностями, предоставляемыми свободой.

Примечания

Глава 1. С позиций свободы

Brihadaranyaka Upanishad 2.4, 2–3 [рус. пер.: Брихадараньяка упанишада. М., 1964].

² Aristotle. *The Nicomachean Ethics*. Oxford: Oxford University Press, 1980. Т. 1. Р. 7 [рус. пер.: Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 59].

³ В ранних публикациях автор уже писал о различных аспектах социальной оценки с позиций свободы, см.: 1) *Equality of What? // Tanner Lectures on Human Values*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Т. 1; 2) *Choice, Welfare and Measurement*. Oxford: Blackwell; Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982; 2-е изд.: Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997; 3) *Resources, Values and Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984; 4) *Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984 // Journal of Philosophy*. 1985. Т. 82. April; 5) *Inequality Reexamined*. Oxford: Clarendon Press; Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. См. также сборник под редакцией Марты Нуссбаум (Nussbaum) и Амартии Сена: *The Quality of Life*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

⁴ В лекциях автора о Кеннете Эрроу, включенных в сборник: *Sen A. Freedom, Rationality and Social Choice: Arrow Lectures and Other Essays*. Oxford: Clarendon Press, [2002]. В лекциях также затронут ряд методологических проблем содержания и оценки свободы.

⁵ Оценочные и функциональные принципы более подробно освещены в работах автора: 1) *Rights and Agency // Philosophy and Public Affairs*. 1982. № 11 (переиздано в сборнике «Consequentialism and Its Critics» под ред. Сэмюэля Шеффлера [Scheffler]); 2) *Well-Being, Agency and Freedom // Sen A. On Ethics and Economics*. Oxford: Blackwell, 1987 [рус. пер.: Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996].

⁶ Эти компоненты, связанные соответственно с (1) процессуальным и (2) возможностным аспектом свободы, проанализированы автором в лекциях о Кеннете Эрроу, включенных в сборник: *Sen A. Freedom, Rationality and Social Choice...*

Проблему «целевого подхода» мы попытались обсудить в выступлении на ежегодной конференции Всемирного банка по экономическому развитию в 1992 году; текст выступления опубликован в книге: *Public Spending and the Poor: Theory and Evidence* / Ed. by D. van de Walle, K. Nead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. Вопросу политической свободы как составляющей развития посвящена статья автора «Freedom and Needs» (*New Republic*. 1994. Jan. 10–17).

⁸ Этот вопрос обсуждался автором в статье «Missing Women» (*British Medical Journal*. 1992. № 304).

⁹ Эти и другие сравнения представлены в работах автора «Economics of Life and Death» (*Scientific American*. 1993. April. № 266) и «Demography and Welfare Economics» (*Empirica*. 1995. № 22).

¹⁰ На эту тему см.: *Sen A. Economics of Life and Death...*; а также медицинскую литературу, упомянутую в этой работе. См. также: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press, 1989. По этой проблеме см. также: *Perutz M.F. Long Live the Queen's Subjects* // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 1997. № 352.

¹¹ Вывод сделан на основе данных, необходимых для вычисления ожидаемой продолжительности жизни (на 1990 год), представленных в работе: *Murray C.J.L., Michaud C.M., McKenna M.T., Marks J.S. U. S. Patterns of Mortality by County and Race: 1965–1994*. Cambridge, Mass.: Harvard Center for Population and Development Studies, 1998. В частности, см. табл. 6d.

¹² *McCord C., Freeman H.P. Excess Mortality in Harlem* // *New England Journal of Medicine*. 1990. Jan. 18. № 322. См. также: *Owen M. W., Teutsch S.M., Williamsson D.F., Marks J.S. The Effects of Known Risk Factors on the Excess Mortality of Black Adults in the United States* // *Journal of the American Medical Association*. 1990. Feb. 9. № 6 (263).

¹³ *The Quality of Life* / Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1993.

¹⁴ *Nussbaum M. Nature, Function and Capability: Aristotle on Political Distribution* // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* (1998; дополнительный том); см. также: *The Quality of Life* / Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1993.

¹⁵ См.: *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (1776) / Ed. by R.H. Campbell, A.S. Skinner. Oxford: Clarendon Press, 1976. Vol. 2. Book 5. Chap. 2 [рус. пер.: *Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов*. М.: Соцэкгиз, 1962. Кн. V. Гл. II. Далее: *Смит*].

¹⁶ Эти вопросы обсуждались автором в Таннерских лекциях (Tanner Lectures) в Кембридже в 1985 году; лекции опубликованы в изд.: *The Standard of Living*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

¹⁷ Таким образом, в конце XVIII века Лагранж, вероятно, впервые в истории науки заговорил о том, что сейчас называют «новым взглядом на потребление» (Lancaster K.J. *A New Approach to Consumer Theory* // *Journal of Political Economy*. 1996. № 74; Gorman M.A. *Possible Procedure for Analysing Quality Differentials in the Egg Market* // *Review for Economic Studies*. 1980. № 47). Эти темы обсуждаются автором в книге «*The Standard of Living*» (1987).

¹⁸ Достойным исключением является работа Роберта Нозика: *Nozick R. Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books, 1974.

¹⁹ Смит занимался данной проблемой большей частью в контексте поддержки законодательных мер против «ростовщичества» и необходимости контроля над финансовой неразберихой, являющейся следствием чрезмерного увлечения инвестициями, которые делали те, кого Смит называл «расточителями и прожектерами» [рус. пер.: Смит. С. 258]. Термин «прожектер» используется Смитом не в нейтральном смысле — «тот, кто разрабатывает проект», а в «уничижительном», употребляемом, вероятно, с 1616 года (согласно «*The Shorter Oxford English Dictionary*»): тот, кто продвигает «дутые» предприятия; спекулянт, мошенник. Джордж Базеви обратил внимание автора на интересные параллели между критикой Смита и нелестным портретом «прожектеров», данным Джонатаном Свифтом в «Путешествии Гулливера», которое было опубликовано в 1726 г. — за полвека до «Богатства народов».

²⁰ Значение отличия «всестороннего результата» от «кульминационного результата» обсуждалось автором в иных контекстах в работе: *Maximization and the Act of Choice* // *Econometrica*. 1997. July. № 65. О значении этого различия в специфическом случае рыночного механизма и его альтернатив см. работы автора: 1) *Markets and Freedoms* // *Oxford Economic Papers*. 1993. № 45; 2) *Markets and the Freedom of Choice* // *The Ethical Foundations of the Market Economy* / Ed. by J.C.B. Mohr. Tbingen, 1994. См. также главу 4 настоящей книги.

²¹ *Hicks J.R. Wealth and Welfare*. Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 138.

²² *Fogel R. W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. Boston: Little, Brown, 1974. P. 125–126.

²³ *Ibid.* P. 237–238.

Разнообразные аспекты этого важнейшего вопроса исследованы в работе Фернандо Энрике Кардозо: *Cardoso F.H. Capitalismo e Escravidão no Brasil Meridional: O negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul*. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1977; см. также: *Blackburn R. The Overthrow of Colonial Slavery, 1776–1848*. London and New York: Verso, 1998; *Free and Unfree Labour* / Ed. by T. Brass, M. van der Linden. Berne: European Academic Publishers, 1997; *Terms of Labour: Slavery, Serfdom and Free Labour* / Ed. by S.L. Engerman. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998.

²⁵ Marx K. Capital. London: Sonnenschein, 1887. Vol. I. Chap. 10. S. 3. P. 240 [рус. пер.: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 23. Гл. 10. Разд. 3. На самом деле данная цитата взята из другой работы, см.: Там же. Т. 30. С. 4]. См. также работу Маркса «Grundrisse» (Harmondsworth: Penguin Books, 1973) [рус. пер.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1858 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 46. Ч. I–II].

²⁶ Ramachandran V.K. Wage Labour and Unfreedom in Agriculture: An Indian Case Study. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 1–2.

²⁷ Серьезное эмпирическое исследование данного аспекта крепостного и несвободного труда можно найти у Судипто Мундлы: *Mundle S. Backwardness and Bondage: Agrarian Relations in a South Bihar District*. New Delhi: Indian Institute of Public Administration, 1979.

²⁸ На эту тему см.: Decent Work: The Report of the Director-General of the ILO. Geneva: ILO, 1999. Новый генеральный директор МОТ Хуан Сомавия в своей программе уделяет этому вопросу особое внимание.

²⁹ Такую точку зрения интенсивно развивают авторы сборника «Dominating Knowledge» (Oxford: Clarendon Press, 1993). О связанных с данной темой антропологических открытиях см. также: Das V. Critical Events: An Anthropological Perspective on Contemporary India. Delhi: Oxford University Press. 1995.

Глава 2. Цели и средства развития

Автор обсуждал данное противоречие в статье: Development Thinking at the Beginning of the 21st Century // Economic and Social Development into the XXI Century. Washington, D.C.: Inter-American Development Bank, distributed by Johns Hopkins University Press, 1997. См. также работу автора «Economic Policy and Equity: An Overview» // Economic Policy and Equity / Ed. by V. Tanzi, K.-Y. Chu, S. Gupta. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 1999.

2 Эта глава послужила основой для выступления на симпозиуме Всемирного банка по вопросам мировых финансов и развития в Токио 1–2 марта 1999 г.

3 На эту тему см.: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

4 World Bank. *The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy*. Oxford: Oxford University Press, 1993. См. также: *Economic Policy and Equity* / Ed. by V. Tanzi et al. (1999).

5 *Ishi H. Trends in the Allocation of Public Expenditure in Light of Human Resource Development: Overview in Japan*. Manila: Asian Development Bank, 1995 (потапринт). См. также: *Gluck C. Japan's Modern Myths: Ideology in the Late Meiji Period*. Princeton: Princeton University Press, 1985.

6 *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity*. Delhi: Oxford University Press, 1995, а также: *Team P. Public Report on Basic Education in India*. Delhi: Oxford University Press, 1999.

7 *Anand S., Ravallion M. Human Development in Poor Countries: On the Role of Private Incomes and Public Services* // *Journal of Economics Perspective*. 1993. № 7.

8 По этому вопросу см. книгу, написанную автором совместно с Жаном Дрезом, «*India: Economic Development and Social Opportunity*» (1995).

9 *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1989; в частности, глава 10.

10 Хотя Керала всего лишь штат, а не страна, по численности населения — более 30 миллионов — он превосходит большинство стран мира (включая, например, Канаду).

11 См. лекцию «*From Income Inequality to Economic Inequality*», прочитанную автором в качестве почетного гостя перед Экономической ассоциацией Юга и опубликованную в «*Southern Economic Journal*» (1997. Oct. № 64), а также лекцию «*Mortality as an Indicator of Economic Success and Failure*», впервые прочитанную в ЮНИСЕФ (Флоренция, 1995) и также опубликованную в *Economic Journal* (1998. Jan. № 108).

12 См. также: *Easterlin R. A. How Beneficient is the Market? A Look at the Modern History of Mortality*. University of Southern California, 1997 (потапринт).

13 Этот вопрос рассматривается в книге: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action* (1989).

14 Мы вернемся к этому вопросу позже; см. также: *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity* (1989).

О необходимости создания и поддержки прорыночных стратегий, сочетающих экономический рост с ускоренным развитием социальной инфраструктуры (например, государственного здравоохранения и начального образования), довольно подробно говорится в контексте индийской экономики в книге, написанной автором совместно с Жаном Дрезом, «India: Economic Development and Social Opportunity» (1995).

¹⁶ Fogel R. W. Nutrition and the Decline in Mortality since 1700: Some Additional Preliminary Findings. National Bureau of Economic Research, 1986. Working paper 1802; Preston S.H. 1) Changing Relations between Mortality and Level of Economic Development // Population Studies. 1975. № 29; 2) American Longevity: Past, Present and Future // Policy Brief № 7. Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University, 1996. См. также: Advancing Health in Developing Countries / Ed. by L.C. Chen, A. Kleinman, N.C. Ware. New York: Auburn House, 1992; Wilkinson R.G. Unhealthy Societies: The Afflictions of Inequality. New York: Routledge, 1996; Easterlin R.A. How Beneficient is the Market? (1997).

¹⁷ Winter J.M. The Great War and the British People. London: Macmillan, 1986.

¹⁸ Titmuss R.M. History of the Second World War: Problems of Social Policy. London: HMSO, 1950.

¹⁹ На эту тему см.: Hammond R.J. History of the Second World War: Food. London: HMSO, 1951. См. также: Titmuss R.M. History of the Second World War: Problems of Social Policy. London: HMSO, 1950.

²⁰ Winter J.M. The Great War and the British People (1986).

²¹ Данные относятся к Англии и Уэльсу, поскольку обобщающие цифры по всей Британии не были обнаружены. Но так как Англия и Уэльс составляют большую часть Великобритании, исследование не понесло серьезных потерь.

²² См. работы Р.Дж. Хаммонда (R.J. Hammond), Р.М. Титмусса (R.M. Titmuss) и Дж.М. Уинтера (J.M. Winter), упомянутые выше, и другие работы, на которые эти авторы ссылаются, а также дискуссию и ссылки в книге Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989), глава 10.

²³ По этому вопросу автор высказывался в статье «Development: Which Way Now?» (Economic Journal. 1982. Dec. № 92) и в книге «Resources, Values and Development» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984), а также в совместной с Жаном Дрезом работе «Hunger and Public Action» (1989).

Глава 3. Свобода и основы справедливости

Роль учтенной и неучтенной информации обсуждалось в статье автора «On Weights and Measures: Informational Constraints in Social Welfare Analysis» (Econometrica. 1977. Oct. № 45, перепечатанной в: Choice, Welfare and Measurement. Oxford, Blackwell; Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982; 2-е изд.: Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997), а также в эссе «Informational Analysis of Moral Principles» (Rational Action / Ed. by R. Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1979).

² *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morales and Legislation. London: Payne, 1789; Oxford: Clarendon Press, 1907 [рус. пер.: *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. СПб., 1876].

³ Критика утилитаризма по информационному вопросу содержится в статьях автора «Utilitarianism and Welfarism» (Journal of Philosophy. 1979. Sep. № 82) и «Well-Being, Agency and Freedom : The Dewey Lectures 1984» (Journal of Philosophy. 1985. Ap. № 82).

⁴ О таких различиях см.: *Gosling J.C.B.* Pleasure and Desire. Oxford: Clarendon Press, 1969; *Harsanyi J.C.* Essays on Ethics, Social Behavior, and Scientific Explanation. Dordrecht: Reidel, 1977.

⁵ По поводу этой методологической проблемы см. статьи автора 1) «On Weights and Measures» (1977), 2) «Informational Analysis of Moral Principles» (1979).

⁶ Лайонел Роббинс был более чем убедителен, доказывая, что у межличностного сравнения счастья не имеется ни малейших научных оснований (*Robbins L.* Interpersonal Comparisons of Utility // Economic Journal. 1938. № 48), и его критика серьезно подорвала позиции утилитаризма как одного из основных течений теории благосостояния.

⁷ *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morales and Legislation (1789); *Mill J.S.* Utilitarianism. London, 1861; London: Collins/Fontana, 1962 [рус. пер.: *Милль Дж.* Утилитаризм. СПб., 1900]; *Sidgwick H.* The Method of Ethics. London: Macmillan, 1874; *Jevons W.S.* The Theory of Political Economy. London, Macmillan, 1871; 1957; *Edgeworth F.* Mathematical Psychics: An Essay on the Application of Mathematics to the Moral Sciences. London: Kegan Paul, 1881; *Marshall A.* Principles of Economics. London: Macmillan, 1920; *Pigou A.C.* The Economics of Welfare. London: Macmillan, 1920 [рус. пер.: *Пигу А.* Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985 Т. I-II].

Это простейшая версия утилитаризма. В поисках более сложных трактовок см., в частности: *Hare R.M. Moral Thinking: Its Levels, Methods and Point*. Oxford: Clarendon Press, 1981; *Griffin J. Well-Being: Its Meaning, Measurement, and Moral Importance*. Oxford: Clarendon Press, 1986.

⁹ Технические проблемы и некоторая ограниченность методов определения полезности в бинарной структуре выбора обсуждалась автором в книге «Choice, Welfare and Measurement» (1982) и более неформально в «On Ethics and Economics» (Oxford, Blackwell, 1987) [рус. пер.: Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996].

¹⁰ См., например, издание Независимой комиссии по вопросам населения и качества жизни (Independent Commission on Population and Quality of Life) «Caring for the Future» (Oxford: Oxford University Press, 1996); см. также: *Sagoff M. The Economy of the Earth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; *Brekke K.A. Economic Growth and the Environment*. Cheltenham, U. K.: Edward Elgar, 1977 и многие другие работы.

¹¹ Автор не раз высказывал свои сомнения по поводу утилитаризма, например в книгах «Collective Choice and Social Welfare» (San Francisco: Holden-Day, 1970; Amsterdam, North-Holland, 1979); «On Economic Inequality» (Oxford: Clarendon Press, 1973); «Inequality Reexamined» (Oxford: Clarendon Press; Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992). Мощную критику утилитаристской традиции можно обнаружить в работах: *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971 [рус. пер.: Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995]; *Williams B. A Critique of Utilitarianism* // Smart J.J.C., Williams B. *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973; *Nozick R. Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books, 1974; *Dworkin R. Taking Rights Seriously*. London: Duckworth, 1978; *Raz J. Ethics in the Public Domain*. Oxford: Clarendon Press, 1994 (доп. изд.: 1995) и других.

¹² *Sen A. Inequality Reexamined* (1992), *Nussbaum M. Sex and Social Justice*. New York: Oxford University Press, 1999.

¹³ *Rawls. A Theory of Justice* (1971).

¹⁴ *Nozick. Anarchy, State and Utopia* (1974). Развитие взглядов Нозика изложено в его более поздней работе «The Examined Life» (New York: Simon & Schuster, 1989).

¹⁵ *Rawls. A Theory of Justice* (1971); см. также книгу того же автора «Political Liberalism» (New York: Columbia University Press, 1993), особенно лекцию 8.

16 Hart H.L.A. Rawls on Liberty and Its Priority // University of Chicago Law Review. Spring 1973. № 40 (статья перепечатана в изд.: Reading Rawls / Ed. by N. Daniels. New York: Basic Books, 1975); а также: Rawls J. Political Liberalism (1993), лекция 8.

17 См. работы автора: 1) Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford and New York: Oxford University Press, 1981; 2) Hunger and Public Action. Oxford and New York: Oxford University Press, 1989 (написана совместно с Жаном Дрезом). См. также: Coles J.L., Hammond P.J. Walrasian Equilibrium without Survival: Existence, Efficiency and Remedial Policy // Chocie, Welfare and Development: A Festschrift in Honour of Amartya K. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1995.

18 Конкретные предложения по расширению консеквенциалистской системы в сторону инкорпорирования прав представлены в статьях автора: 1) Rights and Agency // Philosophy and Public Affairs. 1982. № 11 (перепечатана в изд.: Consequentialism and Its Critics / Ed. by S. Scheffler. Oxford: Oxford University Press, 1988); 2) Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984 // Journal of Philosophy. 1985. Ap. № 82. См. также: Sen A. Freedom, Rationality and Social Choice: Arrow Lectures and Other Essays. Oxford: Clarendon Press, [2002].

19 Robbins L. Interpersonal Comparisons of Utility (1938). P. 636. Критику этой позиции (т.е. отрицание научного статуса межличностных сравнений пользы) см. в работах: Little I.M.D. A Critique of Welfare Economics. Oxford: Clarendon Press, 1950, 1957; Praag B.M.S. Van. Individual Welfare Functions and Consumer Behavior. Amsterdam, North-Holland, 1968; Sen A. On Economic Inequality. Oxford: Clarendon Press, 1973 (доп. изд. 1997); Sen A. Interpersonal Comparisons of Welfare // Economics and Human Welfare. New York: Academic Press, 1980, (статья вошла в книгу: Sen A. Choice, Welfare and Measurement [1982]); статьи Дональда Дэвидсона (Donald Davidson) и Аллана Джиббарда (Allan Gibbard) в сборнике «Foundations of Social Choice Theory» (Cambridge: Cambridge University Press, 1986); а также: Interpersonal Comparisons of Well-Being / Ed. by J. Elster, J. Roemer. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

20 Джон Харсаньи расширяет определение полезности в связи с выбором, рассматривая в межличностных сравнениях гипотетический выбор, благодаря чему создается воображаемая ситуация, когда у человека якобы появляется возможность стать кем-то другим (Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons // Journal of Political Economy. 1955. № 63; эта статья вошла

в книгу Харсаньи «*Essays on Ethics, Social Behavior, and Scientific Explanation*» [Dordrecht: Reidel, 1976]). Подход Харсаньи к утилитаристской экономике благосостояния основан на оценке социальных структур в плане равных шансов независимо от социального положения. Это чрезвычайно важный теоретический эксперимент, который придает элегантную и внятную форму трактовке равных возможностей, издавна обсуждаемой в этической литературе. Но такой гипотетический выбор нелегко использовать в практических сравнениях пользы, и основное достоинство подхода Харсаньи остается чисто концептуальным.

²¹ Содержание ряда вероятных функций пользы будет зависеть от избранного способа измерения (т.е. обыденного, кардинального, рационального). Межличностные сравнения пользы требуют «инвариантных условий», искусственно привязываемых к комбинациям функций пользы различных индивидов. Эти условия создаются путем применения декартового метода к анализу относительных рядов вероятных функций пользы индивидов. По этим вопросам см. статью автора «*Interpersonal Aggregation and Partial Comparability*» (*Econometrica*. 1970. № 38), перепечатанную в книгах: 1) *Sen A. Choice, Welfare and Measurement* (1982); 2) *Sen A. Collective Choice and Social Welfare* (1970). См. также: *Roberts K.W.S. Interpersonal Comparisons and Social Choice Theory // Review of Economic Studies*. 1980. № 47. На практике такие «инвариантные условия» в поведении потребителя в условиях выбора не наблюдаются.

²² По этому вопросу см.: *Fisher F.M., Shell K. The Economic Theory of Price Indices*. New York: Academic Press, 1972. Эта проблема также затрагивалась в докторской диссертации Херба Гинтиса (*Herb Gintis*), защищенной им в Гарвардском университете: «*Alienation and Power: Toward a Radical Welfare Economics*» (1969).

²³ Основные результаты, представленные в литературе по сравнению реальных доходов, обсуждались и анализировались в статье автора «*The Welfare Basis of Real-Income Comparisons: A Survey*» (*Journal of Economic Literature*. 1979. № 17), перепечатанной в книге автора «*Resources, Values and Development*» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984, 1997).

²⁴ Разнообразные влияния на личное благосостояние были всесторонне рассмотрены в скандинавских исследованиях уровня жизни; см., например: *Erikson R., Aberg R. Welfare in Transition*. Oxford: Clarendon Press, 1987.

25 См., в частности: *Loury G. A Dynamic Theory of Radical Income Differences // Women, Minorities and Employment Discrimination / Ed. by P.A. Wallace, A. Lamond. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1977*, а также: *Why Should We Care about Group Inequality? // Social Philosophy and Policy 1987. № 5*; *Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1990*; *Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993*; *Putnam R. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life // American Prospect. 1993. № 13*, а также *Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracies 1995. № 6*.

26 *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations (1776)*. См. также: *Runciman W.G. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century England. London: Routledge, 1966*; *Townsend P. Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. Harmondsworth: Penguin Books, 1979*.

27 См. статью автора «Gender and Cooperative Conflict» (*Persistent Inequalities: Women and World Development / Ed. by I. Tinker. New York: Oxford University Press, 1990*), а также литературы, процитированную в этой работе.

28 В некоторых контекстах, например касающихся причин голода (и стратегических мер по предотвращению голода), следует уделять основное внимание недостаточным доходам потенциальных жертв голода (и возможности воссоздания этих доходов). На эту тему см.: *Sen A. Poverty and Famines (1981)*.

29 *Rawls J. A Theory of Justice (1971)*. Р. 60–65 [рус. пер.: Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 66–70]. См. также работу того же автора «Political Liberalism» (1993).

30 Кроме того, Рональд Дворкин (Ronald Dworkin), обсуждая «равенство ресурсов», дополнил перечень первичных благ, составленный Роулзом, возможностями страхования с целью противостояния «злой судьбе» (см. статьи: *Dworkin R. What Is Equality? Part 1: Equality of Welfare; What Is Equality? Part 2: Equality of Resources // Philosophy and Public Affairs. 1981. № 10*).

31 *Sen A. 1) Equality of What? // Tanner Lectures on Human Values. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Vol. 1.; 2) Justice: Means versus Freedoms // Philosophy and Public Affairs. 1990. № 19*. Заметим, что в содержании «первичных благ» по версии Роулза наблюдается некоторая путаница. Некоторые первичные блага (такие как «доход

и богатство») являются не более чем средствами для достижения реальных целей (в соответствии с высказыванием Аристотеля в самом начале «Никомаховой этики»). Другие первичные блага (такие как «социальная база для самоуважения», на которую Роулз чаще всего ссылается) могут содержать аспекты общественного климата, хотя теоретически они являются *средствами* (в случае с «социальной базой для самоуважения» — средствами для достижения самоуважения). А третья категория благ (например, «личные свободы») интерпретируется различными способами: и как средства (личные свободы позволяют нам действовать в соответствии с нашими ценностями), и как реальная свобода достигать определенных результатов (последний способ идентификации личных свобод широко используется в литературе об общественном выборе, например в книге автора «Collective Choice and Social Welfare» [1970], глава 6). Но предложение по использованию первичных благ для оценки индивидуальных преимуществ, выдвинутое в работе Роулза «Difference Principle», в основном мотивировано попыткой определить общие характеристики средств, и потому такой метод подвержен межличностной изменчивости при конвертации средств в свободы, позволяющей достигать поставленных целей.

2 Williams A. What Is Wealth and Who Creates It? // Dependency to Enterprise / Ed. by J. Hutton and al. London: Routledge, 1991; Culyer A.J., Wagstaff A. Needs, Equality and Social Justice. Discussion Paper 90, Centre for Health Economics, University of York 1991; Williams A. Being Reasonable about the Economics of Health: Selected Essays. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1997. См. также: Farmer P. Infections and Inequalities: The Modern Plagues. Berkley, Calif.: University of California Press, 1998; Marmot M., Bobak M., Smith G.D. Exploration for Social Inequalities in Health // Society and Health. London: Oxford University Press, 1995; Wilkinson R.G. Unhealthy Societies: The Afflictions of Inequality. New York: Routledge, 1996; Smith J. 1) Socioeconomic Status and Health // American Economic Review 1998. № 88; 2) Healthy Bodies and Thick Wallets: The Dual Relationship between Health and Socioeconomic Status // Journal of Economic Perspectives 1999. № 13. Многое можно извлечь из исследований по специфическим проблемам, связанным со здоровьем; например, см.: Women, Poverty and AIDS: Sex, Drugs and Structural Violence / Ed. by P. Farmer, M. Connors, J. Simmons. Monroe, Me.: Common Courage Press, 1996; Bhargava A. Modeling the Effects of Nutritional and Socioeconomic Factors on the Growth and Morbidity of Kenyan School Children // American Journal of Human Biology 1999. № 11.

33 Pigou A.C. The Economics of Welfare. London: Macmillan, 1952 (4-е изд.) [рус. пер.: Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. I-II. М.: Прогресс, 1985]. См. также: Pant P. et al. Perspectives of Development: 1961-1976, Implications of Planning for a Minimal Level of Living. New Delhi: Planning Commission of India, 1962; Adelman I., Morris C.T. Economic Growth and Social Equity in Developing Countries. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1973; Sen A. On the Development of Basic Income Indicators to Supplement the GNP Measure // United Nations Economic Bulletin for Asia and the Far East. 1973. № 24; Bardhan P. On Life and Death Questions // Economic and Political Weekly. 1974. № 9; Adelman I. Development Economics — A Reassessment of Goals // American Economic Review. Papers and Proceedings. 1975. № 65; Herrera A.O. et al. Catastrophe or New Society? A Latin American World Model. Ottawa, IDRC, 1976; Ul Haq M. The Poverty Curtain. New York: Columbia University Press, 1976; Streeten P., Burki S.J. Basic Needs: Some Issues // World Development. 1978. № 6; Griffin K. International Inequality and National Poverty. London: Macmillan, 1978; Morris M.D. Measuring the Conditions of the World's Poor: The Physical Quality of Life Index. Oxford: Pergamon Press, 1979; Chichilnisky G. Basic Needs and Global Models: Resources, Trade and Distribution // Alternatives. 1980. № 6; Streeten P. Development Perspectives. London: Macmillan, 1981; Streeten P., Burki S.J., ul Haq M., Hicks N., Stewart F. First Things First: Meeting Basic Needs in Developing Countries. New York: Oxford University Press, 1981; Stewart F. Basic Needs in Developing Countries. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985; Costa D.H., Steckel R.H. Long-Term Trends in Health, Welfare and Economic Growth in the United States // Historical Working Paper 76, National Bureau of Economic Research, 1995; Floud R.C., Harris B. Health, Height and Welfare: Britain 1700-1980 // Historical Working Paper 87, National Bureau of Economic Research, 1996; Crafts N.F.R. Some Dimensions of the «Quality of Life» during the British Industrial Revolution // Economic History Review. 1997. № 4; Development with a Human Face: Experiences in Social Achievement and Economic Growth / Ed. by S. Mehrotra, R. Jolly. Oxford: Clarendon Press, 1997; Thirwall A.P. Growth and Development. London: Macmillan, 1999 (6-е изд.) и пр.

34 Программа ООН по развитию (United Nations Development Programme), Human Development Report 1990 (New York, Oxford University Press, 1990) и отчеты за последующие годы. Собственные комментарии Махбаба уль Хака к этой новаторской работе, предпринятой ООН, читайте в: Ul Haq M. Reflections on Human Development. New York: Oxford University Press, 1995. См. также в качестве приложе-

ний и дополнительных материалов: *Crafts N.F.R. The Human Development Index and Changes in the Standard of Living: Some Historical Comparisons // Review of European Economic History*. 1997. ЮНИСЕФ также впервые предпринял выпуск ежегодных отчетов об условиях жизни детей; см.: UNICEF. *The State of the World's Children*. New York: Oxford University Press, 1987 и прочие ежегодные выпуски. Следует отметить также информационно насыщенные отчеты Всемирного банка (*World Development Reports*), в которых с каждым годом проблема условий жизни ставится все шире. Вопросы здоровья мирового населения были всесторонне исследованы в *World Development Report 1993* (New York: Oxford University Press, 1993).

³⁵ *Aristotle. The Nicomachean Ethics*. Oxford: Oxford University Press, 1980. Book 1. Section 7. P. 12–14 [рус. пер.: *Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. М.: Мысль, 1984. Т. 4. Раздел VII. С. 62–65*]. См. также: *Nussbaum M. Nature, Function and Capability: Aristotle on Political Distribution // Oxford Studies in Ancient Philosophy*. 1998 (дополнительный том).

³⁶ *Smith A. Wealth of Nations*. 1776. Vol. 2. Book 5. Chap. 2 [рус. пер.: *Смит. С. 620–621*].

³⁷ *Ibid.*

³⁸ См. статью автора «Equality of What?» (*Tanner Lectures on Human Values*. Cambridge: Cambridge University Press and Salt Lake City: University of Utah Press. 1982. Vol. 1), перепечатанную в «Choice, Welfare and Measurement» (1980); а также: *Rawls J. Liberty, Equality and Law*. Cambridge: Cambridge University Press and Salt Lake City, University of Utah Press, 1987; *Equal Freedom: Selected Tanner Lectures on Human Values*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. А также: *Sen A.* 1) *Public Action and the Quality of Life in Developing Countries // Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 1981. № 43; 2) *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: North-Holland, 1985; 3) *Well-Being, Agency and Freedom* (1985); 4) *Hunger and Public Action* (Oxford: Clarendon Press, 1989; в соавторстве с Жаном Дрезом); 5) *Capability and Well-Being // The Quality of Life / Ed. by M. Nussbaum, A. Sen*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

³⁹ О характере и распространенности такого разнообразия см.: *Sen A.* 1) *Commodities and Capabilities* (1985), 2) *Inequality Reexamined* (1992). О принципиальном значении учета несоизмеримых потребностей при распределении ресурсов см.: *Sen A. On Economic Inequalities*. Chap. 1; *Doyal L., Gough I. A Theory of Human Need*. New York: Guilford Press, 1991; *Ebert U. On Comparisons of Income Distribu-*

tion When Household Types Are Different // Economics Discussion Paper V-86-92. University of Oldenberg, 1992; Brock D. W. Life and Death: Philosophical Essays in Biomedical Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Balestrino A. Poverty and Functionings: Issues in Measurement and Public Action // Giornale degli Economisti e Annali di Economia. 1994. № 53; Martinetti E. Ch. A New Approach to Evaluation of Well-Being and Poverty by Fuzzy Set Theory // Giornale degli Economisti. 1994. № 53; Fleurbaey M. On Fair Compensation // Theory and Decisions. 1994. № 36; Granaglia E. More or Less Equality? A Misleading Question for Social Policy // Giornale degli Economisti. 1994. № 53; Fleurbaey M. Three Solutions for the Compensation Problem // Journal of Economic Theory. 1995. № 65; Eriksson R., Jantti M. Economic Value and Ways of Life. Aldershot: Avebury, 1995; Shorrocks A. F. Inequality and Welfare Comparisons for Heterogeneous Populations. Department of Economics, University of Essex, 1995 (попечен); Nolan B., Whelan C. T. Resources, Deprivation and Poverty. Oxford: Clarendon Press, 1996; Balestrino A. A Note on Functioning-Poverty in Affluent Societies // Notizie di Politomia. 1996 (special volume); Herrero C. 1) Capabilities and Utilities // Economic Design. 1996. № 2; 2) Development with a Human Face / Ed. by S. Mehrotra, R. Jolly. Oxford: Clarendon Press, 1997; 3) Consumers International. The Social Art of Economic Crisis: ...Our Rice Pots Are Empty. Penez, Malopia, Consumers International, 1998 и пр.

См.: Sen A. 1) Equality of What? (1980), 2) Commodities and Capabilities (1985), 3) Inequality Reexamined (1992). А также: Griffin K., Night J. Human Development and the International Development Strategies for the 1990s. London: Macmillan, 1990; Crocker D. Functioning and Capability: The Foundations of Sen's and Nussbaum's Development Ethics // Political Theory. 1992. № 20; Nussbaum M., Sen A. The Quality of Life (1993); Nussbaum M., Glover J. Women, Culture and Development. Oxford: Clarendon Press, 1995; Desai M. Poverty, Famine and Economic Development. Aldershot: Edward Elgar, 1994; Arrow K. A Note on Freedom and Flexibility, Atkinson A. B. Capabilities, Exclusion and the Supply of Goods // Choice, Welfare and Development. Oxford: Clarendon Press, 1995; Zamagni S. Amartya Sen on Social Choice, Utilitarianism and Liberty // Italian Economic Papers. 1995. № 2; Herrero C. Capabilities and Utilities (1996); Nolan B., Whelan C. T. Resources, Deprivation and Poverty (1996); Human Well-Being and Economic Goals / Ed. by F. Akerman, D. Kiron, N. R. Goodwin, J. Harris, K. Gallagher. Washington, D. C.: Island Press, 1997; Freedom in Economics / Ed. by J.-Fr. Laslier et al. London: Routledge, 1998; Pattanaik P. K. Cultural Indicators of Well-Being:

Some Conceptual Issues // World Culture Report. Paris: UNESCO, 1998; Alkire S. Operationalizing Amartya Sen's Capability Approach to Human Development (докторская диссертация, Oxford University, 1999).

⁴¹ Даже элементарное функционирование в смысле получения достаточного питания затрагивает существенные концептуальные и эмпирические проблемы, по которым см. среди прочего: *Scrimshaw N., Taylor C.E., Gopalan J.E.* Inreactions of Nutrition and Infection. Geneva: World Health Organization, 1968; *Srinivasan T.N.* Malnutrition: Some Measurement and Policy Issues // *Journal of Development Economics*. 1981. № 8; *Nutritional Adaption in Man* / Ed. by K. Blaxter and J.C. Waterlow. London: John Libbey, 1985; *Dasgupta P., Ray D.* Adapting to Undernutrition: Biological Evidence and Its Implication // *The Political Economy of Hunger* / Ed. by J. Dreze, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1990; *Osmani S.R.* Nutrition and the Economics of Food: Implications of Some Recent Controversies // *Ibid.*; *Dasgupta P.* An Inquiry into Well-Being and Destitution. Oxford: Clarendon Press, 1993.

⁴² Эти вопросы рассматриваются в Таннерских лекциях А. Сена, включенных его книгу «The Standard of Living» (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), см. там же статьи, написанные Geoffrey Hawthorn, John Muellbauer, Ravi Kanbur, Keith Hart, Bernard Williams, и ответ автора на эти выступления. См. также: *Basu K.* Achievement, Capabilities and the Concept of Well-Being // *Social Choice and Welfare*. 1987. № 4; *Cohen G.A.* Equality of What? On Welfare, Goods and Capabilities // *Recherches Economiques de Louvain*. 1990. № 56; *Daniels N.* Equality of What: Welfare, Resources and Capabilities? // *Philosophy of Phenomenological Research*. 1990. № 50; *Crocker.* Functioning and Capability (1992); *Brock D. W.* Life and Death (1993); *Qizilbash M.* 1) Capabilities, Well-Being and Human Development: A Survey // *Journal of Development Studies*. 1996. № 33; 2) The Concept of Well-Being // *Economics and Philosophy*. 1998. № 14; *Alkire S.* Operationalizing Amartya Sen's Capability Approach to Human Development (1999). См. также материалы симпозиумов, посвященных подходу с учетом потенциальных возможностей, в изд.: «Giornale degli Economisti e Annali di Economia» (1994. № 53) и в «Notizie di Politeia» (1996, special volume), в том числе статьи Alessandro Balestrino, Giovanni Andrea Cornia, Enrica Chiappero Martinetti, Elena Granaglia, Renata Targetti Lenti, Ian Carter, L. Casini, I. Bernetti, S. Razavi и других. См. также материалы симпозиума по анализу экономических правомочий в «Journal of International Development» (1997. № 9) под редакцией Des Gasper со статьями, написанными следующими авторами: Des Gasper, Charles

Gore, Mozaffar Qizilbash, Sabina Alkire, Rufus Black.

Если численное выражение функции индивидуума невозможно установить, то ее исследуют с общих теоретических позиций, рассматривая достижения, обеспечиваемые функцией, как «функциональный п-кортеж», а ряд возможностей — как ряд таких п-кортежей в соответствующем пространстве. Однако некоторые результаты могут быть неполными или размытыми. По этому вопросу см.: Sen A. *Commodities and Capabilities* (1985). Для исследования функциональных векторов и рядов потенциальных возможностей могут помочь современные публикации по «теории размытого множества». См., в частности: *Martinetti E. Ch. A New Approach to Evaluation of Well-Being and Poverty by Fuzzy Set Theory // Giornale degli Economisti*. 1994. № 53 и статью того же автора «Standard of Living Evaluation Based on Sen's Approach: Some Methodological Suggestions» (*Notizie di Politeia*. 1996. № 12, special volume). См. также: *Basu K. Axioms for Fuzzy Measures of Inequality* (1987); *Delbono F. Poverta come incapacita: Premesse teoriche, identificazione e misurazione // Rivista Internazionale di Scienze Sociali*. 1989. № 97; *Ceroli A., Zani S. A Fuzzy Approach to the Measurement of Poverty // Inequality and Poverty / Ed. by C. Dagum. New York: Springer-Verlag, 1990; Balestrino. Poverty and Functioning* (1994); *Ok E. Fuzzy Measurement of Income Inequality // Social Choice and Welfare*. 1995. № 12; *Casini L., Bernetti I. Environment, Sustainability and Sen's Theory // Notizie di Politeia*. 1996 (special volume) и пр.

Значимость возможностного подхода в иных различных областях была проанализирована, inter alia, в Гарварде в диссертациях соискателей докторской степени, чьим научным руководителем автор имел честь быть; в частности: *Kumar A. K. Sh. Maternal Capabilities and Child Survival in Low-Income Regions*, (1992); *Cohen J. R. On Reasoned Choice* (1993); *Klasen S. J. Gender, Inequality and Survival: Excess Female Mortality — Past and Present* (1994); *Knaul F. M. Young Workers, Street Life and Gender: The Effects of Education and Work Experience on Earnings in Columbia* (1995); *Lauterbach K. W. Justice and the Functions of Health Care* (1995); *Oosterdorp R. H. Adam Smith, Social Norms and Economic Behavior* (1995); *Laden A. S. Constructing Shares Wills: Deliberative Liberalism and the Politics of Identity* (1996); *Hicks D. Inequality Matters* (1998); *Ruger J. P. Aristotelian Justice and Health Policy: Capability and Incompletely Theorized Agreements* (1998); *Abadian S. From Wasteland to Homeland: Trauma and the Renewal of Indigeneous Peoples and Their Communities* (1999).

⁴⁵ По данному вопросу существует довольно обширная литература, на которую автор ссылается в своей книге «On Economic Inequality» (Oxford: Clarendon Press, 1997, доп. изд.), а также в приложении к этой книге, написанном в соавторстве с Джеймсом Фостером (James Foster). См. также ссылки, данные в примеч. 38–44, а также: *Khan H.A. Technology, Development and Democracy*. Northampton, Vass.: Edward Elgar, 1998; *Folbre N. A Time (Use Survey) for Every Purpose: Non-Market Work and the Production of Human Capabilities*. Amherst: University of Massachusetts, 1997 (потапринт); *Ackerman F. et al. Human Well-Being and Economic Goals*; *Earls F., Carlson M. Adolescents as Collaborators: In Search of Well-Being*. Harvard University, 1998 (потапринт); *Ethics of Consumption* / Ed. by D. Crocker, T. Linden. New York: Rowman and Littlefield, 1998, и пр.

⁴⁶ Этот метод называется «элементарной оценкой» рядов возможностей; характер и область применения элементарной оценки обсуждается в изд.: *Sen A. Commodities and Capabilities* (1985). См. также размышления Дж.А. Коузена (G.A. Cohen) по поводу того, что он называет «срединной долей» («midfare»): 1) «On the Currency of Egalitarian Justice» (*Ethics*. 1989. № 99); 2) «Equality of What? On Welfare, Goods and Capabilities» (1990); 3) *Self-Ownership, Freedom and Equality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. См. также: *Arneson R.* 1) Equality and Equality of Opportunity for Welfare // *Philosophical Studies*. 1989. № 56; 2) Liberalism, Distributive Subjectivism and Equal Opportunity for Welfare // *Philosophy and Public Affairs*. 1990. № 19.

⁴⁷ Эти вопросы подробно рассматриваются в книге автора «Freedom, Rationality and Social Choice» (2002). См. также: *Koopmans T.C. On the Flexibility of Future Preference Human Judgements and Optimality* / Ed. by M.W. Shelley. New York: Wiley, 1964; *Kreps D. A Representation Theorem for «Preference for Flexibility»* // *Econometrica*. 1979 № 47; *Jones P., Sugden R. Evaluating Choice* // *International Review of Law and Economics*. 1982. № 2; *Foster J. Notes on Effective Freedom*. Vanderbilt University (работа была представлена на Стэнфордском семинаре по экономическим теориям неравенства при поддержке фонда МакАртура [MacArthur Foundation] 11–13 марта 1993); *Arrow K.J. A Note on Freedom and Flexibility* // *Choice, Welfare and Development* (1995); *Sugden R. The Metric of Opportunity*. Discussion Paper 9610 // Economics Research Centre, University of East Anglia, 1996.

⁴⁸ *Sen A.* 1) *Commodities and Capabilities* (1985); 2) *Welfare, Preference and Freedom* // *Journal of Economenrics*. 1991. № 50. О различных предложениях по расширению понятия «свобода» см. также:

Kreps D. A Representation Theorem for «Preference for Flexibility» (1979); *Suppes P.* Maximizing Freedom of Decision: An Axiomatic Analysis / Ed. by G.R. Feiwel. Arrow and the Foundations of Economic Policy. London: Macmillan, 1987; *Pattanaik P.K., Xu Y.* On Ranking Opportunity Sets in Terms of Freedom of Choice // *Recherches Economiques de Louvain*. 1990. № 56; *Foster J.* Notes on Effective Freedom (1993); *Arrow K.* A Note on Freedom and Flexibility // Choice, Welfare and Development / Ed. by Basu, Pattanaik and Suzumura (1995); *Herrero C.* Capabilities and Utilities; *Puppe C.* Freedom, Choice and Rational Decisions // *Social Choice and Welfare*. 1995. № 12 и пр.

⁴⁹ По этим вопросам см. работы автора: 1) «Commodities and Capabilities» (1985), 2) «Inequality Reexamined» (1992), 3) «Capability and Well-Being» (1993).

⁵⁰ *Rawls J.* A Theory of Justice (1971) [рус. пер.: Роулз Дж. Теория справедливости. М.: Новосибирск, 1995]; 2) *Political Liberalism* (1993). По аналогии с теоремой невозможности Эрроу в научной литературе были представлены другие «невозможностные теоремы», касающиеся удовлетворительной индексации первичных благ Роулза; см.: *Plott Ch.* Rawls' Theory of Justice: An Impossibility Result // *Decision Theory and Social Ethics* / Ed. by H.W. Gottinger, W. Leinfellner. Dordrecht: Reidel, 1978; *Gibbard A.* Disparate Goods and Rawls' Difference Principle: A Social Choice Theoretic Treatment // *Theory and Decision*. 1979. № 11; *Blair D.H.* The Primary-Goods Indexation Problem in Rawls' «Theory of Justice» // *Theory and Decision*. 1998. № 24. Подобные отличия были вызваны в первую очередь информационной ограниченностью (как и в случае с теоремой Эрроу). Вопрос о снятии таких информационных ограничений обсуждается в работе автора «On Indexing Primary Goods and Capabilities» (Harvard University, 1991, ротапринт), в которой предполагаемые «невозможные» результаты при применении методов Роулза становятся менее очевидными.

⁵¹ Аналитические соответствия между систематическим сужением интервала удельных весов и постепенным расширением частичных классификаций (основанных на «пересечениях вероятного ранжирования») исследовались нами в работах: 1) «Interpersonal Aggregation and Partial Comparability» (1970), 2) «Collective Choice and Social Welfare» (1970), главы 7 и 7*; а также в следующих работах: *Blackorby Ch.* Degrees of Cardinality and Aggregate Partial Ordering // *Econometrica*. 1975. № 43; *Basu K.* Revealed Preference of Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1980; *Foster J., Sen A.* On Economic Inequality after a Quarter Century (в дополненном издании

On Economic Inequality [1997]). Метод пересекающегося частичного упорядочивания можно сочетать с «размытой» репрезентативной оценкой и измерением функции индивида. По этому вопросу см.: *Martinetti Ch.* 1) A New Approach to Evaluation of Well-Being and Poverty by Fuzzy Set Theory (1994); 2) Standard of Living Evaluation Based on Sen's Approach (1996). См. также: *Casini L., Bernetti I.* Environment, Sustainability and Sen's Theory // *Notizie di Politeia* (1996); *Herrero C.* Capabilities and Utilities (1996). Но даже при неполном упорядочивании проблемы, касающиеся решений, могут быть адекватно улажены или по крайней мере существенно упрощены (посредством отказа от «доминирующих» альтернатив).

⁵² Этот вопрос и его связь как с теорией социального выбора, так и с теорией общественного выбора обсуждались автором в его выступлении в качестве президента перед Американской экономической ассоциацией (American Economic Association) «Rationality and Social Choice» (*American Economic Review*, 1995, № 85).

⁵³ *Srinivasan T.N.* Human Development: A New Paradigm or Reinvention of the Wheel? // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. 1994. № 84. P. 239. В этой статье Сринивазан, по сути дела, цитирует Роберта Сагдена (*Sugden R.* Welfare, Resources and Capabilities: A Review of «Inequality Reexamined» by Amartya Sen // *Journal of Economic Literature*. 1993. № 31), чей скептицизм по поводу оценки различных возможностей личности намного менее ярко выражен, чем скептицизм Сринивазана (вывод Сагдена звучит так: «... пока неясно, удастся ли получить аналогичную метрическую систему для возможностного подхода», стр. 1953).

⁵⁴ *Samuelson P.* Foundations of Economic Analysis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1947. P. 205 [рус. пер.: *Самуэльсон П.* Основания экономического анализа. СПб., 2002].

⁵⁵ Этому вопросу автор уделил внимание в президентском обращении к Американской экономической ассоциации в 1995 г. и в своей нобелевской лекции 1998 г.; см.: 1) Rationality and Social Choice // *American Economic Review*. 1995. № 85; 2) The possibility of Social Choice // *American Economic Review*. 1999. № 89.

⁵⁶ Эти подходы обсуждались также в приложении (написанном нами в соавторстве с Джеймсом Фостером) к дополненному изданию: *Sen A.* On Economic Unequality (1997).

⁵⁷ Интересно было бы рассмотреть распределительные измерения в различных пространствах (распределение доходов, продолжительности жизни, грамотности и т.д.), а затем объединить

их. Но это будет обманчивый метод, поскольку многое зависит от того, как эти переменные соотносятся друг с другом в межличностных моделях (так называемой «ковариативной» проблемы). Например, если низкие доходы влекут за собой низкую грамотность, то эти два лишения усиливают друг друга, но если они независимы друг от друга (или «перпендикулярны»), то «усиления» не произойдет; а если они направлены противоположно, то лишение в плане одной переменной будет, по крайней мере в некоторой степени, смягчено другой переменной. Мы не можем судить о том, какая из альтернатив окажется действующей, лишь взглянув на распределительные показатели по отдельности без учета коллинеарности и ковариативности.

⁵⁸ В исследованиях по проблемам бедности в Италии (в европейском контексте), предпринятых Банком Италии под руководством Фабрицио Барка, в основном использовался именно этот дополнительный метод.

⁵⁹ По этому вопросу см.: *Deaton A. Micrieconometric Analysis for Development Policy: An Approach from Household Surveys*. Baltimore: Johns Hopkins University Press for the World Bank, 1997. А также: *Deaton A., Muellbauer J.* 1) *Economics and Consumer Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980; 2) *On Measuring Child Costs: With Application to Poor Countries* // *Journal of Political Economy*. 1986. № 94. См. также: *Jorgenson D. W. Welfare* // *Measuring Social Welfare*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. Vol. 2.

⁶⁰ *Dalton H. The Measurement of the Inequality of Incomes* // *Economic Journal*. 1920. № 30; *Atkinson A. B. On the Measurement of Inequality* // *Journal of Economic Theory*. 1970. № 2.

⁶¹ В частности, в работах автора 1) «Commodities and Capabilities» (1985), 2) «Well-Being, Agency and Freedom» (1985), 3) «Inequality Reexamined» (1992).

⁶² Некоторые более специальные вопросы по оценке свободы разбирались нами в работе «Freedom, Rationality and Social Choice: Arrow Lectures and Other Essays» (2002).

Глава 4. Бедность как отсутствие возможностей

Эта точка зрения на бедность подробнее изложена в книгах автора: 1) *Poverty and Famines*. Oxford: Clarendon Press, 1981; 2) *Resources, Values and Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984, а также см.: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press, 1989; *Anand S., Sen A. Concepts of Human*

² Суть и значение этих требований более подробно обсуждаются в работе автора: *Poverty as Capability Deprivation*. Rome: Bank of Italy (ротапринт).

³ Например, голод и недоедание связаны как с количеством потребляемой пищи, так и со способностью использовать питательность потребляемой пищи. Такая способность во многом обусловлена общим состоянием здоровья (например, наличием заболеваний, вызываемых паразитами), которое, в свою очередь, зависит от уровня медицинского обслуживания внутри сообщества и государственного здравоохранения; на эту тему см.: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action* (1989); *Nutrition and Poverty* / Ed. by S.R. Osmani. Oxford: Clarendon Press, 1993.

⁴ См., например: *Smith J. Healthy Bodies and Thick Wallets: The Dual Relationship between Health and Socioeconomic Status* // *Journal of Economics Perspectives*. 1999. № 13. Существует и другой тип «состыковки» между (1) истощением, вызванным низкими доходами, и (2) низкими доходами, порожденными невозможностью получить работу в связи с истощением. Об этих взаимосвязях см.: *Dasgupta P., Ray D. 1) Inequality as a Determinant of Malnutrition and Unemployment: Theory* // *Economic Journal*. 1986. № 96; 2) *Inequality as a Determinant of Malnutrition and Unemployment: Policy* // *Economic Journal*. 1987. № 97; 3) *Adapting to Undernourishment: Biological Evidence and Its Implications* // *The Political Economy of Hunger* / Ed. by J. Drèze, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1990. См. также: *Dasgupta P. An Inquiry into Well-Being and Destitution*. Oxford: Clarendon Press, 1993; *Ray D. Development Economics*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

⁵ Огромное воздействие таких физических факторов на низкий доход в Британии впервые было выявлено А.Б. Аткинсоном (A.B. Atkinson) в его эмпирическом исследовании «*Poverty in Britain and the Reform of Social Security*» (Cambridge: Cambridge University Press, 1970). В своих более поздних работах Аткинсон продолжил изучение связи между низким уровнем дохода, вызванным наличием физических недостатков, и лишениями других видов.

⁶ О характере этих функциональных недостатков см.: *Wedderburn D. The Aged in the Welfare State*. London: Bell, 1961; *Townsend P. Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Harmondsworth: Penguin Books, 1979; *Palmer J.,*

Smeeding T., Torrey B. The Vulnerable: America's Young and Old in the Industrial World. Washington, D.C.: Urban Institute Press, 1988 и пр.

⁷ Мы попытались проанализировать гендерное неравенство с позиций отсутствия возможностей в следующих работах: 1) «Resources, Values and Development» (1984; 1997); 2) «Commodities and Capabilities» (Amsterdam: North-Holland, 1985); 3) «Missing women» (British Medical Journal. 1992. March. № 304). См. также: *Bardhan P. On Life and Death Questions // Economic and Political Weekly. 1974. № 9; Chen L., Huq E., D'Souza S. Sex Bias in the Family Allocation of Food and Health Care in Rural Bangladesh // Population and Development Review. 1981. № 7; Kynch J., Sen A. Indian Women: Well-Being and Survival // Cambridge Journal of Economics. 1983. № 7; Bardhan P. Land, Labour and Rural Poverty. New York: Columbia University Press, 1984; Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989); Harriss B. The Untrafamily Distribution of Hunger in South Asia // The Political Economy of Hunger / Ed. by J. Drèze, A. Sen. (1990. Vol. 1); Kanbur R., Haddad L. How Serious Is the Neglect of Intrahousehold Inequality? // Economic Journal. 1990. № 100 и пр.*

⁸ По этому вопросу см.: United Nations Development Programme // Human Development Report 1995. New York: Oxford University Press, 1995.

⁹ *Runciman W.G. Relative Deprivation and Social Justice: A Survey of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century England. London: Routledge, 1966; Townsend P. Poverty in the United Kingdom (1979).*

¹⁰ *Sen A. Poor, Relatively Speaking // Oxford Economic Papers. 1983. № 35, статья перепечатана в изд. «Resources, Values and Development» (1984).*

¹¹ Эта связь исследована в книге автора «Inequality Reexamined» (Oxford: Clarendon Press; and Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992, chap. 2).

¹² *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity. Delhi: Oxford University Press, 1995.*

¹³ См. ряд статей в сборнике: *India's Economic Reforms and Development: Essays for Manmohan Singh / Ed. by I.J. Ahluwalia, I.M.D. Little. Delhi: Oxford University Press, 1998. См. также: Joshi V., Little I. Indian Economic Reforms, 1991–2001. Delhi: Oxford University Press, 1996.*

¹⁴ Эти аргументы подробнее рассматриваются в работе Дреза и Сена «India: Economic Development and Social Opportunity» (1995).

¹⁵ *Datt G. Poverty in India and Indian States: An Update // Washington, D.C.: International Food Policy Research Institute, 1997. См. также:*

World Bank. India: Achievements and challenges in Reducing Poverty. Report № 16 483 IN. May 27, 1997 (см., в частности, рис. 2.3).

¹⁶ Smith A. The Theory of Moral Sentiments [1759; испр. изд.: 1790] / Ed. by D.D. Raphael, A.L. Macfie. Oxford: Clarendon Press, 1976 [рус. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997].

¹⁷ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971 [рус. пер.: Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995]. См. также в сборнике «Equal Freedom: Selected Tanner Lectures on Human Values» (Ed. by S. Darwall. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995) статьи следующих авторов: G.A. Cohen, R. Dworkin, J. Rawls, T.M. Scanlon, A. Sen, Q. Skinner.

¹⁸ См.: Scanlon N. 1) Contractualism and Utilitarianism // Utilitarianism and Beyond / Ed. by A. Sen, B. Williams. Cambridge: Cambridge University Press, 1982; 2) What We Owe Each Other. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

¹⁹ См. например: Mirrlees J. An Exploration in the Theory of Optimal Income Taxation // Review of Economic Studies. 1971. № 38; Economic Justice / Ed. by E.S. Phelps. Harmondsworth: Penguin Books, 1973; Stern N. On the Specification of Modes of Optimum Income Taxation // Journal of Public Economics. 1976. № 6; Atkinson A.B., Stiglitz J. Lectures on Public Economics. London: McGraw-Hill, 1980; Starrett D.A. Foundations of Public Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, и многие другие работы.

²⁰ Atkinson A.B. 1) On the Measurement of Inequality // Journal of Economic Theory. 1970. № 2; 2) Social Justice and Public Policy. Brighton: Wheatsheaf; Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. См. также: Kolm S.Ch. The Optimum Production of Social Justice // Public Economics / Ed. by J. Margolis, H. Guitton. London: Macmillan, 1969; Sen A. On Economic Inequality. Oxford: Clarendon Press, 1973 (доп. изд. с приложением, написанным в соавторстве с Дж. Фостером, 1997); Blackorby Ch., Donaldson D. 1) A Theoretical Treatment of Indices of Absolute Inequality // International Economic Review. 1980. № 21, 2) Ethically Significant Ordinal Indexes of Relative Inequality // Advances in Econometrics / Ed. by R. Basmann, G. Rhodes. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1984. Vol. 3.

²¹ В работе «Inequality, Unemployment and Contemporary Europe» (Лиссабонская конференция «Социальная Европа» при поддержке фонда Calouste Gulbenkian, 5–7 мая 1997 г.), опубликованной в «International Labour Review» (1997), автор говорил о важности

этого контраста для современных политических проблем в Европе. То, как безработные сами оценивают их собственное состояние в результате потери свободы и возможностей, блестяще проанализировано (на бельгийском материале) в исследовании: *Schokkaert E., Ootegem L. Van. Sen's Concept of Living Standards Applied to the Belgian Unemployed // Recherches Economiques de Louvain. 1990. № 56.*

²² См. литературу, процитированную в работе автора «Inequality, Unemployment and Contemporary Europe» (1997). О психологических и других разновидностях «социального вреда» безработицы см.: *Solow R. Mass Unemployment as a Social Problem // Choice, Welfare and Development / Ed. by K. Basu, P. Pattanik, K. Suzumura. Oxford: Clarendon Press, 1995; Goldsmith A., Veum J.R., Darity W.Jr. The Psychological Impact of Unemployment and Joblessness // Journal of Socio-Economics. 1996. № 25 и другие работы. См. также соответствующую литературу по «социальному отчуждению»; толковое введение в эту область исследований можно обнаружить в работах: *Social Exclusion: Rhetoric, Reality, Responses / Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J.B. Figueiredo. Geneva: International Institute for Labour Studies, 1995; Gore Ch. and al. Social Exclusion and Anti-Poverty Policy. Geneva: International Institute for Labour Studies, 1997; Haan A. De, Maxwell S. Poverty and Social Exclusion in North and South // Institute of Development Studies Bulletin 29. 1998. Jan. (специальный номер).**

²³ *Atkinson A.B., Rainwater L., Smeeding T. Income Distribution in OECD Countries. Paris: OECD, 1996.*

²⁴ В настоящее время потребность в новых политических инициативах особенно сильна. См.: *Fitoussi J.-P., Rosanvallon R. Le Nouvel ge des ingalits. Paris: Sevil, 1996; Phelps E.S. Rewarding Work: How to Restore Participation and Self-Support to Free Enterprise. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. См. также: Krugman P. Technology, Trade and Factor Prices. NBER Working Paper № 5355. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, 1995; Nickel S. Unemployment and Labour Market Rigidities: Europe versus North America // Journal of Economics Perspectives. 1997/ № 11; Layard R. Tackling Unemployment. London: Macmillan, 1999; Fitoussi J.-P., Giavezzi F., Lindbeck A., Modigliani F., Moro B., Snower D.J., Solow R., Zimmerman K. A Manifesto on Unemployment in European Union. 1998 (ротапринт).*

²⁵ Данные взяты из работы: *Owen M. W., Teutsch S.M., Williamson D.F., Marks J.S. The Effects of Known Risk Factors on the Excess Mortality of Black Adults in the United States // Journal of American Medical Association. 263. 1990. Feb. 9. № 6.*

²⁶ По этому вопросу см. книгу автора «Commodities and Capabilities» (1985). В отчетах комиссии по развитию при ООН содержится полезная информация и анализ относительно такого взгляда на бедность, особенно в Human Development Report (1997). См. также: Anand S., Sen A. Concepts of Human Development and Poverty: A Multidimensional Perspective (1997).

²⁷ Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity (1995); Sen A. 1) Hunger in the Modern World (лекция, прочитанная в память о Райджендре Парсаде в Нью-Дели, июнь 1997 г.) и 2) Entitlements Perspectives of Hunger (World Food Programme, 1997).

²⁸ В качестве источника информации, представленной в этом разделе, см.: Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity (1995), глава 3 и статистическое приложение. Здесь, по причине доступности данных, в основном рассматривается ситуация 1991 года. Однако в последнем отчете о выборочных исследованиях положения населения отмечается значительный рост грамотности. Кроме того, правительства некоторых штатов, например Западной Бенгалии и Мадхья-Прадеш, предприняли важные шаги в этом направлении.

²⁹ Murray C.J.L. et al. U.S. Patterns of Mortality by County and Race: 1965–1994. Cambridge, Mass.: Harvard Centre for Population and Development Studies, 1998. Table 6d. P. 56.

³⁰ Суровые последствия неспособности индийских правительств сконцентрировать ресурсы и усилия на социальном развитии убедительно и ярко описаны в работе: Guhan S. An Unfulfilled Vision // IASSI Quaterly. 1993. Vol. 12. См. также сборник эссе в честь С. Гухана: Illfare in India: Essaya on India's Social Secyor in Honour of S. Guhan / Ed. by B. Harris-White and S. Subramanian. Delhi: Sage, 1999.

³¹ Взято из табл. 3.1 в книге: Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity (1995). См. также: Raju S., Atkins P.J., Kumas N., Towensend J.G. Atlas of Women and Men in India. New Delhi: Kali for Women, 1999.

³² См. также: Shiva Kumar A.K. UNDP's Human Development Index: A Computation for Indian States // Economic and Political Weekly. 1991. Oct. 12; Indian Poverty and Beyond: Human Development in India / Ed. by R.J. Chelliah, R. Sudarshan. New Delhi: Social Science Press, 1999.

³³ World Bank. World Development Report 1994. Oxford: Oxford University Press, 1994. Table 1. P. 163.

³⁴ См. обширные сравнительные исследования: Svedberg P. Poverty and Undernutrition: Theory and Measurement. Oxford: Claren-

don Press, 1997. Кроме того, Сведберг подверг критическому анализу альтернативные подходы к измерению истощенности, а также противоречивые выводы, сделанные на основе различных статистических данных; тем не менее он приходит к твердому заключению, что в отношении истощения людей дела в странах к югу от Сахары обстоят много лучше, чем в Индии.

³⁵ World Development Report (1993). Oxford: Oxford University Press, 1993. Table A.3. Показатели смертности ухудшились с распространением эпидемии СПИДа.

³⁶ Svedberg P. Poverty and Undernutrition (1997). См. также: Combating Undernutrition / Ed. by C. Gopalan. New Delhi: Nutrition Foundation of India, 1995.

³⁷ Scrimshaw N. The Lasting Damage of Early Malnutrition // Fogel R. W. et al. Ending the Inheritance of Hunger. Rome: World Food Programme, 1997. См. в том же сборнике статьи Роберта Фогеля (Robert W. Fogel), Катберто Гарца (Cutberto Garza) и Амартия Сена.

³⁸ Этим мы вовсе не отрицаем, что надежность любого из стандартных параметров недоедания вызывает некоторые сомнения, но показатели, основанные на данных о здоровье и физическом состоянии, все-таки имеют преимущество перед измерением всего лишь количества потребляемой пищи. Для совершенствования применяемых критериев можно также воспользоваться имеющейся медицинской информацией и сведениями о функциональности рабочей силы. По этим и сопутствующим вопросам см.: Dasgupta P. An Inquiry into Well-Being and Destitution (1993); Nutrition and Poverty / Ed. by Osmani (1993); Scrimshaw N. The Lasting Damage of Early Malnutrition, Fogel R. W. The Global Struggle to Escape from Chronic Malnutrition since 1700 // Fogel R. W. et al. Ending the Inheritance of Hunger (1997).

³⁹ См.: Svedberg P. Poverty and Undernutrition (1997) и литературу, процитированную в этой книге. См. также: United Nations Development Programme // Human Development Report 1995. New York: Oxford University Press, 1995.

⁴⁰ Кроме того, на Африке тяжким бременем лежит международный долг, достигший гигантских размеров. Отличие ситуации также состоит в том, что в этих африканских странах к власти чаще приходили диктаторы, отчасти в результате вовлеченности в холодную войну, при том что Запад, и Советский Союз охотно поддерживали военные перевороты и последующий захват власти своими недемократическими союзниками. Печальные последствия диктатуры — утрата

свободы высказывания, особенно уязвимыми слоями населения, прозрачности и отчетности власти — мы обсудим в главах 6 и 7. Даже склонность влезать в большие долги ради обеспечения военных и иных приоритетов продиктована именно диктаторским типом правления.

⁴¹ Начиная с 1990 года (по инициативе Махбаба уль Хака) Комиссия по развитию при ООН в своих ежегодных подробных отчетах — «Human Development Reports» — публикует интересные и важные сведения о характере различных лишений во многих регионах мира. Кроме того, Комиссия разработала и представила некоторые принципы совокупного измерения, в частности индекс развития человеческого потенциала (HDI) и индекс нищеты населения (HPI). Эти обобщенные индексы привлекают большее общественное внимание, чем разнообразные эмпирические данные, отраженные в таблицах и схемах. Впрочем, привлечение общественного внимания являлось одной из целей Комиссии, особенно в отношении чрезмерной и пагубной сосредоточенности на простом измерении ВВП на душу населения, которое часто служит единственным показателем, замечаемым общественностью. Конкуренцию показателю ВВП могло составить лишь иное — более обширное — измерение с тем же уровнем обобщенности. Такой характеристике частично отвечает индекс развития человеческого потенциала, в то время как индексом нищеты Комиссия попыталась заменить измерение низкого уровня дохода. В контексте привлечения внимания общественности автор не намерен обсуждать достоинства предложенных Комиссией показателей (не говоря уж о том, что автор оказывал техническую помощь при разработке этих индексов). Однако стоит отметить, что ежегодные отчеты Комиссии по развитию не ограничиваются информацией, полученной при применении предложенных индексов, а предоставляют гораздо более насыщенную картину экономического развития.

⁴² Sen A. Missing Women (1992).

⁴³ См. также: Sen A. Resources, Values and Development (1984); Harris D., Watson E. The Sex Ratio in South Asia // Geography of Gender in the Third World / Ed. by J.H. Momson, J. Townsend. London: Butler & Tanner, 1987); Kynch J. How Many Women Are Enough? Sex Ratios and the Right to Life // Third World Affairs 1985. London, Third World Foundation, 1985; Sen A. Women's Survival as a Development Problem // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences 43. 1989. № 2. P. 14–29; Coale A. Excess Female Mortality and the Balances of the Sexes in the

Population: An Estimate of the Number of «Missing Females» // Population and Development Review 17. 1991. № 3. P. 517–523; Klasen S. Missing Women Reconsidered // World Development 22. 1994.

⁴⁴ Waldron I. The Role of Genetic and Biological Factors in Sex Differences in Mortality // Sex Differences in Mortality / Ed. by A.D. Lopez, L.T. Ruzicka. Canberra: Department of Demography, Australian National University, 1983.

⁴⁵ По этому вопросу см. статью автора: Women's Survival as a Development Problem // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences 43. 1989. № 2; и дополненный вариант: More Than a Hundred Million Women Are Missing // The New York Review of Books. 1990. Dec. 20 (Christmas number 20).

⁴⁶ Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989). Table 4.1. P. 52. См. также статью автора «Missing Women» (1992).

⁴⁷ Coale A. Excess Female Mortality (1991).

⁴⁸ Klasen S. Missing Women Reconsidered // World Development 22 (1994).

⁴⁹ Chen L., Huq E., D'Souza S. Sex Bias in the Family Allocation of Food and Health Care in Rural Bangladesh (1981). P. 7; Sen A. Commodities and Capabilities (1985). App. В и процитированные там же эмпирические исследования; а также: Coale A. Excess Female Mortality (1991).

⁵⁰ См., в частности: Atkinson A.B. 1) Social Justice and Public Policy (1983) и 2) Poverty and Social Security. New York: Wheatsheaf, 1989.

⁵¹ Frankfurt H. Equality as a Moral Idea // Ethics 98 (1987). P. 21.

⁵² Разнообразные аспекты этого различия обсуждались автором в статье: From Income Inequality to Economic Inequality // Southern Economic Journal. 1997. № 64.

⁵³ См. статью автора: The Welfare Basis of Real Income Comparisons // Journal of Economic Literature. 1979. № 17, перепечатанную в его книге: Resources, Values and Development (1984).

Глава 5. Рынки, государство и социальные возможности

Попытки критического анализа предпринимались автором в работе 1) On Ethics and Economics. Oxford: Blackwell, 1987 [рус. пер.: Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996]; 2) Markets and Freedom // Oxford Economic Papers. 1993. № 45; 3) Markets and the Freedom to Choose // The Ethical Foundations of the Market Economy / Ed. by H. Siebert. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1994; а также в докладе «Social Justice and Economic Efficiency», представленном на семинаре «Философия и политика» в Берлине в ноябре 1997 года.

О различии между «кульминационными результатами» и «всесторонними результатами» см. статью автора: Maximization and the Act of Choice // *Econometrica*. 1997. July. № 65. Всесторонний результат учитывает не только конечные стадии, но и процесс выбора как таковой.

³ Существует отдельный, но важный вопрос относительно того, какие виды отношений можно рассматривать как отлично укладывающиеся в рыночную систему производства и потребления; на эту тему см.: *Radin M.J. Contested Commodities*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

⁴ *Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. Boston: Little Brown, 1974. См. также главы 1 наст. книги.

⁵ *Cornia G.A., Panciccia R. The Demographic Impact of Sudden Impoverishment: Eastern Europe during 1986–1996 Transition*. Florence: International Child development Centre, UNICEF, 1995. См. также: *Elman M. The Increase in Death and Disease under «Katastroika»* // *Cambridge Journal of Economics*. 1994. № 18.

⁶ *Hayek F. The Road to Serfdom*. London: Routledge, 1944 [рус. пер.: Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1993]. А также: *Kornai J. 1) The Road to a Free Economy: Shifting from a Socialist System*. New York: Norton, 1990 [рус. пер.: Корнаи Я. Путь к свободной экономике: Страстное слово в защиту экономических преобразований. М.: Экономика, 1990]; 2) *Visions and Reality, Market and State: Contradictions and Dilemmas Revisited*. New York: Harvester Press, 1990.

⁷ *Sen A. Gender and Cooperative Conflict // Persistent Inequalities: Women and World Development* / Ed. by I. Tinker. New York: Oxford University Press, 1990; см. также приведенные в этом сборнике обширные ссылки на эмпирические и теоретические исследования по данному вопросу.

⁸ См.: *Boserup E. Women's Role in Economic Development*. London: Allen & Unwin, 1970; *Loutfi M. Rural Women: Unequal Partners in Development*. Geneva: ILO, 1980; *Goldschmidt-Clermont L. Unpaid Work in the Household*. Geneva: ILO, 1982; *Sen A. 1) Economics and the Family // Asian Development Review*. 1983. № 1; 2) *Resources, Values and Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984; 3) *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: North-Holland, 1985; 4) *Persistent Inequalities: Women and World Development* / Ed. by I. Tinker (1990); *Folbre N. The Unproductive Housewife: Her Evolution in Nineteenth Century Economic Thought* // *Signs: Journal of Women in*

Culture and Society. 1991. № 16; *Kabeer N.* Gender, Production and Well-Being. Discussion Paper 288. Institute of Development Studies, University of Sussex. 1991; *Urdaneta-Ferran L.* Measuring Women's and Men's Economic Contributions // Proceedings of the ISI 49th Session. Florence: International Statistical Institute, 1993; *Kabeer N.* Reversed Realities: Gender Hierarchies in Development Thought. London: Verso, 1994; United Nations Development Programme. Human Development Report 1995. New York: Oxford University Press, 1995 и пр.

⁹ О настоящей потребности рассматривать работу рыночного механизма в сочетании с функциями других экономических, социальных и политических институтов см.: *North D.* Structure and Change in Economic History. New York: Norton, 1981, а также — с иным уклоном — работу: *Blau J.R.* Social Contracts and Economic Markets. New York: Plenum, 1993. См. также исследование, основанное на современных данных: *Landes D.S.* The Wealth and Poverty of Nations. New York: Norton, 1998.

¹⁰ По данному и сопутствующим вопросам существуют довольно обстоятельные исследования; см.: *New Development in the Analysis of Market Structure* / Ed. by J. Stiglitz, F. Mathewson. London: Macmillan, 1986; *Stern N.* The Economics of Development: A Survey // *Economic Journal*. 1989. № 99.

¹¹ *Arrow K.J.* An Extension of the Basic Theorems of Classical Welfare Economics // Proceedings of the Second Berkley Symposium of Mathematical Statistics / Ed. by J. Neyman. Berkley, Calif.: University of California Press, 1951; *Debreu G.* A Theory of Value. New York: Wiley, 1959.

¹² В современных исследованиях развития моделирование рыночной экономики основано на значительно более широком материале, чем формальные выводы Эрроу — Дебре. В частности, проанализированы значение пропорциональных накоплений, роль знаний и практического обучения, распространенность монополистической конкуренции, препятствия для координации между различными экономическими агентами и требования динамического роста, противостоящие статичной эффективности. О различных аспектах этих перемен см.: *Dixit A., Stiglitz J.E.* Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // *American Economic Review*. 1977. № 67; *Krugman P.R.* Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade // *Journal of International Economics*. 1979. № 9; *Krugman P.R.* Scalar Economics, Product Differentiation and the Pattern of Trade // *American Economic Review*. 1981. № 70; *Krugman P.R.* Strategic Trade Policy and New International Economics. Cambridge,

Mass.: MIT Press, 1986; *Romer P.M.* Increasing Returns and Long-Run Growth // *Journal of Political Economy*. 1986. № 94; *Romer P.M.* Growth Based on Increasing Returns Due to Specialization // *American Economic Review*. 1987. № 77; *Lucas R.E.* On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. № 22; *Murphy K., Schleifer A., Vishny R.* Industrialization and the Big Push // *Quarterly Journal of Economics*. 1989. № 104; *Helpman E., Krugman P.R.* Market Structure and Foreign Trade. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990; *Grossman G.M., Helpman E.* Innovation and Growth in the Global Economy. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991; *International Trade and Trade Policy* / Ed. by E. Helpman, A. Razin. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991; *Krugman P.R.* History versus Expectations // *Quarterly Journal of Economics*. 1991. № 106; *Matsuyama K.* Increasing Returns, Industrialization and the Indeterminacy of Equilibrium // *Quarterly Journal of Economics*. 1991. № 106; *Lucas R.E.* Making a Miracle // *Econometrica*. 1993. № 61 и многое другое.

Эти современные авторы существенно обогатили понимание процесса развития и, в частности, роли и функции рыночной экономики в этом процессе. Они также расширили представления об экономическом развитии, начало чему положили экономисты прошлых веков, включая Адама Смита (особенно в отношении пропорциональных накоплений, разделения труда и практического обучения). Но кроме того см.: *Young A.* Increasing Returns and Economic Progress // *Economic Journal*. 1928. № 38; *Rosenstein-Rodan P.* Problems of Industrialization of Eastern and South-eastern Europe // *Economic Journal*. 1943. № 53; *Hirschman A.O.* The Strategy of Economic Development. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1958; *Solow R.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. № 70; *Kaldor N.* A Model of Economic Growth // *Economic Journal*. 1957. № 67; *Arrow K.J.* Economic Implications of Learning by Doing // *Review of Economic Studies*. 1962. № 29; *Kaldor N., Mirrlees J.A.* A New Model of Economic Growth // *Review of Economic Studies*. 1962. № 29. Отличный анализ главных проблем и результатов содержится в работах: *Barro R.J., Sala-i-Martin X.* Economic Growth. New York: McGraw-Hill, 1995; *Basu K.* Analytical development Economics: The Less Developed Economy Revisited. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997; *Ray D.* Development Economics. Princeton: Princeton University Press, 1998. См. также: *Economic Growth and the Structure of Long-run Development* / Ed. by L. Pasinetti, R. Solow. London: Macmillan, 1994.

См. работу автора «On Ethics and Economics» (1985), глава 2 [рус. пер.: Сен. А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996], в которой на элементарном уровне разъясняются выводы Эрроу-Дебре, а также их этический подтекст. Кроме того, эти выводы содержат «обратную теорему», гарантирующую возможность достижения с помощью рыночного механизма *любого* из вероятных оптимальных Парето при соответствующем первоначальном распределении ресурсов (и соответствующем ценообразовании). Однако четкая идентификация первоначального распределения ресурсов (для реализации желаемого результата) требует сильной политической власти и жесткого административного радикализма, чтобы провести необходимое перераспределение благ, и это может привести к коренным изменениям (в том случае, если при выборе между различными оптимумами Парето равенство играет одну из первых ролей). В этом смысле «обратной теореме» как свидетельству в пользу рыночного механизма место скорее в «справочнике революционера» [см.: Там же. С. 53–61]. Прямая теорема не предъявляет таких требований; любое равновесие, базирующееся на конкуренции, является оптимумом Парето при наличии необходимых условий (например, отсутствии определенных типов внешних феноменов) при *любом* первоначальном распределении ресурсов.

¹⁴ Sen A. Markets and Freedom // Oxford Economic Papers. 1993. № 45.

¹⁵ Существуют и иные точки зрения на эффективную свободу, которые мы подвергли критическому рассмотрению, например: Sen A. Freedom, Rationality and Social Choice: Arrow Lectures and Other Essays. Oxford: Clarendon Press, 2002; см. также литературу, цитированную здесь.

¹⁶ См. также: Arrow K., Hahn F. General Competitive Analysis. San Francisco: Holden-Day, 1971; Amsterdam, North-Holland, 1979.

¹⁷ Форма предпочтений действительно накладывает ограничение на то, к чему индивидум, как предполагается, стремится, однако для причин, объясняющих его стремления, никаких ограничений не существует. Анализ необходимых требований и их значения см. в нашей работе «Markets and Freedoms» (1993). Суть здесь заключается в том, что эффективный результат — в применении к фундаментальным свободам — напрямую соотносится с предпочтениями, независимо от причин, порождающих эти предпочтения.

¹⁸ См.: *Sen A. Poor, Relatively Speaking* // Oxford Economic Papers. 1983. № 35, статья перепечатана в «Resources, Values and Development» (1984); «Markets and Freedoms» (1993).

¹⁹ См., например: *Atkinson A.B. Poverty in Britain and the Reform of Social Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. См. также: *Wedderburn D. The Aged in the Welfare State*. London: Bell, 1961; *Townsend P. Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.

²⁰ *Rothschild E. Social Security and Laissez Faire in Eighteenth-Century Political Economy* // Population and Development Review. 1995. Dec. № 21. Что касается Закона о бедных, то Смит понимал необходимость структур социальной защиты, но критиковал ограничения, налагаемые этим законом, на передвижение и другие свободы бедных, которым оказывалась помощь. См.: *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (1776), republished / Ed. by R.H. Campbell, A.S. Skinner. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 152–154 [рус. пер.: *Смит. Гл. X. Отд. II*]. А Томас Роберт Мальтус, напротив, был принципиальным противником Закона о бедных.

²¹ *Pareto V. Manual of Political Economy*. New York: Kelly, 1927. P. 379. См. также: *Bhagwati J.N. Protectionism*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990, где этот аргумент получил убедительное развитие. По сопутствующим вопросам см. также: *Krueger A.O. The Political Economy of the Rent-Seeking Society* // American Economic Review. 1974. № 64; *Bhagwati J.N. Lobbying and Welfare* // Journal of Public Economics. 1980. № 14; *Findlay R., Wellisz S. Protection and Rent-Seeking in Developing Countries* // Neoclassical Political Economy: The Analysis of Rent-Seeking and DUP Activities / Ed. by D.C. Colander. New York: Harper and Row, 1984; *Grossman G.M., Helpman E. Innovation and Growth in the Global Economy*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991; *Ray D. Development Economics* (1998). Chap. 18.

²² Дэни Родрик указал на важную асимметрию, способную в некоторой степени укрепить позиции защитников тарифов, а именно на то, что обеспечивает средства для правительственных расходов (*Rodrik D. Political Economy of Trade Policy* // Handbook of International Economics / Ed. by G.M. Grossman, K. Rogoff. Amsterdam: Elsevier, 1995. Vol. 3). Родрик указывает на то, что в США в период с 1870 по 1914 год тарифы составляли более половины правительственных доходов (до Гражданской войны пропорция была даже выше — более 90%). С этим фактом приходится считаться в той мере, в какой он подпитывает «ограничительные» настроения, но для

того чтобы противостоять таким настроениям, следует выявить их источник. См. также: *Fernandez R., Rodrik D. Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presebce of Individual-Specific Uncertainty // American Economic Review. 1991. № 81.*

²³ *Smith A. Wealth of Nations / Campbell and Skinne edition (1976). Vol. I. Book II. P. 266–267 [рус. пер.: Смит. Кн. II].* В современных интерпретациях неприятие Адамом Смитом государственного вмешательства в виде регулирования порой получает неадекватную трактовку; на самом деле Смит враждебно относился к такому регулированию, потому что считал, что оно чаще всего направлено на удовлетворение интересов богатых. Впрочем, по этому вопросу Смит высказался абсолютно недвусмысленно: «Во всех тех случаях, когда законодательство пытается улаживать несогласия между хозяевами и рабочими, его советниками при этом всегда являются хозяева. Поэтому, когда предписания закона оказываются в пользу рабочих, они всегда справедливы, но они не всегда справедливы в тех случаях, когда высказываются в пользу хозяев» [*Смит. С. 118*].

²⁴ *Rothschild E. Adam Smith and Conservative Economics // The Economic History Review. 1992. Feb. № 45.*

²⁵ *Sen A. Money and Value: On the Ethics and Economics of Finance.* Первая из лекций «Paolo Baffi Lecture of the Bank of Italy» (Rome, Bank of Italy, 1991), переиздана в «Economics and Philosophy» (1993. № 9).

²⁶ Адам Смит не только считал запрет на проценты ошибочной политикой, но и указывал на то, что такой запрет увеличит стоимость займа для нуждающегося заемщика. «В некоторых странах было запрещено взимание денежного процента. Но поскольку везде пользование деньгами может приносить некоторую прибыль, постольку и следует везде что-нибудь платить за такое пользование ими. Этот запрет, как обнаружилось на опыте, вместо того чтобы предотвратить, только усиливал зло ростовщичества, ибо должнику приходилось уже платить не только за пользование деньгами, но и за риск, которому подвергался кредитор, принимая вознаграждение за это пользование» [*Смит. С. 262*].

²⁷ *Smith A. Wealth of Nations (1776) / Campbell and Skinne edition. Vol. 1. Book 2. Chap. 4. P. 356 [рус. пер.: Смит. С. 263].* Термин «проектировщик» Смит использует не в нейтральном смысле — «тот, кто разрабатывает проект», а в старом, уничижительном смысле.

²⁸ Письмо № 1787 Иеремии Бентама «доктору Смиту», опубликованное в изд.: *Bentham J. Defence of Usury. London: Payne, 1790.*

²⁹ Смит не оставил никаких свидетельств того, что аргументы Иеремии Бентама его убедили, хотя Бентам был уверен, что располагает косвенным доказательством отказа Смита от прежних взглядов, произошедшего не без его участия («расхождений между нами более не существует, — уверял Бентам, — чувства Смита в настоящее время одинаковы с моими»). Однако в последующих изданиях «Богатства народов» пассаж, вызвавший критику Бентама, не подвергался изменению. Об этом необычном споре см.: [Смит. С. 251]. См. также *Spigel H.W. Usury // The New Palgrave: A Dictionary of Economics / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. London: Macmillan, 1987. Vol. 4.*

³⁰ *Smith A. Wealth of Nations (1776). Vol. 1. Book 2. Chap. 3. P. 340–341* [рус. пер.: Смит. С. 252].

³¹ См.: *Smith A. Wealth of Nations (1776). P. 26–27* [рус. пер.: Смит. С. 28].

³² Тревога, высказываемая по поводу ограничений рыночной экономики, имеет ряд различных оснований. Подробный анализ таких оснований см.: *Lane R.E. The Market Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Stiglitz J. Whither Socialism? Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994; Heilbroner R. Visions of the Future: The Distant Past, Yesterday, Today and Tomorrow. New York: Oxford University Press, 1995; Hutton W. The State We Are In. London: Jonathan Cape, 1995; Kuttner R. Global Competitiveness and Human Development: Allies or Adversaries? New York: UNDO, 1996; Everything for Sale: The Visions and the Limits of the Market. New York: Knopf, 1998; Sunstien C. Free Markets and Social Justice. New York: Oxford University Press, 1997.*

³³ См., в частности: *Amsden A.H. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. New York: Oxford University Press, 1989; Wade R. Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. Princeton: Princeton University Press, 1990; The Rocky Road to Reform: Adjustment, Income Distribution and Growth in the Developing World / Ed. by Lance Taylor. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993; You J.-I., Chang H.-J. The Myth of Free Labour Market in Korea // Contributions to Political Economy. 1993. № 12; Manufacturing for Export in the Developing World: Problems and Possibilities / Ed. by G.K. Helleiner. London: Routledge, 1995; Suzumura K. Competition, Commitment and Welfare. Oxford: Clarendon Press, 1989; Rodrik D. Understanding Economic Policy Reform // Journal of Economic Literature. 1996. March. № 24; Jomo K.S., Chen Yun Chung, B.C. Folk, ul-Haque I., Phongpaichit P., Simatupang B., Tateishi M. Southeast Asia's*

Misunderstood Miracle: Industrial Policy and Economic Development in Thailand, Malaysia and Indonesia. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997; *Bharat-Ram V.* The Theory of the Global Firm. Delhi: Oxford University Press, 1997; *Sachs J., Warner A.* Sources of Slow Growth in African Economies // Harvard Institute for International Development. 1997 March.; *You J.-I.* Globalization, Labour Market Flexibility and the Korean Labour Reform // Seoul Journal of Economics. 1997. № 10; *Tigers in Trouble: Financial Governance, Liberalisation and Crises in East Asia* / Ed. by K.S. Jomo. London: Zed Books, 1998, и другие работы. Дэни Родрик предложил удачный общий анализ необходимости сочетания государственного вмешательства, рынка и глобального международного обмена; такое сочетание может варьироваться от страны к стране, см. его книгу «The New Global Economy and Developing Countries» (1999). См. также: *Malinvaud E., Milleron J.-C., Nabli M., Sen A., Sengupta A., Stern N., Stiglitz J.E., Suzumura K.* Developing Strategy and the Management of the Market Economy. Oxford: Clarendon Press, 1997.

³⁴ *Wolfenson J.D.* A Proposal for Comprehensive Development Framework. World Bank, 1999 (потапринт). См. также: *Stiglitz J.E.* An Agenda for Development in the Twenty-First Century // Annual World Bank Conference on Development Economics 1997 / Ed. by B. Pleskovi, J.E. Stiglitz. Washington, D.C.: World Bank, 1998.

³⁵ См. главы 1–4; а также: *Sen A., Wolfenson J.D.* Let's Respect Both Sides of the Development Coin // International Herald Tribune. 1999. 5 May.

³⁶ *Drèze J., Sen A.* India: Economic Development and Social Opportunity. Delhi: Oxford University Press, 1995. См. также статью автора: *How Is India Doing?* // New York Review of Books. 1982. № 21 (Christmas number), перепечатано в изд.: *Social and Economic Development in India: A Reassessment* / Ed. by D.K. Basy, R. Sissons. London: Sage, 1986.

³⁷ В этом контексте см.: *India's Economic Reforma and Development: Essays for Manmohan Singh* / Ed. by I.J. Ahluwalia, I.M.D. Little. Delhi: Oxford University Press, 1998. См. также: *Joshi V., Little I.M.D.* Indian Economic Reforms, 1991–2001. Delhi: Oxford University Press, 1996.

³⁸ См. классический анализ «провалов рынка» при наличии общественных благ в следующих работах: *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // Review of Economics and Statistics. 1954. № 36; *Diagrammatic Exposition of a Pure Theory of Public Expenditure* // Review of Economics and Statistics. 1955. № 37. См. также: *Arrow K.J.* The

Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-market Allocation // Collected Papers of K.J. Arrow. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. Vol. 2.

³⁹ Нестабильность, свойственная феномену здоровья, является еще одной проблемой, затрудняющей рыночные ассигнования в сферу медицины и здравоохранения; по этому вопросу см.: Arrow K.J. Uncertainty and the Welfare Economics of Health Care // American Economic Review. 1963. № 53. Сравнительные достоинства государственной деятельности в сфере здравоохранения во многом связаны с проблемами, выделенными Эрроу и Самуэльсоном (см. предыдущее примечание); по этому вопросу см.: Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action. Oxford: Clarendon Press, 1989. См. также: Tendler J. Good Government in the Tropics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

⁴⁰ Литература по этому вопросу довольно обширна, и если одни авторы концентрируются на институциональном разнообразии, необходимом для разрешения проблемы общественных благ и сопутствующих вопросов, то другие заняты поиском нового определения «эффективности» с учетом затрат явных и скрытых сделок. Однако с помощью этого нового определения нельзя избежать необходимости анализа институциональной деятельности, опирающейся исключительно на традиционные рынки, если целью является достижение большего, чем позволяют достичь традиционные рынки. Удачное обобщение различных вопросов, обсуждаемых в этом обширном своде литературы, см.: Papandreou A. Externality and Institutions. Oxford: Clarendon Press, 1994.

⁴¹ Smith A. Wealth of Nations (1776). Vol. I. Book II. P. 27; Vol. 5. Book I. P. 785 [рус. пер.: Смит. С. 28, 785].

⁴² Sen A. Social Commitment and Democracy: The Demands of Equity and Financial Conservatism // Living as Equals / Ed. by P. Barker. Oxford: Oxford University Press, 1996; Human Development and Financial Conservatism — обращение к Международной конференции по финансированию развития человеческих ресурсов, проведенной Азиатским банком развития 17 ноября 1995 года, позднее опубликовано в «World Development» (1998). Нижеследующая дискуссия базируется на этих работах.

⁴³ У недоедания, разумеется, имеется много сложных аспектов (на этот счет см. работы, включенные в: Nutrition and Poverty / Ed. by S.R. Osmani. Oxford: Clarendon Press, 1992), и некоторые аспекты являются более явными, чем другие.

⁴⁴ См. дискуссию по этому вопросу в книге: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press, 1989. Chap. 7 (в частности, с. 109–113). Эмпирические наблюдения взяты из доклада: *Nash T. Report on Activities of the Child Feeding Centre in Korem*. London: Save the Children Fund, 1986 (потанпринт); *Borton J., Shoham J. Experiences of Non-governmental Organisations in Targeting of Emergency Food Aid* (отчет о семинаре, проведенном в London School of Hygiene and Tropical Medicine, 1989).

⁴⁵ *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action* (1989). А также: *Besley T., Coate S. Workfare versus Welfare: Incentive Arguments for Work Requirements in Poverty-Alleviation Programms // American Economic Review*. 1992. № 82; *Braun J. von, Teklu T., Webb P. The Targeting Aspects of Public Works Schemes: Experiences in Africa; Ravallion M., Datt G. Is Targeting through a Work Requirement Efficient? Some Evidence from Rural India // Public Spending and the Poor: Theory and Evidence / Ed. by D. van de Walle, K. Nead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. См. также: Braun J. von, Teklu T., Webb P. Famine in Africa: Causes, Responses and Prevention. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.*

⁴⁶ Это не поможет тем, кто слишком стар, или иеомощен, или болен, полноценно работать, но, как говорилось выше, людей с подобными физическими факторами легко выявить и поддерживать с помощью иных — дополнительных — схем. О вероятности создания и актуальном опыте таких дополнительных программ см.: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action* (1989).

⁴⁷ *Anand S., Ravallion M. Human Development in Poor Countries: Do Incomes Matter? // Journal of Economic Perspectives*. 1993. № 7. См. также: *Human Development and the International Development Strategy for the 1990s / Ed. by K. Griffin, J. Night. London: Macmillan, 1990. О специфическом контексте голода см. также: Waal A. de. Famines That Kill: Darfur 1984–1985. Oxford: Clarendon Press, 1989.*

⁴⁸ *Sen A. On Economic Inequality* (1973). P. 78–79.

⁴⁹ Эти вопросы более подробно рассматриваются в обращении автора к ежегодной конференции Всемирного банка по экономическому развитию; текст опубликован: *Public Spending and the Poor / Ed. by D. van de Walle, K. Nead* (1995). См. также и другие эссе в этом весьма толковом издании.

⁵⁰ Об общих проблемах, лежащих в основе ассиметричной информации, см.: *Akerlof G.A. An Economic Theorist's Book of Tales*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

⁵¹ См.: *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. P. 440–446 [рус. пер.: *Роулз Дж. Теория справедливости*. Новосибирск, 1995]. Роулз говорит о том, как институциональные структуры и государственные стратегии способны повлиять на «социальные основы самоуважения».

⁵² См., в частности: *Wilson W.J. The Truly Disadvantaged*. Chicago: University of Chicago Press, 1987; *The Urban Underclass* / Ed. by C. Jencks, P.E. Peterson. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1991; *Skocpol T. Protecting Soldiers and Mothers: The Politics of Social Provision in the United States, 1870–1920*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. Впервые автор услышал этот аргумент (как и многие другие) в беседе с Теренсом Горманом (Terence W.M. Gorman) в Лондонской школе экономики приблизительно в 1971 году, хотя вряд ли Горман когда-либо письменно высказывался на эту тему.

⁵³ *Bruno M. Inflation, Growth and Monetary Control: Non-linear Lessons from Crisis and Recovery* // Paolo Baffi Lecture. Rome: Bank of Italy, 1996. См. также работу того же автора «Crisis, Stabilization and Economic Reform» (Oxford: Clarendon Press, 1993).

⁵⁴ *Bruno M. Inflation, Growth and Monetary Control*. P. 7–8.

⁵⁵ Ibid. P. 8, 56.

⁵⁶ Ibid. P. 9.

⁵⁷ Хотя Всемирный банк не сразу осознал роль государства в экономическом успехе стран Восточной Азии, в конце концов руководство банка признало важность определенных функций государства в развитии образования и человеческих ресурсов; см.: World Bank. *The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy*. New York: Oxford University Press, 1993. См. также: Asian Development Bank. *Emerging Asia: Changes and Challenges*. Manila: Asian Development Bank, 1997; *Birdsall N., Craham C., Sabot R.H. Beyond Trade-Offs: Market Reforms and Equitable Growth in Latin America*. Washington, D.C.: Inter-American Development Bank, 1998.

⁵⁸ *Ishi H. Trends in the Allocation of Public Expenditure in Light of Human Resource Development — Overview in Japan*. Asian Development Bank, 1995.

⁵⁹ Характер этих связей рассматривается в работе: *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action* (1989). См. также анализ, представленный в изд.: World Bank. *The East Asian Miracle* (1993), и там же обширный список ссылок на эмпирические исследования. Также см. доклады, представленные на Международной конференции по финансированию развития человеческих ресурсов, проведенной Азиатским

банком развития 17 ноября 1995 года; многие из этих докладов были опубликованы в «World Development» (1998). Замечательный анализ противоречивого опыта можно найти в работе: *Birdsall N., Sabot R.H. Opportunity Forgone: Education, Growth and Inequality in Brazil*. Washington, D.C.: World Bank, 1993; *McGuire J. W. Development Policy and Its Determinants in East Asia and Latin America* // *Journal of Public Policy* (1994).

⁶⁰ На эту тему см.: *Behrman J.R., Deolalikar A.B. Health and Nutrition* // *Handbook of Development Economics* / Ed. by H.B. Chenery, T.N. Srinivasan. Amsterdam: North-Holland, 1988.

⁶¹ Впрочем, по причине тяжкого бремени международного долга, у некоторых стран, особенно африканских, возможно, не будет сколько-нибудь широкого выбора в определении фискальных приоритетов. В этом вопросе за «подвижническую» международную стратегию в качестве составляющей «реальных» экономических возможностей активно ратует Джеффри Сакс; см.: *Sachs J.D. Release the Poorest Countries from Debt Bondage* // *International Herald Tribune*. 1999. June. 12–13.

⁶² См.: UNDP. Human Development Report (1994).

Глава 6. Значение демократии

Первая часть этой главы в основном базируется на статье автора: *Freedom and Needs* // *New Republic*. 1994. Jan. 10, 17.

² Прочитано в работе: *Cooper J.F. Peking's Post-Tiananmen Policy: The Human Rights Factor* // *Issues and Studies*. 1994. Oct. № 30. P. 69; см. также: *The East Asian Challenge for Human Rights* / Ed. by J. Bauer, D.A. Bell. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

³ Анализ, представленный здесь, и последующая дискуссия основаны на статьях автора: 1) *Freedom and Needs* (1994); 2) *Legal Rights and Moral Rights: Old Questions and New Problems* // *Ratio Juris*. 1996. June. № 9; 3) *Human Rights and Asian Values* // *Morgenthau Memorial Lecture*. New York: Carnegie Council on Ethics and International Affairs, 1997, статья в сокращенном виде опубликована в «The New Republic» (1997. July 14. № 21).

⁴ См. среди прочих исследований: *Przeworski A. et al. Sustainable Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; *Barro R.J. Getting It Right: Markets and Choices in a Free Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. См. также: *Barro R.J., Lee Jong-Wha. Losers and Winners in Economic Growth* // *Working Paper* № 4341. National Bureau of Economic Research (1993); *Dasgupta P. An Inquiry into Well-Being and*

Destitution. Oxford: Clarendon Press, 1993; *Helliwell J.* Empirical Linkages between Democracy and Economic Growth // Working Paper № 4066, National Bureau of Economic Research (1994); *Bhalla S.* Freedom and Economic Growth: A Vicious Circle? (эта работа была представлена на Нобелевском симпозиуме в Упсале «Победы и кризисы демократии», август 1994); *Przeworski A., Limongi F.* Democracy and Development (также представлена на вышеупомянутом Нобелевском симпозиуме в Упсале).

⁵ На эту тему см.: *Drèze J., Sen A.* Hunger and Public Action. Oxford: Clarendon Press, 1989. Part 3.

⁶ См.: *Sen A.* 1) Development: Which way Now? // *Economic Journal*. 1983. Dec. № 93; 2) Resources, Values and Development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984; 1997.

⁷ Нам могут возразить, что в 1840-х годах, во время ирландского голода, Ирландия была скорее частью Великобритании, нежели ее колонией. Однако между ирландским народом и английскими правителями не только существовала культурная пропасть в придачу к глубокому скептицизму англичан относительно ирландцев (укоренившемся с конца XVI века, что отлично отражено в остроумном произведении Эдмунда Спенсера «Королева фей»), но и разделение политической власти было чрезвычайно неровным. В подкрепление нашей точки зрения добавим, что управление Ирландией во многом походило на управление колониями — и там и тут властвовали пришлые губернаторы. На эту тему см.: *Woodham-Smith C.* The Great Hunger: Ireland 1845–1849. London: Hamish Hamilton, 1962. Как заметил Джоел Мокир (*Joel Mokyr*), «Британия считала Ирландию чуждой и даже враждебной нацией» (*Why Ireland Starved: A Quantitative and Analytical History of the Irish Economy, 1800–1850*. London: Allen & Urwin, 1983. P. 291).

⁶ *Ramos F.V.* Democracy and the East Asian Crisis. Centre for Democratic Institutions, Australian National University, Canberra. 1998. Nov. 26. P. 2 (речь, произнесенная при вступлении в члены Центра демократических институтов).

⁹ Важным фактором является публичное обсуждение политических мер в самых различных областях и использование нравственных аргументов в общественных дискуссиях. По этим вопросам см.: *Haberman J.* Three Normative Models of Democracy // *Constellations*. 1994. № 1; *Benhabib S.* Deliberative Rationality and Models of Democratic Legitimacy // *Constellations*. 1994. № 1; *Deliberative*

Democracy / Ed. by J. Bonham, W. Rehg. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. См. также: *Fishkin J.* Democracy and Deliberation. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1971; *Darhendorf R.* The Modern Social Contract. New York: Weidenfeld, 1988; The Good Polity / Ed. by A. Hamlin, Ph. Pettit. Oxford: Blackwell, 1989; *Sunstein C.* The Partial Constitution. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993; *Gutman A., Thompson D.* Democracy and Disagreement. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

¹⁰ Этот вопрос обсуждается в работе: *Drèze J., Sen A.* Hunger and Public Action (1989). Р. 193–197, 229–239.

¹¹ Также необходимо отметить, что задачи по охране окружающей среды при их адекватной формулировке затрагивают некоторые основные вопросы общественного выбора и общественной политики; см. работу автора: *Environmental Evaluation and Social Choice: Contingent Valuation and the Market Analogy* // *Japanese Economic Review*. 1995. № 46.

Глава 7. Голод и другие кризисы

Первая часть этой главы основана на обращении автора к Межпарламентскому союзу, состоявшемуся в итальянском Сенате по случаю проведения в Риме 15 ноября 1996 года Всемирного продовольственного саммита. Анализ взят из работы автора «Poverty and Famines: An essay on Entitlement and Deprivation» (Oxford: Clarendon Press, 1981) и совместном с Жаном Дрезом исследовании «Hunger and Public Action» (Oxford: Clarendon Press, 1989).

² Развернутый «анализ правомочий» см.: *Sen A.* Poverty and Famines (1981); *Drèze J., Sen A.* 1) Hunger and Public Action (1989); 2) The Political Economy of Hunger / Ed. by J. Drèze, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1990, и сокращенный вариант этой книги: *Drèze J., Sen A., Hussain A.* The Political Economy of Hunger: Selected Essays. Oxford: Clarendon Press, 1995.

³ Примеры возникновения голода по различным причинам, среди которых отсутствовало снижение производства продовольствия и его доступности (либо снижение было очень небольшим), см.: *Sen A.* Poverty and Famines (1981). Chap. 6–9.

⁴ См.: *Sen A.* Poverty and Famines (1981). А также: *Desai M.* 1) A General Theory of Poverty // *Indian Economic Review*. 1984. № 19; 2) The Economics of Famine // *Famines* / Ed. by G.A. Harrison. Oxford: Clarendon Press, 1988. См. также: *Hunger in History: Food Shortage, Poverty and Deprivation* / Ed. by L.F. Newman. Oxford: Blackwell, 1990.

Обращаясь к истории вопроса, см.: *Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

⁵ Критический обзор основной литературы о голоде см.: *Ravallion M. Famines and Economics // Journal of Economic Literature*. 1997. № 35.

⁶ На эту тему см. работу автора «*Poverty and Famines*» (1981). Chap. 7, 8.

⁷ Голод 1974 года в Бангладеш проанализирован в нашей книге «*Poverty and Famines*» (1981), гл. 9, а также в работе: *Alamgir M. Famine in South Asia*. Boston: Oelgeschlager, Gunn & Hain, 1980; *Ravallion M. Markets and Famines* (1987).

⁸ См.: *Ravallion M. Markets and Famines* (1987).

⁹ Экспорт продовольствия в Англию из Ирландии часто считают доказательством того, что производство продовольствия в Ирландии в то время не переживало упадка. Но это ошибочный вывод, во-первых, потому, что у нас имеются прямые свидетельства значительного снижения производства продовольствия в Ирландии (связанного с эпидемическим заболеванием картофеля), а во-вторых, потому, что перемещение продуктов определяется относительными ценами, а не только количеством произведенного продовольствия в стране-экспортере. Более того, «контрдвижение продовольствия» является обычным явлением при «нищенском голоде», когда наблюдается общий экономический спад, в результате которого спрос на продукты питания может понизиться даже сильнее, чем его запасы (об этой и сопутствующих проблемах см. работу автора «*Poverty and Famines*» [1981]). Во время голода в Китае происходило то же самое: в результате официальной политики в города из сельских районов отправлялось пропорционально бо́льшая часть сократившихся запасов продовольствия (см.: *Riskin C. Feeding China: The Experience since 1949; Drèze J., Sen A. The Political Economy of Hunger* [1989]).

¹⁰ Дифференцированная смертность во время бенгальского голода в 1943 году определялась и иными факторами, включая решение правительства оградить от голода городское население посредством карточной системы, ценового контроля и созданием магазинов со «справедливыми» ценами, при этом бедное сельское население осталось незащищенным. Об этих и иных аспектах бенгальского голода см. работу автора «*Poverty and Famines*» (1981), гл. 6.

Как правило, сельское население страдает от голода сильнее, чем более полномочное городское население, обладающее большими политическими и экономическими возможностями. Майкл Липтон (Michael Lipton) проанализировал этот «урбанистический сдвиг» в своем классическом исследовании «Why Poor People Stay Poor: A Study of Urban Bias in World Development» (London: Temple Smith, 1977).

¹² По этому вопросу см.: *Alamgir M. Famine in South Asia* (1980) и работу автора «Poverty and Famines» (1981), гл. 9. Глубокий анализ продовольственных цен (и других каузальных факторов) дан в работе: *Ravallion M. Markets and Famines* (1987). Равальон (также показал, каким образом цены на рисовом рынке поднялись много выше, чем то было необходимо, в результате завышенных ожиданий сокращения запасов продовольствия в будущем.

¹³ *Encyclopaedia Britannica*. 11th edition. Cambridge, 1910–1911. Vol. 10. P. 167.

¹⁴ *Loveday A. The History and Economics of Indian Famines*. London: G. Bell, 1916, а также работу автора «Poverty and Famines» (1981), гл. 4.

¹⁵ По этому вопросу см.: *Waal A. de. Famines That Kill*. Oxford: Clarendon Press, 1989. См. также: *Sen A. Poverty and Famines* (1981). App. D — модель смертности в результате бенгальского голода в 1943 году.

¹⁶ Данный анализ построен на эссе автора: *Famine as Alienation // State, Market and Development: Essays in Honour of Rehman Sobhan / Ed. by A. Abdullah, A.R. Khan*. Dhaka: Unuversity Press, 1996; *Nobody Need Starve // Granta*. 1995. № 52.

¹⁷ См.: *Scally R.J. The End of Hidden Ireland*. New York: Oxford University Press, 1995.

¹⁸ *Ó Grada C.* 1) *Ireland before and after the Famine: Exploration in Economic History, 1800–1925*. Manchester: Manchester Unuversity Press, 1988; 2) *The Great Irish Famine*. Basingstoke: Macmillan, 1989.

¹⁹ *Eagleton T. Heathcliff and the Great Hunger; Studies in Irish Culture*. London: Verso, 1995. P. 25–26.

²⁰ Анализ причин ирландского голода см.: *Mokyr J. Why Ireland Starved: A Quantitative and Amalytical History of the Irish Economy, 1800–1850*. London: Allen & Unwin, 1983; *Ó Grada C.* 1) *Ireland before and after the Famine* (1988), 2) *The Great Irish Famine* (1989); *McGregor P.A. Model of Crisis in a Peasant Economy // Oxford Economic Papers*. 1990. № 42. Проблема безземельности стоит весьма остро

в Южной Азии и в некоторой степени в странах Африки южнее Сахары; см.: *Poverty and Landlessness in Rural Asia* / Ed. by K. Griffin, A. Khan. Geneva: ILO, 1977; *Alamgir M. Famine in South Asia* (1980).

²¹ По этому вопросу см.: *Alamgir M. Famine in South Asia* (1980), Ravallion M. *Markets and Famines* (1987). См. также: *Islam N. Development Planning in Bangladesh: A Study in Political Economy*. London: Hurst; New York: St. Martin's Press, 1977.

²² О «контрдвижении» продовольствия см.: *Sen A. Poverty and Famines* (1981); *Chichilnisky G. North-South Trade with Export Enclaves: Food Consumption and Food Exports*. Columbia University, 1983 (потапринт); *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action* (1989).

²³ *Mokyr J. Why Ireland Starved* (1983). P. 291. О различных аспектах этой комплексной взаимосвязи см.: *Foster R.F. Modern Ireland 1600–1972*. London: Penguin, 1989.

²⁴ См. взвешенный анализ этой линии диагностики: *Mokyr J. Why Ireland Starved* (1983). P. 291–292.

²⁵ На эту тему см.: *Woodham-Smith C. The Great Hunger: Ireland 1845–1849*. London: Hamish Hamilton, 1962; *Ó Grada C. The Great Irish Famine* (1989); *Eagleton T. Heathcliff and the Great Hunger* (1995). Голод существенно повлиял на историю Ирландии, как и реакция на это бедствие со стороны Лондона; см.: *Scally R.J. The End of Hidden Ireland* (1995).

²⁶ *Roberts A. Eminent Churchillians*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1994. P. 213.

²⁷ Цит. по: *Woodham-Smith C. The Great Hunger* (1962). P. 76.

²⁸ Значение нравственных суждений по предотвращению голода и недоеданию блестяще проанализировано в работе *Onora O'Neil «Faces of Hunger: An Essay on Poverty, Justice and Development»* (London: Allen & Unwin, 1986). См. также: *Sainath P. Everybody Loves a Good Drought*. New Delhi: Penguin, 1996; *A World Without Famine? New Approaches to Aid and Development* / Ed. by H. O'Niell, J. Toye. London: Macmillan, 1998; *Braun J. Von, Teklu T., Webb P. Famine in Africa: Causes, Responses, Prevention*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

²⁹ Обширная литература по этому вопросу обсуждается и критически рассматривается в работе *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action* (1989), гл. 9. См. также: *Eicher C.K. Transforming African Agriculture*. San Francisco: The Hunger Project, 1986; *Swaminathan M.S. Sustainable Nutritional Security for Africa*. San Francisco: The Hunger Project, 1986; *Drought and Hunger in Africa* / Ed. by M. Glantz. Camb-

ridge: Cambridge University Press, 1987; Accelerating Food Production in Sub-Saharan Africa / Ed. by J. Mellor, C. Delgado, C. Blackie. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. См. также статьи Judith Heyer, Francis Idachaba, Jean-Philippe Platteau, Peter Svedberg и Sam Wangwe в изд.: Drèze J., Sen A. The Political Economy of Hunger (1990).

³⁰ Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989). Table 2.4. P. 33.

³¹ Ibid. Chap. 8, а также статьи авторов в «The Political Economy of Hunger» (1990).

³² О механизме таких процедур см.: Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989). Chap. 8, и статьи авторов в «The Political Economy of Hunger» (1990).

³³ Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989). Chap. 8.

³⁴ По этому и сопутствующим вопросам см.: Sen A. Poverty and Famines (1981); Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989).

³⁵ Сравнительная картина представлена в работе: Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989). Chap. 8.

³⁶ См.: Ashton B., Hill K., Piazza A., Zeitz R. Famine in China 1958–1961 // Population and Development Review. 1984. № 10.

³⁷ Bernstein T.R. Stalinism, Famine and Chinese Peasants // Theory and Society. 1984. № 13. P. 13. См. также: Riskin C. Cina's Political Economy. Oxford: Clarendon Press, 1987.

³⁸ Цит. по: Mao Tse-tung Unrehearsed, Talks and Letters: 1956–1971 / Ed. by S.R. Schram. Harmondsworth: Penguin Books, 1976. P. 277–278. См. также дискуссию по поводу этого заявления: Miliband R. Marxism and Politics. London: Oxford University Press, 1977. P. 149–150.

³⁹ Miliband R. Marxism and Politics (1977). P. 151.

⁴⁰ Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989).

⁴¹ Освещение «изнутри» генеральной стратегии МВФ по долгосрочным реформам и предотвращению кризисов в Восточной и Юго-Восточной Азии можно обнаружить в исследовании: Lane T., Ghosh A.R., Hamann J., Phillips S., Schultz-Ghattas M., Tsikata T. IMF-Supported Programms in Indonesia, Korea and Thailand: A Pleriminary Assessment. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 1998.

⁴² Wolfenson J.D. The Other Crisis: Address to the Board of Governors of the World Bank. Washington, D.C.: World Bank, 1998.

⁴³ Нищета может стать результатом не только естественных катастроф и экономических спадов, но также войн и вооруженных конфликтов; на эту тему см.: Sen A. Economic Regress: Concepts and Features // Proceedings of the World Bank Annual Conference on

Development Economics 1993. Washington, D.C.: World Bank, 1994. О милитаризме как о биче современности см. также: *Galbraith J.K.* The Unfinished Business of the Century — лекция, прочитанная в London School of Economics 28 июня 1999 года (ротапринт).

⁴⁴ *Persson T., Tabellini G.* Is Inequality Harmful to Growth? Theory and Evidence // *American Economic Review*. 1994. № 84; *Alesina A., Rodrik D.* Distributive Politics and Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1994. № 108; *Fishlow A., Gwin C., Haggard S., Rodrik D., Wade S.* Miracle or Design? Lessons from the East Asian Experience. Washington, D.C.: Overseas Development Council, 1994. См. также о контрастном опыте Индии (и Южной Азии в целом) в работе: *Drèze J., Sen A.* India: Economic Development and Social Opportunity. Delhi: Oxford University Press, 1995. Низкий уровень неравенства данного типа тем не менее не гарантирует такой разновидности равенства, которую способна обеспечить демократическая политика во время кризисов и острой нужды. Как заметил Йонг-иль Ю (*Jong-Il You*), в этих странах (включая Южную Корею) «сосуществование низкого уровня неравенства и высокой прибыльности акций объясняется в первую очередь необычайно равным распределением богатства» (*Income Distribution and Growth in East Asia* // *Journal of Development Studies*. 1998. № 34). В этом отношении историческое прошлое Кореи, включая земельную реформу, масштабное наращивание человеческого капитала посредством развития образования и т.д., очевидно, сыграло весьма положительную роль.

Глава 8. Активность женщин и перемены в обществе

Этот вопрос мы обсуждали в некоторых предыдущих работах, в том числе: 1) *Economics and the Family* // *Asian Development Review*. 1983. № 1; 2) *Women, Technology and Sexual Divisions* // *Trade and Development*. 1985. № 6; 3) *Missing Women* // *British Medical Journal*. 1992. March. № 304; 4) *Gender and Cooperative Conflict* // *Persistent Inequalities: Women and World Development* / Ed. by I. Tinker. New York: Oxford University Press, 1990; 5) *Gender Inequality and Theories of Justice* // *Women, Culture and Development: A Study of Human Capabilities* / Ed. by M. Nussbaum, J. Glover. Oxford: Clarendon Press, 1995; в соавторстве с Жаном Дрезом: 1) *India: Economic Development and Social Opportunity*. Delhi: Oxford University Press, 1995; 2) *Agency and Well-Being: The Development Agenda* // *A Commitment to the Women* / Ed. by N. Heyzer. New York: UNIFEM, 1996.

2 Философское различие между «аспектом деятельности» и «аспектом благосостояния» личности исследуется в работе автора: *Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984* // *Journal of Philosophy*. 1985. April. № 82. Там же сделана попытка определить практическое значение этого различия в самых разных областях.

3 Кроме того, альтернативные статистические оценки уровня высокой смертности женщин во многих странах Азии и Северной Африки обсуждаются в работах автора: *Resources, Values and Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984; *Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press, 1989. См. также: *Klassen S. «Missing Women» Reconsidered* // *World Development*. 1994. № 22.

4 На эту тему существует обширная литература; собственные попытки автора проанализировать и использовать доступные сведения содержатся в работах: 1) *Gender and Cooperative Conflict* (1990), 2) *More Than a Hundred Million Women Missing* // *New York Review of Books*. 1990. Dec. 20 (Christmas number).

5 Эти вопросы обсуждаются в работах автора: 1) *Resources, Values and Development* (1984); 2) *Gender and Cooperative Conflict* (1990); 3) *More Than a Hundred Million Women Missing* (1990). Первое исследование по этой общей теме было представлено в классическом труде Эстер Боузрап: *Boserup E. Women's Role in Economic Development*. London: Allen & Unwin, 1971. Более современная литература о гендерном неравенстве в развивающихся странах содержит ряд интересных и важных исследований, касающихся различных типов определяющих переменных. См., например: *Papanek H. Family Status and Production: The «Work» and «Non-Work» of Women* // *Signs*. 1979. № 4; *Rural Work: Unequal Partners in Development* / Ed. by M. Loutfi. Geneva: ILO, 1980; *Rosenzweig M.R., Schultz T.P. Market Opportunities, Genetic Endowment and Intrafamily Resource Distribution* // *American Economic Review*. 1982. № 72; *Women and Poverty in the Third World* / Ed. by M. Buvinic, M. Lycette, W.P. McGreevy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983; *Bardhan P. Land, Labour and Rural Poverty*. New York: Columbia University Press, 1984; *Tyranny of the Household: Investigative Essays in Women's Work* / Ed. by D. Jain, N. Banerjee. New Delhi: Vikas, 1985; *Sen G., Sen C. Women's Domestic Work and Economic Activity* // *Economic and Political Weekly*. 1985. № 20; *Chen M.A. A Quiet Revolution: Women in Transition in Rural Bangladesh*. Dakha: BRAC, 1986; *Behrman J., Wolfe B.L. How Does Mother's Schooling Affect Family Health, Nutrition, Medical Care Usage and Household Sanitation?* // *Journal of Econometrics*. 1987. № 36; *Das*

Gupta M. Selective Discrimination against Female Children in India // Population and Development Review. 1987. № 13; Sen G., Grown C. Development, Crises and Alternative Visions: Third World Women's Perspectives. London: Earthscan, 1987; Basu A. Culture, the Status of Women and Demographic Behaviour. Oxford: Clarendon Press, 1992. Women's Work in the World Economy / Ed. by N. Folbre, B. Bergmann, B. Agarwal, M. Flore. London: Macmillan, 1992; United Nations ESCAP. Integration of Women's Concerns into Development Planning in Asia and the Pacific. New York: United Nations, 1992; Agarwal B. A Field of One's Own. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Kuiper E., Sap J., Feiner S., Ott N., Tzannatos Z. Out of the Margin: Feminist Perspectives on Economics. New York: Routledge, 1995 и многое другое.

⁶ Гендерное разделение внутри семьи иногда трактуется как «проблема заключения сделки»; среди многочисленных работ, базирующихся на такой трактовке, см., например: Manser M., Brown M. Marriage and Household Decision Making: A Bargaining Analysis // International Economic Review. 1980. № 21; McElroy M.B., Horney M.J. Nash Bargained Household Decisions: Toward a Generalization of Theory of Demand // International Economic Review. 1981. № 22; Lundberg Sh., Pollak R. Noncooperative Bargaining Models of Marriage // American Economic Review. 1994. № 84. О подходах, отличных от «моделей сделок», см.: Sen A. Women, Technology and Sexual Divisions (1985); Folbre N. Hearts and Spades: Paradigma of Household Economics // World Development. 1986. № 14; Give and Take in Families / Ed. by J. Brannen, G. Wilson. London: Allen & Unwin, 1987; Okin S.M. Justice, Gender and the Family. New York: Basic Books, 1989; Sen A. Gender and Cooperative Conflict (1990); Beyond Economic Man: Feminist Theory and Economics / Ed. by M.A. Ferber, J.A. Nelson. Chicago: Chicago University Press, 1993. Кроме того, немало полезных статей можно обнаружить в сборниках: Gender and Economics / Ed. by J. Himphries. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995; The Economics of the Family / Ed. by N. Folbre. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1996.

⁷ По этому вопросу см.: Okin S.M. Justice, Gender and the Family (1989); Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action (1989); Sen A. Gender and Cooperative Conflict (1990); Nussbaum M., Glover J. Women, Culture and Development (1995). См. также статьи J. Nelson, Sh. Lundberg, R. Pollak, D. Strassman, M. Strober, V. Zelizer V. в изд.: Papers and Proceedings // American Economic Review. 1994. № 84.

⁸ Этой проблеме в Индии начинают уделять значительное внимание. См.: Mitra A. Implications of Declining Sex Ratios in India's

Population. Bombay: Allied Publishers, 1980; Kynch J., Sen A. Indian Women: Well-Being and Survival // Cambridge Journal of Economics. 1983. № 7; Bardhan P. Land, Labour and Rural Poverty (1984); Tyranny of the Household / Ed. by D. Jain, N. Banerjee (1985). «Проблема выживания» относится к более общему вопросу пренебрежительного отношения к женщинам, по этому вопросу см. исследования, представленные в сборнике: Women's Health, Public Policy and Community Action / Ed. by S. Mukhopadhyay. Delhi: Manohar, 1998; а также: Mukhopadhyay S., Savithri R. Poverty, Gender and Reproductive Choice. Delhi: Manohar, 1998.

⁹ См.: Tinker I. Persistent Inequalities (1990). В работе автора из этого сборника («Gender and Cooperative Conflict») рассматриваются экономические и социальные влияния на распределение внутри семьи, а также обсуждается вопрос, почему внутрисемейное распределение столь существенно варьируется между различными регионами (например, «антиженский» сдвиг намного сильнее в Южной Азии, Западной Азии, Северной Африке и Китае, чем в странах южнее Сахары или Юго-Восточной Азии) и даже между различными районами внутри страны (например, гендерный сдвиг этого типа весьма ощутим в некоторых индийских штатах, таких как Пенджаб и Уттар-Прадеш, но абсолютно отсутствует в штате Керала). Кроме того, между различными влияниями на социальное положение женщин существуют тесные взаимосвязи; например, связь между юридическими правами и базовым образованием (поскольку пользование юридическими услугами подразумевает умение читать и писать); см.: Sobhan S. Legal Status of Women in Bangladesh. Dhaka: Bangladesh Institute of Legal and International Affairs, 1978.

¹⁰ Роль гендерного разделения во время голода исчерпывающе исследована в работах: Vaughan M. The Story of an African Famine: Hunger, Gender and Politics in Malawi. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Harris B. The Intrafamily Distribution of Hunger in South Asia // The Political Economy of Hunger / Ed. by J. Drèze, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1990 и других работах.

¹¹ В книге: Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity (1995) некоторые из этих проблем обсуждаются в специфически индийском контексте, причем авторы проводят сравнения не только между различными районами Индии, но и между Индией и другими странами. См. также: Basu A. Culture, the Status of Women and Demographic Behaviour (1992); Agarwal B. A Field of One's Own (1995). Исследуя специфические группы неимущих с низкими

экономическими или социальными возможностями — например, вдов, особенно из бедных семей, — необходимо, в частности, изучить источники их лишений. По этому вопросу см: *Widows in India* / Ed. by M.A. Chen. New Delhi: Sage, 1998, и книгу того же автора «*Perpetual Mourning: Widowhood in Rural India*» (Delhi: Oxford University Press, 1999; Philadelphia, Pa.: University of Pennsylvania Press, 1999).

¹² О сопутствующих вопросах см. статью автора «*Gender and Cooperative Conflict*»; *Tinker I. Persistent Inequalities* (1990) и литературу, процитированную в этой статье.

¹³ См.: *Women and Development: The Sexual Division of Labor in Rural Societies* / Ed. by L. Beneria. New York: Praeger, 1982. См. также: *Tyranny of the Household* / Ed. by D. Jain, N. Banerjee (1985); *Sen G., Grown C. Development, Crises and Alternative Visions* (1987); *Women and Empowerment: Illustrations from the Third World* / Ed. by H. Afshar. London: Macmillan, 1998.

¹⁴ *Murthi M., Guio A.-C., Drèze J. Mortality, Fertility and Gender Bias in India: A District Level Analysis* // *Population and Development Review*. 1995. Dec. № 21. См. также: *Indian Development: Selected Regional Perspectives* / Ed. by J. Drèze., A. Sen. Delhi: Oxford University Press, 1996. Разумеется, может возникнуть вопрос о направлении причинности в этих взаимосвязях — например, влияет ли грамотность на статус и положение женщины в семье, или, наоборот, более высокий статус женщины побуждает семью отправлять девочек в школу. Статистически возможен и третий фактор, коррелирующий и с первым, и со вторым. Тем не менее недавние эмпирические исследования показывают, что у большинства семей — даже в социально отсталых районах Индии — проявляется заметная склонность обучать детей, включая девочек. В одном из обширных обзоров показано, что в пропорциональном отношении число родителей, полагающих «важным» отправлять девочек в школу, даже в штатах с минимальной женской грамотностью весьма внушительно: 85% в Раджастхане, 88% в Бихаре, 92% в Уттар-Прадеш и 93% в Мадхья-Прадеш. Главным препятствием к обучению девочек, по-видимому, является отсутствие подходящих школ в окрестностях, в чем и состоит основное различие между штатами с высокой грамотностью и штатами с низкой грамотностью. См.: *Team P. Public Report on Basic Education in India*. Delhi: Oxford University Press, 1999. Следовательно, общественная государственная политика должна сыграть здесь главную роль. Предпринятые в последнее время государственные инициативы оказали благотворное влияние на

грамотность, особенно в Химачал-Прадеш, а затем и в Западной Бенгалии, Мадхья-Прадеш и нескольких других штатах.

¹⁵ Перепись населения 1999 года в Индии показала, что общеиндийский уровень смертности в возрастной группе 0–4 составил: для лиц мужского пола 25,6 на тысячу и 27,5 на тысячу — для лиц женского пола. Женская смертность в этой группе была ниже мужской в Андхра-Прадеш, Ассаме, Химачал-Прадеш, Керала и Тамил-Наду, но выше во всех других крупных индийских штатах. Отставание основных показателей для женщин было особенно заметно в Бихаре, Харайяне, Мадхья-Прадеш, Пенджабе, Раджастхане и Уттар-Прадеш.

¹⁶ Guio M., Drèze J. Mortality, Fertility and Gender Bias in India (1995).

¹⁷ См.: Drèze J., Murthi M. Female Literacy and Fertility: Recent Census Evidence from India. Centre for History and Economics, King's College, Cambridge, U.K., 1999 (потапринт).

¹⁸ Ощущается явный недостаток данных о межрайонной вариативности различных форм прав собственности и их влияния, хотя эти права отличаются относительной однородностью в индийском национальном масштабе. В качестве отдельного примера наиболее впечатляет и широко обсуждается феномен клана Наиров в Керале, в котором наследство издавна переходит по материнской линии (факт скорее подтверждающий, чем опровергающий позитивное влияние наличия прав собственности у женщин на выживание детей в целом и девочек в частности).

¹⁹ На самом деле существует положительная связь между наличием женщин на рынке труда и детской смертностью в возрасте до 5 лет, но эта связь статистически несущественна.

²⁰ См. среди прочих значимых исследований: Caldwell J.C. Routes to Low Mortality in Poor Countries // Population and Development Review. 1986. № 12; Behrman J., Wolfe B.L. How Does Mother's Schooling Affect Family Health, Nutrition, Medical Care Usage and Household Sanitation? (1987).

²¹ Эти вопросы подробно обсуждались в нашей книге, написанной в соавторстве с Жаном Дрезом, «India: Economic Development and Social Opportunity» (1995).

²² Разнообразные источники данных подверглись критическому рассмотрению, и неудивительно, что отношение к различным эмпирическим исследованиям у разных авторов неодинаково. В частности, см. изложение «критических взглядов» на этот вопрос, пред-

ставленное в работе: *Critical Perspectives on Schooling and Fertility in the Developing World* / Ed. by C.H. Bledsoe, J.B. Casterline, J.A. Johnson-Kuhn, J.G. Haaga. Washington, D.C.: National Academy Press, 1999. См. также: *Greenhalgh S. Situating Fertility: Anthropology and Demographic Inquiry*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; *Barro R.J., Lee Jong-Wha. International Comparisons of Educational Attainment* (доклад, представленный на конференции «Каким образом национальная политика влияет на долгосрочный экономический рост?»). Всемирный банк, Вашингтон, 1993; Cassen R. with contributors. *Population and Development: Old Debates, New Conclusions*. Washington, D.C.: Transaction Books for Overseas Development Council, 1994.

²³ По этому и сопутствующим общим вопросам см. работы автора: 1) *Population: Delusion and Reality* // *New York Review of Books*. 1994. Sept. 22; 2) *Population Policy: Authoritarianism versus Cooperation*. Chicago: MacArthur Foundation, 1995; 3) *Fertility and Coercion* // *University of Chicago Law Review* 63 (summer 1996).

²⁴ См.: United Nations ESCAP. *Integration of Women's Concerns into Development Planning in Asia and the Pacific*. New York: United Nations, 1992, в частности, статью Рехмана Собхана (Rehman Sobhan) и ссылки к ней. Этот практический вопрос тесно связан с социальной концепцией роли женщины в обществе и, следовательно, затрагивает главную тему феминистских исследований. Широкая подборка статей (многие из которых стали классическими) содержится в сборнике: *Feminism* / Ed. by S.M. Okin, J. Mansbridge. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1994. См. также: *Mackintosh C.A. Feminism Unmodified*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987); *Johnson B. The Feminist Difference: Literature, Psychology, Race and Gender*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

²⁵ См.: *Oldenberg Ph. Sex Ratio, Son Preference and Violence in India: A Research Note* // *Economic and Political Weekly*. 1998. Dec. 5–12; *Drèze J., Khera R. Crime, Society and Gender in India: Some Clues for Homicidal Data*. Centre for Development Economics, Delhi School of Economics, 1999 (mimeограф). Объяснение этой интересной находки может основываться как на культурных, так и на экономических и социальных факторах. Хотя краткая дискуссия в этой книге базируется на социальных факторах, они очевидным образом связаны с психологическими и оценочными вопросами, поднимаемыми теми, кто рассматривает фундаментальное гендерное противоречие в сфере нравственности и поведения; среди последних особенно заметна Кэрол Гиллиган, см. ее работу: *Guilligan C. In a Different Voice*.

Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. Небезынтересно отметить тот факт, что наиболее яркий пример гуманной тюремной реформы подала одна из тюремных начальниц — Киран Беди. Ее рассказ о радикальных переменах и сопротивлении, которое они встретили, содержится в работе: Bedi K. *It's Always Possible: Transforming One of the Largest Prisons in the World*. New Delhi: Sterling, 1998. Мы не рассматриваем важный вопрос о различии альтернативных толкований природы женского лидерства в таких социальных переменах, поскольку анализ, представленный в нашей книге, не требует разрешения этого сложного вопроса.

²⁶ Олденберг (Oldenberg) придерживается первой гипотезы, но см. также: *Mitra A. Sex Ratio and Violence: Spurious Result* // *Economic and Political Weekly*. 1993. Jan. 2–9, Дрез и Кхера (Khera) придерживаются противоположного объяснения причины данного явления. См. также литературу, цитированную в их статье, включая и более ранние исследования, такие как: *Nayar B.R. Violence and Crime in India: A Quantitative Study*. Delhi: Macmillan, 1975; *Edwards S.M. Crime in India*. Jaipur: Printwell Publishers, 1988; *Perspectives in Criminology* / Ed. by S.V. Rao. Delhi: Vikas, 1988.

²⁷ Еще одним фактором стало использование групповой ответственности в обеспечении высокого уровня долговых выплат. На эту тему см.: *Yunus M. with Jolis A. Banker to the Poor: Micro-Lending and the Battle Against World Poverty*. London: Aurum Press, 1998. См. также: *Osmani L.N.Kh. Credit and Women's Relative Well-Being: A Case Study of the Grameen Bank, Bangladesh*. Ph.d. thesis. Queen's University of Belfast, 1998. См. также: *Basu K. Analytical Development Economics*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. Chap. 13, 14; *Ray D. Development Economics*. Princeton: Princeton University Press, 1998. Chap. 14.

²⁸ См.: *Lovell C.H. Breaking the Cycle of Poverty: The BRAC Strategy*. Hartford, Conn.: Kumarian Press, 1992.

²⁹ *Caldwell J.C., Barkat-e-Khuda, Caldwell B., Pieries I., Caldwell P. The Bangladesh Fertility Decline: An Interpretation* // *Population and Development Review*. 1999. № 25. См. также: *Cleland J., Phillips J.F., Amin S., Kamal G.M. The Determinants of Reproductive Change in Bangladesh: Success in a Challenging Environment*. Washington, D.C.: World Bank, 1996; *Bongaarts J. The Role of Family Planning Programms in Contemporary Fertility Transition* // *The Continuing Demographic Transition* / Ed. by G.W. Jones et al. New York: Oxford University Press, 1997.

³⁰ См.: *Agarwal B. A Field of One's Own* (1995).

См.: Moore H., Vaughan M. Cutting Down Trees: Gender, Nutrition and Agricultural Changes in the Northern Province of Zambia, 1890–1990. Portsmouth, N.h.: Heinemann, 1994.

³² Женщинам приходилось преодолевать немало трудностей на рынке труда и в экономической деятельности даже в продвину-
тых рыночных странах. См.: Bergmann B. The Economic Emergence of Women. New York: Basic Books, 1986; Blau F.D., Ferber M.A. The Economics of Women, Men and Work. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1986; Fuchs V.R. Women's Quest for Economic Equality. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988; Goldin C. Understanding the Gender Gap: An Economic History of American Women. New York: Oxford University Press, 1990. См. также подборку статей в: Ferber M.A. Women in the Labor Market. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1998.

³³ При использовании стереотипных приемов, а именно исключительно простых связей с такими переменными, как женская грамотность или занятость, существует опасность чересчур упростить проблему женской «активности» или «автономности». По этому вопросу см. интереснейшее антропологическое исследование: Alaka M. Basu Culture, the Status of Women and Demographic Behaviour. Oxford: Clarendon Press, 1992. См. также статьи, представленные в сборнике: Girls' Schooling, Women's Autonomy and Fertility Change in South Asia / Ed. by R. Jeffery, A.M. Basu. London: Sage, 1996.

³⁴ См.: Kabeer N. The Power to Choose: Bangladeshi Women and Labour Market Decisions in London and Dhaka. Institute of Development Studies. University of Sussex, 1998 (отпечатано на mimeографе).

³⁵ Изменению роли женщины (и далекоидущим последствиям этого явления) в Индии после принятия независимости посвящен сборник статей «From Independence towards Freedom» (Ed. by B. Ray, A. Basu. Delhi: Oxford University Press, 1999).

³⁶ См.: UNDP's Human Development Report 1995. New York: Oxford University Press, 1995. В этом отчете представлено международное исследование гендерных различий в социальном, политическом и предпринимательском лидерстве в дополнение к освещению проблемы гендерного неравенства относительно наиболее часто привлекаемых показателей. См. также литературу, процитированную в этом отчете.

Глава 9. Население, продовольствие и свобода

Malthus Th.R. Essays on the Principle of Population, As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculation of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers. London: J. Johnson, 1798.

Chap. 8; либо: *An Essay on the Principle of Population; A Summary View of the Principle of Population* / Ed. by A. Flew. Harmondsworth: Penguin Books, 1982. P. 123. См. также: *The Works of Thomas Robert Malthus* / Ed. by E.A. Wrigley, D. Souden. London: William Pickering, 1986, включая блестящее предисловие редакторов [рус. пер.: *Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении* // Антология экономической классики: В 2 т. М.: Эконов, 1992. Т. 2].

² См.: *Commodity Market Review 1998–1999*. Rome: Food and Agriculture Organization, 1999. P. xii. См. также анализ, представленный в этом отчете, и: «*Global Commodity Markets: A Comprehensive Review and Price Forecast*» (Washington, D.C.: World Bank, 1999). В исследовании, построенном на обширнейшем материале Института международных исследований продовольственной политики (IFPRI), прогнозируется вероятность дальнейшего снижения реальных мировых цен на продовольствие в период между 1990 и 2020 годами. Авторы предсказывают следующее падение цен: пшеница — на 15%, рис — 22%, кукуруза — 23% и на 25% все остальные зерновые. См.: *Rosengrant M. W., Agcaoili-Sombilla M., Perez N.D. Global Food Projections to 2020: Implications for Investment* // *International Food Policy Research Institute (IFPRI)*. Washinton, D.C., 1995.

³ См.: *Dyson T. Population and Food: Global Trends and Future Prospects*. London and New York: Routledge, 1996. Table 4.6.

⁴ *Dyson T. Population and Food* (1996). Table 4.5.

⁵ См. работу автора «*Poverty and Famines: An essay on Entitlement and Deprivation*» (Oxford: Clarendon Press, 1981). Chap. 6.

⁶ Обращение Генерального секретаря ООН организационной комиссии по проведению Международной конференции по населению и развитию, третий раздел, A/Conf.171/PC/5. 1994. Feb. 18. P. 30. См. также: *Vacci M.L. A Concise History of World Population*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; 1997.

⁷ Последующие аргументы основаны на работах автора по проблемам населения и, в частности, на: *Fertility and Coercion* // *University of Chicago Law Review*. 1966. Vol. 63.

⁸ См. статью автора «*Rights and Agency*» (*Philosophy and Public Affairs*, 1982, № 11), перепечатанную в: 1) *Consequentialism and Its Critics* / Ed. by S. Scheffler. Oxford: Oxford University Press, 1988; 2) *Rights as Goals* // *Equality and Discrimination: Essays on Freedom and Justice* / Ed. by S. Guest, A. Milne. Stuttgart: Franz Steiner, 1985.

⁹ См. работы автора: «*Rights and Agency*» (1982); «*Rights as Goals*» (1985); «*On Ethics and Economics*» (Oxford: Blackwell, 1987).

¹⁰ Mill J.S. On Liberty // Mill J.S. Utilitarianism, On Liberty [рус. пер.: Милль Дж. Ст. О свободе // Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995); Considerations on Representative Government: Remarks on Bentham's Philosophy. London, Dent; Rutland, Vt.: Everyman Library, 1993). P. 140.

¹¹ Автору уже приходилось говорить в другом контексте о неистребимости данного конфликта — даже минимальное признание приоритета личной свободы способно вступить в противоречие с каким-нибудь общественным принципом, основанным на минимальной пользе, т. е. с оптимальностью по Парето. По этому вопросу см. работу автора: The Impossibility of a Paretian Liberal // Journal of Political Economy. 1971. Jan./Feb. № 78, перепечатанную в книге автора: Choice, Welfare and Measurement. Oxford: Blackwell, 1982; Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982; Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1997, а также в других сборниках, например: Philosophy and Economic Theory // Ed. by F. Hahn, M. Hollis. Oxford: Oxford University Press, 1979. См. также работы автора: 1) Collective Choice and Social Welfare. San Francisco: Holden-Day, 1970; Amsterdam: North-Holland, 1979; 2) Liberty and Social Choice // Journal of Philosophy. 1983. Jan. № 80; 3) Minimal Liberty // Economica. 1992. № 57. См. также материалы симпозиума в специальном номере «Analyse and Kritik» (1996. № 18), кроме прочей многочисленной литературы по данному вопросу.

¹² Population and Poverty in the Developing World / Ed. by M.L. Bacci, G. De Santis. Oxford: Clarendon Press, 1999. См. также: Dasgupta P. An Inquiry into Well-Being and Destitution. Oxford: Clarendon Press, 1993; Cassen R. with contributors. Population and Development: Old Debates, New Conclusions. Washington, D.C.: Transaction Books for Overseas Development Council, 1994; Population, Economic Development and the Environment / Ed. by K. Lindahl-Kiessling, H. Landberg. Oxford: Oxford University Press, 1994, и другие работы.

¹³ Мальтус сам перевел эту цитату для своей книги «Essay on the Principle of Population», воспользовавшись оригинальным изданием 1795 г.: Caritat M.-J.-A.-N. de, Marquis de Condorcet. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain [рус. пер.: Кондорсе А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936]. См. более ранние издания этой работы: Oeuvres de Condorcet. Paris: Firmin Didot Frères, 1847; Stuttgart: Friedrich Fromman Verlag, 1968. Vol. 6. P. 256–257.

¹⁴ Condorcet. Sketch for a Historical Picture of the Progress of the Human Mind. London: Weidenfeld & Nicolson, 1955. P. 188–189 [рус.

пер.: Кондорсе А. Эскиз исторической картины прогресса человека. М.: Соцэкгиз, 1936].

¹⁵ *Malthus. A Summary View of the Principle of Population.* Harmondsworth: Penguin Books, 1982. P. 243. Хотя о роли разума в снижении рождаемости (в отличие от экономической необходимости) Мальтус высказывался довольно туманно, тем не менее на его счету блестящий анализ роли продовольственных рынков в детерминации потребления продовольствия различными классами и профессиональными группами. См.: *Malthus. An Investigation of the Cause of the Present High Price of Provisions.* London, 1800, и дискуссию об уроках, преподанных Мальтусом, в работе: *Sen A. Poverty and Famines* (1981). App. B; *Wrigley E.A. Corn and Crisis: Malthus on the High Price of Provisions* // *Population and Development Review.* 1999. № 25.

¹⁶ *Malthus. A Summary View of the Principle of Population* (1982). P. 243 [рус. пер.: *Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении.* СПб., 1895]. Скептицизм относительно способности семей принимать разумные решения сделал Мальтуса противником государственной помощи бедным, в том числе и Закона о бедных (см.: Там же. Гл. IX. О постепенной отмене законодательства о бедных).

¹⁷ См.: *Caldwell J.S. Theory of Fertility Decline.* New York: Academic Press, 1982; *Population and Economic Change in Developing Countries* / Ed. by R.A. Easterlin. Chicago: Chicago University Press, 1980; *Schultz T.P. Economics of Population.* New York: Addison-Wesley, 1981; *Cassen R. et al. Population and Development* (1994). См. также: *Jain A.K., Nag M. The Importance of Female Primary Education in India* // *Economic and Political Weekly.* 1986. № 21.

¹⁸ *Becker G.S. 1) The Economic Approach to Human Behaviour.* Chicago: Chicago University Press, 1976 [см. также: *Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение* // *THESIS.* 1993. Вып. 1]; 2) *A Treatise on the Family.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. См. также: *Willis R. Economic Analysis of Fertility: Micro Foundations and Aggregate Implications* // *Population, Economic Development and the Environment* / Ed. by Lindahl-Kiessling, Landberg (1994).

¹⁹ По этому вопросу см.: *Birdsall N. Government, Population and Poverty: A «Win-Win» Tale* // *Population, Economic Development and the Environment* / Ed. by Lindahl-Kiessling, Landberg (1994). Также см. статью того же автора: *Economic Approaches to Population Growth* // *The Handbook of Development Economics* / Ed. by H.B. Chenery, T.N. Srinivasan. Amsterdam: North-Holland, 1988. Vol. 1.

²⁰ Bongaarts J. The Role of Family Planning Programms in Contemporary Fertility Transition // The Continuing Demographic Transition / Ed. by G.W. Jones et al. New York: Oxford University Press, 1997; Trends in Unwanted Childbearing in the Developing World // Studies in Family Planning. 1997. Dec. № 28, и литературу, процитированную в этих работах. См. также: Rural Development and Population: Institutions and Policy / Ed. by G. McNicoll, M. Cain. New York: Oxford University Press, 1990.

²¹ World Bank. World Development Report 1998–1999. Washington, D.C.: World Bank, 1998. Table 7. P. 202. См. также: World Bank and Population Reference Bureau // Success in a Challenging Environment: Fertility Decline in Bangladesh. Washington, D.C.: World Bank, 1993.

²² См., например: Population and Economic Change in Developing Countries / Ed. by R.A. Easterlin. Chicago: Chicago University Press, 1980; Schultz T.P. Economics of Population. New York: Addison-Wesley, 1981; Caldwell J.S. Theory of Fertility Decline (1982); Birdsall N. Economic Approaches to Population Growth // The Handbook of Development Economics / Ed. by H.B. Chenery, T.N. Srinivasan. Amsterdam: North-Holland, 1988. Vol. 1; Barro R.J., Lee Jong-Wha. International Comparisons of Educational Attainment (доклад, представленный на конференции «Каким образом национальная политика влияет на долгосрочный экономический рост?»). Всемирный банк, Вашингтон, 1993; Dasgupta P. An Inquiry into Well-Being and Destitution (1993); Cassen R. with contributors. Population and Development (1994); Population Policies Reconsidered: Health, Empowerment and Rights / Ed. by G. Sen, A. Germain, L. Chen. Harvard Center for Population and Development/International Women's Health Coalition, 1994. См. также статьи Нэнси Бэрдсолл (Nancy Birdsall) и Роберта Уиллиса (Robert Willis) в работе: Population, Economic Development and the Environment / Ed. by Lindahl-Kiessling, Landberg (1994).

²³ Murthi M., Guio A.-C., Drèze J. Mortality, Fertility and Gender Bias in India: A District Level Analysis // Population and Development Review. 1995. Dec. № 21; Drèze J., Murthi M. Female Literacy and Fertility: Recent Census Evidence from India. Centre for History and Economics, King's College, Cambridge, U.K., 1999 (попайнт).

²⁴ См., в частности, весьма интересный сборник: Girls' Schooling, Women's Autonomy and Fertility Change in South Asia / Ed. by R. Jeffery, A.M. Basu. New Delhi: Sage, 1997.

²⁵ Грамотное сообщество способно произвести изменения в ценностях, которых одна грамотная семья в окружении других (неграмотных) семей не может достичь. Вопрос о выборе «единицы» для статистического анализа чрезвычайно важен, и в данном случае его стоит решать в пользу крупных групп (например, регионов или районов), а не мелких (например, семьи).

²⁶ World Bank. World Development Report 1997, World Development Report 1998–1999.

²⁷ Tyler P.E. Birth Control in China: Coercion and Evasion // New York Times. 1995. June. 25.

²⁸ На тему репродуктивной свободы и ее соотносительности с проблемой населения см.: Population Policies Reconsidered / Ed. by G. Sen, A. Germain, L. Chen (1994); см. также: Sen G., Barroso C. After Cairo: Challenges to Women's Organizations // A Commitment to the World's Women: Perspectives for Development for Beijing and Beyond / Ed. by N. Heyzer. New York: UNIFEM, 1995.

²⁹ International Herald Tribune. 1995. Feb. 15. P. 4.

³⁰ Керала, конечно, не государство, а штат внутри страны. Однако, как уже упоминалось выше, с населением в 29 миллионов человек, будь он страной, числился бы среди наиболее крупных — по крайней мере, Канаду он бы превзошел. Поэтому опытом Кералы не стоит пренебрегать.

³¹ По этим и сопутствующим общим вопросам см. статью автора: Population: Delusion and Reality // New York Review of Books. 1994. Sept. 22. См. также: Jeffery R. Politics, Women and Well-Being: How Kerala Became a «Model». Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Ramachandran V.K. Kerala's Development Achievements // Indian Development: Selected Regional Perspectives / Ed. by J. Drèze, A. Sen. Delhi: Oxford University Press, 1996.

³² В Керале уровень грамотности среди взрослых женщин 86%, что выше, чем в Китае (68%). Более того, уровень женской грамотности в Керале выше, чем в любой отдельно взятой китайской провинции. Что до продолжительности жизни, то в Китае она составляет 68 лет у мужчин и 71 год у женщин, в то время как в Керале в 1991 году продолжительность жизни составила 69 лет у мужчин и 74 года у женщин. Анализ каузальных влияний, способствовавших снижению рождаемости в Керале, см. в: Krishnan T.N. Demographic Transition in Kerala: Facts and Factors // Economic and Political Weekly. 1990. № 25.

³³ В книге: *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity* (1995) — содержатся источники этих данных, а также некоторое расширение анализа.

³⁴ В этих северных штатах в некоторой степени также наблюдается спад рождаемости, но он протекает много медленнее, чем в южных. В своей работе «Intensified Gender Bias in India: A Consequence of Fertility Decline» (Working Paper 95.02, Harvard Center for Population and Development, 1995) Моника Дас Гупта (Monica Das Gupta) и П.Н. Мари Бхат (P.N. Mari Bhat) рассмотрели другой аспект спада рождаемости, а именно тенденцию акцентировать гендерный сдвиг при выборе пола, что находит выражение в абортах по признаку пола, а также в детской смертности, вызванной отсутствием должного ухода (оба явления распространены в Китае). В Индии эти явления более характерны для северных штатов, чем для южных, и, очевидно, можно утверждать, что снижение рождаемости посредством принудительных мер делает такие явления более вероятными (как уже говорилось при сравнении ситуации в Китае и штате Керала).

³⁵ См.: *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity* (1995) и литературу, цитированную в этой работе.

³⁶ Кроме настоящей необходимости отказаться от принудительных мер, столь же важно обеспечить *качественные* и разнообразные непринудительные средства семейного планирования. Пока в Индии, даже в южных штатах, в планировании семьи существенно доминирует женская стерилизация. К примеру: при том что в южных штатах 40% женщин, состоящих в браке в настоящее время, в возрасте от 13 до 49 лет стерилизованы, лишь 14% из них пользовались *когда-либо* временным современным контрацептивным средством. Даже *информированность* о современных средствах планирования семьи, отличных от стерилизации, в Индии чрезвычайно низка. Лишь половина замужних женщин в сельских районах в возрасте от 13 до 49 лет знает, что такое презерватив или внутриматочные контрацептивы. По этому вопросу см.: *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity* (1995).

³⁷ По этому вопросу см. ссылки в книге: *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity* (1995). См. также: *Sen G., Barroso C. After Cairo: Challenges to Women's Organizations* (1995).

³⁸ *Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity* (1995). P. 168–171.

³⁹ См. демографическую и социологическую литературу, цитированную в работе: Drèze J., Sen A. India: Economic Development and Social Opportunity (1995).

⁴⁰ См. работы автора: 1) Population and Reasoned Agency: Food, Fertility and Economic Development // Population, Economic Development and the Environment / Ed. by Lindahl-Kiessling and Landberg (1994); 2) Population: Delusion and Reality // New York Review of Books. 1994. Sept. 22; 3) Fertility and Coercion (1996).

Глава 10. Культура и права человека

Kant I. Critique of Practical Reason (1788) / Translated by L. W. Beck. New York: Bobbs-Merrill, 1956 [рус. пер.: Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. I].

² Zakaria F. Culture Is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs. 1994. March/April. № 73. P. 113. См. также критику этой позиции продемократическим азиатским лидером и нынешним президентом Республики Корея Ким Дэ Чжуном (Kim Dae Jung): Is Culture Destiny? The Myth of Asia's Anti-Democratic Values — A Response to Lee Kuan Yew // Foreign Affairs. 1994. № 73.

³ Information Please Almanac 1993. Boston: Houghton Mifflin, 1993. P. 213.

⁴ См.: Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1969. P. xi. Этот диагноз оспаривал Орландо Паттерсон: Patterson O. Freedom. New York, Basic Books, 1991. Vol. 1: Freedom in the Making of Western Culture. Паттерсон аргументирует свою позицию ссылками на значимость политической свободы в западной классической философии (особенно у древних греков и римлян), но схожие элементы можно обнаружить и в азиатской классической литературе, на которую Паттерсон почти не обращает внимания. См. лекцию автора: Human Rights and Asian Values // Morgenthau Memorial Lecture. New York: Carnegie Council on Ethics and International Affairs, 1997, опубликованную в сокращенном виде в: The New Republic. 1997. July. 14&21.

⁵ См.: The Analects of Confucius / Translated by S. Leys. New York: Norton, 1997; Brooks E. B., Brooks A. T. The Original Analects: Saying of Confucius and His Successors. New York: Columbia University Press, 1998 [рус. пер.: Конфуций. Беседы и суждения // Древнекитайская философия: Собр. текстов: В 2 т. 1972. Т. I].

⁶ См. комментарии: Brooks E., Brooks A. The Original Analects (1998). А также см.: Bary W. Th. De. Asian Values and Human Rights:

A Confucian Communitarian Perspective. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

⁷ Leys S. The Analects of Confucius. 14.22. P. 70 [рус. пер.: Конфуций. Беседы и суждения. 14.22 // Древнекитайская философия: Собр. текстов: В 2 т. 1972. Т. I].

⁸ Leys S. The Analects of Confucius. 14.3. P. 66 [рус. пер.: Конфуций. Беседы и суждения. 14.3 // Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. 1972. Т. I].

⁹ Leys S. The Analects of Confucius. 13.18. P. 63 [рус. пер.: Конфуций. Беседы и суждения. 13.18 // Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. 1972. Т. I].

¹⁰ Asoka. Delhi: S.Chand, 1964. P. 170–171.

См.: Drèze J., Sen A. Hunger and Public Action. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 3–4, 123.

¹² Kautilya's Arthashastra. Mysore: Mysore Printing and Publishing House, 1967. P. 47 [рус. пер.: Ахташастра, или Наука политики. М.: Наука, 1993. С. 54].

¹³ Kangle R.P. The Kautilya Arthashastra. Bombay: University of Bombay, 1972. Part 2. Chap. 13. Section 65. P. 235–239.

¹⁴ Smith V.A. Akbar: The Great Mogul. Oxford: Clarendon Press, 1917. P. 257.

¹⁵ В этом анализе мы опираемся на статью, подготовленную для ЮНЕСКО: Culture and Development: Global Perspectives and Constructive Scepticism. UNESCO, 1997 (потапринт).

¹⁶ Автор критикует дарвиновскую концепцию развития в статье: On the Darwinian View of Progress // London Review of Books. 1992. Nov. 5. № 14; перепечатано в: Population and Development Review (1993).

¹⁷ Хотя «старая гвардия» и обижена на популярность MTV и компанию «Ketucky Fried Chicken», при всем желании нам не удастся чем утешить недовольных. Однако право оценивать и выбирать должно быть у каждого гражданина.

¹⁸ Tagore R. Letters to a Friend. London: Allen & Unwin, 1928.

¹⁹ Sen A. Our Culture, Their Culture // New Republic. 1996. April. 1.

²⁰ Eves H. An Introduction to the History of Mathematics. New York: Saunders College Publishing House, 1990. P. 237.

²¹ Mill J.S. On Liberty (1859). Harmondsworth: Penguin Books, 1974 [рус. пер.: Милль Дж.С. О свободе // Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995].

²² См. письмо Эдварда Джейна в «The New Republic» (September 8&15, 1997); ответ автора был опубликован в номере от 13 октября 1997 года.

²³ Краткое введение в эту литературную традицию содержится в: *A Sourcebook in Indian Philosophy* / Ed. by S. Radhakrishnan, C.A. Moore. Princeton: Princeton University Press, 1973. Section «The Heterodox Systems». P. 227–346.

²⁴ *The Ramayana of Valmiki*. London: Shanti sadan, 1952. P. 389 [рус. пер.: Рамаяна / Литературное изложение В.Г. Эрмана и Э.Н. Темкина. М., 1965].

²⁵ *Brihadaranyaka Upanishad* 2.4, 12 [рус. пер.: Брихадараньяка упанишада. М., 1964].

²⁶ См. также: *Patten Ch.* East and West. London: Macmillan, 1998.

²⁷ *On Human Rights: The Oxford Amnesty Lectures 1993* / Ed. by S. Shute, S. Hurley. New York: Basic Books, 1993; *Steiner H., Alston Ph.* International Human Rights in Context: Law, Politics and Morals. Oxford: Clarendon Press, 1996; *Debating Human Rights* / Ed. by P. van Ness. London: Routledge, 1999.

²⁸ *Religious Diversity and Human Rights* / I. Bloom, J.P. Martin, W.L. Proudfoot. New York: Columbia University Press, 1996.

²⁹ См.: *Nussbaum M., Sen A.* Internal Criticism and Indian «Rationalist Tradition» // *Relativism: Interpretation and Confrontation*. South Bend, Ind.: University of Notre Dame Press, 1989; *Nussbaum M.* *Cultivating Humanity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.

³⁰ *The East Asian Challenge for Human Rights* / Ed. by J.R. Bauer, D.A. Bell. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Глава 11. Общественный выбор и индивидуальное поведение

И в «Никомаховой этике», и в «Политике» Аристотель занимается выявлением таких типов логических рассуждений, которыми можно безбоязненно пользоваться.

² *Arrow K.* *Individual Values and Social Choice*. New York: Wiley, 1951; 1963.

³ См., в частности: *Hayek F.* *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago: Chicago University Press, 1967. P. 96–105, а также ссылки, приведенные в этой книге.

⁴ Эта линия рассуждений наиболее полно представлена в книгах автора: 1) *Collective Choice and Social Welfare*. San Francisco: Holden-Day, 1970; 2) *Amsterdam: North-Holland*, 1979; 3) *Choice, Welfare*

and Measurement. Oxford: Blackwell, 1982; Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982; Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997, в которых рассматриваются интерпретационные проблемы, а также существующие конструктивные возможности. См. также критический обзор литературы по этому вопросу в статье автора «Social Choice Theory», а также Arrow K., Intriligator M. Handbook of Mathematical Economics. Amsterdam: North-Holland, 1986 и ссылки к этой статье.

⁵ Эту точку зрения автор развивает в своей Нобелевской лекции: The Possibility of Social Choice // American Economic Review. 1999. № 89.

⁶ Эти связи рассматривались в обращении автора в качестве президента к Американской экономической ассоциации: Rationality and Social Choice // American Economic Review. 1995. № 85. Первым, кто обратил внимание на эту проблему, был Джеймс Бьюкенен, см.: Buchanan J. 1) Social Choice, Democracy and Free Markets // Journal of Political Economy. 1954. № 62, 2) Individual Choice in Voting and the Market // Journal of Political Economy. 1954. № 62. См. также: Sunstein C. Legal Reasoning and Political Conflict. Oxford: Clarendon Press, 1996.

⁷ С технической точки зрения, даже «максимизация» не требует полного упорядочения, поскольку частичное упорядочение позволяет выделить «максимальный» ряд альтернатив, и этот ряд получится ничуть не хуже, чем при любом доступном нам методе. Об анализе максимизации см. статью автора: Maximization and the Act of Choice // Econometrica. 1997. July. № 65.

⁸ Smith A. The Theory of Moral Sentiments (1759). Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 184 [рус. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 185].

⁹ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations (1776). Republished / Ed. by R.H. Campbell, A. S. Skinner. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 26–27 [рус. пер.: Смит. С. 28].

¹⁰ Smith A. Wealth of Nations (in the 1976 edition). P. 453–471. Об интерпретации и роли «невидимой руки» в рассуждениях Смита см.: Rothschild E. Adam Smith and the Invisible Hand // American Economic Review 84. Papers and Proceedings. 1994. May.

¹¹ Hayek F. Studies in Philosophy, Politics and Economics (1967). P. 96–105.

¹² В другом месте мы уже говорили о том, что, возможно, Альберт Хиршман более чем прав, указывая на важность тех желательных последствий, которые остаются неосознанными. См. предисловие автора к юбилейному изданию: Hirschman A. The Passions and the

Interests: Political Arguments for Capitalism before Its Triumph. Princeton: Princeton University Press, 1977; юбилейное издание 1997. См. также: *Tendler J.* Good Government in the Tropics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

¹³ См.: *Drèze J., Sen A.* India: Economic Development and Social Opportunity. Delhi: Oxford University Press, 1995.

¹⁴ *Drèze J., Sen A.* India: Economic Development and Social Opportunity (1995). Chap. 4.

¹⁵ Эти вопросы мы достаточно развернуто обсуждали в «Choice, Welfare and Measurement» (1982; 1997); «On Ethics and Economics» (Oxford: Blackwell, 1987); «Maximization and the Act of Choice» (1977).

¹⁶ Классическая характеристика конкурентного рынка, данная Кеннетом Эрроу, Жераром Дебре и Лайонелом Маккензи, позволила многое понять, несмотря на суровость структурных допущений, свойственную этому исследованию. См.: *Arrow K.J.* An Extension of the Basic Theorems of Classical Welfare Economics // Proceedings of the Second Berkeley Symposium of Mathematical Statistics / Ed. by J. Neyman. Berkeley: University of California Press, 1951; *Debreu G.* Theory of Value. New York: Wiley, 1959; *McKenzie L.* On the Existence of General Equilibrium for a Competitive Market // *Econometrica* 1959. № 27.

¹⁷ *Hirschman A.* The Passions and the Interests (1977; юбилейное издание 1997). См. также: *Brittan S.* Capitalism with a Human Face. Aldershot: Elgar, 1995.

¹⁸ Эти связи исследованы в эссе автора «Economic Wealth and Moral Sentiments» (Zurich: Bank Hoffman, 1994). См. также: *Market Capitalism and Moral Values* / Ed. by S. Brittan, A. Hamlin. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, 1995; *International Business Ethics* / Ed. by G. Enderle. South Bend, Ind.: University of Notre Dame, 1998.

¹⁹ *Marx K., Engels F.* The German Ideology (1846). Англ. пер.: New York: International Publishers, 1947 [рус. пер.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 3*]; *Tawney R.H.* Religion and the Rise of Capitalism. London: Murray, 1926; *Weber M.* The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. London: Allen & Unwin, 1930 [рус. пер.: *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272].

²⁰ Самое важное здесь то, что Бруно Фрей назвал «подлинной мотивацией»: *третье дано*. См.: *Frey B.* Tertium Datur: Pricing, Regulating and Intrinsic Motivation // *Kyklos*. 1992. № 45.

²¹ *Smith A.* History of Astronomy // *Essays on Philosophical Subjects* (1795) Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 34.

- 22 *Morishima M.* Why Has Japan «Succeeded»? Western Technology and the Japanese Ethos. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- 23 *Dore R.* Goodwill and the Spirit of Market Capitalism // *British Journal of Sociology.* 1983. № 36, Taking Japan Seriously: A Confucian Perspective on Leading Economic Issues. Stanford: Stanford University Press, 1987. См. также: *Wade R.* Governing the Market. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- 24 *Aoki M.* Information, Incentives and Bargaining in the Japanese Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- 25 *Suzumura K.* Competition, Commitment and Welfare. Oxford and New York: Clarendon Press, 1995.
- 26 *Ikegami E.* The Taming of the Samurai: Honorific Individualism and the Making of Modern Japan. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.
- 27 *Wall Street Journal.* 1989. Jan. 30. P. 1.
- 28 См. материалы конференции «Экономика и преступность», организованной итальянской парламентской комиссией по борьбе с мафией под председательством Лучано Виоланте и состоявшейся в Риме в мае 1993 года: «Economica e criminalita». Roma: Camera dei deputati, 1993. В своем докладе «О коррупции и организованной преступности» («On Corruption and Organized Crime») автор проанализировал проблемы, затронутые здесь вскользь.
- 29 См.: *Mercati illegali e Mafie* / Ed. by S. Zamagni. Bologna: Il Mulino, 1993. См. также: *The Economics of Altruism* / Ed. by S. Zamagni. Aldershot: Elgar, 1995, особенно предисловие к этому сборнику; *Hausman D., McPherson M.S.* Economic Analysis and Moral Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Economics, Values and Organization* / Ed. by A. Ben-Ner, L. Putterman. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- 30 О теоретическом анализе роли доверия см. эссе, включенные в сборник: *Trust and Agency* / Ed. by D. Gambetta. Oxford: Blackwell, 1987.
- 31 См. эссе автора «Isolation, Assurance and the Social Rate of Discount» (*Quarterly Journal of Economics.* 1967. № 81), перепечатанное в изд.: *Resources, Values and Development.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984; 1997, а также: *On Ethics and Economics.* Oxford: Blackwell, 1987.
- 32 О характере и общем значении этих взаимосвязей см.: *Hamlin A.* Ethics, Economics and the State. Brighton: Wheatsheaf Books, 1986.
- 33 *Smith A.* Wealth of Nations. Vol. 1. Book 2. Chap. 4 [рус. пер.: *Смит, А.* 258–264].

³⁴ *Bentham J. Defence of Usury. To Which Is Added a Letter to Adam Smith, Esq., L.L.D. London: Payne, 1790.*

³⁵ Это различие автор рассматривал более подробно в: *Rational Fools: A Critique of the Behavioural Foundations of Economic Theory // Philosophy and Public Affairs 6 (summer 1977)*, статья перепечатана в следующих трех изданиях: 1) *Philosophy and Economic Theory / Ed. by F. Hahn, M. Hollis. Oxford: Oxford University Press, 1979*; 2) *Sen A. Choice, Welfare and Measurement (1982)*; 3) *Beyond Self-Interest / Ed. by J. Mansbridge. Chicago: Chicago University Press, 1990*. См. также работы автора: 1) *Goals, Commitment and Identity // Journal of Law, Economics and Organization 1 (fall 1985)*; 2) *On Ethics and Economics (1987)* [рус. пер.: *Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996*].

³⁶ В интересном и оказавшем влияние экономическом подходе Гэри Беккера к поведению человека внимание уделено скорее сочувствию, нежели долгу (*Becker G. The Economic Approach to Human Behaviour. Chicago: Chicago University Press, 1976*). Максимум, к которому стремится рациональная личность, может включать заботу о других; это утверждение — значительный шаг вперед по сравнению со стандартной неоклассической уверенностью в эгоистичности индивидуумов. (Некоторое расширение поведенческого анализа содержится в более поздней работе Беккера: *Accounting for Tastes. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996*.) Но в максимизированной величине (полагает Беккер) также отражается личный интерес; а это характерная черта сочувствия, но не долга. Однако можно в рамках максимизации включить в данную теорию ценности, отличные от преследования личного интереса (путем расширения целевой функции за пределы понятия личного интереса); по этому и сопутствующим вопросам см. эссе автора «*Maximization and the Act of Choice*» (1997).

³⁷ *Smith A. The Theory of Moral Sentiments (1975). P. 191* [рус. пер.: *Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 191*].

³⁸ *Ibid.* [рус. пер.: Там же].

³⁹ *Ibid. P. 190* [рус. пер.: Там же. С. 190].

⁴⁰ *Stigler G.J. Smith's Travel on the Ship of State // Essays on Adam Smith / Ed. by A.S. Skinner, T. Wilson. Oxford: Clarendon Press, 1975.*

⁴¹ *Smith A. Wealth of Nations (1776, republished 1976). P. 26–27* [рус. пер.: *Смит. С. 28*].

⁴² *Smith A. The Theory of Moral Sentiments (1975). P. 189* [рус. пер.: *Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 190*].

⁴³ См. эссе автора: Adam Smith's Prudence // *Theory and Reality in Development* / Ed. by S. Lal, F. Stewart. London: Macmillan, 1986. Об ошибочных интерпретациях Адама Смита см.: *Rothschild E. Adam Smith and Conservative Economics* // *Economic History Review*. 1992. Feb. № 45.

⁴⁴ *Rawls J. Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. P.18–19.

⁴⁵ Примеры различных типов рациональных связей содержатся в работе: *Fudenberg D., Tirole J. Game Theory*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992; *Binmore K. Playing Fair*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994; *Weibull J. Evolutionary Game Theory*. Cambridge, Mass. MIT Press, 1995. См. также: *Becker G.S. Accounting for Tastes* (1996); *Economics, Values and Organization* / Ed. by A. Ben-Ner, L. Putterman. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

⁴⁶ Кант И. Критика практического разума; *Smith A. The Theory of Moral Sentiments* (1975) [рус. пер.: *Смит А. Теория нравственных чувств*. М.: Республика, 1997].

⁴⁷ См.: *Nagel Th. The Possibility of Altruism*. Oxford: Clarendon Press, 1970; *Rawls J. A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971; *Harsanyi J.C. Essays in Ethics, Social Behaviour and Scientific Explanation*. Dordrecht: Reidel, 1976; *Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness* // *American Journal of Sociology*. 1985. № 91; *Sen A. On Ethics and Economics* (1987); *Frank R. Passions within Reason*. New York: Norton, 1988; *Walsh V. Rationality, Allocation and Reproduction*. Oxford: Clarendon Press, 1996 и другие работы. См. также сборник статей: *Philosophy and Economic Theory* / Ed. by Hahn, Hollis (1979); *Elster J. Rational Choice*. Oxford: Blackwell, 1986; *Beyond Self-Interest* / Ed. by J. Mansbridge (1990); *The Sociology of Economic Life* / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder, Colo.: Westview Press, 1992; *The Economics of Altruism* / Ed. by S. Zamagni. (1995). О богатой традиции психологической литературы на эту тему см., в частности: *Levine S. Economics and Psychology: Lessons for Our Own day from the Early Twentieth Century* // *Journal of Economic Literature*. 1996. № 34.

⁴⁸ По этому вопросу см. книгу автора «On Ethics and Economics» (1987) [рус. пер.: *Сен А. Об этике и экономике*. М.: Наука, 1996] и предисловие к изд.: *Economics, Values and Organization* / Ed. by A. Ben-Ner, L. Putterman (1998).

⁴⁹ *Smith A. The Theory of Moral Sentiments* (1975). P. 162 [рус. пер.: *Смит А. Теория нравственных чувств*. М.: Республика, 1997. С. 162].

⁶⁰ Нас может ввести в заблуждение и «стадное поведение»; по этому вопросу см.: *Banerjee A. A Simple Model of Herd Behaviour // Quarterly Journal of Economics. 1992. № 107.*

⁶¹ *Knight F.H. Freedom and Reform: Essays in Economic and Social Philosophy. New York: Harfer and Brothers, 1974; Indianapolis: Liberty, 1982. P. 280.*

⁶² *Buchanan J. Social Choice, Democracy and Free Markets (1954). P. 120. См. также работы того же автора: Liberty, Market and the State. Brighton: Wheatsheaf Books, 1986.*

⁶³ *Kautilya's Arthashastra. Part 2. Chap. 8; The Kautilya Arthashastra. Bombay: University of Bombay, 1972. Part 2. P. 86–88 [см. также: Артхашастра, или Наука политики. М.: Наука, 1993. С. 71–73].*

⁶⁴ См.: *Alatas S.H. The Sociology of Corruption. Singapore: Times Books, 1980; а также: Klitgaard R. Controlling Corruption. Berkely: University of California Press, 1988. P. 7.* Система выплат такого типа способствует сокращению коррупции посредством «эффекта дохода»: у чиновника снижается потребность быстро разбогатеть. Но возможен еще и «эффект субституции»: чиновник будет знать, что коррумпированное поведение может привести к потере высокооплачиваемой работы, если его «поймают» (поэтому лучше не рисковать).

⁶⁵ См. *Economica e criminalita* — доклад итальянской парламентской комиссии по борьбе с мафией под председательством Лучано Виоланте.

⁶⁶ *Smith A. The Theory of Moral Sentiments (1975). P. 162 [рус. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 161–162].* Умелое использование социальных норм, обязывающих к социально ответственному поведению, становится главным подспорьем некоммерческих предприятий. Это хорошо видно на примере неправительственных организаций в Бангладеш, таких как Grameen Bank Мухамада Юнуса, ВРАС под руководством Фазла Хасана и Центр здравоохранения, созданный Зафуруллой Чаудхури. См. также анализ эффективности государственной в Латинской Америке: *Tendler J. Good Government in the Tropics (1997).*

⁶⁷ *Alatas S.H. The Sociology of Corruption (1980); Klitgaard R. Controlling Corruption (1988).*

⁶⁸ Эти разнообразные вопросы мы попытались обсудить в ряде работ, включенных в сборник «*Resources, Values and Development*» (1984; 1997).

Глава 12. Индивидуальная свобода как общественный долг

¹ Эту историю автор услышал от Исайи Берлина. Вскоре после того как эта книга была завершена, Берлин ушел от нас, и автор пользуется случаем почтить его память, с благодарностью вспоминая о помощи, оказанной философом в виде ненавязчивой критики идей автора о свободе и ее необходимости, пребывавших тогда в стадии оформления.

² На эту тему см. работы автора: 1) *The Right Not to Be Hungry // Contemporary Philosophy / Ed. by G. Floistad. The Hague, Martinus Nijhoff, 1982*; 2) *Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984 // Journal of Philosophy. 1985. № 82*; 3) *Individual Freedom as a Social Commitment // New York Review of Books. 1990. June 16*.

³ На эту тему см. работы автора: 1) *Equality of What? // Tanner Lectures on Human Values / Ed. by S. McMurrin. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Vol. 1*, перепечатанную в книге автора: *Choice, Welfare and Measurement. Oxford: Blackwell, 1982; Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982; Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997*; 2) *Well-Being, Agency and Freedom (1985)*; 3) *Justice: Means versus Freedoms // Philosophy and Public Affairs. 1990. № 19*; 4) *Inequality Reexamined. Oxford: Clarendon Press; Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992*.

⁴ Принципиальные вопросы, касающиеся характеристики и оценки свободы — включая некоторые методологические проблемы, — рассматриваются в лекциях автора «*Kenneth Arrow Lectures*», включенных в изд.: *Sen A. Freedom, Social Choice and Responsibility: Arrow Lectures and Other Essays. Oxford: Clarendon Press, 2002*.

⁵ Развитие понимается здесь как устранение «изъянов» фундаментальных свобод, мешающих достичь того, что с помощью этих свобод было бы возможно достичь. Такой общий подход не только является достаточным для определения сути развития с самых широких позиций, но и порождает ряд спорных вопросов, для разрешения которых необходимо создание категории несколько иных четких характеристик критериев оценки. На эту тему см.: *Sen A. 1) Commodities and Capabilities. Amsterdam: North-Holland, 1985*, 2) *Inequality Reexamined (1992)* и 3) *Freedom, Social Choice and Responsibility: Arrow Lectures and Other Essays (2002)*. Устранение недостатков некоторых специфических показателей было также использовано в качестве основного метода в ежегодных отчетах UNDP «Human

Development Reports», идея составления которых была предложена Махбабом уль Хаком в 1990 году. См. также весьма интересные вопросы, поставленные Иэном Хакингом в рецензии на книгу автора «Inequality Reexamined»: *Hacking I. In Pursuit of Fairness* // New York Review of Books. 1996. Sept. 19. См. также: *Tilly Ch. Durable Inequality*. Berkely: University of California Press, 1998.

⁶ См.: *Sen A.* 1) *Commodities and Capabilities* (1985); 2) *Inequality Reexamined* (1992); 3) *Capability and Well-Being* // *The Quality of Life* / Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. Oxford: Clarendon Press, 1993.

⁷ *Rawls J.* *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971 [рус. пер.: *Роулз Дж.* Теория справедливости. М.; Новосибирск, 1995]; *Harsanyi J. C.* *Essays in Ethics, Social Behaviour and Scientific Explanation*. Dordrecht: Reidel, 1976; *Dworkin R.* *What Is Equality? Part 2: Equality of Resources* // *Philosophy and Public Affairs*. 1981 № 10. См. также: *Roemer J.* *Theories of Distributive Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

⁸ Это вопрос обсуждается в работе автора: *Inequality Reexamined*. Oxford: Clarendon Press; Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992, и более подробно в: *Justice and Assertive Incompleteness*. Harvard University, 1997 (ротапринт), которое входит в Розенталевские лекции (Rosethal Lectures), прочитанные автором в школе права Нортвестернского университета (Northwestern University Law School) в сентябре 1998 г.

⁹ Подобная проблема возникает при выборе способа оценки индивидуальных преимуществ, когда наши предпочтения и приоритеты расходятся. И здесь неизбежно наличествует «проблема общественного выбора», требующая принятия удовлетворяющего всех решения (см. гл. 11).

¹⁰ См. статью автора: *Gender Inequality and Theories of Justice* // *Women, Culture and Development: A Study of Human Capabilities* / Ed. by M. Nussbaum, J. Glover. Oxford: Clarendon Press, 1995. В этом сборнике содержится ряд статей других авторов, касающихся данного вопроса.

¹¹ *Aristotle.* *The Nicomachean Ethics*. Oxford: Oxford University Press, 1980. Book 1. Section 6. P. 7 [рус. пер.: *Аристотель.* Никомахова этика // *Аристотель.* Соч. М.: Мысль, 1984. Т. 4].

¹² О значении, которым наделяли свободу основатели политической экономии, см. работу автора: *The Standard of Living* / Ed. by G. Hawthorn. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

¹³ Это относится и к «*Welth of nations*» (1776), и к «*The Theory of Moral Sentiment*» (1790).

¹⁴ Это цитата из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 3. С. 37]. См. также: Marx С. 1) The Economic and Philosophical Manuscript of 1844 (1844); 2) Critique of the Gotha Programme (1875) [рус. пер.: Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 42; Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 19].

¹⁵ Mill J.S. On Liberty (1859) Harmondsworth: Penguin Books, 1974 [рус. пер.: Милль Дж. С. О свободе // Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995]; The Subjection of Women (1869).

¹⁶ Hayek F. The Constitution of Liberty. London: Routledge; Kegan Paul, 1960. P. 35.

¹⁷ Bauer P. Economic Analysis and Policy in Underdeveloped Countries. Durham, N.C.: Duke University Press, 1957. P. 113–114. См. также: Dissent on Development. London: Weidenfeld & Nicolson, 1971.

¹⁸ Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. London: Allen & Unwin, 1955. P. 9–10, 420–421.

¹⁹ Hayek F. The Constitution of Liberty (1960). P. 31.

²⁰ Эти и сопутствующие вопросы, касающиеся «оценки свободы», обсуждаются в лекциях автора «Kenneth Arrow Lectures», включенных в изд.: Sen A. Freedom, Social Choice and Responsibility: Arrow Lectures and Other Essays (2002). В частности, вопрос о соотношении между свободой, с одной стороны, и предпочтениями и выбором — с другой.

²¹ По этому и сопутствующим вопросам см.: Barro R.J., Lee Jong-Wha. Losers and Winners in Economic Growth // Working Paper 4341. National Bureau of Economic Research (1993); Xavier Sala-i-Martin. Regional Cohesion: Evidence nad Theories of Regional Growth and Convergence // Discussion Paper 1075, CEPR, London, 1994; Barro R.J., Xavier Sala-i-Martin. Economic Growth. New York: McGraw-Hill, 1995; Barro R.J. Getting It Right: Markets and Choices in a Free Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996.

²² Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations (1776), republished / Ed. by R.H. Campbell, A.S. Skinner. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 28–29 [рус. пер.: Смит. С. 28–29].

²³ Rotschild E. Condorcet and Adam Smith on Education and Instruction // Philosophers on Education / Ed. by A.O. Rorty. London: Routledge, 1998.

24 См., например: *Earls F., Carlson M. Toward Sustainable Development for the American Family* // *Daedalus*. 1993. № 122; *Promoting Human Capability as an Alternative to Early Crime*. Harvard School of Public Health and Harvard Medical School, 1996.

25 Этот вопрос мы попытались обсудить в статье: *Development: Which Way Now* // *Economic Journal*. 1983. № 93, перепечатанной в изд.: *Resources, Values and Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984; 1997, а также в изд.: *Commodities and Capabilities* (1985).

26 Мысль о публикации ежегодных отчетов о развитии человека UNDP была в значительной степени продиктована потребностью расширить понимание развития именно в таком направлении. Отчеты публикуются с 1990 года, и наш друг Махбаб уль Хак (умерший в 1998 году) сыграл главную роль в этом начинании, чем мы, его старинные друзья, весьма гордимся.

27 *Smith A. The Theory of Moral Sentiments* (1759). Oxford: Clarendon Press, 1976. Book 4. Chap. 24. P. 188 [рус. пер.: *Смит А. Теория нравственных чувств*. М.: Республика, 1997. См. с. 180, 188–189].

Экономика развития: вклад Амартии Сена

Теория развития: основные этапы эволюции

Выход после Второй мировой войны на международную авансцену большой группы развивающихся стран сделал феномен *развития* предметом самостоятельного научного исследования. Вдохновленные опытом индустриализации в СССР, многие лидеры «третьего мира» представляли себе проблему отсталости прежде всего как технико-экономическую проблему. Они, как и российские ученые в конце 80-х годов, весьма оптимистично оценивали возможности применения современной экономической теории в качестве концептуальной основы для модернизации своих стран и считали, что для создания адекватной модели развития периферии мирового хозяйства достаточно ввести в традиционные экономические модели дополнительные предпосылки и некоторые коэффициенты.

Такой подход предполагал, что проблемы развивающихся стран аналогичны тем проблемам, которые в прошлом решали страны, ставшие ныне развитыми. Отсюда делался вывод, что для анализа рыночной среды «третьего мира» можно использовать основные положения классической и неоклассической экономической теории, а для исследования государственного сектора развивающихся стран — кейнсианские и некейнсианские модели.

Ученые-некейнсианцы исходили из того, что для модернизации стран «третьего мира» необходимо крупное вливание капитала, которое вызовет самоподдерживающийся экономический рост. Мобилизовать эти ресурсы на добровольной основе представлялось нереальным, поэтому акцент делался на принудительные сбережения, образовавшиеся в результате кредитно-денежной и налоговой политики государства. Неэффективность фискальной системы могла быть компенсирована в этом случае импортом капитала, а величина инъекции должна была быть достаточной для начала необратимого движения; иначе возникала опасность, что она целиком уйдет на обеспечение текущих потребностей, сильно возросших вследствие демографического роста «третьего мира».

Большинство сторонников теории «большого толчка» рассматривают рынок скорее как статическую, чем динамическую систему, которая в принципе сама по себе не в состоянии осуществить модернизацию и вывести экономику развивающихся стран из «порочного круга нищеты». Тем самым эти экономисты не только использовали популярную идею социалистического планирования, но и интерпретировали ее в духе концепции смешанного общества. Теория «большого толчка» возникла под влиянием «плана Маршалла», сыгравшего огромную роль в возрождении послевоенной Европы.

Эта теория импонировала не только лидерам «третьего мира» (так как считала главной причиной экономической и социальной отсталости развивающихся стран нехватку капитала), но и более широким слоям его населения (так как порождала иллюзию возможности решительной модернизации и быстрого достижения высот «общества всеобщего благоденствия»). Кроме того, поскольку осуществление программы модернизации возлагалось на государственных чиновников, с течением времени в «третьем мире» сложилась и социальная прослойка, заинтересованная в ее осуществлении, — государственно-бюрократическая буржуазия. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и цели крупных корпораций развитых стран, ищущих наиболее выгодные сферы приложения своего капитала. Все это предопределило не только высокий теоретический интерес к новой концепции, но и попытки ее практического воплощения в Азии, Африке и Латинской Америке.

В рамках кейнсианской теории «большого толчка» развитие понимается прежде всего как глубокие структурные изменения, охватывающие основные отрасли народного хозяйства. Как и в теориях самоподдерживающегося роста, на переднем плане здесь находятся технико-экономические проблемы, а отсутствие современных отраслей народного хозяйства воспринимается как главный тормоз развития. Дальнейшей конкретизацией теории «большого толчка» стала так называемая «модель с двумя дефицитами»¹.

См.: *Chenery H., Bruno M. Development Alternatives in an Open Economy: The Case of Israel // Economic Journal. 1962. Vol. 72. March; Chenery H., Straut A. Foreign Assistance and Economic Development // American Economic Review. 1966. Vol. 56. September; Chenery H., Eckstein P. Development Alternatives for Latin America // Journal of Political*

Ее цель — описать взаимосвязь развития внутреннего накопления и внешних источников финансирования. В рамках этой модели развитие — вытеснение внешних источников финансирования внутренними, замена импортных товаров отечественными и создание предпосылок для преодоления внешней финансовой зависимости. К сожалению, модель не выдержала проверку практикой: внешний долг стран «третьего мира» продолжал расти все 60-е годы, а внутренних источников так и не возникало. Модель с двумя дефицитами недооценивала внутренние ресурсы развивающихся стран, что объективно вело к завышению потребности в иностранной помощи и в конечном счете — к стремительному росту внешнего долга.

Характерное для 70-х годов разочарование в расточительных рецептах неокейнсианства не могло не отразиться на западных концепциях модернизации «третьего мира». Конкурирующее с неокейнсианцами неоклассическое направление экономики попыталось воспользоваться возникшей ситуацией и предложило новую концепцию модернизации — теорию дуалистической экономики².

Экономический рост в теориях кейнсианцев, доказывали неоклассики, представляет собой изменение лишь технико-экономических параметров, не затрагивающее весь комплекс социально-экономических предпосылок. Он рассматривается прежде всего как количественное, а не качественное явление. По мнению неоклассиков, главным условием экономического развития должна быть опора на внутренние ресурсы, а не на иностранную помощь, поэтому в реализации неоклассических идей модернизации заинтересованы и местные предприниматели, и национальные правительства. Предпринимателям выгоднее использовать дешевую рабочую силу при минимальных затратах такого редкого для развивающихся стран ресурса, как капитал, а государству нельзя при проведении политики в области занятости не считаться

Economy. 1970. Vol. 78. June-August; Ченери Х., Картер Н. Внутренние и внешние аспекты планов и процесса экономического развития // Конференция по долгосрочному планированию и прогнозированию. М., 1972 и др.

² Об истоках неоклассических теорий развития в истории политической экономии см.: Lewis A. W. The Roots of the Development Theory // Handbook of Development Economics / 3rd ed. Amsterdam, 1993. Vol. I. P. 27-37.

с последствиями наблюдаемого демографического взрыва. Как следствие, кейнсианские теории роста, в центре внимания которых находилась проблема соотношения сбережений и инвестиций, должны были уступить первенство неоклассическим теориям, анализировавшим равновесие между накоплением капитала и ростом населения. Это означало, по справедливому замечанию неоклассиков (У.А. Льюис, Дж. Фей, Г. Ранис, Д. Йоргенсон, С. Окава и др.), учет реального дуализма слаборазвитой экономики, которая делится на две неравные части — традиционный сельскохозяйственный и современный промышленный секторы.

Традиционный сектор, основанный на использовании примитивной технологии и местного опыта, характеризует слаборазвитую экономику в ее классическом варианте. Современный сектор появляется как своеобразная надстройка, модернизированный анклав внутри традиционного, отсталого общества. В современном секторе — высокие темпы научно-технического прогресса, быстрое развитие всех видов коммуникаций, тесная взаимосвязь с мировым рынком. Доход на душу населения здесь имеет тенденцию к росту. Сельскохозяйственный сектор в концепциях дуалистической экономики отождествляется с докапиталистическими формами производства, а промышленный — с капиталистическими.

Нельзя сказать, что такое обобщение лишено разумных оснований, но оно верно лишь в самом первом приближении. В действительности и промышленный, и сельскохозяйственный секторы отнюдь не однородны — и в том, и в другом сосуществуют (хотя и в разных пропорциях) капиталистические и некапиталистические формы производства. К тому же это деление не учитывает обширную и быстро растущую в слаборазвитых странах сферу услуг.

Рассмотрим теорию дуалистической экономики на примере концепции экономиста Уильяма Артура Льюиса (1915–1991). По его мнению, для модернизации экономики необходимо перераспределение ресурсов из аграрного сектора в промышленный. При этом нужно решить две основные проблемы: во-первых, накопления (т.е. мобилизацию сбережений и превращения их в инвестиции), во-вторых, занятости (т.е. изъятия рабочей силы из трудоизбыточной сферы и перемещения ее в трудонедостаточную). Поэтому модернизация у Льюиса предстает прежде всего как способ перераспределения материальных и трудовых ресурсов, как обмен между секторами: сокращение менее производительного сектора и рост более производительного.

В качестве главного регулятора здесь выступает межсекторный рынок. При избытке рабочей силы в промышленности используются преимущественно трудоинтенсивные технологии и трудоемкие виды ресурсов. Это приводит к усилению оттока рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и в конечном счете к ликвидации избытка трудовых ресурсов. В результате зарплата растет, изначально высокая норма прибыли снижается.

Развитие в рамках теории дуалистической экономики при таком подходе понимается прежде всего как преодоление дуализма между традиционной (доиндустриальной, натуральной) и современной (индустриальной, рыночной) экономикami.

Однако и эта концепция не была лишена недостатков. Идеализируя рыночный механизм, она не вполне адекватно отражает реальные процессы, происходящие в слаборазвитых странах. Прежде всего это касается роли экономических субъектов в «третьем мире». Реальный предприниматель и наемный работник далеки от идеалов научной литературы. Первый скорее гонится за спекулятивным доходом, чем за капиталистической прибылью, у него не развиты предпринимательские качества, ответственность и дисциплина. Для жителей многих развивающихся стран типичны ограниченные потребности, пассивность и низкая производственная дисциплина.

Акцент на трудоемкие методы производства также не вполне адекватен. Дело в том, что он объективно может способствовать замедлению научно-технического прогресса, сохранению и закреплению подчиненного положения развивающихся стран в международном разделении труда. Наибольшего эффекта, как показывает опыт, добиваются те страны, которые сочетают капиталоемкие и трудоемкие виды производства. В долгосрочном же плане использование трудоинтенсивных производств вызывает резкий рост занятости, увеличение совокупного фонда зарплаты и потребительского спроса. Это ведет в конечном итоге к галопирующей инфляции и обострению социальной напряженности.

Трудно согласиться и с другой мыслью Льюиса — о постоянстве реальной зарплаты вплоть до полного исчезновения скрытой безработицы. Дело в том, что перелив неквалифицированного труда из аграрного сектора в индустриальный не может автоматически превратить его в труд квалифицированный. Поэтому требуется дополнительная, и часто довольно длительная, переподготовка кадров, а она в конечном итоге вызывает рост номинальной

и реальной заработной платы. Ратуя за осуществление крупных инвестиций в народное образование, Льюис не в полной мере учитывает фактор роста цены труда.

Нельзя полностью согласиться и с льюисовской трактовкой неравенства доходов как предпосылки быстрого экономического развития. Льюис рассматривает это неравенство в качестве фактора, ускоряющего рост рыночной экономики, полагая, что предприниматели используют всю прибыль для технической рационализации производства. Он не учитывает, что неравенство доходов в развивающихся странах и без того довольно велико, но подавляющая часть прибыли нередко используется не на производительное накопление, а на так называемое «престижное потребление», что типично и для «новых русских» в современной России.

Статистические исследования не подтверждают стимулирующего влияния имущественного неравенства на экономический рост в странах «третьего мира». Глубокая поляризация доходов, возрастающая в результате предложенных Льюисом мер, может лишь усилить социальную напряженность, что чревато социальным взрывом, который скорее затормозит, чем ускорит процессы модернизации экономики.

Теория дуалистической экономики не вполне адекватно отражала и протекавшие в развивающихся странах процессы урбанизации. Темпы роста городского населения здесь заметно опережают темпы роста производственной деятельности, порождая чрезвычайно острую проблему занятости. Фактически происходит перелив трудовых ресурсов из традиционного аграрного в традиционный промышленный (ремесленный) сектор. Для всех освободившихся стран типично гигантское разбухание городской сферы услуг, которому сопутствует рост деклассированных и маргинальных слоев, а также неформальной экономической деятельности³.

Тем не менее неоклассическая концепция У.А. Льюиса означала существенный шаг вперед в формировании теории

Подробнее см.: Процессы деклассирования в странах Востока. М., 1981; Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1985; Низкие городские слои и социальная эволюция Востока. М., 1986; Город в формационном развитии Востока. М., 1990. Ч. 2–3; Социальный облик Востока. М., 1999 (гл. 15).

экономического развития. За работы по экономике развивающихся стран он — вместе с Теодором Шульцем (1902–1998) — был отмечен в 1979 году Нобелевской премией, а его идеи послужили основой для разработки различных экономико-математических моделей модернизации дуалистической экономики.

Следующий этап в осмыслении феномена развития связан с вышедшей в 1968 году трехтомной монографией Гуннара Мюрдаля (1898–1987) «Азиатская драма: Исследования бедности народов»⁴. Подзаголовок работы явно был призван противопоставить ее знаменитому «Исследованию о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Автор подчеркивает противоположность предмета исследования ученых, занимающихся проблемами «третьего мира», и классиков буржуазной политэкономии, изучавших экономику народов, первыми вставших на путь капиталистического развития: в качестве непосредственного объекта для своего анализа Мюрдаль выбрал страны Южной и Юго-Восточной Азии (Индию, Пакистан, Шри-Ланку, Бирму, Таиланд, Малайзию, Филиппины и Индонезию).

Концепция «драмы» возникла неслучайно. Она отразила как объективное развитие стран «третьего мира», так и субъективное осознание проблем, возникших перед народами развивающихся стран. Разочарование в неокейнсианских и неоклассических теориях, кризис надежд на быстрое преобразование традиционного общества, продолжающееся падение жизненного уровня привели к тому, что слаборазвитость стала восприниматься не как быстро преодолимое зло, а как драма, центральными фигурами в которой оказались «сами народы Южной Азии и, прежде всего, интеллигенция»⁵. Именно интеллигенция первой осознала глубину разрыва между западным и восточным обществами, именно ей предстояло выработать стратегию и тактику решения сложных практических проблем. Более того, для осуществления модернизации она должна была критически подойти к собственному культурному наследию, национальным традициям, в которых она была воспитана и носителем которых она являлась. Ситуация усугублялась и тем, что

⁴ Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. N.Y., 1968. Vol. I–III. Сокращенный русский перевод см.: Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.

⁵ Там же. С. 100.

с приходом к власти после освобождения она была обязана выполнить свою прогрессивную миссию в чрезвычайно сжатые сроки.

Исследование Мюрдаля начинается с резкой критики западного подхода к анализу «третьего мира». Его методологическая несостоятельность, по мнению автора, заключается в том, что этот подход пытается перенести реалии развитого общества в общество слаборазвитое. На практике это выливается в создание в странах «третьего мира» анклавной экономики — узкого сектора европеизированной промышленности, больше связанной с внешним, чем с внутренним рынком. Обеспечить капиталовложения в приоритетные отрасли оказалось гораздо проще, чем осуществить глубокие и всеобъемлющие преобразования экономики в целом. Проведение же политики индустриализации, пишет Мюрдаль, пока не дало и в ближайшем обозримом будущем вряд ли даст существенные позитивные результаты, которые коренным образом изменили бы положение широких слоев населения. Отсюда критика основных категорий теорий роста — техники как решающего фактора преодоления слаборазвитости, рынка как автоматического регулятора экономического развития, планирования как средства решения социальных задач: ведь на деле эти факторы способствуют усилению технологической зависимости, дезинтеграции экономики, росту коррупции и государственного бюрократизма.

Для преодоления отсталости, полагает Мюрдаль, странам «третьего мира» необходимо изменить систему возмещения трудовых затрат. Дело в том, что в странах Азии сохраняется прямая связь между уровнем жизни и производительностью, а «...с ростом дохода должны повыситься работоспособность и эффективность труда»⁶. Поэтому главную проблему Мюрдаль видит не в росте нормы накопления капитала, а в обеспечении населения продовольствием таким образом, чтобы стимулировать более интенсивный, более производительный труд. Проведенные до этого реформы не затрагивали коренных основ традиционного общества, а их разрушению, безусловно, способствовала бы глубокая аграрная реформа. Однако трагедия заключается в том, что сознание крестьянства развивающихся стран совершенно неподготовлено для такой реформы. Поэтому Мюрдаль выступает в поддержку любых социальных групп, которые уже сейчас способны обеспечить реальный рост

трудового вклада незанятой или слабоиспользуемой рабочей силы. При этом он прежде всего пропагандирует такие методы, применение которых не приводит к росту дефицита других факторов производства. В частности он выдвигает целую программу развития местных промыслов.

Подход Мюрдаля имел важное гуманистическое значение. По существу он разграничил понятия роста и развития. Экономический рост, который не сопровождается улучшением положения большинства населения, не рассматривался им как развитие, потому что оставлял в стороне подавляющую часть населения и осуществлялся за ее счет.

Итак, развитие, с точки зрения Гуннара Мюрдаля, — повышение степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества.

Под влиянием книги Мюрдаля эксперты ООН подготовили для развивающихся стран набор рекомендаций, призванных способствовать удовлетворению основных потребностей их населения, а сам Мюрдаль был в 1974 году удостоен Нобелевской премии за анализ взаимозависимости экономических, социальных и структурных явлений.

Дальнейший путь теории развития связан с институциональным подходом. Теоретики развития все больше внимания сосредотачивали не на инвестициях в производственные фонды, а на инвестициях в человеческий капитал, и одним из первых применительно к развивающимся странам эту проблему поставил американский экономист Теодор Шульц.

Первоочередность институциональных изменений Шульц обосновывает в своих книгах «Преобразуя традиционное сельское хозяйство» (1964), «Инвестиции в человеческий капитал: роль образования и научных исследований» (1971) и «Инвестиции в людей: экономика качества населения» (1981). Под институтами Шульц понимает разнообразные правила поведения, которые включают в себя и кредитно-денежные отношения, и организационные структуры, основанные на контрактах, кооперации и т.д., и права собственности, включая трудовое законодательство, и формы человеческого капитала, а также материально-техническую инфраструктуру⁷.

Уже в работе «Преобразуя традиционное сельское хозяйство» показана важная роль аграрной технологии, уровень которой, по мнению Шульца, прежде всего зависит от информации, находящейся в руках фермера. Ее недостаточность выступает причиной, сдерживающей рост урожайности и повышение эффективности хозяйства. В дальнейшем эта идея получает развитие в понятии «человеческий капитал». Шульц понимает эту категорию чрезвычайно широко: он относит к инвестициям в человеческий капитал не только прямые затраты на образование в средних и высших учебных заведениях, но и самообразование, повышение опыта на работе, а также капиталовложения в сферу здравоохранения, образования и науки. Именно вложения в «человеческий капитал», рост ценности человеческого труда становятся для Шульца важнейшими факторами преобразования экономики, модернизации экономических и юридических институтов. За работы по экономике развивающихся стран Шульц был удостоен в 1979 году Нобелевской премии.

Развитие в рамках институционального подхода рассматривается не просто как повышение темпов экономического роста, а как инвестиции в человеческий капитал и ликвидация бедности.

Работы институционалистов сыграли большую роль в переосмыслении не только внутренних, но и внешних факторов развития развивающихся стран. Дело в том, что институционалисты обычно рассматривают общество как открытую систему. Поэтому экономический процесс трактуется ими не как автоматически наступающее устойчивое равновесие (достигаемое посредством рынка), а как возникновение и усиление асимметричной взаимозависимости между различными факторами развития.

Институционалисты отвергают резкое вмешательство государства в экономику. Оно, с их точки зрения, базируется на неадекватных представлениях о сути экономических процессов и ведет к крупным политическим деформациям, отнюдь не всегда благоприятным для экономики. Классический либеральный подход, наоборот, исходит из глубокого анализа происходящих процессов, осмысления тенденций экономического развития и не требует резких политических изменений. Он лишь стремится создать благоприятные институциональные условия для рыночного развития, такие условия, которые способствуют раскрытию потенций и возможностей развития личности.

Таким образом, неоинституционалисты учли опыт и неоклассиков, и кейнсианцев. Они подвели своеобразный базис под их

программы. Формирование человеческого капитала (за который ратовали институционалисты) стало основой для развития конкурентных внутренних рынков (что составляло «конек» неоклассики), которые предопределяют, в свою очередь, стабильную макроэкономику (бывшую в центре внимания кейнсианства).

Вклад Амартии Сена в теорию развития

Итак, кейнсианский подход к проблемам роста оказался ограниченным потому, что акцентировал внимание лишь на вопросах эффективного использования ресурсов и технологии. Критика кейнсианцев со стороны неоклассиков наглядно показала, что преодоление отсталости не сводится только к проблемам роста, а включает в себя более широкий спектр проблем развития. Заслугой неоклассиков было стремление показать, что развитие есть одновременный процесс роста и существенных сопутствующих изменений, способствующих превращению одного качества (традиционная экономика) в другое (современная экономика). И важно подчеркнуть, что это развитие ускоряется, когда создана конкурентная среда, стимулирующая развитие внутренних рынков.

Однако неоклассикам, как и кейнсианцам, был присущ тот недостаток, что они были не способны осознать органическую неприменимость к «третьему миру» реалий развитого общества (и соответствующего понятийного аппарата) и склонны осуществлять прямую проекцию исторического опыта эволюции европейских стран на ситуацию, сложившуюся в «третьем мире».

Институционалисты пошли дальше. Их исследования показали, что развитие включает в себя не только экономическую подсистему, но и широкий спектр неэкономических переменных, включая формальные и неформальные институты, культуру и всю систему ценностей, без которой полноценное развитие невозможно.

В центре их внимания оказались не только проблемы роста душевого дохода, но и устранение абсолютного и относительного обнищания, сокращение неравенства, увеличение занятости и рост качества трудовых ресурсов и человеческого капитала в целом. Формирование человеческого капитала предполагает не только обеспечение основных потребностей (детское питание, начальное и среднее образование, медицинское обеспечение и т.д.), но и возможности дальнейшего повышения квалификации, включая высшее образование и различные формы переподготовки кадров. Таким образом, институционалисты осуществили выход за рамки

современной экономической теории — есоnomіcs. Фактически благодаря их усилиям стало очевидно, что экономическое развитие невозможно без глубоких изменений всей системы экономических институтов, социальных и политических отношений. Поэтому сама категория «экономика развития» оказалась более широким понятием, охватывающим не только вопросы традиционной экономической науки, но и широкий круг проблем, включающий социальные, институциональные и политические преобразования, необходимые для обеспечения устойчивого роста на периферии капиталистического мира и качественного улучшения условий жизни широких слоев населения стран Азии, Африки, Латинской Америки (поведение которых, заметим в скобках, не укладывается в рамки традиционной теории с ее принципами индивидуализма, рационализма, полной информированности и эффективности рынков).

Рыночная экономика предопределяет равенство возможностей, а отнюдь не равенство результатов. Она опирается на свободу выбора, однако такая свобода возможна лишь там и тогда, где и когда обеспечены элементарные условия существования и удовлетворены основные потребности личности. В условиях развивающихся стран существуют низкий уровень жизни, низкая производительность всех факторов производства, высокие темпы роста населения и подчиненное положение в системе международных экономических отношений.

У современной экономики развития есть общие предпосылки и предпосылки специфические. Общие опираются на традиции классического либерализма; специфические связаны с трактовкой роли рынка.

Все представители классического либерализма строят свои концепции на основе единого представления о природе человека, об обществе, о правительстве и т.д. Согласно этой парадигме, человек имеет собственные интересы, он сам способен отстаивать их в активной автономной деятельности, причем наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокупность индивидов; «общественные интересы» — как производные от личных; лучшим считается то общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы. Правительство, по мнению классических либералов, создается свободными людьми для защиты установленных конституцией прав, именно этой функцией государство и должно ограничиваться. Поскольку не существует объективных

методов, позволяющих за индивидов определять их предпочтения, то именно индивиды должны сами решать, что правильно и что ложно, максимизируя свою функцию полезности.

Свобода — ключевая категория либеральной доктрины — трактуется как отсутствие принуждения, как синоним автономности и независимости. Публичная власть возникает только в результате соглашения индивидов, и только индивиды могут определить разумные границы этой власти. Равенство понимается как создание равных возможностей (а не как равенство результатов); при этом акцентируется внимание на равной защите прав, установленных конституцией. Суд должен осуществлять защиту прав в соответствии с конституцией и наказывать тех, кто нарушает права других. Экономическая эффективность достигается тогда, когда ресурсы достаются тем, кто может их наилучшим образом использовать (уплатив, соответственно, наибольшую плату). Результатом является так называемая Парето-эффективность — ситуация, в которой ни один человек не может улучшить свое благосостояние, не ухудшая тем самым положение других людей. Амартия Сен является последовательным классическим либералом, конкретизирующим эти принципы применительно к экономической теории вообще и теории развития в частности.

Амартия Сен родился в университетском городе Сантиникетан в провинции Бенгалия британской Индии. Он поступил в школу в Дакке и продолжил обучение в колледже Рабиндраната Тагора в Сантиникетане. Десятилетним мальчиком стал свидетелем страшного голода, охватившего Бенгалию в 1943 году и унесшего свыше 3 миллионов человеческих жизней. В 1951–1953 годах он учился в Калькуттском университете, а с 1953 года продолжил обучение в Тринити Колледж Кембриджского Университета. Именно в это время зарождаются и укрепляются его будущие профессиональные интересы, связанные с изучением проблем социального неравенства и бедности — с одной стороны и проблем рационального выбора в демократическом обществе — с другой. Важную роль в этом сыграла вышедшая в 1951 году монография Кеннета Эрроу «Общественный выбор и индивидуальные ценности». В 50-е годы в Кембридже работали ученые разных направлений: кейнсианцы (Николас Калдор, Джоан Робинсон), их постоянные оппоненты — неоклассики (Артур Сесил Пигу, Денис Робинсон), а также критически настроенные по отношению к мейнстриму экономисты, такие как Пьеро Сраффа и Морис Дobb. Впрочем, дистанция от левокейнсианцев

до марксизма в то время была чрезвычайно мала. В 1959 году Амартия Сен защищает докторскую диссертацию и направляется на стажировку в Массачусетский технологический институт, где в 1960–1961 годах он познакомился с Полом Энтони Самуэльсоном, Робертом Солоу, Франко Модильяни и основателем кибернетики Норбертом Винером. В 1961–1962 годах он работает в Стенфордском университете, а в 1963 году возвращается в Дели.

В 1963–1971 годах он работает профессором в Делийском университете. Именно в это время выходит его первая крупная монография «Коллективный выбор и общественное благосостояние» (1970). И хотя большая часть книги написана в Индии, ее апробация прошла в Гарвардском университете, в котором Амартия Сен читал курс «Общественный выбор» вместе с Кеннетом Эрроу и Джоном Роулзом. В этой книге он уточняет и развивает «теорему невозможности» К. Эрроу.

Эрроу, как известно, доказал, что не существует такого процесса принятия решений, который одновременно удовлетворял бы пяти сформулированным им аксиомам («Общественный выбор и индивидуальные ценности», 1951). Поэтому надежды на то, что можно получить одно самое лучшее правило голосования, — беспочвенны. Решение этой проблемы возможно путем отказа от аксиомы транзитивности или смягчения постулатов независимости, полноты и универсальности.

Однако на практике достижение данной цели не требует применения аксиомы транзитивности во всей ее полноте, поэтому А. Сен доказал теорему возможности, заменив транзитивность квазитранзитивностью (или транзитивностью строгих предпочтений)⁸. Квазитранзитивность открывает возможность для навязывания обществу власти олигархии (в том случае, если существуют единоголосные для всех членов олигархии предпочтения). Преодоление цикличности означает, что каждый член олигархической группы фактически обладает правом вето. Это означает также, что переход от транзитивности к квазитранзитивности не отменяет диктаторскую власть вообще, но лишь распространяет ее на олигархическую группу⁹.

⁸ Sen A. *Collective Choice and Social Welfare*. San Francisco, 1970.

⁹ Подробнее см.: Gibbard A. Intransitive social indifference and the Arrow dilemma. 1969; Brown D.J. Aggregation of preferences // *Quarterly Journal of Economics*. 1975. Vol. 89. P. 456–469.

Требование полноты и универсальности схоже с постулатом свободы выбора: каждый индивид волен выбирать, что захочет, то есть сам определять свой порядок предпочтений. И хотя многие выступают за свободу выбора, тем не менее, следствием такого выбора может быть либо конфликт, либо заикливание и поэтому этот постулат тоже вносит свой вклад в обоснование недемократической системы принятия решений. Однако существует два способа решения данной проблемы: ограничение всего множества возможных вариантов (например, конституция защищает права собственности) или ограничение состава сообщества теми, чьи порядки предпочтений позволяют осуществить общественный выбор (например, делегирование наших полномочий членам парламента). Это означает, что до политической жизни допускаются лица с более или менее однородными предпочтениями, что резко понижает вероятность заикливания (чем более однородны предпочтения избирателей, тем менее вероятна возможность цикла)¹⁰. Теория клубов и особенности формирования политических партий также объясняют условия, при которых возможно создание более однородного сообщества¹¹. Принятие прогнозируемых коллективных решений более вероятно в сообществах, которые разделяют общие ценности, чем в произвольных группах индивидов.

В 1971 году Сен переезжает в Лондон, где работает в Лондонской школе экономики вплоть до 1977 года, а в 1977 году — в Оксфорд. 1977–1980 годах Сен — профессор экономики Оксфордского университета. В 80-е годы он активно сотрудничает с рядом международных и национальных организаций, таких как Международная организация труда, Мировой банк, Мировой институт изучения развивающихся стран и др. В 1986–1998 годах он работает в Гарвардском университете, а в 1998 году возвращается в Кембриджский университет.

В 70–90-е годы по-прежнему в центре внимания Сена остаются проблемы общественного выбора и экономики развития. Его многочисленные публикации по проблемам выбора вошли в книги

¹⁰ См.: *Plott C.R. Axiomatic social choice theory: an overview and interpretation // American Journal of Political Science. 1976. Vol. 20. P. 511–596.*

¹¹ Подробнее см.: *Нуреев Р.М. Теория общественного выбора // Вопросы экономики. 2002. № 11–12; 2003. № 1.*

«Выбор, благосостояние и метод измерения» (1982), «Ресурсы, ценности и развитие» (1984).

Публикации по проблемам развития нашли отражение в книгах «Бедность и голод» (1981), «Неравенство, рассмотренное повторно» (1992) и, наконец, «Развитие как свобода» (1998)¹². В этой последней книге ставится ряд принципиально важных вопросов.

Дело в том, что важной предпосылкой перехода к рыночной экономике является свобода выбора. Однако в вопросе о создании условий для свободного развития личности между исследователями нет единства мнений. С известной долей условности можно разделить концепцию свободы на позитивную и негативную, на свободу цели и свободу средств. Амартия Сен предлагает следующую классификацию свободы. Свободу как средство достижения целей он называет инструментальной, а свободу, значимую саму по себе, он называет истинной свободой¹³. К сторонникам первой он относит Иеремию Бентама и Милтона Фридмана, к сторонникам второй: Адама Смита, Джона Стюарта Милля, Карла Маркса, Джона Роулза, Джеймса Бьюкенена, Роберта Нозика. Однако они в свою очередь могут быть разделены с точки зрения негативной и позитивной свободы.

Уверенность в себе, самоуважение, чувство нужности людям, востребованности обществом является неотъемлемой предпосылкой для становления личности. Поэтому для генезиса рыночной экономики необходимо развитие свободы не только как средства, но и как цели, которая важна сама по себе. Важны и степени свободы, насколько она реализуется на уровне личности, на уровне общества и в глобальном масштабе (на международной арене). Мы все живем во взаимосвязанном мире, и абстракция от мирового сообщества вряд ли возможна. Очевидно, что феномен слаборазвитости необходимо исследовать не только внутри страны, но и на международном уровне.

Комплексное понимание свободы

Для Амартии Сена характерно комплексное понимание свободы. Он считает, что «свобода занимает центральное положение в процессе развития по двум причинам: 1) ценность свободы:

Более подробно с биографией и трудами А. Сена можно ознакомиться на посвященном ему сайте <http://www.amartyasen.net>.

¹³ Подробнее см.: Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996.

достижения процесса развития оцениваются в первую очередь по тому, насколько расширились и окрепли права человека в обществе; 2) эффективность свободы: уровень развития непосредственно зависит от свободной деятельности членов общества».

Поэтому он рассматривает права и свободу не только как главную цель, но и как основное средство развития. «В экономике как научной дисциплине, — пишет он в «Развитии как свободе», — появилась тенденция фокусировать внимание не на ценности человеческих свобод, а на полезности, доходе и благосостоянии. Это сужение фокуса ведет к тому, что роль рыночного механизма не получает должного признания, даже несмотря на то, что экономистов-практиков ни в коем случае нельзя обвинить в недостаточном восхвалении рынка. Проблема, однако, не в громкости похвал, а в том, что они воздаются».

Достоинством анализа А. Сена является информационный подход. Он наглядно показывает, что основные недостатки утилитаристского подхода берут свое начало в информационной базе: «1) безразличие к распределению: утилитаристские расчеты игнорируют неравенство в распределении счастья; 2) пренебрежение правами, свободами и другими категориями, не связанными с полезностью (принимать во внимание счастье достаточно разумно, — язвительно замечает он, — но это не означает, что мы согласимся быть счастливыми рабами или блаженными вассалами); 3) адаптация и изменение сознания (позиции утилитаризма в отношении индивидуального благосостояния нельзя назвать слишком устойчивыми, ибо их легко поколебать с помощью ментальных изменений и адаптивного поведения)».

Амартия Сен довольно критически относится и к роулзианской трактовке свободы. Он считает, что формулировка приоритета свободы носит у Роулза «довольно умеренный характер» и не имеет того абсолютного превосходства, без которого реализация всех других свобод становится невозможной. Для того, чтобы это доказать, он подробно анализирует проблему бедности и голода. Он наглядно показывает, что реальная бедность зависит не только от низкого дохода, но прежде всего от недостатка возможностей, поэтому его подход позволяет взглянуть на эту проблему совершенно с другой стороны.

Традиционно существуют два показателя бедности: *доля живущих за чертой бедности* и *степень нищеты* — разрыв между доходом живущих за чертой бедности и доходом, определяющим черту бедности. Однако и тот, и другой показатели не учитывают

всей сложности проблемы, поскольку сводят ее к проблеме доходов и игнорируют всю совокупность последствий, связанных с проблемой неравенства. Между тем проблема неравенства связана в первую очередь с вопросом *распределения фундаментальных свобод и возможностей*. Однако чтобы их учесть, необходим не узко экономический, а более широкий социально-экономический и даже политический подход к проблеме.

Неслучайно глава 6 в книге «Развитие как свобода» посвящена значению демократии. В ней наглядно показывается, что «острота экономических нужд скорее усиливает — а не умалет — актуальность политических свобод. Три следующих соображения призваны подтвердить исключительную роль фундаментальных политических и гражданских прав: 1) непосредственное значение таких прав и свобод в создании базовых потенциальных возможностей личности (включая участие в политической и общественной жизни); 2) их инструментальная роль, направленная на то, чтобы политики обратили должное внимание на прозвучавшие заявления и требования общественности (в том числе требования об удовлетворении экономических потребностей); 3) их конструктивную роль в концептуализации „потребностей“ (включая понимание „экономических потребностей“ в социальном контексте)».

Сен наглядно показывает, что свободная позиция в демократической стране, независимые СМИ способны вынудить любое правительство принять своевременные эффективные шаги по предотвращению голода, и наоборот: ничего подобного не происходит в странах, где отсутствуют элементарные демократические свободы.

Особое внимание Амартия Сен уделяет проблемам активности женщин. Он выделяет два различных аспекта женского движения: повышение их экономического благосостояния и развитие прав, обеспечивающих их свободную деятельность.

Книга «Развитие как свобода» стала, видимо, «последней каплей» в росте «критической массы» научного авторитета Амартии Сена. Английский профессор индийского происхождения считался претендентом на получение знаменитой Нобелевской премии по экономике по меньшей мере с начала 1990 годов. В том же 1998 году, спустя несколько месяцев после выхода из печати новой монографии А. Сена, Нобелевский комитет объявил о присуждении ему высшего для экономистов знака признания научных заслуг с формулировкой «За большой вклад в развитие экономической теории благосостояния».

Присуждение Нобелевской премии 1998 года стало симптомом нескольких очень важных тенденций в развитии современной экономической науки. Во-первых, получило признание происходящее в современной экономической науке сближение институционализма и неоклассики. В научном творчестве А. Сена очень ярко выражено сочетание неоклассических принципов научного анализа (индивидуальная свобода как главная ценность) с элементами институциональной методологии (внимание к роли политических институтов). Хотя А. Сена не причисляют к неоинституционалистам, его близость к неоклассическому направлению не может не бросаться в глаза.

Во-вторых, экономическая наука, которая в течение предшествующих трех столетий сосредотачивалась почти исключительно на проблемах развитых стран, поворачивается лицом к «третьему миру». Сдвиг научных исследований А. Сена от теории общественного выбора к экономике развития символизирует переориентацию интересов научного сообщества с проблем «золотого миллиарда» на проблемы, волнующие другие «три четверти человечества».

В-третьих, сама фигура этого английского экономиста индийского происхождения может служить символом взаимодействия западных и восточных интеллектуальных традиций. Кто-то увидит в биографии А. Сена банальный пример «утечки мозгов», но, вероятно, корректнее говорить о вливании «свежей крови» в мировое научное сообщество.

Российский читатель до сих пор имел немного возможностей ознакомиться с идеями Амартии Сена: ранее на русский язык переводилась лишь его книга «Об этике и экономике» (1987) и пара статей, посвященных экономическому анализу голода¹⁴. Мы рады, что наши читатели получили замечательную возможность ознакомиться с одним из наиболее значительных сочинений выдающегося современного экономиста.

Рустем Нуреев

Сен А. Политическая экономия голода // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М., 1992. С. 186–188; Он же. Экономическая взаимозависимость и мировая продовольственная проблема // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 2. С. 8–15 (http://www.ptpu.ru/issues/2_99/1_2_99.htm).

Указатель имен

- Абед Фазль Хасан 226
 Августин 258
 Агарваль Бина 226
 Агафон 274
 Акбар (император Индии) 263–264
 Ананд Судхир 19, 61
 Аоки Масахико 291
 Аристотель 31, 41, 91, 257, 258, 261–263, 274, 316, 327, 338, 340, 391, 400
 Арьяхата 268
 Аткинсон Энтони Б. 19, 103, 113, 115, 128, 348
 Аун Сан Су Чи 272
 Ашока (император Индии) 260–261, 263
 Багчи Амиия 19
 Базеви Джордж 329
 Бардхан Пранаб 19
 Бауер Питер 317
 Беди Киран 381
 Беккер Гэри С. 239, 240, 385, 395
 Бентам Иеремия 74, 76, 85, 146, 235, 253, 295, 333, 362, 420
 Берлин Исайя 398
 Бируни 264
 Блум Дэвид 19
 Борд Жан-Шарль де 276
 Боузрал Эстер 375
 Бруно Майкл 161, 162
 Будда Гаутама 133
 Бхаргава Алока 20
 Бьюкенен Джеймс 300, 392, 420
 Бэрдсолл Нэнси 386
 Вебер М. 289, 393
 Винер Ноберт 418
 Виоланте Лучано 394, 397
 Вулфенсон Джеймс 17, 19, 148
 Ганди Индира 174, 247, 248
 Ганди Мохайдас 319
 Гарт Герберт 82
 Гарца Катберто 353
 Гексли Т.Г. 132
 Гийо Анн-Катрин 220, 222, 223, 241–243
 Гиллиган Кэррол 381
 Гинтис 336
 Гитлер 280
 Гораций 86
 Гордон А.В. 432
 Горман Теренс 366
 Гроун Карен 19
 Гухан С. 19, 352
 Далтон Хью 103, 128
 Дас Гупта Моника 388
 Дасгупта Ашим 19
 Дворкин Роналд 337
 Дебре Джерард 138–140, 357, 359, 393
 Дезаи Мегхнад 19
 Джевонс Уильям Стэнли 76, 85
 Джейн Эдвард 391
 Джиббард 335
 Джолли Ричард 19
 Дзаманьи Стефано 293
 Диккенс Чарльз 160
 Димок Питер 19
 Дитон Эигус 19
 Добб Морис 417
 Дор Рональд 291
 Дрез Жан 19, 63, 111, 119, 126, 220, 222, 223, 241–243, 331, 332, 335, 340, 350, 369, 375, 379, 381
 Дэвидсон Дональд 335
 Евклид 104
 Ивз Говард 268
 Иглтон Терри 195
 Икегами Эйко 291
 Иси Хиромитцу 58
 Йаавардена Лал 19
 Йоргенсон Д. 408
 Калдор Николас 417
 Калецкий Михал 135, 143
 Кант Иммануил 254, 299, 389, 396
 Картер Н. 407
 Кардозо Фернандо Энрикес 330
 Каутилья 261–263, 301
 Кейс Энн 19
 Кенз Франсуа 42, 92
 Ким Дэ Чжун 389
 Кинг Грегори 42, 92
 Клазен Стефан Дж. 19, 126
 Кондорсе, маркиз де (Мари-Жан-Антуан-Николя Саритат) 27, 28, 237–239, 240, 276, 384, 385
 Конфуций 50, 258–260, 389, 390
 Корнаи Я. 356
 Коул Энсли 126
 Коузи Дж.А. 344
 Кохвезер Кайо 19
 Кумар А.К. Шива 19
 Купер Уильям 326
 Кхера 381

- Лауазые Аитуан-Лоран 42, 92
Лагранж Жозеф-Луи 42, 92
Лапин Н.И. 8, 9
Лн Кван Ю 30, 171, 172, 174, 175, 256
Либуу Ричард Нед 197
Липтон Майкл 371
Льюис У. Артур 317, 318, 408–410
Мадаво Каллисто 19
Мадхвачкарья 271
Маймонид 264
Макартуры Джон Д. и Кэтрин Т. 19
Маккензи Лайонел 393
Мальтус Томас Роберт 27, 28, 143, 229, 234, 237–239, 360, 383, 385
Мао Цзэдун 205, 206, 285
Мари Бхат П.Н. 388
Маркс Карл 25, 46, 47, 128, 134, 143, 253, 281, 289, 317, 330, 393, 400, 420
Маршалл Альфред 76, 85, 406
Маурья Чандрагупта 261
Мейдзи 58
Менгер Карл 275, 280, 281, 284, 286
Милль Джон Стюарт 76, 128, 236, 270, 317, 333, 384, 390, 400, 420
Мильтон Джон 228
Миффли Хьютон 256
Модильяни Франко 418
Мокир Джозель 197, 368, 371, 372
Монтескью 288
Моришима Мичио 291
Мукхопадхьяй Танни 19
Мундль Судипто 330
Мэрти Мамта 220–223, 241–243
Мюрдаль Гуннар 411–413
Найт Фрэнк 299
Нозик Роберт 19, 81, 83, 84, 329, 420
Нуссбаум Марта 41, 91, 327
О Града Кормак 194
Окава С. 408
Олденберг 318
Османи Сиддик Р. 19
Паксон Кристина 19
Парето Вильфредо 143, 144, 359, 384, 417
Парсад Райджендр 352
Паттерсон Орlando 389
Петти Уильям 42, 92, 317
Пигу А. С. 76, 85, 91, 333, 339, 417
Платон 258, 303
Полак Бен 19
Престон Сэмюель 68
Пролемей 104
Равалльон Мартин 61, 371
Рамачандран В.К. 46
Рамос Фидель Вальдес 178
Раис Г. 408
Рансиман У.Г. 109
Рассел Бертран 309
Раунтри Б.С. 128
Рейнуотер Ли 115
Рикардо Давид 143
Роббинс Лайонел 85, 333
Робейнс Ингрид 19
Робертсон Деннис 85
Родрик Дэни 360, 363
Роулз Джон 81, 82, 90, 91, 93, 95, 113, 158, 298, 313, 334, 337, 338, 345, 350, 366, 399, 420
Ротшильд Эмма 19
Сагден Роберт 346
Садидин 264
Сакс Джеффри Д. 19, 367
Самуэльсон Пол Э. 346, 364, 418
Сандстром Свейн 19
Сведберг П. 353
Сведрофски Анна Мари 19
Свифт Джонатан 329
Сергельдин Измаил 19
Сиджвик Генри 76
Сингх Манмохан 148
Сканлон Томас М. 19, 113
Смидинг Тимоти 115
Смит Адам 20, 24, 41–43, 52, 89, 92, 109, 113, 127, 142–147, 151, 265, 275, 280–281, 284, 288–290, 294–299, 303, 304, 317, 322, 323, 328, 329, 337, 340, 350, 358, 360–362, 384, 392, 395–397, 401, 411, 420
Собхан Рехман 380
Солоу Роберт 418
Сомавиа Хуан 330
Спенсер Эдмунд 197, 368
Сраффа Пьеро 417
Сринивазан Т.Н. 98, 348
Стиглер Джордж Дж. 297
Стиглиц Джозеф И. 19
Стритен Пол 19
Стюарт Джеймс 288
Сузумура Котаро 19, 291
Тагор Рабиндранат 267, 417
Таунсенд Питер 109
Темкин Э.Н. 391
Тоуни 289
Тремельян Чарльз Эдвард 198
Тутлак Мохаммед бин 191
Тэтчер Маргарет 161, 314
Уэйд Роберт 291
Уиллис Роберт 386
Уинтер Джей 67, 332
Уоллстоункрафт Мэри 213
Фей Дж. 408
Фишер Стэнли 19
Фогель Роберт У. 45, 46, 68, 353
Фостер Джеймс 19, 20, 344, 347, 350
Фрей Бруно 394
Франкфурт Гарри 128
Фридман Милтон 420
Фукуда-Парр Сакико 19
Хайек Фридрих 7, 135, 275, 280–282, 284, 286, 317, 319, 356
Хак Махбаб уль 19, 91, 340, 354, 399, 401

- Хакинг Иэн 399
Хаммонд Р.Дж. 332
Харсаиы Джон К. 335, 336
Хасан Фазл 398
Хикс Джон Р. 45
Хиршман Альберт О. 288, 393
Хуссейн Тарик 19
- Чаудхури Зафурулла 398
Чен Лиикольн 19
Чен Марта Альтер 19
Ченерн Х. 407
Черчилль Уинстон 198
- Шанин Т. 423
Шекспир 298
Шефлер Сзмюэль 327
Ши 260
Шоу Джордж Бернард 193
Шульц Теодор 411, 413–414
- Эджуорт Фрэнсис 76, 85
Элстер Джон 47
Энгельс Фридрих 197, 330, 393, 400
Энгерман Стэнли Л. 45, 48
Эрман В.Г. 391
Эрроу Кеннет Дж. 138–140, 274–278, 305, 327, 345, 357, 359, 364, 393, 417, 418
- Юнус Мухаммад 225
Юм Дэвид 323
Ю Йонг-иль 20, 374
Ю Чжэи Ил 19
- Яхан Селим 19
- Abadian, Sousan 344
Abdullah, Abu 371
Aberg, R. 337
Ackerman, Frank 342, 344
Adelman, Irma 339
Afshar, Haleh 378
Agarwal, Bina 376, 378, 382
Agcaoili-Sombilla, Mercedita 383
- Ahluwalia, Isher Judge 349, 383
Akerlof, George A. 366
Alamgir, Mohiuddin 370–372
Alatas, Syed Hussein 397, 398
Alesina, Alberto 374
Alkire, Sabina 342, 343
Altson, Philip 391
Amin, Sajeda 381
Amsden, Alice H. 362
Anand, Sudhir 331, 348, 352, 365
Aoki M. 394
Aristotle 327, 340, 400
Arneson, Richard 344
Arrow, Kenneth J. 327, 341, 344, 345, 357, 359, 364, 391–393
Ashton, Basil 373
Atkins, Peter J. 352
Atkinson A.B. 347, 348, 350, 351, 355, 360
- Bacci, Massimo Livj 383, 384
Balestrino, Alessandro 341–343
Banerjee, Abhijit 397
Banerjee, Nirmala 375, 377, 378
Bardhan, Pranab 339, 349, 375, 377
Barkat-e-Khuda 381
Barker, Paul 364
Barro, Robert J. 358, 368, 380, 386, 400
Barroso, Carmen 388
Bary, Theodore de 390
Basmann, R. 350
Basu, Alaka Malwade 382, 387
Basu, Aprana 378
Basu, D.K. 383
Basu, Kaushik 342, 343, 346, 351, 358, 378, 381
Bauer, Joanne R. 367, 391
Bauer, Peter 400
Becker, Gary S. 385, 395, 396
Bedi, Kiran 381
Behrman, Jere R. 376, 379
Bell, Daniel A. 387, 391
- Beneria, L. 378
Benhabib, Seyla 389
Ben-Ner, Avner 394, 396, 397
Bentham Jeremy 333, 362, 367, 395
Bergmann, Barbara 376
Berlin, Isaiah 389
Bernetti, I. 343, 346
Bernstein, T.P. 373
Besley, Timothy 365
Bhagwati, Jagdish N. 360
Bhalla, Surjit 368
Bharat-Ram, Vinay 363
Bhargava, Alok 339
Binmore, Ken 396
Birdsall, Nancy 366, 387, 385, 386
Black, Rufus 343
Blackburn, Robin 330
Blackie, C. 373
Blackorby, Charles 346, 350
Blair, Douglas 345
Blau, Francine D. 382
Blau, Judith R. 357
Blaxter, K. 342
Bledsoe, Caroline H. 380
Bloom, Irene 391
Bobak, Martin 338
Bongaarts, John 381, 386
Bonham, James 369
Borton, J. 365
Boserup, Ester 356, 375
Brannen, J. 376
Brass, Tom 330
Braun, J. von 365, 372
Brekke, Kjell Arne 334
Brittan, Samyiel 393
Brock, Dan W. 341, 342
Brooks, A. Taeko 389, 390
Brooks, E. Bruce 389, 390
Brown, D.J. 418
Brown, Murray 376
Bruno, Michael 366, 406
Buchanan, James 392, 397
Burki, S. Javed 339
Buvinic, Myra 375
- Cain, Mead 386
Caldwell, Bruce 381
Caldwell, John C. 379, 381, 385, 386

- Caldwell, Patt 381
 Campbell, R.H. 328, 360, 392, 401
 Cardoso, Fernando Henrique 330
 Carlson, Maya 401
 Carter, Ian 343
 Casini, L. 343, 346
 Cassen, Robert 385
 Cerioli, A. 343
 Chang, Ha-Joon 382
 Chelliah, Rajah J. 352
 Chen, Lincoln C. 332, 349, 355, 386, 387
 Chen, Martha Alter 375, 378
 Chenery, H.B. 367, 386, 406
 Chichilnisky, Graciela 339, 372
 Chung, Chen Yun 363
 Cleland, John 381
 Coale, Ansley 355
 Coate, Stephen 385
 Cohen, G.A. 342, 344, 350
 Cohen, Jonathan R. 343
 Coles, Jeffry L. 335
 Condorcet, marquis de (Marie-Jean-Antoine-Nicolas Caritat) 384, 385
 Confucius 389
 Connors, Margaret 339
 Cooper, John F. 367
 Cornia, Giovanni Andrea 342, 356
 Costa, D.H. 339
 Crafts, Nicholas F.R. 339, 340
 Craham C. 366
 Crocker, David 341, 342, 344
 Culyer, A.J. 336
 Dagum, C. 343
 Dalton, Hugh 347
 Daniels, Norman 335, 342
 Darity, W. Jr. 351
 Darhendorf R. 389
 Darwall, Stephen 350
 Das, Veena 330
 Das Gupta, Monica 388
 Dasgupta, Partha 342, 348, 353, 368, 386
 Datt, Gaurav 350, 365
 Davidson, Donald 335
 Deaton, Angus 347
 Debrey, Gerard 357, 393
 Delbono, Flavio 343
 Delgado, C. 373
 Deolalikar, Anil B. 367
 Desai, Meghnad 341, 370
 De Santis, Gustavo 364
 Dixit, Avinash 357
 Donaldson, David 350
 Dore, Ronald 394
 Doyal, L. 341
 Drèze, Jean 328, 331, 342, 348, 349, 352, 355, 363–365, 367–370, 372–380, 386–390, 393
 D'Souza, S. 349, 355
 Dworkin, Ronald 337, 350, 399
 Dyson, Tim 383
 Eagleton, T. 371, 372
 Earls, Felton 401
 Easterlin, Richard A. 331, 332, 385, 386
 Eatwell, John 362
 Ebert, U. 341
 Edgeworth, Francis 333
 Edwards, S.M. 381
 Eckstein, P. 406
 Eicher, C.K. 372
 Ellman, Michael 358
 Elster, Jon 335, 396
 Engels, Fridrich 393
 Engerman, Stanley L. 329, 330, 356
 Erikson, Robert 337, 341
 Eves, Howard 390
 Farmer, Paul 338
 Feiner, Susan 376
 Feiwel, G.R. 345
 Ferber, Marianne A. 378, 382
 Fernandez, R. 361
 Figueiredo, J.B. 351
 Findlay, Robert 360
 Fisher, Franklin M. 336
 Fishkin, James 369
 Fishlow, Albert 374
 Fitoussi, Jaen-Paul 351
 Fleurbaey, M. 341
 Flew, Anthony 383
 Floistad, G. 398
 Floud, R.C. 339
 Fogel, Robert W. 329, 332, 353, 356
 Folbre, Nancy 357, 376
 Folk, Brian C. 363
 Foster, James 344–346
 Foster, R. Fitzroy 372
 Frankfurt, Harry 355
 Frank, Robert 396
 Freeman, Harold P. 328
 Frey, Bruno 394
 Fuchs, Victor R. 382
 Fudenberg, Drew 396
 Furry, E. 343
 Galbraith, John Kenneth 374
 Gallagher, Kevin 342
 Gambetta, Diego 394
 Garnsey, Peter 370
 Gasper, Des 343
 Germain, Andrienne 386, 387
 Ghosh, Atish R. 373
 Giavezzi, Francesco 351
 Gibbard, Allan 335, 345, 418
 Gintis, Herb 336
 Glantz, M. 373
 Glover, Jonathan 341, 374, 376, 399
 Gluck, C. 331
 Goldin, Claudia 382
 Goldschmidt-Clermont, Luisella 356
 Goldsmith, A. 351
 Goodwin, Neva R. 342
 Gopalan, C. 353
 Gopalan, J.E. 342
 Gore, Charles 343, 351
 Gorman, M.A. 329
 Gorman, Terence (W.M.) 329, 366
 Gosling, J.C.B. 333
 Gottinger, H.W. 345
 Gough, I. 341
 Granaglia, Elena 342
 Granovetter, Mark 396
 Greenhalgh, Susan 380
 Griffin, James 334

- Griffin, Keith 339, 341, 365, 372
 Grossman, Gene M. 360
 Grown, Caren 376, 378
 Guest, S. 384
 Guhan, S. 352
 Guilligan, C. 381
 Guio, Anne-Catherine 378, 386
 Guio, M. 379
 Guitton, H. 350
 Gutman, Amy 369
 Gwin, C. 374
- Haaga, John G. 380**
 Haan, A.De 351
 Haberman, Jurgen 369
 Hacking, Ian 399
 Haddad, L. 349
 Haggard, S. 374
 Hahn, Frank 359, 384, **396**, 396
 Hamann, Javier 373
 Hamlin, Alan 369, 393, 395
 Hammond, Peter J. 335
 Hammond, R.J. 332
 Hare, R.M. 334
 Harris, B. 339, 342, 349, 377
 Harrison, G.A. 370
 Harrison, Ross 333
 Harriss (Harriss-White), Barbara 352
 Harsanyi, J.C. 333, 396, 399
 Hart, Herbert L.A. 335
 Hart, Keith 342
 Hausman, Daniel 394
 Hawthorn, Geoffrey 342, 400
 Hayek, F.A. 356, 391, 393, 400
 Heilbroner, Robert 362
 Helleiner, Gerry K. 363
 Helliwell, John 368
 Helpman, Elhanan 358
 Herrera, A.O. 339
 Herrero, Carmen 341, 345
 Heyer, Judith 373
 Heyzer, Noeleen 375, 387
 Hicks, Douglas 343
 Hicks, John R. 329
- Hicks, N. 339
 Hill, Kenneth 373
 Hirschman, Albert O. 358, 393
 Hollis, Martin 384, 395, 396
 Horney, M.J. 376
 Humphries, Jane 376
 Huq, E. 349, 355
 Hurley, Susan 391
 Hussain, Athar 369
 Hutton, John 338
 Hurton, Will 362
- Idachaba, Francis 373**
 Ikegami, Eiko 394
 Intriligator, M. 392
 Ishi, Hiromitsu 331, 386
 Islam, Nurul 372
- Jain, Anrudh K. 385
 Jain, Devaki 375, 377, 378
 Jantti, Markus 341
 Jeffery, Roger 382, 387
 Jencks, Christopher 366
 Jevons, William Stanley 333
 Johnson, Barbara 380
 Johnson-Kuhn, Jennifer A. 380
 Jolis, Alan 381
 Jolly, Richard 341
 Jomo, K.S. 383
 Jones, Gavin W. 382, 386
 Jones, Peter 344
 Jorgenson, Dale W. 347
 Joshi, Vijay 349, 363
 Jung, Kim Dae 389
- Kabeer, Naila 357, 382
 Kaldor, Nicholas 358
 Kamal, G.M. 381
 Kangle, R.P. 390
 Kanbur, Ravi 342, 349
 Khan, Azizur Rahman 371, 372
 Khan, Hajdar 344
 Khera, Reetika 380
 Kiron, David 342
 Klagen, Stephan J. 343, **355**, 375
 Kleinman, Arthur 332
- Klitgaard, Robert 397, 398
 Knaul, Felicia Marie 343
 Knight, Frank H. 397
 Kolm, S.Ch. 350
 Koopmans, Tjalling 344
 Kornai, Janos 356
 Kreps, David 344, 345
 Krueger, Anne O. 360
 Krugman, Paul R. 351, 358
 Kuiper, Edith 376
 Kumar, A.K.Sh. 343
 Kumas, Naresh 352
 Kutlner, Robert 362
 Kynch, Jocelyn 349, 354, 377
- Laden, Anthony Simon 343
 Lal, Sanjay 396
 Lamond, A. 337
 Lancaster, Kevin J. 329
 Landberg, Hans 384, 389
 Landes, David 357
 Lane, Robert E. 362
 Lane, Timothy 373
 Laslier, J.Fr. 342
 Lauterbach, Karl W. 343
 Layard, Richard 351
 Lee, Jong-Wha 368, 380, 386, 400
 Leys, Simon 389, 390
 Lenti, Renata Targetti 342
 Leonardi, R. 337
 Lewis, W.A. 400
 Lienfellner, W. 345
 Limongi, Fernando 368
 Lindahl-Kiessling, Kerstin 384-386, 389
 Lindbeck, Asser 351
 Lipton, Michael 371
 Little, J.M.D. 335, 349, 363
 Lopez, A.D. 355
 Loury, Glen 337
 Loufi, Martha 356, 375
 Loveday, A. 371
 Lovell, Catherine H. 381
 Lucas Robert E. 358
 Lundberg, Shelley 376
 Lycette, M. 375
- Mackinnon, Catherine 380
 Madison, Angus 69
 Malinvaud, Edmond 363

- Malthus, Tomas Robert 383, 385
 Mansbridge, Jane 380, 395, 396
 Manser, Marilyn 376
 Mao Tse-tung 373
 Margolis, J. 350
 Marks, J.S. 118, 328, 352
 Marmot, Michael 338
 Marshall, Alfred 333
 Martin, Paul 391
 Martinetti, E.Ch. 341–343, 346
 Mathewson, F. 357
 Matsuyama, K. 358
 Maxwell, Simon 351
 McCord, Colin 328
 McElroy, M.B. 376
 McGreevy, W.P. 375
 McGregor, Pat 372
 McGuire, James W. 367
 McKenna, M.T. 328
 McKenzie, Lionel 393
 McMurrin, S. 398
 McNicoll, Geoffrey 386
 McPherson, Michael S. 394
 Mehrotra, Santosh 341
 Mellor, J. 373
 Michaud, C.M. 328
 Milgate, M. 362
 Miliband, Ralph 373
 Milleron, Jean-Claude 363
 Milne, A. 384
 Mirrlees, James A. 350, 358
 Mitra, Arup 381
 Mitra, Asoke 377
 Modigliani, Franco 351
 Momson, J.H. 354
 Moore, C.A. 391
 Moore, Henrietta 382
 Morishima, Michio 394
 Moro, Beniamino 351
 Morris, Cynthia T. 339
 Morris, Morris D. 339
 Muellbauer, John 342, 347
 Mukhopadhyay, Swanpa 377
 Murphy, Kevin 358
 Murray, C.J.L. 328, 352
 Murthi, Mamta 378, 379, 386
 Myrdal, G. 411
 Nabli, Mustaphak 363
 Nagel, Thomas 396
 Nag, Moni 385
 Nanetti, R.Y. 337
 Nash, T. 365
 Nayar, Baldev Raj 381
 Nead, Kimberly 328, 365, 366
 Nelson, Julie A. 376
 Newman, Lucile F. 370
 Newman, P. 362
 Neyman, J. 357, 393
 Night, J. 341, 365
 Nolan, B. 341
 North, Douglass 357
 Nozick, R. 329, 334
 Nussbaum, Martha 327, 328, 340, 341, 374, 376, 391, 399
 O'Grada, Cormac 371, 372
 Okin, Susan Moller 376, 380
 Oldenberg, Philip 380, 381
 O'Neil Onora 372
 Oosterdorp, Remigius Henricus 343
 Osmani, Lutfun N. Khan 381
 Osmani, S.R. 348, 365
 Ott, Notburga 376
 Ootegem, L. Van 351
 Owen, M.W. 118, 328, 352
 Palmer, J. 349
 Paniccia, R. 356
 Pant, Pitambar 339
 Papandreou, Andreas 364
 Papanek, Hanna 375
 Pareto, Vilfredo 360
 Pasinetti, Luigi 359
 Pattanaik, Prasanta K. 342, 345, 351
 Patten, Chris 391
 Patterson, Orlando 389
 Perez, Nicostrato D. 383
 Persson, Torsten 374
 Perutz, M.F. 328
 Peterson, Paul E. 366
 Pettit, Phillip 369
 Phelps, Edmund S. 350, 351
 Phillips, James F. 381
 Phillips, Steven 373
 Phongpaichit, Pasuk 363
 Piazza, Alan 373
 Pieries, Indrani 381
 Pigou, A.C. 339
 Platteau, Jean-Philippe 373
 Pleskovi, B. 363
 Plott, Charles 345, 419
 Pollak, Robert 376, 377
 Peston, Samuel H. 68, 69, 332
 Praag, B.M.S. Von 335
 Proudfoot, Wayne L. 391
 Przeworski, Adam 368
 Puppe, Clemens 345
 Putnam, Robert 337
 Putterman, Louis 394, 396, 397
 Qizilbash, Mozzafar 342, 343
 Radhakrishnan, S. 391
 Radin, Margaret Jane 356
 Rainwater, Lee 351
 Raju, Saraswati 352
 Ramachandran, V.K. 330, 387
 Ramos, Fidel Valdez 368
 Rao, S. Venugopal 381
 Ravallion, Martin 331, 365, 370, 371
 Rawls, John 334, 335, 337, 340, 345, 350, 366, 396, 399
 Ray, Bharati 382
 Ray, Debraj 342, 348, 359, 360, 381
 Razavi, S. 343
 Rehg, William 369
 Rhodes, G. 350
 Riskin, Carl 370, 373
 Robbins, Lionel 333, 335
 Roberts, Andrew 372
 Roberts, K.W.S. 336
 Rodgers, Gerry 351
 Rodrik, Dani 361, 374
 Roemer, John 335, 399
 Rogoff, K. 360
 Romer, Paul M. 358
 Rorty, Amelie O. 401
 Rosanvallon, R. 351
 Rosengrant, Mark W. 383
 Rosenstein-Rodan, Paul 358
 Rosenzweig, Mark R. 375

- Rothschild, Emma 360, 361, 392, 396, 401
 Ruger, Jennifer Prah 344
 Runciman, W.G. 337, 349
 Ruzicka, L.T. 355
- Sabot, Richard H. 366, 367
 Sachs, Jeffrey D. 383, 367
 Sagoff, Mark 334
 Sainath, P. 372
 Sala-I-Martin, Xavier 358, 400
 Samuelson, Raul A. 346, 364
 Sap, Jolande 376
 Savithri, R. 377
 Scally, Robert James 371, 372
 Scanlon, N. 350
 Scanlon, T.M. 350
 Scheffler, Samuel 327, 335, 383
 Schleifer, A. 358
 Schokkaert, Eric 351
 Schram, Stuart R. 373
 Schultz-Ghattas, Marianne 373
 Schultz, T. Paul 375, 385, 386, 413
 Scrimshaw, Nevin 342, 353
 Sen, Amartia 189, 327, 328, 331, 332, 335–337, 339–350, 352, 354–356, 359–361, 363–365, 367–378, 385, 387–391, 393, 395, 396, 399, 418
 Sen, Gita 375, 376, 378, 386–388
 Sengupta, Arjun 363
 Shelley, M.W. 344
 Shell, Karl 336
 Shoen, R. 68
 Shoham, J. 365
 Shorrocks, A.F. 341
 Shute, Stephen 391
 Sidgwick, Henry 339
 Siebert, Horst 356
 Simatupang, Batara 363
 Simmons, Janie 339
 Sissons, R. 363
 Skinner, A.S. 328, 360, 392, 396
 Skinner, Quentin 350
 Skocpol, Theda 366
 Smart, J.J.C. 334
 Smeeding, Timothy 349, 351
 Smith, A. 328, 329, 337, 340, 350, 360–362, 364, 392, 394–397, 401
 Smith, George Davey 338
 Smith, James 338, 348
 Smith, Vincent A. 390
 Snower, Dennis J. 351
 Sobhan, Rehman 380
 Sobhan, Salma 377
 Solow, Robert 351, 358, 359
 Souden, David 383
 Speigel, H.W. 382
 Srinivasan, T.N. 342, 346, 387, 386
 Starrett, D.A. 350
 Steckel, R.H. 339
 Steiner, Henry 391
 Stern, Nicholas 350, 357
 Stewart, Frances 339, 396
 Stigler, G.J. 396
 Stiglitz, J.E. 350, 357, 362, 363
 Strassman, Diana 377
 Straut, A. 406
 Strober, Myra 377
 Subramanian, S. 352
 Sudarshan, R. 352
 Sugden, Robert 344–346
 Sunstein, Cass 382, 369, 392
 Suppes, Patrick 345
 Suzumura, Kotaro 345, 351, 363, 394
 Svedberg, Peter 353, 373
 Swaminathan, M.S. 373
 Swedberg, Richard 396
- Tabellini, Guido 374
 Tagore, Rabindranath 390
 Tanzi, Vito 331
 Tateishi, Mayuri 363
 Tawney, Richard Henry 393
 Taylor, C.E. 342
 Taylor, Lance 362
 Team, P. 378
 Teklu, Tesfaye 365
 Tendler, Judith 364, 393, 398
 Teutsch, S.M. 118, 328, 352
 Thirwall, A.P. 339
 Thompson, Dennis 369
 Tilly, Charles 399
 Tinker, Irene 337, 356, 357, 374, 377, 378
 Tirole, Jean 396
 Titmuss, R.M. 332
 Torrey, B. 349
 Townsend, J. 354
 Townsend, Janet G. 352
 Tounsend, Peter 337, 349, 360
 Toye, John 372
 Tsikata, Tsidi 373
 Tyler, Patrick E. 387
 Tzannatos, Zafiris 376
- UJ Haq, M. 339, 340
 ul-Haque, Ifran 363
 Urdaneta-Ferran, L. 357
- van der Linden, Marcel 330
 van der Walle, Dominique 328, 385, 366
 Van Ness, Peter 391
 Vaughan, Megan 377, 382
 Veum, J.R. 351
 Vishny, R. 358
- Waal, A. de 365, 371
 Wade, Robert 362, 394
 Wade, S. 374
 Wagstaff, Adam 338
 Waldron, I. 355
 Wallace, P.A. 337
 Walsh, Vivian 396
 Wangwe, Sam 373
 Ware, Norma C. 332
 Warner, Andrew 363
 Washington, D.C. 380
 Waterlow, J.C. 342
 Watson, E. 354
 Webb, Patricia 372
 Webb, Patrick 365
 Weber, Max 393
 Wedderburn, Dorothy 349, 360
 Weibull, Jörgen 396
 Wellisz, Stan 360
 Whelan, C.T. 341
 Wilkinson, Richard G. 332, 338

Williams, Alan 338	Wolfe, B.L. 376, 379	Young, Allyn 358
Williams, Bernard 334, 342, 350	Wolfenson, James D. 363, 373	Yunus, Muhammad 381
Williamson, D.F. 118, 328, 352	Woodham-Smith, Cecil 368, 372	Zakaria, Fareed 389
Willis, Robert 385, 366	Wrigley, E.A. 383, 385	Zamagni, Stefano 341, 394, 396
Wilson, G. 376		Zani, S. 343
Wilson, T. 396	Xu, Y. 345	Zeitz, Robin 373
Wilson, William J. 366		Zelizer, Vivian 377
Winter, Jay M. 332	You, J.-I. 362, 363, 374	Zimmerman, Klaus 351

Амартия Сен
Развитие к вк свободе

Дизайн серии	Анатолий Гусев
Корректор	Елена Яценко
Компьютерная верстка	Тамара Донскова
Производство	Семен Дымант

Новое издательство
1030009, Москва, Брюсов переулок 8/10, строение 2
Телефон / факс: (095) 229 6493
e-mail: info@novizdat.ru

Подписано в печать 17.02.2004. Формат 84х108^{1/32}.
Гарнитуры Minion, Helios. Объем 22,68 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1600 экз.
Заказ № 784

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ЦИИИ Минпромнауки России и РАН
103905, Москва, улица Тверская 11
телефон 229 4740

библиотека фонда либеральная миссия

Фридрих Август фон Хайек	Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблениях разумом
Амартия Сен	Развитие как свобода
Евгений Ясин	Новая эпоха — старые тревоги
Хорст Зиберт	Эффект кобры
	Российский либерализм: идеи и люди
	Западный либерализм: идеи и люди
	История России: конец или новое начало?